Д-11293

БИБЛИОТЕКА
Университет Истфак
978
XXXV, 1, 1.
ПРОВЕРЬ. 1950

Записки по древней русской исторіи

составленныя по лекціямъ, читаннымъ проф. Е. Е. Замысловскимъ.

Курсъ 18 81/82 ак. г.

Д11293

Милостивые Государи! Русская исторія складывалась и развивалась подъ вліяніемъ общественнаго развитія русскаго народа и подъ значительнымъ вліяніемъ развитія Западно-Европейской жизни, успѣхи которой много вліяли на русскую историческую жизнь. Поэтому необходимо слѣдить за связью въ развитіи Западно-Европейской и русской исторической жизни, для чего нужно имѣть въ виду при занятіяхъ русской исторіей критическіе пріемы и взгляды, выработанные западно-европейскою наукою.

Предметъ исторической науки составляетъ творческая дѣятельность человѣка во всѣхъ ея многообразныхъ проявленіяхъ. Такое понятіе объ исторической наукѣ установилось не вдругъ, но слагалось мало по малу. Было время, когда историческая наука считала своимъ предметомъ только государственную, политическую жизнь. А затѣмъ уже она обратилась къ изученію народнаго быта, нравовъ, обычаевъ, вещественныхъ памятниковъ, искусства и наукъ, и такимъ образомъ предметъ исторіи расширился. Творческая дѣятельность человѣка отличается однимъ существеннымъ признакомъ: она постоянно стремится къ усовершенствованію. Движеніе въ природѣ постоянно повторяется; движеніе же въ сферѣ человѣческихъ отношеній отличается непрерывностью и измѣняемостью. Однако не всѣ народы обнаруживаютъ способность къ такому непрерывному прогрессу. Поэтому въ исторической наукѣ допущено раздѣленіе всѣхъ народовъ на историческіе и неисторическіе. Къ неисторическимъ народамъ причисляются ведущіе стадный образъ жизни или остановившіеся на одной ступени своего развитія, къ историческимъ же идущіе путемъ непрерывнаго прогрессивнаго движенія. Исторія, конечно, должна заниматься народностями, проявившими свою творческую силу, но чѣмъ болѣе развивается человѣчество, тѣмъ болѣе расширяется область историческихъ событій, тѣмъ труднѣе установить группировку народовъ на исто-

Проверка
38112
Проверено 2007

рическіе и не историческіе, тѣмъ болѣе, что неистори-ческіе народы постепенно переходятъ на поприще исторической жизни. Мы видимъ, что народности Азіи, Балканскаго полуострова, Италіи и далѣе всѣхъ береговъ Средиземнаго моря исподволь изъ неисторическихъ становятся историческими. Наконецъ историческая жизнь, область которой сначала была очень незначительна, но потомъ благодаря великимъ событіямъ расширилась, въ настоящее время охватываетъ весь земной шаръ. Такъ въ виду всего этого дѣлить народы на историческіе и неисторическіе крайне трудно и даже пожалуй невозможно.

При изученіи исторіи главнымъ образомъ обращается вниманіе на связь явленій, на ученіе причинъ и слѣдствій важныхъ историческихъ событій. Имѣя предметомъ своего изученія хоть-бы жизнь цѣлаго міра историческая наука должна разрабатывать массу историческаго матеріала, массу фактовъ, а чтобы на основаніи этой массы фактовъ дѣлать по возможности безошибочные выводы, она должна относиться къ разрабатываемому матеріалу, къ фактамъ критически. При этомъ нужно замѣтить, что все вниманіе не можетъ быть обращено исключительно на главныя событія и факты, а и на мелкія факты и подробности, потому что они очень часто имѣютъ весьма важное значеніе къ ученію смысла историческихъ событій.

Такимъ образомъ источники исторіи чрезвычайно обширны; историческая критика дѣлитъ ихъ на нѣсколько группъ: на словесные, вещественные и письменные. Словесными источниками называется все то, что создаетъ народъ въ пѣсняхъ, пословицахъ, поговоркахъ, сказкахъ и пр; къ вещественнымъ относятся могильные курганы, домашняя и церковная утварь, одежды, сосуды и т.п.; къ письменнымъ же памятникамъ принадлежатъ: хроники, лѣтописи, сказанія, мемуары и пр. Всѣ свѣдѣнія, почерпнутыя изъ этихъ источниковъ, историческая наука подвергаетъ критикѣ, которая составляетъ основу всякаго историческаго изученія. Къ каждой изъ вышеупомянутыхъ группъ историческая критика прилагается извѣстнымъ образомъ.

Принимая во вниманіе какой нибудь фактъ, какое

нибудь событие необходимо провѣрить его истинность, нужно доказать степень его достовѣрности, сличить его съ другими подобными источниками. Всѣ эти задачи извѣстный германскій ученый Шлёцеръ относитъ ко степени низшей критики (дѣля историческую критику на двѣ ступени: низшую и высшую), дѣло же высшей критики вникнуть во внутренній смыслъ событій, разсмотрѣть условія, при которыхъ возникли извѣстныя событія, и опредѣлить, соотвѣтствовали-ли эти условія возникновенію данныхъ событій или не соотвѣтствовали и такимъ образомъ рѣшить вопросъ о степени достовѣрности изучаемыхъ явленій. Благодаря этой критикѣ историческая наука приближается все больше и больше ко степени науки положительной.

Провѣривъ источники изъ которыхъ почерпнутъ фактъ, доказавъ его достовѣрность, историкъ обязанъ подвергнуть его анализу, указать его составные элементы и показать, на сколько общія начала участвуютъ въ томъ или другомъ явленіи. Для изученія явленій историческихъ необходимы также способы индуктивный и дедуктивный. Сравнительный методъ изученія фактовъ много помогъ развитію историческихъ наукъ. Таковы пути и средства, которыми историческая наука достигаетъ двухъ главныхъ задачъ своихъ: возсоздать картину прошлаго и объяснить его.

При изученіи какого-нибудь факта или событія необходимо обращать вниманіе на взаимодѣйствіе между изучаемыхъ фактовъ, личностью и народностью, такъ какъ главными органами историческаго движенія являются личность и народность. Было время, когда личности придавали очень мало значенія, именно въ XVI в. мы замѣчаемъ полнѣйшее подавленіе личности авторитетомъ католической религіи; даже въ Греціи во время ея научнаго процвѣтанія личность находилась подъ гнетомъ авторитетности боговъ. Но когда начало падать значеніе католичества, тогда стало проявляться стремленіе личности къ освобожденію отъ этого ига. Выразителемъ этого стремленія является знаменитый ученый Макіавелли. Въ это время возникла такъ называемая гуманистическая точка зрѣнія на личность. Но и тутъ въ XVII и также въ XVIII вѣкѣ замѣчается односторонность въ

воззрѣнiяхъ на личность. Въ ближайшее къ намъ время широкiя воззрѣнiя на личность слагались подъ влiянiемъ философiи Конта и личности давали мало значенiя. Такимъ образомъ проследивъ развитiе взглядовъ на личность можно намѣтить время, когда личности приписывали громадное значенiе, а общество же не никакого на событiя никакого влiянiя, и затѣмъ время, когда наоборотъ личность не имѣла никакого значенiя, а все приписывалось обществу. Но какъ то, такъ и другое невѣрно, потому что историческая наука имѣетъ много фактовъ, противорѣчащихъ этимъ воззрѣнiямъ и подтверждающихъ, что и общество и личность имѣютъ важное значенiе в историческихъ событiяхъ. Вообще при поднятiи исторической науки на высшую ступень измѣняются также и принципiальныя понятiя о личности.

Рѣшенiе вопроса о личности, вопроса о свободной волѣ имѣетъ чрезвычайно важное значенiе, съ разрѣшенiемъ его многiя историческiя явленiя, многiя факты исторической жизни станутъ для насъ вполнѣ понятными. Этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ философiей, соцiологiей и психологiей. Важное значенiе личности доказывается трудами знаменитаго англiйскаго ученаго Карлейля.

Оцѣнивая и взвѣшивая факты необходимо имѣть въ виду влiянiе, какое они оказываютъ на личность и общество и затѣмъ какое влiянiе на событiя имѣютъ въ свою очередь личность и общество, чтобы при оцѣнкѣ фактовъ не впасть въ односторонность. Историки, имѣвшiе въ виду только свободу личности и вмѣстѣ съ тѣмъ обращавшiе исключительное вниманiе на общее благо судили не вѣрно. Примѣромъ можетъ служить исторiя Спарты, гдѣ общее благо, общественный интересъ стояли выше всего, а между тѣмъ личность находилась въ крайне угнетенномъ положенiи, не имѣя никакого простору для своихъ дѣйствiй. Вѣрность вывода, что при оцѣнкѣ событiй нужно имѣть в виду ихъ влiянiе на личность и общество подтверждается историческими трудами Гизо, который проводитъ тоже положенiе: необходимо опредѣлять влiянiе событiй на личность и на общество.

Присматриваясь къ разнымъ историческимъ эпохамъ

можно очень легко впасть въ заблужденіе при ихъ оцѣнкахъ, если увлечься ихъ внѣшней картиной, вызывающей сочувствіе на первый взглядъ. Какъ на примѣръ подобной эпохи можно указать на правленіе императора Августа. При немъ литература римская достигла чуть ли не своего апогея; государственная жизнь была сильно развита, а между тѣмъ жизнь этого времени, привлекательная съ внѣшней стороны, въ сущности была крайне несостоятельна, и эта эпоха представляла собою предшественницу упадка Римскаго величія.

Дабы избѣгнуть подобной ошибки, нужно при отыскиваніи связи между событіями, при оцѣнкѣ ихъ обращать вниманіе, удовлетворяютъ ли данныя событія народнымъ интересамъ или, что тоже, интересамъ народности, потому что значеніе народныхъ интересовъ и вообще народности имѣетъ въ исторической жизни чрезвычайно важное значеніе. И потому историческая наука, чтобы стоять на твердой народной почвѣ, должна всегда имѣть въ виду идею народныхъ интересовъ. Народность и личность это органы прогрессивнаго движенія. Какъ личность составляетъ элементъ народности, такъ и народность можетъ быть названа элементомъ всего человѣчества. Какъ взгляды на личность находились въ связи съ главными эпохами исторіи человѣчества, точно также взгляды на народность были въ связи съ событіями историческими. Въ древнія времена греческая народность, при первыхъ и великихъ ея мыслителяхъ, считала себя носительницей цивилизаціи, всѣ же остальныя народности были извѣстны у ней подъ именемъ варваровъ. Это понятіе отъ Грековъ перешло къ Римлянамъ. Но вотъ наступаетъ эпоха появленія христіанства и взгляды на народность съ этого времени начинаютъ постепенно измѣняться; съ этого времени понятія, что народности всѣ равны, что всѣ — братья, начинаютъ постепенно развиваться. До тѣхъ поръ, пока народность доказала вполнѣ свое значеніе, она должна была пережить почти тѣже фазы развитія, что и личность. Когда въ Европѣ господствовало начало централизаціи, абсолютизма, тогда конечно не могло развиться правильное понятіе о народности. Изъ то

время правители считали себя и были убѣждены въ томъ, что они призваны руководить народными массами, которой будто бы суждено коснѣть въ невѣжествѣ и которую вызвать изъ этого невѣжества должно государство. Это были идеалы XVIII в., и даже Петръ Великій не былъ свободенъ отъ него. „Народъ - это дѣти!" его слова. Такой взглядъ продолжалъ существовать еще и въ XIX вѣкѣ. Но вотъ наступаетъ эпоха Вѣнскаго конгресса, послѣ котораго народности заявляютъ о себѣ, начинаютъ стремиться къ своей независимости, къ выработкѣ условій въ ея интересахъ, стремиться къ полнѣйшей самостоятельности. Этимъ стремленіемъ была вызвана новая идея о силѣ и значеніи народности.

Блестящее и чрезвычайно важное знаніе - это ясное пониманіе значенія народности. Со времени распространенія идеи народности историческая наука начала смотрѣть на прошлое такъ сказать вооруженнымъ взглядомъ, съ этого времени она всесторонне начинаетъ разбирать факты. Что прежде съ общекультурной точки зрѣнія не улавливалось, съ народной точки зрѣнія пріобрѣло большую важность. Тутъ только начинается сердечное отношеніе къ наукѣ, къ научнымъ изысканіямъ, и не смотря на нѣкоторое пристрастіе, которое проявляется при подобномъ отношеніи къ наукѣ, оно все же имѣетъ свою хорошую сторону. Это движеніе быстро распространилось какъ во Франціи, Германіи и Англіи, такъ и у насъ.

Но выдвигая впередъ требованіе изученія народности, мы тѣмъ самымъ не отрицаемъ другого пути историческаго изученія, именно изученія общихъ всему человѣчеству явленій, и если справедливо, что преемственность цивилизаціи существуетъ только до нѣкоторой степени, то тѣмъ болѣе мы не станемъ отрицать значенія этихъ общихъ для всего человѣчества явленій. Благодаря этому новому направленію въ исторической наукѣ съ недавняго времени можно замѣтить какъ бы анатомическое и физіологическое изученіе исторіи.

Жизнь народа слагается подъ вліяніемъ природныхъ условій; природа оказываетъ сильное вліяніе на народность и при благопріятныхъ природныхъ условіяхъ народность выступаетъ на поприще исторической жизни; но не одна

только природныя условія способствуютъ вступленію народности въ историческую жизнь; если только въ народности нѣтъ внутренней духовной силы, то никакія природныя условія не могутъ вызвать ее къ исторической дѣятельности. Геній, извѣстный талантъ, извѣстная творческая сила — вотъ условія, вызывающія народность на историческое поприще! Это проводитъ въ своемъ трудѣ нѣмецкій ученый Оскаръ Пешель.

Народность обладаетъ, какъ доказано исторіей, крайнимъ упорствомъ въ сохраненіи своихъ характерныхъ чертъ; даже измѣненіе природныхъ условій не в состояніи подавить въ ней этого упорства. При изученіи народности нужно всегда имѣть въ виду это взаимное отношеніе природы и народности.

Моментъ вступленія народности на историческое поприще чрезвычайно важенъ для изслѣдованій и наблюденій; охарактеризовать и осмыслить зародышъ самобытности, особенностей народности при ея вступленіи на историческое поприще крайне важно для науки.

Древнѣйшіе періоды жизни народностей разъяснены и разработаны весьма мало; и такія незначительныя разъясненія заставляютъ насъ убѣдиться въ томъ, что даже народности въ своемъ древнѣйшемъ періодѣ представляютъ собою наслоенія позднѣйшихъ временъ. При близкомъ знакомствѣ съ Ассирійской народностью можно замѣтить, что ей въ развитіи цивилизаціи предшествовала народность Сумерійская. Сложность элементовъ народности, которой принадлежитъ болѣе видное мѣсто въ исторической жизни народовъ, обусловливается рядомъ племенныхъ передвиженій, предшествующихъ занятію этой народностью болѣе виднаго мѣста въ исторіи; это-же самое можно замѣтить и въ исторіи Римской, Гальской, Германской, Славянской и др. Въ составъ великорусской народности вошла финская и многіе другіе племенные элементы. Поэтому занимаясь изученіемъ исторіи отдѣльной народности нужно принимать во вниманіе всѣ эти условія и не упускать изъ виду и общіе черты исторической жизни. До сихъ поръ не выяснено до какой степени можетъ простираться вліяніе одной народности на другую, а между тѣмъ съ рѣшеніемъ этого вопроса многое стало-бы понятны-

мъ

въ исторической жизни. Необходимо указать еще на одну характерную черту каждой исторической народности: не смотря на то, что она вѣритъ въ свою самобытность, въ свой умъ и несмотря на сильное упорство въ сохраненіи своихъ характерныхъ чертъ, однако она слишкомъ склонна къ перениманію чужаго.

Далѣе замѣчено, что народности очень рано обнаруживаютъ стремленіе къ политической самобытности, но не всѣ однако народности достигаютъ этой самобытности. Въ развитіи государственныхъ учрежденій и другихъ формъ народной жизни, обнаруживаются двѣ силы, соотвѣтствующія силамъ природы: центробѣжная и центростремительная. Стремленіе къ самостоятельности отдѣльныхъ лицъ и частныхъ обществъ, обособленіе частей и стремленіе къ сохраненію цѣлости народной жизни, ея политической самобытности — во всемъ этомъ проявляются эти двѣ силы. Послѣ паденія Римской имперіи вся жизнь средневѣковой Европы опредѣляется тѣмъ, что постоянно возрастаетъ число обществъ, стремящихся къ обособленію; города съ своими интересами и условіями жизни составляютъ какъ бы отдѣльныя государства въ государствѣ, обособляются также отдѣльныя сословія и учрежденія. Подобное явленіе замѣчается около того же времени и въ Россіи. Затѣмъ замѣчается явленіе обратное: проявляется сила объединяющая; наступаетъ время централизаціи.

Науки ближайшія и вспомогательныя.

Теперь покажемъ въ какомъ отношеніи къ исторіи находятся нѣкоторыя другія науки. Ближайшими помощницами и сотрудницами исторіи суть: географія, антропологія, политическая экономія, статистика, филологія и право.

Географія до послѣдняго времени представляла собою ничто иное, какъ сводъ фактовъ, мало осмысленныхъ, находившихся въ исключительно внѣшней связи и не имѣющихъ никакихъ обобщеній. Новые же ученые Гумбольдтъ и берлинскій профессоръ географіи Карлъ Риттеръ пытались поставить ее на степень положительной науки, выработать въ ней систему, придать всему собранному матеріалу стройную организацію. И ихъ трудъ увѣнчался успѣхомъ: они выработали въ географіи новый путь, по которому идутъ и донынѣ и благодаря которому сдѣлано

много замѣчательныхъ изслѣдованій. Съ этого времени географія становится извѣстной подъ именемъ землевѣдѣнія. По мнѣнію Риттера географическія данныя необходимо изучать съ ихъ внутренней стороны; при изученіи этихъ данныхъ онъ употреблялъ сравнительный методъ. Гумбольдтъ, соединяя въ себѣ обширныя знанія естественныхъ наукъ, написалъ „Космосъ", въ которомъ находится много замѣчательнаго для исторіи. Со всѣми вопросами о вліяніяхъ природы, которыхъ можетъ коснуться историческая наука, можно познакомиться въ лекціяхъ Риттера, потомъ въ Соч. Фролова „Магазинъ землевѣдѣнія и путешествій." Затѣмъ можно указать на капитальный трудъ Оскара Пешеля „Die Geschichte der Erdkunde". Пешель первый попытался написать обзоръ исторіи землевѣдѣнія; далѣе можно познакомиться съ этими вопросами въ сочиненіи „Histoire de la géographie. Vivien de Saint Martin".

Для рѣшенія вопросовъ, которые мы встрѣчаемъ при изученіи какого нибудь народа, кромѣ землевѣдѣнія сообщаетъ еще важные результаты антропологія; она изучаетъ всѣ его особенности физическія и духовныя, разсматриваетъ его какъ племенную особь; она опредѣляетъ въ отдѣльномъ индивидуумѣ тѣ признаки, которые относятъ его къ извѣстной народности. Важныя указанія по этому предмету можно найти въ капитальномъ трудѣ Вайца. Антропологія возникла въ XVIII вѣкѣ и успѣхами своими обязана сравнительной анатоміи. Однимъ изъ важныхъ вопросовъ антропологіи и вмѣстѣ съ тѣмъ вопросомъ первостепенной важности для исторіи является вопросъ о дѣленіи народностей. Блуменбахъ дѣлилъ человѣчество на племена по цвѣту кожи и волосъ всего на 5 отдѣловъ; французскій естествоиспытатель Кювье на три вѣтви: Кавказское, Монгольское и Негрское племена; но и это дѣленіе оказалось не состоятельнымъ. Одною изъ новѣйшихъ системъ этого дѣленія является система шведскаго ученаго Рециуса, который дѣлитъ всѣ племена на два большихъ отдѣла, принимая въ основаніе этого дѣленія устройство черепа, именно на долихокефаловъ или длинноголовыхъ и брахикефаловъ или короткоголовыхъ. Къ длинно-

головыхъ относятся тѣ, у которыхъ разница между продольнымъ и поперечнымъ разрѣзами черепа довольно велика, а къ короткоголовымъ тѣ, у которыхъ эта разница незначительна. Затѣмъ каждый изъ этихъ отдѣловъ дѣлится на два меньшихъ подъотдѣла; основанiемъ этого дѣленiя служитъ расположенiе зубовъ. Вайцъ, которому принадлежитъ лучшее сочиненiе по антропологiи, наиболѣе основательнымъ признакомъ для дѣленiя всѣхъ племенъ считаетъ языкъ.

Какъ ни кажется простой и увлекательной система дѣленiя Рециуса, однако она не выдерживаетъ строгой критики. По позднѣйшимъ изысканiямъ въ Америкѣ найдены нѣкоторыя племена индѣйцевъ, которыя, живя въ смежныхъ областяхъ и представляя много родственнаго сходства, по системѣ Рециуса должны быть отнесены къ разнымъ отдѣламъ.

Позднѣе новый французскiй ученый Брока создалъ еще новый отдѣлъ между двумя прежними системы Рециуса, именно отдѣлъ мезокефаловъ. Но не смотря на всѣ эти системы, вопросъ о дѣленiи племенъ до сихъ поръ остается не разрѣшеннымъ. Послѣднiя попытки антропологiи, именно болѣе близкое изученiе черепа, привели къ блестящимъ результатамъ, такъ что можно надѣяться въ недалекомъ будущемъ дождаться удовлетворительнаго рѣшенiя этого вопроса. Высказывать же общiя положенiя, строить разныя теорiи на основанiи добытыхъ фактовъ, еще слишкомъ преждевременно, потому что эта наука только теперь начала разрабатывать этотъ вопросъ.

Политическая экономiя явилась въ XVIII вѣкѣ благодаря Адаму Смиту. Позднѣйшiе особенно замѣчательные труды по политической экономiи принадлежатъ Миллю и Рошеру; послѣднiй изложилъ исторiю ученiй политической экономiи.

Далѣе не мало важнымъ подспорьемъ при изученiи исторiи является статистика. Первая попытка статистическаго обозрѣнiя принадлежитъ германскимъ ученымъ XVII вѣка; складываться же въ особую науку статистика начала въ XVIII вѣкѣ, хотя задачи ея еще далеко не опредѣлены. Содержанiе ея составля-

етъ все то, что можетъ быть выражено въ числахъ. Она заключаетъ в себѣ данныя и по государственному устройству, и по промышленности и торговлѣ. Наконецъ особый отдѣлъ составляетъ нравственная статистика.

Далѣе для исторической науки имѣютъ важное значеніе результаты филологіи; выводы, сдѣланные филологической наукой, когда она вступила на путь сравнительнаго изученія, имѣютъ очень важное значеніе для исторіи. Сравнительное изученіе языкознанія достигло результатовъ, съ которыхъ, собственно говоря, и должна начинаться исторія. Главная заслуга сравнительнаго изученія языковъ принадлежитъ нѣмецкому ученому Бопу, составившему сравнительную грамматику. Много было сдѣлано Вильгельмомъ Гумбольдтомъ, Шлейхеромъ. Они в своихъ сочиненіяхъ сообщили не мало драгоцѣнныхъ для исторіи замѣчаній, особенно первый изъ нихъ в своемъ сочиненіи: о вліяніи языка на развитіе человѣчества (1836?). Благодаря сравнительному языкознанію, - пріемамъ, установившимся в этой научной области, новымъ фактамъ, на которые обратили вниманіе ученые, явилась возможность опредѣлить степень цивилизаціи народовъ в ту эпоху, когда они составляли одинъ народъ. Было время, когда Греки, Римляне, Нѣмцы, Литовцы, Славяне, Италіянцы составляли одинъ народъ Арійскаго племени. Выдѣливъ изъ современныхъ арійскихъ языковъ слова имъ всѣмъ общія, получили возможность возстановить въ главныхъ чертахъ цивилизацію Арійцевъ. Такимъ образомъ филологическая наука вводитъ насъ в начало исторіи. Оказалось, что эпохѣ раздѣленія народностей предшествовала уже значительная цивилизація, что каждая арійская народность продолжала дальнѣйшее свое развитіе, а не начинала его съ той начальной эпохи, какая встрѣчается у другихъ народностей. Въ эпоху нераздѣльной жизни Арійцы были знакомы съ нѣкоторыми культурными растеніями, имѣли домашнихъ животныхъ и знали, по всей вѣроятности, употребленіе металловъ, а слѣдова-

тельно и огнь.

Въ тѣсной связи историческая наука находится съ другой весьма обширной областью — съ правомъ. Правомъ вообще называется вся масса постановленій, которыя направлены къ тому, чтобы регулировать человѣческія отношенія. Обязательность — существенная, главная особенность права. Этимъ оно отличается отъ морали. Выраженіемъ права служитъ законъ и судъ. Высшею формою правовыхъ отношеній является государство. Въ обществѣ мало развитомъ личность легко можетъ увлекаться, дѣйствовать подъ вліяніемъ страстей и нарушать интересы другихъ. Вотъ почему очень рано въ обществахъ, которыя выходятъ изъ первоначальной эпохи развитія, проявляется стремленіе выработать законы, обязательные для всѣхъ. Изъ этого стремленія — сообщить человѣческимъ отношеніямъ большую устойчивость и избавить отношенія отъ частыхъ колебаній, которыя влекутъ значительную трату силъ, возникло государство. Слѣдовательно государство по своимъ принципамъ глубоко коренится въ стремленіи человѣческой природы. Обязательные законы въ отдѣльныхъ общинахъ становятся недостаточными для болѣе широкаго развитія, и потому онѣ стремятся къ тому, чтобы составить одно цѣлое.

Задача права состоитъ не въ томъ, чтобы выработать постановленія, которыя могли бы быть приняты какъ наилучшія. Съ тѣхъ поръ, какъ оно стало болѣе реальнымъ, оно пришло къ заключенію, что такой идеальный образъ государственной жизни не можетъ быть созданъ на основаніи теоретическихъ соображеній, и что задача его состоитъ въ томъ, чтобы изучать существующее право и на основаніи этого изученія дѣлать общія заключенія, опредѣлять извѣстные принципы. Право признаетъ за каждою народностью свои стремленія и условія, въ силу которыхъ вырабатывается та или другая форма государственнаго правленія, соотвѣтствующая потребностямъ этой народности въ извѣстную эпоху.

Право (jus) дѣлится на много обширныхъ вѣтвей: на право общественное, частное и международное.

Общественное въ свою очередь дѣлится на государственное право, уголовное-процессуальное и гражданское процессуальное. Далѣе частное право подразделяется на нѣсколько разрядовъ: личное, семейное, право опеки и право имущества. Такое дѣленіе частнаго права основывается на различныхъ отношеніяхъ личности къ родственникамъ, семьѣ и предмету, которымъ владѣетъ. Гражданское право дѣлится на право вещное и право по обязательствамъ. Къ послѣднему входитъ право торговое и вексельное. Третій отдѣлъ составляетъ международное право. Собственно международное право имѣетъ слабое отношеніе къ праву вообще, такъ какъ право предполагаетъ извѣстное обязательство, между тѣмъ какъ этотъ принципъ обязательности въ международномъ правѣ мало соблюдается. Международное право занимается опредѣленіемъ отношеній одного народа къ другому. Но эти опредѣленія весьма колебаются: что признаетъ одинъ народъ, того не признаетъ другой.

Перечисливъ науки, съ которыми исторія находится въ чрезвычайно близкомъ отношеніи, можно указать на нѣкоторые источники для болѣе близкаго ознакомленія съ каждою изъ этихъ наукъ. Для ознакомленія съ общими историческими вопросами могутъ служить статьи, помѣщенныя въ историческомъ журналѣ Зибеля; по философіи исторіи можно указать на сочиненіе Рохоля: Philosophie der Geschichte von Rochol. 1878. Въ своемъ сочиненіи Рохоль разсматриваетъ всѣ философскія ученія, имѣющія отношеніе къ исторіи; притомъ остается на исторической точкѣ зрѣнія: излагаетъ теоріи, критикуетъ ихъ, но не высказываетъ своей теоріи; вообще книга его отличается объективностью изложенія. Для ознакомленія съ исторіею права можно указать на сочиненіе Моля: Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften von Robert Mohl. 1855–1858. Затѣмъ можно указать на трудъ бывшаго профессора Московскаго Университета Б. Н. Чичерина: „Исторія политическихъ ученій", напечатанный въ первыхъ годахъ „Русскаго Вѣстника." Далѣе сочиненіе Петрова: Національная исторіографія во Фран-

ціи, Германіи и Англіи. Наконецъ можно указать на чрезвычайно важное сочиненіе замѣчательнаго германскаго историка Ранке; это „всеобщая исторія." Сочиненіе это только теперь начало выходить и его уже есть 2 тома.

Теперь перейдемъ къ наукамъ вспомогательнымъ, которыя какъ бы составляютъ не отдѣльныя самостоятельныя науки, а составныя части исторической науки. Отдѣльность и самостоятельность науки опредѣляется тѣмъ, что она имѣетъ для обработки свою область фактовъ, обладаетъ своими извѣстными методами и пріемами и наконецъ имѣетъ свои опредѣленныя задачи. Эти-же вспомогательныя науки, на которыя мы ниже указываемъ не удовлетворяютъ всѣмъ этимъ требованіямъ, хотя въ нѣкоторыхъ и замѣтны особые пріемы. Къ такимъ наукамъ причисляютъ: археологія, этнографія, историческая географія и различныя части археологіи: нумизматика, сфрагистика, дипломатика, палеографія и хронологія.

Опредѣленія археологіи нельзя считать установившимися; еще недавно на Кіевскомъ съѣздѣ были высказаны разнообразныя мнѣнія по этому поводу и ни одно изъ нихъ не было общепринято. До того разнообразны опредѣленія этой молодой науки! Всего лучше остановиться на слѣдующемъ: археологія изучаетъ вещественные памятники, которые знакомятъ насъ съ бытомъ народа. Эта наука изъ всѣхъ вспомогательныхъ наукъ имѣетъ больше справедливое притязаніе на существованіе отдѣльной науки. Она имѣетъ довольно ясную задачу, довольно ясно очерчиваетъ кругъ своихъ наблюденій, обладаетъ особыми пріемами. Очень обширный отдѣлъ этой науки составляютъ памятники доисторической эпохи: курганы, насыпи и городища. Но чтобы эти памятники могли сообщать намъ свѣдѣнія о тѣхъ временахъ, которыя намъ мало извѣстны, раскрывали бы намъ первыя страницы человѣчества, для всего этого археологія предлагаетъ намъ особые пріемы, чуждые исторіи. Занимаясь изученіемъ вещественныхъ памятниковъ, археологія очень многіе изъ нихъ находитъ въ землѣ на

извѣстной глубинѣ, въ извѣстныхъ слояхъ или пластахъ, а такъ для же чрезвычайно важно опредѣлить давность этихъ памятниковъ, которая совпадаетъ съ образованіемъ того или другого земнаго слоя или пласта, то она должна знать исторію земной коры, знать происходившія съ ней перемѣны; а это составляетъ предметъ геологіи; вотъ почему археологъ долженъ быть знакомъ съ послѣдними выводами геологіи.

Спеціалисты по археологіи долгое время пытались доказать самостоятельность и самобытность археологической науки, но всѣ ихъ попытки не увѣнчались успѣхомъ, потому что археологія имѣя свои пріемы, свой кругъ наблюденій, не имѣетъ своей отдѣльной задачи, такъ какъ изученіе быта всецѣло входитъ въ исторію и поэтому археологія имѣетъ отношеніе къ исторіи культуры. Но кромѣ того исторія преслѣдуетъ болѣе обширныя цѣли, именно изученіе политической и внутренней жизни народовъ. Но не смотря на то, что археологія какъ бы составляетъ часть исторіи, однако данныя ея такъ важны для исторіи, что не будь ихъ, то исторія стояла бы далеко позади въ своихъ знаніяхъ. — Если мы и знаемъ жизнь древнихъ народовъ, населявшихъ Европу въ самыя отдаленныя эпохи, то это только благодаря археологіи и сравнительной филологіи, о важности которой было выше упомянуто. Археологія вводитъ насъ въ ту эпоху европейской жизни, когда еще до Арійцевъ жили самостоятельныя племена, повсемѣстно занимавшія Европу. Всѣ попытки къ опредѣленію времени появленія этого предшествующаго Арійцамъ племени остались безуспѣшными. —

Археологія, какъ отдѣльная наука, возникла нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, именно въ 1830г., съ того времени, когда обратили вниманіе на остатки древней жизни человѣчества. Много сомнѣній, замѣчаній было высказано, прежде чѣмъ ученые убѣдились въ томъ, что роя землю, они могутъ находить памятники древнѣйшей эпохи жизни человѣчества. Первое начало этой наукѣ положилъ, можно сказать, французскій ученый Буше-де-Пертесъ, который обратилъ вниманіе на различные отшлифованные камни

и кремневыя вещи на берегу рѣки Соммы, считавшіяся прежде валунами, и предположилъ, что они суть изделія рукъ человѣческихъ. Продолжая свои наблюденія онъ все болѣе и болѣе убѣждался въ достовѣрности своего предположенія и наконецъ рѣшился высказать свою мысль открыто (1841–1847). На первыхъ порахъ онъ подвергся осмѣянію со стороны всѣхъ тогдашнихъ ученыхъ, которые считали его мнѣніе ложнымъ, смѣшнымъ, видя въ этомъ попытку сказать что-нибудь новое, и продолжали думать по прежнему, что это остатки валуновъ. Не смотря на такую оппозицію со стороны ученыхъ, онъ все-таки не прекратилъ своихъ изслѣдованій, продолжалъ доказывать свою теорію, чѣмъ конечно вызывалъ массу возраженій. Наконецъ онъ добился того, что составился съѣздъ ученыхъ на берегу Соммы, на которомъ теорія Буше-де-Пертеса была признана вѣроятною. Съ этого времени археологическая наука стала быстро развиваться.

Производя различныя раскопки, находили массу всевозможныхъ каменныхъ изделій, находили остовы мамонтовъ и пещерныхъ медвѣдей, отдѣльныя кости, для опредѣленія которыхъ прибѣгали къ палеонтологіи, наукѣ, которая по одной какой-нибудь кости, суставу или конечности, даетъ возможность опредѣлить размѣръ цѣлаго остова и разрядъ животнаго, которому они принадлежали. Среди всей массы находимыхъ вещей не встрѣчали никакихъ другихъ, кромѣ каменныхъ, что и заставило предположить такой періодъ въ развитіи человѣчества, когда онъ пользовался только каменными орудіями и этотъ періодъ назвали каменнымъ. Далѣе археологическія изысканія привели къ предположенію періодовъ бронзоваго и наконецъ желѣзнаго. На этомъ основаніи ученые археологи обыкновенно дѣлятъ доисторическое время на три періода: каменный, бронзовый или мѣдный и желѣзный. Но такое дѣленіе нельзя считать вполнѣ удовлетворительнымъ, потому что невозможно съ точностью разграничить одинъ періодъ отъ другаго.

Замѣчено, что различныя племена въ своемъ развитіи проходили постепенно черезъ всѣ эти три періо-

да употребленія орудій, сначала каменныхъ, потомъ мѣдныхъ и наконецъ желѣзныхъ. Но подобная постепенность могла быть замѣчена только у народовъ развивавшихся самостоятельно, не сталкивавшихся съ болѣе цивилизованными, потому что въ противномъ случаѣ замѣчались скачки въ этой постепенности, напр. племя переходило отъ пользованія каменными орудіями прямо къ желѣзному, позаимствовавъ употребленіе послѣдняго отъ болѣе цивилизованнаго племени.

На основаніи находимыхъ вещей каменнаго періода пытались опредѣлить степень цивилизаціи, какой достигъ человѣкъ этого періода. Тутъ на помощь археологіи явилась этнографія. Изучая различные народы и дикія племена, знакомясь съ орудіями дикихъ племенъ и употребленіемъ этихъ орудій этнографія дала возможность археологіи судить о цивилизаціи каменнаго вѣка на основаніи сравнительнаго изученія каменныхъ орудій. Поэтому описанія путешествій имѣютъ для археологіи важное значеніе и чѣмъ путешествіе древнѣе, тѣмъ скорѣе этнографическія данныя, почерпаемыя изъ него, могутъ быть принимаемы за вполнѣ достовѣрныя, потому что въ позднѣйшія времена почти всѣ дикія племена подвергаются въ большей или меньшей степени вліянію цивилизаціи, бросаютъ свои первобытныя орудія и берутся за новыя, а въ древнія времена ихъ цивилизація была, такъ сказать, самобытна, и знакомство съ ней можетъ дать чрезвычайно важныя пособія археологическимъ изслѣдованіямъ. Такимъ образомъ русскій путешественникъ XVIII в.*) описалъ бытъ камчадаловъ еще въ то время, когда они употребляли орудія только изъ камня, кремня и кости. Найдя сходство между находимыми орудіями каменнаго періода и найденными у камчадаловъ и зная употребленіе послѣднихъ, намъ возможно по аналогіи опредѣлить назначеніе орудій каменнаго періода и такимъ образомъ возстановить до нѣкоторой степени картину цивилизаціи каменнаго періода.

Путемъ строгихъ археологическихъ данныхъ доказано существованіе человѣка въ періодъ мамонта; доказано также, что онъ тогда пользовался каменнымъ орудіемъ.

*) Крашенинниковъ.

БИБЛИОТЕКА
38112

Человѣкъ каменнаго вѣка пользовался не только камнемъ, но также деревомъ, костью. Къ орудiямъ того вѣка принадлежатъ: ножи, долота, скребки, пилы, стрѣ. Послѣднiя свидѣтельствуютъ о существованiи разбой-ства въ то время. Человѣкъ и прежде обладалъ такими же чувствами, что и теперь, точно также стремился къ улучшенiю и облегченiю своего быта и потому онъ сберегалъ себя на ту массу труда, какую приходилось ему выполнить при выдѣлываньи своихъ орудiй. Затѣмъ доказано, что человѣкъ этого перiода зналъ употребленiе огня, потому что въ нѣкоторыхъ могилахъ вмѣстѣ съ каменными орудiями находили глиняные горшки, на которыхъ находили также нѣкоторыя украшенiя, свидѣтельствующiя о существовавшемъ уже въ то время стремленiи къ изящному.

И у насъ въ Россiи въ послѣднее время археологическая наука далеко подвинулась впередъ; много памятниковъ у насъ было найдено въ губернiяхъ Олонецкой, Полтавской и также въ поволжскихъ. Съ этими археологическими раскопками можно познакомиться въ Трудахъ археологическихъ съѣздовъ, бывшихъ въ Москвѣ, Кiевѣ, Казани и Тифлисѣ.

Перiоды, чрезъ которые проходили различныя племена въ своемъ развитiи относительно выдѣлки орудiй, объясняются нѣсколько и самыми свойствами продуктовъ выдѣлки орудiй. Съ самаго начала человѣкъ обратился къ камню потому, что для приготовленiя изъ него орудiя нужно было сравнительно немного знанiй; когда же кругъ знанiй человѣка расширился, то мы встрѣчаемъ его уже съ бронзовымъ орудiемъ (сплавъ мѣди и олова), а затѣмъ уже онъ переходитъ и къ обработкѣ желѣза; мѣдь стала употребляться человѣкомъ для выдѣлки орудiй раньше желѣза потому, что она легче подвергается влiянiю огня и не такъ тверда, какъ желѣзо.

Далѣе археологическими раскопками была выяснена эпоха свайныхъ построекъ, которая, какъ полагаютъ, началась въ каменномъ перiодѣ и доходитъ даже до желѣзнаго. Больше всего остатковъ свайныхъ построекъ находятъ въ Швейцарiи, гдѣ эти постройки вслѣдствiе какого то переворота подверглись сильному дѣйствiю

огня и обугленныя прекрасно сохранились на днѣ Швейцарскихъ озеръ. Причину періода свайныхъ построекъ объясняютъ тѣмъ, что они въ то время представляли самый удобный родъ жилищъ, такъ какъ предохраняли какъ отъ нападенія хищныхъ звѣрей, такъ и враждебныхъ племенъ. Затѣмъ свайныя постройки имѣли еще ту выгоду, что привлекали къ себѣ массу рыбы, которая питалась органическими остатками, выбрасывавшимися человѣкомъ. Поэтому, вслѣдствіе представленныхъ выгодъ, мы видимъ, что свайныя постройки заходятъ даже и в желѣзный періодъ. Изучая остатки свайныхъ построекъ нашли, что цивилизація в то время уже значительно коснулась человѣка, такъ какъ онъ былъ уже знакомъ съ культурными хлѣбными растеніями, остатки которыхъ также сохранились отъ свайнаго періода.

Не мало остатков бронзоваго вѣка находятъ повсемѣстно в Европѣ, и благодаря изслѣдованіямъ мѣстъ, гдѣ находили эти остатки, пришли къ немаловажнымъ обобщеніямъ. Много остатков было найдено у берегов Скандинавіи и Даніи Нильсономъ; потомъ раскопки кургановъ Вятской и другихъ сѣверныхъ и южныхъ губерній дали возможность придти къ заключенію, что цивилизація проникала на сѣверъ изъ мѣстъ около Малой Азіи и Кавказа. Очевидно Финикіяне, которые гораздо раньше другихъ племенъ цивилизовались, распространили эту цивилизацію путемъ торговли и между сѣверными народами. Древніе торговые пути Финикіянъ и Этрусковъ были намѣчены по мѣстамъ, гдѣ найдены эти остатки бронзоваго періода. Пути эти слѣд.: одинъ — по Средиземному и Атлантическому океану къ берегамъ Скандинавіи и Даніи, другой по западной окраинѣ Россійской территоріи отъ береговъ Чернаго моря къ Нѣману и Балтійскому морю, наконецъ третій путь — по восточной окраинѣ той-же Россійской территоріи. У насъ находятъ много остатков бронзоваго періода, и именно много интереснаго было найдено в Ананьинскомъ курганникѣ Вятской губ. Описаніе этого курганника находится в трудахъ перваго археологическаго съѣзда. Такъ вотъ къ какимъ важнымъ открытіямъ приводятъ насъ археологическія изысканія.

Теперь укажемъ, что даютъ для исторической науки вышепоименованныя части археологіи. Нумизматика занимается изученіемъ монетъ; изысканія этой науки иногда приводятъ къ чрезвычайно важнымъ выводамъ; напр. сравнительное изученіе монетъ нѣсколькихъ народностей часто даетъ возможность заключить, какая изъ народностей была подъ вліяніемъ другой; сфрагистика имѣетъ предметомъ изученія печати; палеографія изучаетъ рукописи, подмѣчаетъ въ нихъ черты, свойственныя тому или другому періоду и такими своими изысканіями очень часто даетъ возможность опредѣлить время написанія того или другого документа; хронологія изучаетъ лѣтоисчисленіе, такъ какъ оно въ разное время производилось различными способами: напр. въ одно время годъ начинался съ сентября а въ другое съ марта; а такъ какъ при изученіи историческихъ данныхъ иногда бываетъ чрезвычайно важно опредѣлить не только годъ событія, но даже мѣсяцъ и день, то поэтому и явилась наука, спеціально занимающаяся лѣтоисчисленіемъ;

Историческая географія занимается изученіемъ мѣстожительства племенъ, народностей; изучаетъ различныя условія мѣстностей, особенно условія, могущія такъ или иначе вліять на теченіе исторической жизни народа.

Источники.

Обращаясь къ обозрѣнію источниковъ русской исторіи, замѣтимъ, что изученіе источниковъ какой-нибудь науки, составляя задачу спеціальнаго курса, имѣетъ значеніе и в общемъ курсѣ. Большая или меньшая разработанность источниковъ выдвигаетъ на очередь вопросы, которые могутъ проявиться уже при значительной самостоятельности науки и слѣдовательно самостоятельность науки в значительной степени зависитъ отъ состоянія источниковъ. Равнымъ образомъ изученіе источниковъ русской исторіи, пріемы употребляемые при этомъ, обобщенія къ которымъ пришла историческая наука при изученіи источниковъ, все это имѣетъ вліяніе на пониманіе общихъ историческихъ вопросовъ, на болѣе самостоятельное отношеніе къ воззрѣніямъ на жизнь народовъ.

Источники русской исторіи можно обозрѣвать по сте-

дующимъ отдѣламъ: лѣтописи, житія, сказанія, акты, записки, сочиненія иностранцевъ, памятники словесности и памятники вещественные.

Пособіемъ можетъ служить соч. проф. Бестужева-Рюмина: „Русская Исторія". Здѣсь этотъ отдѣлъ составляетъ одну изъ лучшихъ частей его сочиненія.

Лѣтописи при изученіи русской исторіи занимаютъ очень видное мѣсто. Древнѣйшіе списки лѣтописей дошли до насъ отъ XIV в., хотя составленіе лѣтописей относится ко времени гораздо болѣе раннему. Первый лѣтописный сводъ, составленный на основаніи весьма разнообразныхъ источниковъ и дошедшій до насъ въ рукописи XIV вѣка, въ спискѣ Лаврентьевскомъ, составленъ въ концѣ XI и въ началѣ XII вѣка и извѣстенъ подъ именемъ лѣтописи Нестора; подлинное ея заглавіе слѣдующее: „се повѣсти временныхъ лѣтъ, откуду есть пошла русская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити и откуду русская земля стала есть."

Что лѣтопись эта написана Несторомъ, еще достовѣрно неизвѣстно; относительно этого вопроса существуютъ разнорѣчивыя мнѣнія.

Попытка составить лѣтописный сводъ въ концѣ XI и въ началѣ XII вѣка есть явленіе замѣчательное само по себѣ. Она относится къ тому времени, когда впервые опредѣлились границы русской земли, когда она имѣла уже Кіевъ своимъ политическимъ центромъ; когда этотъ городъ съ одной стороны и Новгородъ съ другой были проводниками вліяній западно-европейскаго и византійскаго и послѣднее значительно усилилось, это было время, когда Кіевъ являлся разсадникомъ христіанства, а власть княжеская значительно усилилась. Въ это то знаменательное время, когда Русь впервые почувствовала свои силы, появился и сводъ лѣтописныхъ извѣстій. Онъ вводитъ насъ въ кругъ тогдашнихъ воззрѣній и понятій, близко знакомитъ съ состояніемъ образованія того времени; въ немъ выражается впервые идея цѣлости русской земли.

Источники, которыми пользовался составитель свода, были весьма разнообразны. Ближайшее изученіе лѣтописи привело ученыхъ изслѣдователей къ той мысли, что уже въ X вѣкѣ существовали записи,

и что вотъ эти-то записи предшествовали лѣтописи Нестора. Передавая событія, отдаленныя отъ времени составленія свода, лѣтописецъ сообщаетъ такія подробности, которыя народная память не могла никоимъ образомъ сохранить, и потому нужно предположить, что онѣ были почерпнуты лѣтописцемъ изъ какихъ нибудь записей или хронографовъ. Такъ напр. подъ 882 годомъ говорится, что Олегъ заставилъ Новгородцевъ платить Варягамъ по 300 гривенъ (Варяги служили въ войскахъ первыхъ русскихъ князей). — Подъ 883 годомъ говорится, что Олегъ наложилъ дань на Древлянъ, велѣвъ имъ платить по черной кунѣ, а подъ 884 годомъ говорится, что Олегъ наложилъ на Сѣверянъ дань легку.

Имѣя дѣло съ вопросомъ о времени появленія записей и вникая въ характеръ подробныхъ выше приведенныхъ извѣстій, мы легко приходимъ къ той мысли, что подробности, которыми обставлены въ этихъ извѣстіяхъ историческія событія, не могли сохраниться въ памяти народной. Подъ 912 годомъ передается напр. о звѣздѣ, явившейся подъ видомъ копья. Подъ 915 годомъ передается о нашествіи Печенѣговъ, а потомъ чрезъ нѣсколько лѣтъ вновь упоминается объ этомъ событіи, при чемъ прибавляется, что печенѣги въ первый разъ напали на Русь, что — очевидно — не могло бы быть передано такимъ образомъ, если бы одно лицо составляло лѣтопись. Ясно, что лѣтописецъ пользовался предшествовавшими ему лѣтописями и выписывалъ изъ нихъ нерѣдко безъ измѣненій. Равнымъ образомъ и въ другихъ извѣстіяхъ мы встрѣчаемся съ подробностями такого же рода. Упоминается напр. о томъ, что Ольга наложила на Вышгородъ третью часть дани. Подъ 945 годомъ встрѣчаемъ имя Свѣнельда при семъ замѣтка „отецъ Мистиши" — подобная замѣтка не имѣла значенія конечно въ концѣ XI в., а могла быть важною только для современниковъ. Точно также подъ 971 годомъ говорится о критическомъ положеніи Святослава, когда онъ возвращался изъ Болгаріи: упоминается для означенія дороговизны провіанта, о дорогой цѣнѣ конской головы (½ гривны) — извѣстіе, тоже доказывающее предположеніе ученыхъ изслѣдователей о появленіи записей въ X вѣкѣ и даже ранѣе.

Такъ утверждаетъ это Академикъ Измаилъ Ивано-
вичъ Срезневскій (чтеніе о русской лѣтописи).

Лѣтописецъ пользовался также Византійскими лѣтописями (хронографами). Такъ онъ далъ своей лѣтописи то начало, какое вообще можно замѣтить и у Византійскихъ и у иныхъ лѣтописцевъ. Это начало заимствовано изъ библіи. Такъ лѣтописецъ говоритъ о разселеніи племенъ послѣ потопа, при чемъ перечисляя племена, онъ упоминаетъ Славянъ. Вліяніемъ Византійскихъ лѣтописей можно объяснить и то обстоятельство, что и въ это отдаленное время появляются въ лѣтописи сказанія апокрифическаго характера, заимствованныя изъ книгъ отреченныхъ, т.е. не признанныхъ церковью за истинныя. Содержаніемъ ихъ служатъ событія Ветхаго и Новаго завѣта.

Кромѣ житій и хронографовъ источниками при составленіи лѣтописнаго свода служили разные историческіе документы, какъ напр. договоры Олега и Игоря съ Византіей. Внимательно слѣдя за языкомъ лѣтописи можно легко замѣтить, что языкъ вышеуказанныхъ договоровъ довольно сильно разнится отъ языка остальной лѣтописи; въ нихъ слогъ не такъ легокъ, не такъ понятенъ, какъ въ лѣтописи; наконецъ синтаксическое строеніе предложеній отличается нѣсколько своеобразнымъ характеромъ. Изъ чего видно, что эти договоры вписаны въ лѣтопись цѣликомъ, безъ всякихъ измѣненій, что заставляетъ предполагать, что лѣтописецъ понялъ всю важность этихъ документовъ и потому передалъ ихъ въ такомъ видѣ, какъ они ему достались. И дѣйствительно это важнѣйшіе юридическіе памятники; въ нихъ многое послужило источникомъ для гражданскаго и уголовнаго права. Особенности языка этихъ договоровъ и образа построенія рѣчи можно объяснить тѣмъ, что они были переведены съ греческаго языка. Кромѣ того онъ пользовался еще житіями святыхъ, пасхальными таблицами, сказаніями, палеей и народными преданіями. Предположеніе о томъ, что источникомъ лѣтописнаго свода являются пасхальныя таблицы было высказано впервые проф. Сухомлиновымъ въ его докторской диссертаціи.

Изъ всего вышеприведеннаго видно, что кругъ источниковъ, которыми пользовался лѣтописецъ при составленіи свода былъ весьма и весьма обширенъ;

Поэтому, принимая во вниманіе условія, въ какихъ нахо-

думая, учёный человѣкъ того времени, какъ цѣнились тогда рукописи и какъ трудно было ихъ достать, нельзя не удивиться труду лѣтописца, его энергіи, знанію и осторожности, какую онъ проявилъ пользуясь разнообразнымъ матеріаломъ, послужившимъ основаніемъ лѣтописи.

Теперь нужно познакомиться нѣсколько ближе съ содержаніемъ лѣтописи. Она, какъ и всѣ средневѣковыя лѣтописи начинается съ перечисленія потомства Ноя послѣ потопа, разселенія племенъ, и т. д. Начало это, какъ выше было указано, заимствовано всѣми лѣтописными сводами изъ Библіи. Опредѣляя, къ какой вѣтви можно отнести славянское племя, лѣтописецъ говоритъ, что съ самаго начала славянскія племена, появившіеся въ Европѣ, жили на Дунаѣ и оттуда уже разошлись на сѣверъ и востокъ; это извѣстіе онъ передаетъ какъ народное преданіе. Нѣтъ сомнѣнія, что Славяне когда-либо населяли придунайскія земли, но только нельзя сказать, что это мѣсто было ихъ первымъ мѣстопребываніемъ, такъ какъ это не согласно съ данными науки, по которымъ ясно видно, что первымъ обиталищемъ славянъ были прикарпатскія страны, откуда они разошлись по разнымъ направленіямъ. Это доказывается географическими именами, которыя въ прикарпатскихъ странахъ почти всѣ носятъ на себѣ славянскій характеръ; кромѣ того это доказывается еще данными языка.

Географическія названія и имена сохраняются съ удивительной живучестью. Масса примѣровъ служитъ этому доказательствомъ; въ исторіи не разъ можно указать на фактъ, что пришлыя племена, покоривши какое-нибудь туземное племя, должны были принимать тѣ-же географическія имена, что были у туземцевъ. Опредѣлить составные элементы какого-нибудь племени, развивавшагося съ древнѣйшаго историческаго времени, весьма трудно и тутъ нѣсколько помогаютъ въ рѣшеніи этихъ вопросовъ географическія названія и сравнительное языкознаніе. Напр. желая опредѣлить составные элементы населенія Московской губерніи, нужно изучить всѣ ея географическія названія и при помощи сравнительнаго языкознанія опредѣлить ихъ происхожденіе. И дѣйствительно путемъ такихъ изысканій нашли, что значительную составную часть населенія московской губерніи составляли Финскія

племена. На такое важное въ научныхъ открытiяхъ значенiе географическихъ именъ обратили вниманiе только последнее время. Вотъ именно близкое изученiе географическихъ именъ прикарпатскихъ местъ заставило предположить, что они были первыми поселенiями славянъ, откуда последнiе разселились по Европе.

Перечисливъ подробно племена славянскiя, жившiя къ западу (что показываетъ его близкое знакомство съ этими племенами) летописецъ несколько подробнее останавливается на судьбе славянъ восточныхъ. Изъ изследованiя летописи видно, что летописецъ не передавалъ только одни факты, какъ онъ ихъ бралъ, но иногда делалъ и свои выводы и заключенiя, которые очень часто оказывались неверными. Такъ напр. перечисливъ названiя разныхъ славянскихъ племенъ и определяя ихъ происхожденiе, о Полочанахъ онъ говоритъ, что они поселились у реки Полоты, отъ которой и получили свое названiе, а въ действительности выходитъ наоборотъ. Такимъ точно образомъ онъ определяетъ названiе Радимичей и другихъ племенъ, основываясь только на одномъ преданiи.

На древнемъ быте славянъ восточныхъ онъ останавливается очень мало, вероятно считая описанiе его маловажнымъ; хотя этотъ бытъ для него по времени былъ очень отдаленъ, однако народное преданiе могло донести до него весьма много важнаго и интереснаго изъ бытовой жизни славянъ во времена язычества; онъ могъ бы дать более подробную характеристику его, но этого онъ не сделалъ, не воспользовался всеми фактическими данными. Обладая религiозной точкой зренiя, онъ, должно быть, считалъ языческiе обряды, языческую бытовую сторону древнихъ славянъ совершенно не важными и почиталъ даже такими, которыми не будутъ и даже не должны интересоваться. Этого быта летописецъ касается только съ некоторыхъ сторонъ, характеризуетъ его только по некоторымъ фактамъ; именно онъ обратилъ вниманiе на разные обычаи и обряды. И действительно ему какъ бы подсказало обратить на это вниманiе чутье летописца. Ни въ чемъ такъ резко не высказывается цивилизацiя, ничто не можетъ лучше всего обрисовать

степень развитія того или другого народа, какъ брачные обряды. Первую ступень этихъ обрядовъ, имѣющую мѣсто у народовъ на самой низкой степени цивилизаціи, составляетъ похищеніе невѣсты; никакихъ брачныхъ договоровъ не существуетъ, на женщину смотрятъ какъ на рабыню. Затѣмъ брачные обряды принимаютъ нѣкоторую договорную форму, хотя эта форма все таки сопровождается похищеніемъ невѣсты, и наконецъ третью ступень брачныхъ обрядовъ составляетъ вполнѣ договорная форма, по которой за невѣстою даютъ приданое или вѣно. Эти различныя формы брака встрѣчаются у различныхъ народовъ, и если только развитіе какого нибудь народа совершалось правильно и самостоятельно, то онъ непремѣнно долженъ былъ пройти чрезъ эти три ступени развитія брачныхъ обрядовъ.

Характеризируя различныя племена, лѣтописецъ приписываетъ Полянамъ такія черты, которыя свидѣтельствуютъ о ихъ слишкомъ высокомъ развитіи, что заставляетъ насъ относиться къ его сообщенію съ нѣкоторой недовѣрчивостью; они дѣйствительно могли быть болѣе развиты, но только это развитіе не могло доходить до такой степени.

Затѣмъ лѣтописецъ переходитъ къ перечисленію племенъ варяжскихъ, которыя онъ относитъ къ одному общему племени Германскому, и говоритъ, что они обитали на сѣверѣ. Потомъ онъ говоритъ, что русскіе призвали къ себѣ правителей изъ племени варягъ Русовъ. Но какое это племя, для насъ до сихъ поръ остается неизвѣстнымъ. Вопросъ этотъ служитъ предметомъ споровъ еще съ XVIII стол. Далѣе лѣтописецъ переходитъ къ разсказамъ о княженіи Олега, Игоря; о княженіи другихъ князей онъ знаетъ меньше; разсказъ этотъ о кіевскихъ князьяхъ доводится у него до 1110 года. Довольно подробно описываетъ онъ княжескіе походы, внимательно слѣдитъ за движеніемъ распространенія христіанства, передаетъ о постройкѣ церквей въ Кіевѣ, упоминаетъ о нѣкоторыхъ выдающихся замѣчательныхъ физическихъ явленіяхъ и при всемъ этомъ сообщаетъ очень мало бытовыхъ чертъ. Вотъ въ главныхъ чертахъ содержаніе лѣтописи.

Опредѣлить автора этой лѣтописи крайне трудно. Долгое время господствовало мнѣніе, что этотъ лѣтописный сводъ составленъ Несторомъ, такъ какъ въ трехъ лѣтописныхъ спискахъ на поляхъ было выставлено имя Нестора; но на этомъ только основывать свое мнѣніе о авторствѣ Нестора крайне шатко. Можно также приписать составленіе этой лѣтописи Сильвестру, игумену Выдубецкаго монастыря, если принимать въ основаніе точно такія же данныя, такъ какъ подъ 1110 годомъ есть надпись: „написахъ книги си" Сильвестръ, игуменъ Выдубецкаго монастыря. Такимъ образомъ вопросъ этотъ до сихъ поръ остается не рѣшеннымъ. Но когда бы эта лѣтопись не была написана, во всякомъ случаѣ авторъ ея человѣкъ замѣчательный.

Время появленія этой лѣтописи составляетъ замѣчательный періодъ в русской исторіи, который можно назвать ея развитіемъ. Идея единства славянскихъ племенъ, стремленіе къ составленію одного нераздѣльнаго цѣлаго, стремленіе къ выработкѣ для всѣхъ племенъ общихъ выгодныхъ условій - это составляло духъ того времени. Составленіе общаго лѣтописнаго свода и является продуктомъ этого стремленія. Общимъ центромъ является Кіевъ, который быстро сталъ возвышаться надъ остальными городами, разбогатѣлъ, расширился, украсился зданіями, выдающимися в архитектурномъ отношеніи. - У Русскаго великаго князя появились деньги, давшія ему возможность превосходства надъ другими сосѣдними князьями. Въ этой то эпохѣ было много такого, что давало возможность лѣтописцу широко охватывать происходящія событія, но при всемъ томъ онъ относился крайне добросовѣстно и осторожно къ своему дѣлу и ко всему относился критически, в особенности съ большою осторожностью онъ пользовался народными преданіями. Когда онъ говоритъ объ основателѣ Кіева, то не высказываетъ самъ своего мнѣнія объ этомъ, но приводитъ только два преданія: одно, что основатель Кіева-Кій былъ перевозчикомъ на Днѣпрѣ, другое, что онъ былъ изъ знатнаго княжескаго рода.

Теперь можно перейти и къ другимъ лѣтописямъ. Всѣ эти лѣтописи дошли до насъ в сводахъ, первоначальныя же лѣтописи, по которымъ они составлены, до насъ не дошли. Научная критика стремится возстановить ихъ в первоначальномъ видѣ; хотя надо замѣтить, что только относительно повѣсти существуетъ много трудовъ.

Изъ позднѣйшихъ сводовъ наиболѣе замѣчательны: Суздальскій или сѣверный и южно-русскій. Первый дошелъ в Лаврентьевскомъ спискѣ, второй - в Ипатьевскомъ. Въ первомъ находятся свѣдѣнія о дѣятельности князей сѣверной Руси, во второмъ - князей южной Руси. Оба эти свода служатъ главными источниками для изученія удѣльно-вѣчевого періода.

Далѣе есть еще лѣтопись Галицко-Волынская; эта имѣетъ уже мѣстный характеръ: событія относятся только къ Руси Галицкой и Волынской. Хронологія этой лѣтописи часто оказывается невѣрной, такъ что на нее в этомъ отношеніи меньше всего можно полагаться.

Кромѣ того есть еще четыре Новгородскихъ лѣтописи, которыя извѣстны подъ именами: первая, вторая, третья и четвертая Новгородскія лѣтописи; потомъ лѣтописецъ новгородскихъ владыкъ и отрывокъ изъ Новгородской лѣтописи XVI в. Далѣе двѣ Псковскихъ и Тверской сборникъ в видѣ свода; составитель послѣдняго пользовался тверскою лѣтописью. Такимъ образомъ мы видимъ, что главными центрами лѣтописной дѣятельности являются: Кіевъ, Владиміръ (или Суздаль), Новгородъ и какой нибудь изъ городовъ Галицко-Волынского княженія. Нѣтъ сомнѣнія, что лѣтописи велись и в другихъ городахъ, такъ напр. въ Переяславлѣ, очень можетъ быть, что и въ Черниговѣ, но эти лѣтописи до насъ не дошли.

Разсматривая всѣ эти лѣтописи и своды можно замѣтить, что извѣстія объ одномъ и томъ же фактѣ в различныхъ сводахъ бываютъ сходны между собою, или же противорѣчатъ другъ-другу. Въ послѣднемъ случаѣ приходится прибѣгать къ критикѣ; иногда же случается, что извѣстія допол-

няютъ одно другое. Сличая различныя извѣстія объ однихъ и тѣхъ же фактахъ, пришли къ убѣжденію, что лѣтописцы не всегда бывали безпристрастны. И потому образъ лѣтописца, нарисованный Пушкинымъ, не совсѣмъ вѣренъ. У Пушкина лѣтописецъ является человѣкомъ безпристрастнымъ, чуждымъ происходящимъ событіямъ; а въ дѣйствительности выходило совсѣмъ наоборотъ. Лѣтописецъ все таки человѣкъ живой, принимающій живое участіе въ окружающихъ событіяхъ, потому что келья, отдѣлявшая его отъ остального міра, была весьма незначительна. Это положеніе можетъ быть подтверждено многими другими условіями тогдашней жизни. Въ прежнее время монастыри находились въ безпрерывной связи съ окружающимъ міромъ. Каждый лѣтописецъ былъ прежде всего уроженцемъ извѣстнаго княженія и принадлежалъ къ извѣстной мѣстности и потому его интересы и симпатіи были связаны съ извѣстнымъ княженіемъ и городомъ. Такъ напр. Новгородецъ относился сочувственно къ происходившему въ Новгородѣ и потому иногда пристрастно судитъ о немъ, а о событіяхъ, положимъ, Владиміра онъ будетъ говорить безпристрастно, Владимірецъ же наоборотъ. Это происходило отъ того, что общіе интересы Руси уступали мѣсто частнымъ, мѣстнымъ. Такъ вотъ это то обстоятельство послужило многимъ къ открытію многихъ затрудненій въ пониманіи историческихъ фактовъ, сообщаемыхъ лѣтописцами, это дало возможность критикамъ освѣтить многіе темные факты путемъ провѣрки однихъ извѣстій другими.

Послѣ татарскаго погрома велись лѣтописи въ нѣсколькихъ городахъ — въ Ростовѣ, Переяславлѣ, Твери, Владимірѣ. Эти лѣтописи обнимали періодъ отъ XIII до XVII вѣковъ; къ нимъ относятся двѣ Софійскихъ, Воскресенская и очень обширный сводъ Никоновскій, доводящій событія до 2 половины XVII вѣка. Со всѣми этими лѣтописями можно познакомиться въ полномъ собраніи русскихъ лѣтописей, изданномъ Археографической коммиссіей. Начало изданія русскихъ лѣтописей можно отнести еще къ XVIII вѣку; уже Петръ I обратилъ вниманіе на наши лѣтописные памятники. Приступили къ отпечатанію этихъ памятниковъ при Екатеринѣ II.

Нѣкоторыя изданія XVIII вѣка до сихъ поръ не повторены; такимъ образомъ до сихъ поръ мы принуждены пользоваться Шлецеровскимъ изданіемъ Никоновской лѣтописи. Между тѣмъ какъ критическія изслѣдованія находятъ, что эти изданія неудовлетворительны во многихъ отношеніяхъ и что необходимо приступить къ новому изданію. Въ послѣднее время изданіе самыхъ важныхъ лѣтописей и сводовъ приняла на себя Археографическая коммиссія. Въ это изданіе вошли: повѣсти временныхъ лѣтъ, 6 новгородскихъ (двѣ послѣднихъ найдены недавно и только въ отрывкахъ), 2 псковскихъ, 2 софійскихъ, Воскресенская, Никоновскій сводъ (еще неоконченный) и Тверской сборникъ. Въ недавнее время вышла въ новомъ изданіи лѣтопись по Лаврентьевскому списку подъ редакціей Бычкова и Ипатьевскій списокъ подъ редакціей Поноурова и, наконецъ, Новгородскія лѣтописи подъ редакціей того-же Бычкова.

Археографическая коммиссія рѣшила приступить къ изданію важнѣйшихъ русскихъ лѣтописей фотолитографическимъ способомъ — именно списковъ Лаврентьевскаго и Ипатьевскаго.

Лѣтописи начинаютъ прекращаться уже въ XVII в., и послѣднія изъ нихъ принимаютъ характеръ офиціальный. Послѣднія общерусскія — не мѣстныя лѣтописи доходятъ только до конца XVI и начала XVII столѣтій. Лѣтописи начинаютъ постепенно замѣняться разными офиціальными сводами, явившимися по требованію правительства, какъ напр. разрядными, родословными и другими. Такимъ образомъ содержаніе лѣтописей сузилось и общерусскія прекращаются въ XVII, а мѣстныя въ XVIII вѣкѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ продолжались лѣтописи, но онѣ касались только событій извѣстнаго города.

Лѣтописи, имѣющія мѣстный характеръ, имѣютъ очень важное значеніе. Напр. Тобольская, Сибирская, Двинская, Новгородская, но онѣ до сихъ поръ изданы край неудовлетворительно.

Существуютъ еще лѣтописи Малорусскія, начинающіяся съ XVI в., именно со времени обособленія Малой Руси, и доходятъ до конца XVII и начала XVIII вѣковъ. Изъ этихъ лѣтописей замѣчательны: Самовидца, Грабянки

и Украйны. Эти лѣтописи не имѣютъ ученаго характера, а передаютъ только отрывочные факты. Они могутъ служить къ изученію исторіи Малороссіи, но только требуютъ строгой критики источниковъ. Они вообще носятъ на себѣ характеръ крайне узкій, мѣстный. Въ послѣднее время найдены чрезвычайно важные документы для провѣрки этихъ лѣтописей,— это большая переписка съ Малороссіей, найденная въ Москвѣ въ архивахъ Министерства юстиціи и иностранныхъ дѣлъ. Документами этими пользовались Соловьевъ, Костомаровъ и другіе.

Одна общая особенность этихъ малорусскихъ лѣтописей, это изысканная внѣшняя форма, согласная съ литературными требованіями того времени, а потому слишкомъ слабая во внутреннемъ содержаніи. Другая особенность та, что событія въ ней передаются подъ вліяніемъ сильныхъ впечатлѣній, отчего во всѣхъ этихъ лѣтописяхъ замѣтно преобладаніе чувства надъ разсудочностью; но вмѣстѣ съ тѣмъ подобный характеръ изложенія имѣетъ ту хорошую сторону, что въ ней событія передаются въ болѣе живой формѣ. Такое различіе между сѣверными и южными лѣтописями легко можетъ быть объяснено характеромъ самихъ лѣтописцевъ: великороссъ сдержаннѣе и менѣе поддается впечатлительности, а малороссъ наоборотъ. Это различіе проглядываетъ довольно рѣзко между лѣтописями Ипатьевской и Новгородскими.

Затѣмъ есть еще лѣтописи Литовскія, касающіяся исторіи великаго княжества Литовскаго. Наконецъ — польскія, имѣющія близкое отношеніе къ лѣтописной литературѣ Россіи. Изъ послѣднихъ замѣчательна Мартина Галла (XII в), Кадлубка (XIII в.), Яна изъ Чарнкова (XIV в), Длугоша (XV в.) и др.

Сказанія. Далѣе перейдемъ къ обзору сказаній, которыя послѣ лѣтописей въ ряду историческихъ источниковъ занимаютъ второе мѣсто. Эти сказанія представляютъ собою разсказы объ отдѣльныхъ событіяхъ или лицахъ. Важность ихъ заключается въ томъ, что авторы этихъ разсказовъ стояли весьма близко къ описываемымъ событіямъ или были очень хорошо знакомы съ біографическими данными описываемыхъ личностей. Сказанія эти писались подъ вліяніемъ сильныхъ впечатлѣній всл-

ствіе какихъ нибудь событій или лицъ и потому при пользованіи ими нужно быть крайне осторожнымъ и относиться къ нимъ строго критически; но при всемъ томъ они все же составляютъ драгоцѣнный матеріалъ. Лѣтописецъ или историкъ смотритъ на событія съ точки зрѣнія болѣе объективной, а у авторовъ сказаній преобладаетъ субъективная точка зрѣнія. Многія изъ этихъ древнихъ сказаній вошли въ лѣтописи, какъ напр. объ Андреѣ Боголюбскомъ, о нашествіи татаръ, о Куликовской битвѣ. Доходятъ они въ лѣтописяхъ до второй половины XVII в. Важное значеніе имѣетъ сказаніе о взятіи Астрахани Стенькой Разинымъ.

Житія. Далѣе важное значеніе въ ряду историческихъ источниковъ имѣютъ житія святыхъ. Этотъ отдѣлъ источниковъ имѣетъ чрезвычайно важное значеніе. Церковный элементъ въ древней Руси стоялъ на высокой высотѣ: церковь въ значительной степени двигала просвѣщеніемъ; монастыри были главнымъ средоточіемъ образованности; здѣсь составлялись лѣтописи, хранились рукописи, велись переписки. Кругъ вѣдѣнія дѣлъ церковныхъ былъ при этомъ весьма обширенъ; іерархамъ подлежали въ то время такія дѣла, которыя впослѣдствіи перешли въ руки свѣтской власти. При такомъ значеніи церковнаго элемента, понятно біографіи лицъ, прославившихся своею святостью, должны безспорно служить однимъ изъ важныхъ источниковъ для историка.

Меньше всего дошло до насъ жизнеописаній лицъ свѣтскихъ. Сюда относится прежде всего житіе благовѣрнаго князя Александра Невскаго, изданное въ пяти редакціяхъ. Оно сообщаетъ намъ много драгоцѣнныхъ свѣдѣній о личности этого князя, о его жизни, борьбѣ со Шведами, объ отношеніяхъ къ Ордѣ и другимъ князьямъ. Замѣчательны также житія: Михаила, князя Черниговскаго, замученнаго въ Ордѣ, Михаила Ярославича, тоже пострадавшаго въ Ордѣ, и Александра Михайловича Тверскаго. Всѣ эти лица принимали дѣятельное участіе въ исторіи и потому неоспоримо житія ихъ представляютъ для насъ драгоцѣнный источникъ. Не менѣе важно житіе Юліаніи Лазаревской, написанное ея сыномъ и содержащее много подробностей о бытѣ

помощниковъ XVI в. Но гораздо больше сохранилось житій лицъ духовныхъ. Такъ мы имеемъ целый общирный отделъ житій древнихъ іерарховъ, имевшихъ большое вліяніе въ свое время. Сюда относятся житія Новгородскихъ владыкъ, власть которыхъ была центромъ въ политическихъ стремленіяхъ Новгорода, Московскихъ митрополитовъ Петра и Алексея, которымъ князья Московскіе были обязаны весьма многимъ. Последнія житія важны для изученія исторіи Москвы.

Но больше же всего сохранилось житій основателей монастырей. Монастыри имели весьма важное значеніе въ исторіи колонизаціи Россіи. Монахи нередко были первыми обитателями пустынныхъ, отдаленныхъ местъ. Сюда удаляясь они, избегая шумной мірской жизни, выбирали более удобныя места, заводили хозяйство, а затемъ являлись селенія, начиналась промышленность и торговля. Такимъ образомъ житія основателей монастырей важны для исторіи колонизаціи. Кроме того монастыри во все времена имели большія связи и возбуждали интересъ прочихъ людей того времени. Значеніе это живо рисуется въ житіи основателя Кіево-Печерскаго монастыря — Феодосія, пользовавшагося особеннымъ нравственнымъ вліяніемъ на народъ и князей. Феодосій ввелъ общежительный уставъ, которымъ требовалось строгое благочиніе и обреченіе себя на служеніе другимъ. Благодаря ему Кіево-Печерскій монастырь служилъ разсадникомъ подвижниковъ и распространителей веры христіанской.

Изъ монастырей въ северной Руси замечателенъ Соловецкій по своей общирной сельско-хозяйственной деятельности. До насъ дошли житія основателей его Зосимы и Савватія. Видное также место въ числе литературныхъ источниковъ занимаетъ житіе Стефана Пермскаго, который изобрелъ для Пермяковъ азбуку и распространилъ среди нихъ христіанство.

Таковы были важныя въ историческомъ отношеніи изъ дошедшихъ до насъ житій. Чем более древнія житія (до XVI в) по характеру изложенія и литературной обработке резко отличаются отъ позднейшихъ. Древніе составители, проникнутые глубокимъ уваженіемъ къ описываемому ими лицу, излагали біографію его просто, безъ всякой литературной обработки, заботясь

единственно о достовѣрности излагаемыхъ фактовъ. Съ этой стороны древнія житія представляютъ много драгоцѣнныхъ данныхъ для исторіи. Но съ XVI в. начинается другой періодъ житій, когда главное вниманіе составителей обращено было не столько на изложеніе фактовъ, сколько на то, чтобы прославить святаго. Житіе составлялось по заранѣе уже сложившимся формамъ, являлось необходимымъ предисловіе, содержащее похвалу святому, и заключеніе — перечень его чудесъ; нерѣдко присоединялось даже нравственное поученіе современникамъ. Это различіе в характерѣ изложенія житій той и другой эпохи подало поводъ в новѣйшей литературѣ къ образованію двухъ взглядовъ на житія. Встрѣчая житія в редакціяхъ краткихъ и пространныхъ, проф. Шевыревъ высказываетъ догадку, что подробнымъ редакціямъ житій предшествовали болѣе краткія, не дошедшія до насъ. По поводу этого вопроса у насъ есть двѣ монографіи: одна, принадлежащая Некрасову, другая, Ключевскому, бывшему ученику С. М. Соловьева. Въ своей монографіи „Зарожденіе самобытной литературы в Сѣв. Руси" онъ старается доказать, что самобытная литература вначалѣ безъ всякихъ искусственныхъ пріемовъ, и что только впослѣдствіи житія святыхъ перерабатывались, осложнялись и распространялись. Некрасовъ много занимался рукописными житіями; онъ взялъ нѣсколько изъ этихъ житій и сталъ подробно разрабатывать ихъ съ цѣлью найти факты, подтверждающіе важное вышеупомянутое положеніе о предшествованіи пространныхъ редакцій житій — краткимъ, положеніе высказанное Шевыревымъ въ видѣ догадки. Послѣ того какъ онъ посѣтилъ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. Въ своей монографіи Некрасовъ доказываетъ, что краткія житія были сильно распространены. Краткія житія, главнымъ образомъ, зародились и были распространены въ Сѣверо-восточной Руси, которая во все время татарскаго погрома, какъ бы прервавшаго прогрессивное движеніе русскаго народа, была въ изолированномъ положеніи, была какъ бы оторвана отъ Руси юго-западной; всѣ же другія, болѣе пространныя житія представляютъ заимствованія. Житія въ краткой и пространной редак-

цілахъ до насъ дошло не много, какъ напр. житіе новгородскаго юродиваго *) Михаила Клопскаго и др., но на нѣсколькихъ фактахъ невозможно строить такого важнаго положенія и притомъ въ то время, когда у насъ издано житій весьма незначительное количество и вопросъ о нихъ только теперь вступаетъ въ силу. Въ монографіи же Ключевскаго проводится взглядъ противоположный взгляду Некрасова и тутъ въ подтвержденіе своего взгляда Ключевскій приводитъ много фактовъ. Той и другой форме житій предшествовало народное преданіе, которое иногда очень долго не переходило въ форму житія, такъ какъ не было случая, не было человѣка, который бы могъ взять на себя этотъ трудъ, но лишь только такой человѣкъ являлся, какъ къ нему приступали съ просьбой о составленіи житія; и оно выходило изъ подъ пера составителя, после на себя тотъ или другой характеръ.

Краткія редакціи житій не пользовались въ XVI в. авторитетомъ: тогда казалось недостойнымъ излагать въ простой безъискуственной формѣ жизнь святого и потому съ этого времени стали появляться изложенія съ литературной обработкой.

Вообще XVI вѣкъ составляетъ эпоху въ исторіи житій. Тогда начались издаваться житія въ литературной формѣ, тогда же впервые приступили къ ихъ собранію. Это послѣднее явленіе было высоко знаменательнымъ. Русская жизнь до XVI в. была очень богата въ церковной сферѣ: существовало много памятниковъ, но всѣ они оставались разкинутыми, не было ни одного сборника. Предпринятая попытка собрать всѣ эти разбросанныя драгоцѣнности выражала собою внутреннее движеніе въ русскомъ народѣ. Какъ до этого времени всѣ части стремились къ обособленію, такъ теперь организмъ русской жизни пріобрѣтаетъ больше и больше крѣпости и связности, больше и больше объединенія въ своихъ частяхъ. Первый приступилъ къ собранію житій Митрополитъ Макарій. Этотъ колоссальный трудъ Макарія извѣстенъ подъ именемъ Макарьевскихъ Четій-Миней, которыя какъ бы составляютъ русскую энциклопедію XVI в. Въ составъ этихъ Миней вошли не только житія, но и мно-

сіе другіе памятники русской духовной письменности.

До недавняго времени Макарьевскія Четьи-Минеи сохранялись у насъ въ рукописяхъ и только теперь Археографическая коммиссія рѣшила приступить къ изданію этого памятника, важнаго какъ въ литературномъ такъ и въ историческомъ значеніи. Но такъ какъ многія житія, помѣщенныя въ этомъ сборникѣ, были найдены одни въ болѣе краткихъ, другіе въ болѣе пространныхъ редакціяхъ, то предположено было выбрать изъ нихъ самыя лучшія и болѣе важныя; а подобный выборъ затянулъ бы дѣло изданія еще на неопредѣленное время, потому что нужно было бы всѣ эти редакціи подвергнуть критикѣ, для которой приходилось бы прибѣгать къ частымъ сравненіямъ и проверкамъ съ византійскими подлинниками, то поэтому и рѣшено было издать ихъ прямо по списку XVI в. и вносить болѣе распространенныя редакціи, только для пополненія варіантовъ.

Какъ на пособіе при изученіи этого отдѣла историческихъ источниковъ, можно указать на мѣсяцесловъ Вергунинскаго, представляющій краткія свѣдѣнія о святыхъ; потомъ на „полнѣйшій мѣсяцесловъ восточныхъ святыхъ“ — колоссальный трудъ Сергія, въ высокой степени замѣчательный и пріобрѣвшій европейское значеніе. Въ этомъ своемъ трудѣ онъ указываетъ на множество рукописей и сообщаетъ краткія свѣдѣнія о каждомъ святомъ. Далѣе можно указать на изслѣдованіе Филарета, представляющее краткія извлеченія о разныхъ святыхъ, составленныя въ календарной формѣ; наконецъ важное пособіе при ознакомленіи съ житіями представляютъ двѣ выше упомянутыя монографіи Некрасова и Ключевскаго.

Записки. Къ житіямъ, какъ къ памятникамъ древней русской литературы, очень близко по содержанію подходятъ записки. Но ими мы не богаты до самаго XVII в., а начинаются онѣ у насъ около XVI вѣка. Ра-

*) (Къ страницѣ 35). Юродивыми обыкновенно называлися предавшіеся аскетизму, но жившіе среди общества; образъ жизни и поведеніе были всегда эксцентричны, чѣмъ особенно обращали на себя вниманіе. Юродивые всѣми мѣрами старались поднять нравственный уровень общества; благодаря выработавшемуся о нихъ поня-

ку записокъ имѣетъ важный историческій и литературный памятникъ „Исторія Государства Московскаго", соч. князя Александ. Михайловича Курбскаго, который, будучи недоволенъ Іоанномъ Грознымъ, бѣжалъ въ Литву и оттуда завязалъ съ нимъ длительную и необычайно любопытную въ историческомъ отношеніи переписку. Князь Курбскій, потомокъ знаменитаго рода князей Ярославскихъ, герой Казанскаго похода, былъ человѣкомъ высоко стоящимъ и необычайно образованнымъ по своему времени, вслѣдствіе чего его записки должны имѣть важное значеніе для историка. Притомъ онъ являлся представителемъ боярскаго начала, съ которымъ Іоанну приходилось вести ожесточенную борьбу. Записки его доставляютъ много свѣдѣній о царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ, объ его характерѣ, о событіяхъ его царствованія, въ подробности изображаютъ казни, совершенныя Іоанномъ; но во всякомъ случаѣ ими нужно пользоваться съ большою осторожностью. Курбскій человѣкъ, несомнѣнно пристрастный. Онъ смотрѣлъ на себя какъ на потомка древняго княжескаго рода и потому считалъ себя въ правѣ защищать старыхъ бояръ, доказывая Іоанну, что онъ отступился отъ старины и унизилъ родъ бояръ а съ тѣмъ вмѣстѣ и князей Московскихъ. Притомъ самыя извѣстія Курбскаго лишены иногда всякаго вѣроятія. Такъ онъ говоритъ, напр., что шестомъ царь Иванъ Васильевичъ Досиану и т. п. Точно также критически нужно относиться и къ фактамъ, встрѣчающимся въ письмахъ Іоанна къ Курбскому, потому что и онъ является тутъ пристрастнымъ, стараясь оправдать себя отъ нападокъ Курбскаго

По своимъ подробностямъ особенно замѣчательна также автобіографія Аввакума - расколоучителя. Онъ былъ священникомъ, стоялъ во главѣ раскольничьей партіи, былъ необычайно энергиченъ, твердъ въ своихъ убѣжденіяхъ, за которыя и былъ сосланъ въ Сибирь, черезъ нѣсколько времени возвращенъ въ Москву и потомъ опять сосланъ на Сѣверъ. Благодаря своему дару готово ему позволяли высказывать правду въ весьма рѣзкой формѣ. —

водить увлекательно и просто, онъ имѣлъ значительное вліяніе въ свое время и силою своего краснорѣчія дѣйствовалъ на многихъ. И вотъ къ счастью о такомъ важномъ и замѣчательномъ мужѣ дошла до насъ его автобіографія.

Далѣе отъ XVII вѣка болѣе обращаютъ на себя вниманіе записки Котошихина, о царствованіи Алексѣя Михайловича. Записки эти очень замѣчательны по обилію фактовъ; тутъ мы можемъ найти данныя для ознакомленія съ тогдашнимъ положеніемъ Московскаго государства. Онъ подробно разсказываетъ о царскомъ бытѣ, образѣ жизни царицъ, о воспитаніи царевичей; даетъ подробное описаніе приказовъ, съ которыми онъ былъ хорошо знакомъ, такъ какъ служилъ въ нихъ долгое время; приводитъ много числовыхъ данныхъ, которыми иногда пользовались слишкомъ неосторожно, слишкомъ довѣряя имъ и не провѣряя критикой. Въ рукописяхъ XVII вѣка найдены многія данныя, которыя дадутъ возможность провѣрить свѣдѣнія, сообщенныя Котошихинымъ. Но и этимъ запискамъ нельзя особенно довѣрять, потому что Котошихинъ, какъ и Курбскій, человѣкъ партіи, также, какъ и тотъ, онъ бѣжалъ сначала изъ Москвы въ Польшу, а потомъ въ Швецію, гдѣ и составилъ свои записки, и, какъ думаютъ, по просьбѣ Шведовъ. Подъ вліяніемъ своихъ личныхъ взглядовъ онъ многое понимаетъ и передаетъ слишкомъ несправедливо, односторонне. Вообще же его записки очень важны для историка; въ нихъ также еще можно найти указанія на взаимныя политическія отношенія между Москвой и другими западными государствами.

Кромѣ Котошихина о мѣстномъ управленіи, о сословіяхъ писалъ также и сербъ Юрій Крижаничъ, который долго жилъ въ Москвѣ и познакомился съ ней всесторонне, но все же не такъ, какъ Котошихинъ. Въ своихъ запискахъ онъ проводитъ панславистическія идеи; первый высказываетъ онъ горячія убѣжденія о томъ, какую роль должно играть Славянство съ Москвою во главѣ, которая должна какъ бы составить оплотъ самобытности и самостоятельности Славянства. Нападаетъ страшно

на чужестранцѣ, недостатокъ — перенимать все это у другихъ, существованіе котораго онъ замѣчаетъ въ Москвѣ. Такимъ образомъ въ его сочиненіи какъ бы отражаются всѣ дурныя стороны Московской жизни.

Потомъ важное значеніе для исторіи имѣютъ письма историческихъ дѣятелей. До XVI в. они составляютъ небольшой отдѣлъ въ исторической литературѣ. Первымъ памятникомъ этого рода можно считать письма Владиміра Мономаха къ Олегу Святославовичу, написанныя по настоянію сына въ то время, когда Владиміръ велъ войну съ Олегомъ. Большая часть писемъ сохранилась отъ половины XVI и XVII вѣковъ. Сюда относятся письма Іоанна Грознаго къ Курбскому, любопытныя въ томъ же отношеніи, какъ и Курбскаго къ Іоанну. Они выставляютъ Іоанна защитникомъ своихъ дѣйствій, защитникомъ новыхъ началъ, противъ которыхъ ратовали бояре; онъ находитъ старое несовершеннымъ, уже отжившимъ свой вѣкъ; для поддержанія самобытности необходимы новыя начала; на этомъ только началѣ онъ и думалъ царствовать. Въ оправданіе себя онъ беретъ доказательства изъ исторіи священной и Византійской.

Отъ XVII в. сохранились письма патріарха Филарета и, особенно заслуживающія вниманія письма царя Алексѣя Михайловича къ близкимъ ему лицамъ: Ордину-Нащокину, патріарху Никону и др. Въ нихъ гораздо лучше и живѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ памятникахъ, рисуется характеръ царя, изображаются его задушевныя мысли и чувства; и эти письма потому составляютъ лучшій и незамѣнимый источникъ для его характеристики. Историческое лицо вездѣ въ нихъ высказывается вполнѣ, является открытымъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, не скрываясь за маской притворства. И хотя письма Алексѣя Михайловича не относятся къ литературному отдѣлу, но они имѣютъ большій интересъ въ глазахъ историка, чѣмъ сказанія и записки. Потомъ также важныя данныя находятся въ перепискахъ частныхъ лицъ, какъ напр., переписка кн. В.В. Голицына, сообщающая много фактовъ

о московской [illegible].

Сказанія иностранцевъ. Наконецъ обширный отдѣлъ въ исторической литературѣ занимаютъ сказанія о Россіи иностранцевъ. Всѣ они обращаютъ на себя вниманіе прежде всего по подробностямъ, съ которыми изображаютъ русскій бытъ. Иностранецъ останавливается на томъ, на что русскій человѣкъ не обратитъ вниманія; тѣ стороны жизни, которыя иностранцу еще не извѣстны, возбуждаютъ в немъ большій интересъ, чѣмъ в русскомъ. Для послѣдняго это свое, привычное, для иностранца оно ново и потому больше останавливаетъ его взоръ. Эти подробности, встрѣчающіяся въ сказаніяхъ иностранцевъ, даютъ иногда возможность яснѣе видѣть изображеніе какой нибудь идеи, какого нибудь понятія. Иностранецъ при описаніи чужого быта, сопоставляетъ его со своимъ и благодаря этому сопоставленію и сравненію лучше схватываются и опредѣляются характерныя черты чужой народности. И потому при изученіи народностей очень важное значеніе имѣютъ сказанія иностранцевъ.

Но отсюда еще не слѣдуетъ, что можно вполнѣ довѣрчиво относиться къ сказаніямъ иностранцевъ. Отъ всякаго наблюдателя требуется весьма многого; для того, чтобы вѣрно передать свѣдѣнія, нужна значительная подготовка. Многое для иностранца можетъ быть непонятно или понимаемо превратно. Не зная исторіи, такіе повѣствователи передаваемые факты отрывочно, не принимая во вниманіе ихъ общую связь, вслѣдствіе чего эти факты являются не особенно ясными. Въ этихъ сказаніяхъ проглядываетъ субъективная точка зрѣнія при всемъ желаніи объективировать ее. Потомъ также важно, какого вѣроисповѣданія повѣствователь, если протестантскаго, то къ многимъ религіознымъ фактамъ онъ проявляетъ своего терпимость, а католикъ наоборотъ, часто бываетъ крайне нетерпимъ. —

Иностранцы обобщаютъ иногда извѣстныя бытовыя данныя и сообщаютъ ихъ подчасъ невѣрно. Ихъ взгляды часто односторонни, неправильны, обобщенія

случайны.

Сказанія иностранцевъ о Руси начинаются съ весьма древняго времени, именно съ XI вѣка и принадлежатъ бытописателямъ византійскимъ, западно-европейскимъ и арабскимъ. Изъ византійскихъ источниковъ первый сообщилъ свѣдѣнія Прокопій, писат. VI в. Далѣе болѣе замѣчательны Менандръ и Маврикій въ концѣ VI в.; въ X в. Константинъ Багрянородный, Левъ Діаконъ; въ XI Георгій Кедринъ.

Въ извѣстіяхъ Константина есть перечисленіе днѣпровскихъ пороговъ и названіе каждаго изъ нихъ; это свидѣтельствуетъ, что Византія вела торговыя отношенія съ славянскими племенами. Разработка этихъ названій днѣпровскихъ пороговъ показала, что нѣкоторыя изъ этихъ названій принадлежатъ Норманамъ, что и дало поводъ предположить, что Днѣпръ былъ также торговымъ путемъ въ Византію и для Норманновъ и что вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ нѣкоторые факты къ разрѣшенію варяжскаго вопроса. Далѣе попадаются разсказы о пребываніи Ольги въ Константинополѣ, о нападеніи Олега и др. — Свѣдѣнія о Россіи византійскихъ источниковъ разработаны проф. Спб. Университета Васильевскимъ, и это его изслѣдованіе помѣщено въ Журн. М. Н. Пр. — Извлеченіе всѣхъ свѣдѣній изъ византійскихъ лѣтописей сдѣлалъ Стриттеръ. Но требованія новѣйшей исторіи нуждаются въ новомъ изданіи. Всякому историку чрезвычайно важно имѣть сборникъ всѣхъ византійскихъ свѣдѣній о насъ, знать, что говорили о Славянахъ восточныхъ византійскіе лѣтописцы. Можно указать на послѣдній трудъ варшавскаго профессора Мачуева; потомъ также обращаетъ на себя вниманіе библіографическій трудъ Потгаста.

Изъ западно-европейскихъ писателей находятся свѣдѣнія у Іорнанда (VI в.), Эйнгарда (IX в.), Дитмара (XI в.), Фредегарія (VII в.) и Гельмгольда (XII в.).

Знаменитое движеніе Готовъ отъ Балтійскаго моря къ Черному дало первый толчекъ движенію Славянъ, которыя и заставили обратить на нихъ вниманіе западно-европейскихъ народовъ. У Іорнанда встрѣ-

чаются въ перечисленіи племенъ, имена финскихъ, именно — Меренъ и Морденъ, т.е. Меря и Мордва, обитавшія дѣйствительно в средней Руси.

Петръ принялъ на себя изданіе всѣхъ этихъ монументальныхъ памятниковъ германскихъ. Изданіе это чрезвычайно занимательно; есть и общедоступное.

Особенное вниманіе обращаютъ на себя сказанія о славянахъ восточныхъ, встрѣчающіяся у арабскихъ писателей. Въ послѣднее десятилѣтіе было найдено много арабскихъ рукописей, сообщающихъ драгоцѣнныя свѣдѣнія. Фактъ, что свѣдѣнія о славянахъ и другихъ западно-европейскихъ племенахъ попадаются у арабскихъ писателей, можно объяснить тѣмъ, что владѣнія ихъ были чрезвычайно обширны, охватывали собою Средиземное море со всѣхъ сторонъ, такимъ образомъ судьбы народовъ западно-европейскихъ были связаны съ судьбами арабовъ. Въ рукописяхъ ихъ отъ IX и до начала XV в. встрѣчается масса географическихъ свѣдѣній. Знакомство съ древне-классическимъ міромъ начало проникать въ Европу, стоящую на низкой ступени развитія черезъ посредство Арабовъ; они первые обратили вниманіе на Аристотеля, великаго греческаго мыслителя. Даже нѣкоторыя свѣдѣнія, добытыя отважными путешественниками въ центральную Африку, теперь найдены въ арабскихъ рукописяхъ; изъ чего видно, что они хорошо были знакомы съ центральной Африкой. Такимъ образомъ можно сказать, что Арабы в то время были представителями міровой цивилизаціи, и вотъ почему ихъ свѣдѣнія о славянскихъ племенахъ могутъ быть чрезвычайно драгоцѣнны при изученіи исторіи славянства.

Такія свѣдѣнія о восточныхъ славянахъ попадаются у Массуди, Фадлана (X в.), Эль-Андалузи (XI в.), Абульфеды (XIII и XIV в.в.), Батута (XIV в.) и Бакуви (XV в.).

Отъ X до XIII в. находятся извѣстія у ливонскихъ и польскихъ лѣтописцевъ; съ XIII в. начинается рядъ интересныхъ извѣстій о Монголахъ, могущество которыхъ заставило обратить на себя вниманіе Европы. Въ составъ ихъ владѣній входила вся центральная Азія, прикаспійскія степи, степи у

берегов Черного и Азовского морей; далее под их владычеством находились юго-западные славянские племена; таким образом их царство было весьма обширно.
При посредстве Монголов были добыты обширные географические сведения, о которых замечено, что при образовании обширных государств они усиливаются. Сведения эти доходили до нас через европейцев, попадавшихся в плен к Монголам. Монголы дорожили ими, пользуясь их знаниями, в особенности при проложении путей сообщения. Замечено, что пути сообщения составляли у Монголов предмет главной заботы; они проводили дороги, содержали ямские станции. С появлением Монгольского царствования центральная Азия выступает из мрака неизвестности. С этого времени появляется ряд известий о народах азиатских и также восточно-европейских. Первые сведения сообщены были Плано-Карпини, Рубруквисом и <u>Марко-Поло</u>. У Плано-Карпини есть сведения о Ярославе Всеволодовиче, который погиб в Орде. — Самые замечательные сведения о Монголах доставил Марко-Поло, который жил долгое время среди монголов. Его сочинение нравилось всем, было переведено на разные европейские языки. Лучшее издание этого сочинения — английское. У нас оно издано Московским Обществом истории и древностей, в его Чтениях; важно это сочинение для нас потому, что быт восточных славян находился в тесной связи с бытом монголов. Это сочинение дает нам возможность разрешить вопрос о влиянии Монголов на русскую жизнь, которое несомненно было и продолжалось приблизительно от XIII до XV века. Вопрос о татарском влиянии и вообще о взаимном влиянии народностей представляет общеисторическую важность.

Татарский разгром разделил Россию, как было выше указано, на две части: северо-восточную, которая очутилась в изолированном положении, и развитие которой было вследствие этого более самостоятельно и самобытно, и юго-западную, жизнь которой находилась в тесной связи с литовскими народами и Польшей. Таким образом о северо-восточной Руси почти совсем забыли на Западе; она начала

постепенно развиваться, усиливаться; и все это происходило незаметно, въ тиши отъ Европы. Наконецъ когда северовосточная Русь сконцентрировалась, когда она покончила съ своимъ внутреннимъ устройствомъ и начала расширять свои владения, тогда только западная Европа съ удивлениемъ замечаетъ о ея существовании, начинаетъ интересоваться ею. Есть известие о томъ, что Рыцарь Поппель, приехавший изъ Империи, съ чрезвычайнымъ удивлениемъ узналъ о существовании на востоке Руси Московскаго государства, вполне организованнаго и довольно сильнаго.

И вотъ съ XV в. появляется рядъ повествований и известий о Московской Руси. Первыя сочинения этого рода принадлежатъ Венецианцамъ, которымъ лучше были известна южныя части Руси. Венеция въ это время стояла на высокой степени развития, вела обширныя торговыя сношения съ различными городами и потому была близко знакома и съ южной Русью; вотъ чемъ и можно объяснить появление у нихъ записокъ о Руси. Кроме того появлению этихъ известий способствовали события того времени. Это была эпоха возникновения наукъ и искусствъ, всевозможныхъ открытий и изобретений. Стремления къ открытиямъ и направили внимание западно-европейцевъ на востокъ, на тъ народы, которые какъ бы составили оплотъ въ развитии западной Европы отъ татарскаго могущества.

После того какъ Россия покончила съ своимъ внутреннимъ устройствомъ, она завязала сношения съ западной Европой, благодаря которымъ Западъ получилъ массу сведений о Востоке. Этимъ сношениямъ и взаимному знакомству способствовала Венецианская торговля, которая охватывала моря: Средиземное, Черное и Азовское.

Въ конце XV в. венецианецъ Барбаро прожилъ около 16 летъ въ Тане у береговъ Азовскаго моря, оттуда отправился въ Персию къ Узунъ-Гассану. У него встречаются сведения о южной Руси и некоторыхъ княжествахъ, несмотря на окраинность ея. Онъ удивительно живо обрисовываетъ картину татарскаго быта; удивительно живо описываетъ южно-русския степи, болота, земледелие, которое кочевники начали появляться въ этихъ степяхъ; даетъ некоторыя сведения о Кавказскихъ народахъ, какъ напр. о Грузинахъ.—

Другой путешественникъ XV в. Контарини совершилъ путешествіе черезъ Польшу въ Крымъ, на Кавказъ, а оттуда въ Персію, гдѣ встрѣтился въ Дербентѣ съ русскимъ посломъ Маркомъ, и такъ какъ возвращаться назадъ тѣмъ же путемъ было не безопасно, то онъ и принялъ предложеніе Марка возвратиться въ Европу черезъ Москву. Изъ Дербента по Каспійскому морю они отправились въ Астрахань, оттуда по Волгѣ, черезъ степи, Рязанское царство въ Москву. Здѣсь Контарини познакомился съ Іоанномъ III и вслѣдствіе денежныхъ затрудненій прожилъ въ Москвѣ довольно долгое время. Къ сожалѣнію Контарини оставилъ намъ мало свѣдѣній о Москвѣ, болѣе же всего описываетъ свои приключенія; многіе факты, которые по своей важности должны были бы привлечь его вниманіе, остаются у него совершенно незамѣченными. Въ этомъ отношеніи Барбаро стоитъ выше.

Въ эпоху возрожденія наукъ и искусствъ значеніе знаній и новыхъ открытій были весьма сильны. Образованіе тогда получило энциклопедическій характеръ; въ основѣ его лежало изученіе классическаго міра, которое вырабатывало пріемы, давало способы къ развитію. При господствовавшемъ тогда стремленіи къ открытіямъ и знаніямъ свѣдѣнія о Востокѣ, сообщенныя Барбаро и Контарини являлись неудовлетворительными. Потому явилась потребность въ болѣе солидномъ трудѣ. Такимъ является трактатъ польскаго ученаго Матвѣя Меховскаго. (Образованіе въ Польшѣ тогда стояло очень высоко). Въ своемъ предисловіи онъ высказываетъ мысль, какая роль должна быть выполнена Польшею въ міровой задачѣ этой эпохи. Эту часть задачи онъ видитъ въ томъ, что Польша должна познакомить Европу съ восточнымъ міромъ. — Въ своемъ трудѣ онъ сдѣлалъ много для знакомства съ Индіей; этими свѣдѣніями онъ возбудилъ большой интересъ на Западѣ. — На Западѣ думали, что черезъ Москву ведетъ путь въ Азію и далѣе въ Индію; вслѣдствіе чего изъ Италіи не разъ дѣлались запросы въ Москвѣ объ этомъ пути. — Но главнымъ образомъ важность трактата Меховскаго заключается въ томъ, что оно поколебало непоколебимость вѣры въ достовѣрности классическихъ понятій о Восточн. Европѣ. Какъ выше было упомянуто, классическій міръ

составившихъ основу школьнаго и научнаго образованія той эпохи; всѣ научныя свѣдѣнія почерпались изъ этого міра, все добытое, новое приспособлялось къ прежнему.

Знакомство древнихъ писателей съ славянскими племенами, которые извѣстны были подъ именемъ Сарматовъ и Скиѳовъ, заставило ихъ обратить вниманіе на ихъ большія рѣки: Днѣпръ, Донъ, Волгу, Днѣстръ и возбудили въ нихъ интересъ и желаніе узнать, откуда они берутъ начало. Разныя полученныя извѣстія привели ихъ къ заключенію, что всѣ эти рѣки начинаются съ очень высокихъ горъ Гиперборейскихъ или Рифейскихъ, которыя составляютъ продолженіе горъ Герцинскихъ (знаменитый Герцинскій лѣсъ въ Германіи). Такія данныя объ этихъ рѣкахъ попали и въ Птоломееву географію, которая составляла единственный сборникъ географическихъ свѣдѣній того времени. И вотъ это-то извѣстіе Птоломеевой Географіи и было опровергнуто Меховскимъ, который говоритъ, что эта мѣстность не только не гориста, но даже равнинна, плоска и болотиста. Такимъ образомъ данъ былъ первый толчекъ къ критическому взгляду на древній классическій міръ.

Въ своемъ трактатѣ Меховскій дѣлаетъ иногда нѣкоторыя обобщенія, которыя любопытныя невѣрныя. Напримѣръ, онъ старается сравнить иногда имена Славянскихъ народовъ своего времени, съ такими же именами классическаго міра, такъ Московитянъ онъ производитъ отъ Мосхи, Русь — отъ Роксолановъ. Первое сравненіе не имѣетъ рѣшительно никакого основанія, въ послѣднемъ же еще можно найти нѣкоторую долю вѣроятія. Далѣе границей между Европой и Азіей онъ ставитъ Донъ, что до нѣкоторой степени не лишено основанія. Судьбы народовъ Азіи и живущихъ по ту сторону Дона имѣютъ очень много общаго. Западная отъ Дона сторона извѣстна у него подъ именемъ Скиѳіи, а восточная подъ именемъ Сарматіи, что заимствовано у него изъ классическаго міра. (Вообще замѣчено, что писатели того времени очень часто ссылались на классиковъ и даже цитировали ихъ.) Потомъ онъ говоритъ о разныхъ народностяхъ, описываетъ Татаръ, Литву, Русь; приводитъ перечень Русскихъ князей, описы-

ваетъ состоянiе Московскаго государства. Кромѣ также говоритъ о Угорахъ или Венграхъ.—

Трудъ Мѣховскаго въ исторiи польской литературы представляетъ библiографическую рѣдкость. Написанъ онъ на латинскомъ языкѣ, переведенъ былъ и на другiе языки и выдержалъ массу изданiй. Русскiй переводъ этого труда до сихъ поръ не найденъ. Свѣдѣнiями, сообщенными Мѣховскимъ, былъ возбужденъ интересъ въ Россiи.

Далѣе свѣдѣнiя о Россiи находятся въ запискахъ о Россiи Фабра, составленныхъ по порученiю германскаго императора въ Вѣнѣ по добытымъ отъ бывшихъ тамъ русскихъ пословъ. Фабръ, ученый католическiй епископъ въ описанiи русской церкви выразилъ къ ней большую симпатiю и полнѣйшее безпристрастiе, что объясняется слишкомъ неудовлетворительнымъ направленiемъ и притязанiями католической религiи, чѣмъ Фабръ былъ крайне недоволенъ, и вотъ почему онъ такъ симпатически отнесся къ русской церкви, къ православной религiи, которая проявлялась въ русскихъ много простаго, естественнаго благочестiя.

Къ первой же половинѣ XVI ст. относится также сочиненiе итальянца Павла Iовiя, замѣчательное въ томъ отношенiи, что оно написано со словъ русскаго посла въ Римѣ — Димитрiя Герасимова, который былъ человѣкомъ образованнымъ для своего времени и знавшимъ латинскiй языкъ.—

Какъ выше было замѣчено, свѣдѣнiя о Россiи у поименованныхъ западно-европейскихъ писателей начинаются съ конца XV и простираются до первой половины XVI в. Изъ этихъ авторовъ, писавшихъ о Россiи, въ Москвѣ былъ только одинъ Контарини, всѣ же остальные почерпали свои свѣдѣнiя о Московiи другими путями, напр. Барбаро писалъ по слухамъ, а Мѣховскiй главнымъ образомъ получалъ свои свѣдѣнiя отъ русскихъ плѣнныхъ.

Однако не смотря на то, что послѣднiе два автора не были въ Москвѣ и описываемыхъ ими мѣстностяхъ, все же ихъ сочиненiя отличаются значительными достоинствами въ сравненiи съ сочиненiемъ Контарини, который очень много мѣста удѣлилъ

описанію личныхъ приключеній. Далѣе замѣтной можно еще вступить свѣдѣнія о Россіи, помѣщенныя въ „Космографіи" Себастьяна Мюнстера, человѣка, обладавшаго обширными свѣдѣніями и огромной начитанностью. Но всѣ эти свѣдѣнія были такъ неясны, такъ подчасъ сбивчивы и неточны, что не могли никоимъ образомъ удовлетворить потребностямъ того времени, существенную черту котораго составляла жажда знаній, и если вдобавокъ принять во вниманіе, что усиленіе и быстрое возрастаніе Московскаго государства тѣмъ болѣе заинтересовывало западную Европу. Трудомъ, удовлетворяющимъ требованіямъ того времени, явившимся въ половинѣ XVI вѣка записки о Россіи Сигизмунда Герберштейна, Германскаго посла при Василіи Іоанновичѣ.—

Сигизмундъ Герберштейнъ происходилъ изъ древняго дворянскаго Германскаго рода. Съ ранней юности онъ началъ заниматься славянскимъ языкомъ и, не смотря на насмѣшки товарищей, что онъ тратитъ время на безполезное дѣло, онъ таки изучилъ его. Потомъ онъ поступилъ в Вѣнскій Университетъ, который считался первымъ въ Европѣ. Но в Университетѣ онъ пробылъ не долго; семейныя обстоятельства заставили его покинуть Университетъ, и это онъ считалъ съ крайнимъ сожалѣніемъ, какъ потомъ писалъ в своей автобіографіи. По выходѣ изъ Университета онъ поступилъ въ военную службу, но тутъ онъ служилъ не долго. Оставивъ военную службу онъ сталъ заниматься политическими дѣлами. Ему поручало Германское правительство исполненіе разныхъ дипломатическихъ дѣлъ. Эти порученія по дипломатическимъ дѣламъ принесли ему существенную пользу. Уже въ первой четверти XVI в. они дали ему возможность побывать въ Италіи и в Даніи. Такія же дипломатическія дѣла дали ему возможность быть два раза в Москвѣ, и оба раза онъ пробылъ тамъ по долгу. Это случилось в то время, когда Великій князь Василій Іоанновичъ велъ войну съ польскимъ королемъ Сигизмундомъ I. Посредникомъ въ примиреніи Василія Іоанновича съ Сигизмундомъ I явился Германскій императоръ Макси-

миліанъ. Веденіе переговоровъ по этому дѣлу принялъ на себя Герберштейнъ. Во все время пребыванія в Москвѣ его не покидала мысль составить записки о Московіи, вслѣдствіе чего онъ и собиралъ всевозможный матеріалъ, старался поближе познакомиться съ внутренней и внѣшней жизнью Москвы. Къ этому ознакомленію ему много способствовало знаніе славянскаго языка, давшее ему возможность въ скоромъ времени ознакомиться съ русскимъ языкомъ, что среди иностранцевъ того времени составляло замѣчательное явленіе. Результатомъ всѣхъ его наблюденій и изученія Москвы явились записки озаглавленныя: „rerum moscoviticarum commentarii." На латинскомъ языкѣ эти записки выдержали нѣсколько изданій. Изданіе 1556 года считается самымъ лучшимъ. Но такъ какъ запросъ на это сочиненіе былъ слишкомъ великъ, то появилось третье изданіе его сочиненія на нѣмецкомъ языкѣ въ 1557 г., заключавшее въ себѣ дополнительныя свѣдѣнія къ первому латинскому изданію, вышедшему въ 1556 г.

Въ предисловіи къ своимъ запискамъ онъ указываетъ на обстоятельства, побудившія его написать записки о Московіи; перечисляетъ всѣ источники, которыми онъ пользовался при составленіи записокъ, разсматриваетъ всю литературу о Московіи, предшествовавшую его запискамъ. Но изъ этой литературы онъ ничего не заимствовалъ для своихъ записокъ и старался, какъ онъ самъ говоритъ получать свѣдѣнія изъ первыхъ рукъ. Онъ не довольствовался только полученіемъ этихъ свѣдѣній, а старался провѣрить ихъ, узнавая то же самое отъ нѣсколькихъ другихъ лицъ.

Въ началѣ своихъ записокъ онъ говоритъ нѣсколько словъ вообще о Россіи, высказываетъ мнѣніе о происхожденіи Россовъ отъ Роксолановъ. Затѣмъ разсказываетъ о происхожденіи Руси, о дѣятельности первыхъ князей. Особенное вниманіе обращаетъ онъ на удѣльно-вѣчевой періодъ нашей исторіи, разсказываетъ о нашествіи Татаръ. Далѣе переходитъ къ исторіи Московскаго княжества, разсказываетъ о его происхожденіи, о дѣятельности первыхъ московскихъ князей. Особенною подробностью отличается у него описаніе дѣятельности Василія Іоанновича. Кромѣ того онъ сообщаетъ не мало свѣдѣній о русскомъ бытѣ и особенное вниманіе обращено на бытъ

религіозный, о которомъ съ такимъ сочувствіемъ и симпатіей отзывался Фабръ въ своихъ запискахъ о Московіи. Особый отдѣлъ его записокъ составляетъ хорографія. Такъ обыкновенно въ запискахъ и вообще въ сочиненіяхъ назывался отдѣлъ, посвященный описанію мѣстности. Въ этомъ отдѣлѣ онъ приводитъ описаніе страны, составляющей Россію, перечисляетъ города, рѣки. Далѣе приводитъ превосходное описаніе Москвы. Обращаетъ вниманіе на рѣчныя системы, перечисляетъ главные торговые города, судоходныя рѣки, опредѣляетъ торговые пути. Потомъ приводитъ свѣдѣнія объ инородцахъ, обитавшихъ въ восточной Руси, дѣлаетъ объ нихъ разныя этнографическія замѣтки. Вообще его этнографическія замѣтки чрезвычайно важны и много способствуютъ какъ изученію инородцевъ такъ и русскихъ. Далѣе описываетъ характеръ Новгородцевъ и Псковичей. Указываетъ на этнографическія особенности тѣхъ и другихъ, говоря, что Новгородцы, до потери независимости по характеру были лучше Псковичей, а послѣ паденія независимости стали хуже. — Далѣе сообщаетъ свѣдѣнія о народахъ, обитавшихъ въ Московскихъ и Литовскихъ земляхъ, сохранявшихъ въ то время дѣвственный характеръ. — Интересуется народами на сѣверо-востокѣ и приводитъ драгоцѣнный памятникъ на латинскомъ языкѣ[x], содержащій въ себѣ описаніе народовъ обитавшихъ на дальнемъ сѣверѣ. Такъ упоминаются рѣки Мезень, Печора. У него есть свѣдѣнія, что при Іоаннѣ III были отправлены войска для покоренія этихъ сѣверныхъ народовъ; по нѣкоторымъ не особенно яснымъ свѣдѣніямъ можно догадываться, что эти войска были и въ Сибири, именно около 1499 или 1500 года. (Есть свѣдѣнія, указывающія на то, что русскіе проникли въ Сибирь еще раньше; эти свѣдѣнія находятся въ Новгородской лѣтописи подъ 1360 г. Тогда же и было составлено описаніе сѣверо-восточныхъ земель.

Особая глава въ его запискахъ посвящена описанію [illegible] Литвы, гдѣ онъ также говоритъ о Литво-Самогитахъ.

x) Есть много русскихъ памятниковъ въ латинскомъ переводѣ. Между ними находится чрезвычайно важный, напр. статьи Судебника, являющіяся однимъ изъ славныхъ юридическихъ памятниковъ.

У него можно встрѣтить интересныя свѣдѣнія о пріемѣ посольства при Василіи Іоанновичѣ. Пріемъ посольствъ въ то время производился по сложившимся уже обычаямъ и эти обычаи строго соблюдались. Къ этимъ запискамъ приложена замѣчательная карта Московіи. Раньше былъ приложенъ древнѣйшій русскій чертежъ русской земли при космографіи Мюнстера. Въ сборникѣ извѣстій о Россіи Рамузіо есть драгоцѣнное указаніе на то, что какой-то русскій посолъ описывалъ какому-то иностранцу Московію, держа передъ собою карту; это указаніе даетъ возможность предположить, что существовали карты Руси еще раньше. Наконецъ существованіе карты Россіи подтверждается еще тѣмъ, что подобная карта была приложена къ запискамъ Іовія, что видно изъ заглавія къ нимъ; а эти записки вышли раньше космографіи Мюнстера.

Карта, приложенная къ космографіи Мюнстера, какъ видно представляетъ собою списокъ съ болѣе древняго чертежа. Карта при запискахъ Герберштейна оказывается лучше карты при космографіи Мюнстера; она не лишена нѣкотораго историческаго значенія. На ней изображено, что Обь беретъ начало изъ озера, пограничнаго съ Китаемъ. Это-то указаніе имѣло для Россіи важныя послѣдствія.

Въ XVI в. начало упрочиваться морское могущество Англіи, которая съ завистью смотрѣла на рядъ открытій, сдѣланныхъ португальцами. Въ Англіи составилось общество для усиленія морской торговли. Это общество задумало открыть сѣверный путь въ Индію черезъ Сѣверный Ледовитый океанъ и рѣку Обь, ссылаясь на указаніе Герберштейна. Для обсужденія этого проэкта былъ приглашенъ извѣстный англійскій мореплаватель Каботъ, который и составилъ планъ новой морской экспедиціи, пользуясь при этомъ картой Герберштейна. Съ тѣхъ поръ начались попытки отыскать путь во Индію черезъ Сибирь и сѣверный Китай и только въ послѣднее время извѣстный мореплаватель Норденшельдъ успѣшно закончилъ эти попытки. (Описаніе его путешествія выходитъ выпусками). Въ 1553 г. была предпринята англійская экспедиція, которая открыла путь къ Бѣлому морю.

Замечательна судьба нѣкоторыхъ морскихъ путей, имѣвшихъ великое значенiе для развитiя цивилизацiи. Есть указанiя, что бѣломорскiй путь былъ давно извѣстенъ, что еще въ XIII в. его знали путешественники; указанiе на это также встрѣчается въ скандинавскихъ сагахъ; но потомъ онъ какъ бы былъ забытъ, и наконецъ снова открытъ Англiею. Честь открытiя этого пути въ З. Европу приписывается всецѣло Англичанамъ, но истинно же эта честь должна принадлежать намъ, такъ какъ Русскiе послы этимъ путемъ обыкновенно ѣздили въ зап. Европу. Неудобное положенiе Россiи заставляло русскихъ пословъ предпринимать это дальнее и трудное путешествiе. Такимъ образомъ чувствовалась крайняя потребность въ непосредственныхъ сношенiяхъ съ западной Европой, которыя начинаются только съ XVII и XVIII в.

Открытiе вновь сѣвернаго пути имѣло для Россiи громадное значенiе. Iоаннъ понялъ значенiе этого торговаго пути, и чтобы поддержать торговлю съ англичанами, онъ даровалъ имъ многiя привилегiи, освободилъ отъ платежа торговыхъ пошлинъ. Съ этого времени начинается рядъ сочиненiй англiйскихъ писателей, которые по достоинству становятся выше предыдущихъ. Англичане отличаются особой наблюдательностью и способностью замѣчать все важное, выдающееся, подобно тому какъ Голландцы чрезвычайно правдивы и точны. Англичане сообщали свѣдѣнiя практической жизни, свѣдѣнiя торговыя и др.

Съ этого времени начинается знакомство съ жизнью сѣвера, которая до того времени являлась такой чуждой. Тутъ найдено обилiе животныхъ и пушныхъ звѣрей.— Торговыя сношенiя съ Россiей приносили Англичанамъ существенную пользу и вотъ причина, побудившая ихъ составить записки о Московiи. Изъ англiйскихъ писателей того времени о Россiи особенно замѣчателенъ Флетчеръ, который былъ и въ Москвѣ.

Такимъ образомъ записки Герберштейна имѣли чрезвычайно важное значенiе. Главное достоинство ихъ заключается въ томъ, что авторъ владѣлъ русскимъ языкомъ. При добыванiи матерiала для этихъ записокъ онъ не довольствовался одними личными

непосредственными наблюденіями и словесными свѣдѣніями, но изучали историческіе памятники. Немногіе ученые того времени такъ глубоко и ясно понимали важность своей задачи. Это непониманіе важности сообщаемыхъ свѣдѣній и способа ихъ обработки составляетъ главный недостатокъ всѣхъ писателей того времени о Россіи.

Особенно богата иностранными сочиненіями эпоха смутного времени. Эта эпоха чрезвычайно интересовала западную Европу. Нѣкоторые на Западѣ смотрѣли на Россію крайне неприязненно и вмѣшательство соперничествами какихъ либо другихъ ученій не желали, чтобы Россія избавилась отъ своихъ внутреннихъ неурядицъ. Такъ относились къ Россіи послѣдователи католичества, которые думали, что пользуясь этими смутами, Польша пересилитъ Россію и дастъ возможность, такимъ образомъ, католичеству быстро распространиться и укрѣпиться въ ней. Отдаленные же народы З. Европы, какъ напр. Голландцы и Англичане, и притомъ начавшіе торговыя сношенія съ Россіей, относились къ ней болѣе дружелюбно и для своихъ выгодъ желали, чтобы Россія какъ можно скорѣе покончила съ своими внутренними раздорами. И потому пользуясь иностранными сочиненіями объ смутномъ времени въ Россіи нужно имѣть въ виду обѣ точки зрѣнія: католическую и протестантскую, такъ какъ первая отличалась особеннымъ пристрастіемъ.

Далѣе важное значеніе для изученія этой эпохи имѣетъ хроника Бусова, польскія записки Маскевича, Маржерета, „Дневникъ польскаго посольства", Голландцевъ Массы и Геркмана. Но изъ цѣлаго ряда всѣхъ этихъ сочиненій особенно важное значеніе имѣетъ хроника Бусова. Въ ней есть драгоцѣнное замѣчаніе о смутной эпохѣ, что Борисъ на извѣстіе бояръ о появленіи Лжедимитрія I сказалъ имъ: „это все ваше дѣло".

О царствованіи Михаила Ѳеодоровича существуетъ рядъ донесеній голландцевъ, которыхъ къ этому, подобно Англичанъ, побудили торговыя сношенія съ Россіей.

Далѣе замѣчательно сочиненіе Олеарія, бывшаго посломъ въ Россіи отъ Голштинскаго герцога, желавшаго начать торговыя сношенія съ Персіей. Олеарій совершилъ путешествіе изъ Москвы въ Персію, по Москов-

рѣкъ, Окѣ, Волгѣ и Каспійскому морю, что дало ему возможность описать русскія области не только отъ западной границы до Москвы, но и отъ Москвы до Астрахани. Записки Олеарія изданы на нѣмецкомъ языкѣ съ замѣчательными рисунками; это изданіе самое лучшее; изданы онѣ также въ русскомъ переводѣ Московскимъ Обществомъ исторіи и Древностей.

Богата иностранная литература о Россіи времени Алексѣя Михайловича, когда она возрасла и усилилась и стала добиваться береговъ Балтійскаго моря. Такимъ образомъ по мѣрѣ возрастанія и усиленія Россіи, увеличивается и иностранная литература о ней. Къ этому времени относятся сочиненія Рейтенфельса, Карлейля и др; особенно замѣчательно сочиненіе Мейерберга, заключающее рядъ свѣдѣній о разныхъ замѣчательныхъ и сильныхъ личностяхъ времени Алексѣя Михайловича. Потомъ идутъ записки Голландца Таннера; драгоцѣнны также записки англичанина Гордона, который завѣдывалъ инженерною частью во время осады Турками Чигирина въ 1678 и 1679 г.г.

На этомъ можно закончить перечисленіе иностранныхъ извѣстій о Россіи; позднѣйшія будутъ указаны при разсмотрѣніи отдѣльныхъ царствованій. Теперь слѣдуетъ указать на изданія сборниковъ всѣхъ вышепоименованныхъ записокъ о Россіи. Первая подобная попытка была во второй половинѣ XVIII в. и принадлежитъ она Мейнерсу, составившему извлеченіе свѣдѣній о Московской Руси и расположившему ихъ довольно систематично. Трудъ этотъ довольно важенъ для знакомства съ иностранной литературой о Россіи. Далѣе слѣдуетъ указать на подробное критико-библіографическое обозрѣніе этихъ сочиненій Аделунга: „Kritische literärische Uebersicht der Reisenden in Russland" 2 тома, сочиненіе единственное въ своемъ родѣ. Здѣсь всѣ эти сочиненія расположены въ хронологическомъ порядкѣ; приведены заглавія, года появленія этихъ сочиненій, указаны различныя изданія, оцѣнка ихъ, сообщены краткія біографическія свѣдѣнія о каждомъ писателѣ. Но этотъ трудъ теперь считается устарѣвшимъ, такъ какъ открыты новыя изданія сочиненій о Россіи, которыя не были извѣстны Аделунгу;

притомъ критическая оцѣнка этихъ сочиненій у него бываетъ часто слаба и неосновательна. Для созданія иностранныхъ сочиненій о Россіи много сдѣлалъ — графъ Корфъ, авторъ извѣстной книги „О Сперанскомъ". Для ознакомленія образованной публики съ иностранной литературой о Россіи былъ составленъ сборникъ Мейера, тоже нынѣ умершимъ проф. Московскаго Университета Ключевскимъ; его извлеченія не особенно полны и безъ критики, но изложены въ системѣ и полезны для общаго знакомства.

Но несмотря на нѣсколько трудовъ по обозрѣнію иностранной литературы о Россіи, она все же до сихъ поръ очень мало разработана, такъ что весьма желателенъ новый пересмотръ всей этой литературы, а между тѣмъ къ сожалѣнію многія изъ записокъ и иностранныхъ сочиненій до сихъ поръ не имѣются въ русскомъ переводѣ.

Въ 1836 г. задумалъ издать сборникъ иностранныхъ сочиненій о Россіи въ подлинникѣ и въ переводѣ Семеновъ. Трудъ свой онъ посвятилъ Уварову, но къ сожалѣнію изданіе этого сборника прекратилось на первомъ томѣ, въ которомъ заключаются сочиненія Барбаро, Контарини, Кампензе и Іовія. Хотя этотъ трудъ и увѣнчанъ Уваровской преміей, но переводъ не вездѣ точенъ.

Акты. Для знакомства съ правительственною и государственною дѣятельностью въ Россіи первостепенную важность имѣютъ акты — источники, которые отличаются достовѣрностью и не могутъ быть заподозрѣны, хотя впрочемъ попадаются акты, съ предвзятою цѣлью составленные, но такіе чрезвычайно рѣдки и являются какъ бы исключеніемъ. Многіе изъ памятниковъ этого рода имѣютъ чрезвычайно важное юридическое значеніе, таковы юридическіе договоры. Древнѣйшими изъ нихъ считаются договоры Олега и Игоря съ Византіей; эти договоры представляютъ достовѣрнѣйшіе и драгоцѣннѣйшіе источники для изученія русскаго права вообще: опредѣляется наказаніе за убійство, за воровство и др. Но и въ этихъ договорахъ заключаются слѣды обычнаго права, которое отличается довольно рѣзко въ законодательствѣ отъ нравственныхъ обязательствъ. Законамъ предшествуютъ юридическіе обычаи, служившіе основою для

законодательства у всехъ народовъ. Письменное законодательство развивается подъ вліяніемъ обычнаго и послѣднее въ свою очередь также находится в зависимости отъ перваго, потому что письменное законодательство часто служитъ проводникомъ иностраннаго вліянія. Такимъ образомъ обычное право является главною основою всякаго законодательства и эту силу обычному праву даетъ опытъ. Но опытъ оказывается недостаточнымъ для его развитія: появляются новые и новые обычаи, утверждаемые самимъ народомъ, но въ нихъ чувствуется сильный недостатокъ — это отсутствіе системы, обобщеній. Тутъ является потребность въ письменномъ законодательствѣ; вслѣдствіе чего послѣднія являются съ отпечаткомъ характера обычнаго права. — Въ послѣднее время, когда выяснилось значеніе обычнаго права въ законодательствѣ, спеціалисты для изученія многихъ непонятныхъ сторонъ законодательства обратились къ изученію обычнаго права. У насъ это обычное право является тѣмъ болѣе знаменательнымъ, что въ народѣ русскомъ сохранилось общинное начало, не смотря на всѣ историческія событія и бѣдствія, постигшія народъ. — Особенное вниманіе обращено теперь на изученіе общины. Славянофилы выдвинули и опредѣлили значеніе этой общины, что составляетъ замѣчательную заслугу этой школы славянофиловъ. Многое было сдѣлано въ изученіи этой общины географическимъ и вольноэкономическимъ обществами. Послѣднее обратило вниманіе на передѣлъ земли въ нашей крестьянской общинѣ. Въ этомъ передѣлѣ строго соблюдается принципъ равенства, принимаются во вниманіе всѣ условія, могущія вліять на это равенство.

Въ настоящее время, несмотря на короткій срокъ изученія этого вопроса, набралась такая масса матеріала, что является потребность въ библіографическомъ обозрѣніи для изученія всего этого матеріала.

Изученіе многихъ народныхъ обычаевъ повело къ уясненію многихъ постановленій Русской Правды; удивительно, съ какимъ упорствомъ сохраняются

нѣкоторые народные юридическiе обычаи. Такимъ образомъ можно надѣяться, что близкое изученiе обычнаго права, народныхъ юридическихъ обычаевъ прольетъ много свѣта на изученiе юридическихъ памятниковъ, какъ напр. судныхъ грамотъ, которыя во многихъ мѣстахъ до сихъ поръ еще не изучены вполнѣ. — Первымъ письменнымъ сборникомъ юридическихъ обычаевъ была Русская Правда, сборникъ русскихъ законовъ, имѣвшихъ силу отъ XI до XIII в. Составленъ онъ былъ въ княженiе Ярослава Мудраго, затѣмъ былъ дополненъ сыновьями Ярослава — Изяславомъ, Святославомъ и Всеволодомъ, потомъ Владимiромъ Мономахомъ. Нѣтъ сомнѣнiя, что и потомъ онъ былъ дополняемъ. Такимъ образомъ этотъ сводъ расширялся до начала XIII в. До насъ онъ дошелъ во множествѣ списковъ. Наилучшее изданiе этихъ списковъ принадлежитъ Калачову, который, имѣя до 50 списковъ этого свода, поставилъ себѣ цѣлью издать памятникъ для юристовъ. Этотъ трудъ для историка является неудовлетворительнымъ. Другаго изданiя, преслѣдующаго историческую цѣль, до сихъ поръ нѣтъ; до сихъ поръ этотъ тяжелый трудъ не нашелъ себѣ исполнителя. Далѣе Калачову принадлежитъ другое малое изданiе Русской Правды, на основанiи 4 самыхъ главныхъ списковъ, въ числѣ которыхъ является академическiй списокъ, хотя короче, но драгоцѣннѣе другихъ: въ немъ сохранились тѣ статьи, которыя приписываютъ Ярославу.

Русская правда нуждается въ изученiи такъ сказать анатомическомъ, именно въ выдѣленiи древнѣйшихъ и позднѣйшихъ наслоенiй. Эверсъ, проф. Дерптскаго университета, первый приложилъ сравнительный методъ изученiя и получилъ довольно важные результаты въ своемъ трудѣ: Древнѣйшее русское право.

Весьма полезнымъ пособiемъ для знакомства съ правомъ является Юридическая хрестоматiя, составленная Владимирскимъ-Будановымъ, знакомство съ которой является весьма и весьма полезнымъ, такъ какъ никакой критическiй разборъ, никакое научное исслѣдованiе не въ состоянiи замѣнить самостоятельнаго знакомства и нѣкотораго разслѣдованiя источника.

Послѣ Русской Правды при Iоаннѣ III появляется другой законодательный сборникъ „Судебникъ", который былъ составленъ въ 1497 году; этотъ Судебникъ былъ допол-

ленъ Іоанномъ IV въ 1550 году. Далѣе при Алексѣѣ Михайловичѣ было составлено Соборное уложеніе, которое отличается большею полнотою. При ближайшемъ изученіи соборнаго уложенія оказались заимствованія изъ Византійскаго права и Литовскаго статута. Далѣе слѣдуютъ судныя грамоты, Уставныя, Соборное Уложеніе. Всѣ эти сборники служатъ главными источниками для исторіи права.

Всѣ эти выше поименованные документы и сборники являются чрезвычайно важными историческими источниками; кромѣ того важность ихъ увеличивается вслѣдствіе того, что они являются единственными и первыми сборниками нашихъ законоположеній начиная со времени основанія русскаго государства и до XVII в. Далѣе важными историческими источниками являются разнаго рода грамоты; изъ нихъ болѣе выдающимися являются: Уставная грамота Святослава Ольговича (отъ XII в.), Жалованныя грамоты, Договорная грамота Смоленскаго князя Мстислава Давыдовича; Новгородская судная грамота, дающая цѣнный матеріалъ для опредѣленія торговыхъ отношеній того времени; Псковская судная грамота; Смоленская епископальная (XII в.), опредѣляющая, сколько каждое село и количество должно было вносить въ Смоленскую епископію; далѣе особенно важными являются московскія Духовныя грамоты князей, или иначе ихъ духовныя завѣщанія, дающія цѣнный матеріалъ для опредѣленія отношеній тогдашнихъ князей къ ихъ дѣтямъ и вмѣстѣ дающія возможность прослѣдить, какимъ образомъ эти отношенія пріобрѣтали постепенно строго опредѣленный законами характеръ. Сохранилось также много грамотъ отъ татарскаго періода.

Особенно важными грамотами этого времени являются монастырскія жалованныя грамоты, даваемыя Московскими князьями основывавшимся въ сѣверо-восточной Руси монастырямъ. Они являлись первоначальными центрами колонизаціи этого края, вслѣдствіе чего и пользовались отъ князей различными льготами, какъ напр. были свободны отъ уплаты пошлинъ на многіе годы.

Съ XVI в. число документовъ значительно возрастаетъ; отъ XVII в. сохранилась масса юридическихъ памятниковъ,

изъ которыхъ издано немного, всѣ же остальные хранятся въ рукописяхъ и при томъ очень многіе изъ нихъ до сихъ поръ еще не просмотрѣнные и не разработаны ни учеными историками, ни — юристами, а между тѣмъ весь этотъ матеріалъ заключаетъ въ себѣ очень много интересныхъ и важныхъ для науки данныхъ. Такимъ образомъ будущему времени предстоитъ важный по своимъ послѣдствіямъ трудъ разработки всѣхъ этихъ памятниковъ и документовъ.

Такъ какъ всѣ эти историческіе документы не могли быть издаваемы, а въ сохраненіи ихъ чувствовалась необходимость то поэтому въ раннюю эпоху нашего государства стали появляться архивы, гдѣ всѣ эти документы и хранились. Первый архивъ упоминается при Іоаннѣ Грозномъ; изъ архивовъ болѣе замѣчательными являются: 1) Московскій архивъ министерства юстиціи, заключающій въ себѣ документы касательно внутренняго управленія, и 2) Московскій министерства иностранныхъ дѣлъ, въ которомъ заключается масса данныхъ для опредѣленія дипломатическихъ сношеній Россіи съ иностранными государствами. Всѣ эти дипломатическіе документы различаются на нѣсколько разрядовъ, какъ напр. наказы, статейные списки, грамоты отправляемыя посланникамъ и посламъ ихъ отвѣтныя грамоты и др.

Наказы — это инструкціи, даваемыя посланникамъ и посламъ, въ которыхъ обозначалось, что говорить, какіе вести переговоры, что разузнавать въ иностранныхъ державахъ. Въ XVI в. послы должны были строго держаться этихъ инструкцій, что отнимало у нихъ всякую свободу, вслѣдствіе чего они становились очень часто въ непріятное положеніе: напр. послу предлагали какой нибудь вопросъ, который не былъ предусмотрѣнъ въ наказѣ, поэтому онъ обращался въ посольскій приказъ за указаніемъ, какъ ему отвѣтить и тогда только давалъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Такимъ образомъ эти наказы являются чрезвычайно важнымъ матеріаломъ для опредѣленія дипломатическихъ сношеній того времени.

Посолъ долженъ былъ вести подробный дневникъ, въ который записывалъ, когда и куда онъ прибылъ, съ кѣмъ

видимая, что говорилъ, что его спрашивали, что ему отвѣчали, какія свѣдѣнія онъ получалъ о иностранныхъ государствахъ и т. п. и вотъ такіе дневники называются статейными списками. Теперь понятно, какую важность должны имѣть этого рода источники какъ для русской, такъ въ особенности для западно-европейской исторіи; а между тѣмъ для западныхъ историковъ эти свѣдѣнія являются совершенно неизвѣстными.

Особенную важность эти источники пріобрѣтаютъ съ XVII в. къ изданію ихъ приступило 2-е отдѣленіе канцеляріи Его Величества, когда этимъ отдѣленіемъ завѣдывалъ графъ Блудовъ, весьма просвѣщенный человѣкъ; издавались они въ томъ порядкѣ, въ какомъ они хранились въ московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ. Сюда вошли документы по сношеніямъ съ Австріей, что дало 10 томовъ, убористо напечатанныхъ; по этому можно судить, какъ велико должно быть все изданіе этихъ источниковъ. Но къ сожалѣнію это изданіе ограничилось только этими первыми десятью томами.

Вообще обработка и изслѣдованіе этого матеріала является крайне трудной работой, поэтому трудъ С. М. Соловьева, представляющій въ законченномъ видѣ нашу исторію является чрезвычайно важнымъ, такъ какъ источниками для нея послужили многіе изъ этихъ документовъ

Далѣе слѣдуютъ документы центральнаго управленія, относящіеся къ XVI и XVII вѣкамъ. Это центральное управленіе раздѣлялось на отдѣльныя учрежденія или приказы, число которыхъ было довольно значительно. Во главѣ этихъ приказовъ стояла боярская дума. Но до сихъ поръ не найдено ни одного документа, касающагося дѣятельности боярской Думы, а между тѣмъ эти документы имѣли бы громадную важность, такъ какъ исходили бы изъ главнаго центральнаго учрежденія. Извѣстный спеціалистъ Загоскинъ, написавшій изслѣдованіе „боярская дума", объясняетъ это явленіе тѣмъ, что дѣятельность боярской Думы пользовалась простѣйшими формами, именно Думный дьякъ прямо заносилъ рѣшеніе боярской Думы въ то

дѣло, вопросъ о которомъ былъ возбуждаемъ, такимъ образомъ факты для опредѣленія дѣятельности боярской думы нужно искать въ самыхъ дѣлахъ, т.е. въ рѣшеніяхъ, написанныхъ на этихъ дѣлахъ, что представляетъ страшно трудную работу, которая еще болѣе затрудняется отъ того порядка, въ какомъ сохранились всѣ эти рукописные памятники. А между тѣмъ важность этихъ источниковъ очень велика. По нимъ, напр., стало извѣстнымъ, что допетровская эпоха отличалась самостоятельнымъ развитіемъ. Документы эти сохранились въ архивахъ въ такомъ порядкѣ, какъ они вступали туда. На храненіе рукописныхъ матеріаловъ было обращено особенное вниманіе даже въ тѣхъ государствахъ, гдѣ историческая наука стояла выше, чѣмъ у насъ, гдѣ ея средства были гораздо обширнѣе. Такъ какъ трудно предположить, чтобы эта масса матеріалу была когда либо издана по недостатку средствъ, то вопросъ о храненіи и распредѣленіи всего этого матеріала является очень важнымъ. Самымъ цѣлесообразнымъ способомъ храненія этого матеріала долженъ быть тотъ порядокъ, въ какомъ этотъ матеріалъ дошелъ до насъ, несмотря на то, что эти документы бываютъ иногда такъ перемѣшаны, что трудно понять, по какимъ соображеніямъ они попали въ тотъ или другой отдѣлъ. Такимъ образомъ во многихъ отдѣленіяхъ архивовъ можно найти значительное число документовъ, которые туда никакимъ образомъ не могутъ быть отнесены; поэтому вполнѣ возстановить картину устройства Московскаго государства на основаніи этого матеріала весьма трудно.

Единственной, въ настоящее время возможной обработкой архивовъ есть ихъ описанія, которыя у насъ съ недавняго времени начали развиваться. Описаніе рукописей есть нѣкотораго рода подвигъ, такъ какъ трудъ этотъ чрезвычайно кропотливъ, утомителенъ, не даетъ никакихъ выводовъ, а между тѣмъ служитъ твердымъ основаніемъ науки.

Документы, относящіеся къ дѣятельности центральнаго управленія, дѣлятся на нѣсколько разрядовъ, напр. дворцовые, разрядные, выходные и др. Ны-

лодной книги заключали въ себѣ описаніе различныхъ церемоній, въ какомъ платьѣ и гдѣ появлялся царь; подобныя книги велись и для царицъ, но онѣ до насъ не дошли. Выходныя книги впервые были изданы П. М. Строевымъ, съ превосходнымъ предметнымъ указателемъ. Важность указателей вполнѣ удачно охарактеризована Забѣлинымъ, который называетъ ихъ путями сообщенія для ученаго. Разсматривая различныя рукописи для рѣшенія какого нибудь вопроса, ученый очень часто наталкивается на многіе другіе вопросы, которые привлекаютъ его вниманіе. Занявшись однимъ изъ послѣднихъ, онъ теряетъ изъ виду другіе, теряетъ нить разысканія главнаго вопроса, такимъ образомъ является существенная необходимость въ указателяхъ, которые давали бы возможность безъ затрудненія находить то или другое мѣсто въ разрабатываемомъ матеріалѣ. Указатели бываютъ — личныхъ именъ, географическихъ и наконецъ предметные. Простѣйшая форма указателей та, гдѣ указываются только страницы, въ которыхъ упоминается то или другое имя или предметъ; но такіе указатели очень часто неудовлетворяютъ научнымъ требованіямъ. Самымъ цѣлесообразнымъ указателемъ является такой, въ которомъ обозначены страницы, гдѣ упоминается имя или предметъ, и гдѣ и какія важныя свѣдѣнія находятся о томъ или другомъ имени или предметѣ. Такимъ образцовымъ указателемъ является указатель Строева.

Выходныя книги служатъ матеріаломъ для возстановленія царскаго быта. Для той же цѣли могутъ служить приходо-расходныя книги, которыя вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими хранятся въ Московской оружейной палатѣ. Эти приходо-расходныя книги дошли до насъ въ столбцахъ, которые состояли изъ скрученныхъ приклеенныхъ одинъ къ другому листковъ. Склеенные листки нѣкоторыхъ столбцовъ тянутся иногда въ длину до 3, 4 саженъ. Столбцы и книги [illegible] имѣютъ на себѣ различные знаки и изображенія, которые наравнѣ съ почеркомъ служатъ для опредѣленія времени написанія того или другого памятника. Есть руководство, гдѣ собрана часть этихъ знаковъ и изображеній для опредѣленія времени, но оно

неудовлетворительно. Столбцы и книги рукописные доходятъ до насъ и въ подлинникахъ и въ копіяхъ; подлинность столбцовъ узнается по надписямъ, находящимся на листахъ склейки листовъ.

Долгое время приходо-расходныя книги не привлекали ничьего вниманія, такъ какъ казались сухимъ матеріаломъ; но въ последнее время Забелинъ на основаніи данныхъ, почерпнутыхъ изъ этихъ книгъ возстановилъ полную картину русской жизни и такимъ образомъ доказалъ, что можетъ дать весь этотъ матеріалъ. Но нужно заметить, что Забелинъ для полученія столь важныхъ выводовъ, воспользовался только частью этого матеріала, следовательно какъ много можетъ дать обработка всего этого матеріала?

Кроме того (для знакомства) съ царскимъ бытомъ и бытомъ служилыхъ людей знакомятъ дворцовые разряды и разрядныя книги. Разряды и разрядныя книги также изданы 2 отделеніемъ канцеляріи Его Величества.

Видное место между приказами занимаетъ поместный приказъ, деятельность котораго въ XVII в. была довольно обширна. Отъ этого приказа сохранились книги межевыя, писцовыя, переписныя, приправочныя и дозорныя. Главное содержаніе вообще этихъ книгъ въ княжескую эпоху составляло описаніе земель, которое кроме того можно встретить гораздо раньше и въ другихъ документахъ, какъ напр. въ Смоленской уставной грамоте, относящейся къ 1157 году.

Значеніе этихъ книгъ должно было подвинуться въ татарскую эпоху, такъ какъ для татаръ было важно знать количество всего населенія; вследствіе чего и было высказано предположеніе, что эти книги явились только въ татарскій періодъ. Но это предположеніе было опровергнуто Калачовымъ, который въ 1 томе своего описанія московскаго архива министерства юстиціи поместилъ любопытную статью. Первая писцовая книга относится къ 1499-1500 г., Водской пятины, составлявшей часть Новгородской области.

Главное содержаніе межевыхъ книгъ составляли межи и грани разныхъ земель и областей, въ родъ напр.

такого описанія: такая то грань идетъ по такой-то рѣкѣ до такого-то озера, оттуда поворачиваетъ направо къ такому-то дубу, а оттуда влѣво къ кривой соснѣ, а отъ кривой сосны и т. д. Предполагаютъ, что межевыя книги предшествовали межевой грамоты, которыя напечатаны в. собраніи государственныхъ грамотъ. И этотъ отдѣлъ историческаго матеріала не разработанъ, хотя представляетъ самыя важныя свѣдѣнія относительно границъ Московскаго государства.

Для изученія финансоваго положенія, для изученія экономической жизни даютъ больше матеріала книги писцовыя, заключающія въ себѣ свѣдѣнія о всѣхъ населенныхъ мѣстахъ, полный ихъ перечень, количество земли во всѣхъ этихъ мѣстахъ, подъ пашнями, лугами; о лѣсахъ встрѣчается мало извѣстій, такъ какъ Московская Русь в то время была очень богата лѣсами; хотя попадаются и о лѣсахъ нѣкоторыя общія свѣдѣнія. Тутъ сообщаются также подробныя свѣдѣнія о городахъ, о количествѣ жителей, къ какимъ сословіямъ они относились и т. д. Такимъ образомъ эти книги являются колоссальными источниками.

Близкими по содержанію къ книгамъ писцовымъ являются книги переписныя, приправочныя и дозорныя, которыя явились вслѣдствіе новыхъ различныхъ размежеваній земель. Точное опредѣленіе переписныхъ книгъ сдѣлать трудно, но полагаютъ, что первоначально они близко подходили по содержанію къ книгамъ писцовымъ, но впослѣдствіи государство не удовлетворялось книгами писцовыми. Генеральнаго межеванія тогда, конечно, быть не могло и оно появилось только въ XVIII в. при Екатеринѣ. За перемѣнами и постоянно измѣнявшимися границами земель услѣдить было трудно, и потому явились переписныя книги, сообщавшія свѣдѣнія только о числѣ дворовъ, не сообщая свѣдѣній о количествѣ и качествѣ земель, принадлежащихъ отдѣльнымъ лицамъ или общинамъ, что входило въ содержаніе книгъ писцовыхъ. Такимъ образомъ вполнѣ опредѣлились переписныя книги во 2 половинѣ XVII в., когда выработалась подворная, податная система, существующая и по нынѣ.

свѣдѣнія о доходности земли постепенно начинаютъ исчезать и наконецъ переписныя книги въ Московскомъ государствѣ совершенно вытѣсняютъ книги писцовыя. Изъ переписныхъ книгахъ есть много статистическихъ данныхъ конца XVII вѣка, которыми пользовались въ XVIII в.

Далѣе слѣдуютъ документы мѣстнаго областного правленія, какъ напр. наказы воеводамъ, отписки, росписные списки и другіе. Наказы - это инструкціи, даваемыя воеводамъ при назначеніи ихъ управлять какимъ нибудь городомъ или областью; отписки - это донесенія воеводъ о положеніи дѣлъ въ управляемыхъ областяхъ, а росписные списки - это подробное описаніе принимаемыхъ въ управленіе городовъ; списки эти такимъ образомъ, являются драгоцѣннымъ матеріаломъ для описанія городовъ.

Далѣе чрезвычайно важное значеніе имѣютъ челобитныя и ихъ рѣшенія, доставлявшіяся также воеводами, которые принимали эти челобитныя и чинили судъ и расправу. Челобитныя эти знакомятъ съ недостатками московскаго государства и потому на нихъ должно быть обращено весьма большое вниманіе но вмѣстѣ съ тѣмъ этимъ матеріаломъ нужно пользоваться весьма осторожно.

Кромѣ правительственныхъ документовъ, мы имѣемъ много частныхъ актовъ отъ XVI и XVII в.в.: купчія, духовныя, которые также не лишены значенія.

Теперь нужно указать на важнѣйшія изданія нѣкоторыхъ изъ вышепоименованныхъ юридическихъ документовъ. Самымъ выдающимся является изданіе археографической коммиссіи; но многіе документы были изданы гораздо раньше, въ XVIII в. Въ XVIII в. появилось изданіе Новикова, заключающее въ себѣ любопытныя свѣдѣнія о приходахъ. Но вообще изданія XVIII в. являются неудовлетворительными; въ XIX в. раньше другихъ является изданіе удовлетворяющее научнымъ требованіямъ это „Собраніе государственныхъ грамотъ." Далѣе Археографической коммиссіей было предпринято изданіе актовъ, содержащее въ себѣ до 20 томовъ; въ это изданіе вошли акты западной Россіи, акты югозападной Россіи и затѣмъ акты на иностранныхъ языкахъ; этой же коммиссіей были изданы Новгородскія писцовыя книги. Въ последнее время Н. В. Калачевъ издалъ 2 тома писцовыхъ книгъ.

Всѣ эти изданія были сдѣланы безъ строгаго, опредѣ-

льнаго плана, которымъ при изданіи необходимо пользоваться, такъ какъ матеріалъ доставляемый этими писцовыми книгами чрезвычайно обширенъ. Калачевъ поставилъ своей задачей издать древнѣйшія писцовыя книги.

Потомъ слѣдуютъ изданія археографическихъ коммиссій Виленской и Кіевской; рядъ изданій мѣстныхъ, выполненныхъ безъ обработаннаго плана, случайныхъ. Эти послѣднія изданія служатъ намъ для знакомства съ мѣстными архивами. Кромѣ того важны въ этомъ отношеніи труды Муханова и сборникъ Оболенскаго.

Всѣ документы хранятся въ архивахъ, между которыми, какъ было выше указано, видное мѣсто занимаетъ Московскій министерства иностранныхъ дѣлъ. На описаніе этихъ документовъ было обращено особенное вниманіе еще въ XVIII в. академикомъ Миллеромъ, затѣмъ Малиновскимъ и Бантышъ-Каменскимъ. Труды послѣднихъ являются чрезвычайно важными. Въ этомъ же архивѣ хранятся документы, относящіеся до царствованія Александра I. Архивъ этотъ является замѣчательнымъ хранилищемъ документовъ по дипломатическимъ сношеніямъ. Особенно замѣчателенъ также Московскій архивъ Министерства Юстиціи, описаніе котораго было начато бывшимъ директоромъ этого архива — Ивановымъ, а теперь Калачевъ, замѣнившій его должность, составилъ перечень всѣхъ писцовыхъ и переписныхъ книгъ; далѣе онъ издалъ обозрѣніе дѣлъ сыскнаго приказа. Но не смотря на всѣ эти изданія остается еще не разработанной и не разсмотрѣнной масса матеріалу.

Памятники словесности устной, письменной и вещественные. Теперь перейдемъ къ послѣднимъ двумъ отдѣламъ историческихъ источниковъ, именно памятниковъ словесныхъ и вещественныхъ.

Памятники словесные дѣлятся на два отдѣла: на устные — народные и на письменные. Къ устной народной словесности относятся: сказки, пѣсни, пѣсни обрядовыя, былины, поговорки, пословицы и историческія пѣсни. Къ изданію народныхъ пѣсенъ приступили еще въ XVIII в. Давно уже обращено было на нихъ вниманіе образованнаго общества, но только взглядъ на народныя устныя произведенія былъ въ то время крайне своеобразенъ: ихъ считали слишкомъ грубыми и потому они

издавались въ предлагаемомъ видѣ. Такой взглядъ еще долго продолжалъ существовать; даже Бѣлинскій не умѣлъ оцѣнить народныхъ произведеній. Некоторые послѣ него убѣдились, что это взглядъ отсталый, невѣрный. Съ новымъ взглядомъ на народную словесность последовали изданія Терещенки, Сахарова, Снигирева.

Пѣсни народныя записываются обыкновенно со словъ сказителей и прежде чѣмъ быть изданными они требуютъ нѣкоторой провѣрочной обработки, заключающейся въ томъ, что пѣсню сравниваютъ съ такою же, но переданною другимъ сказителемъ; подмѣчаютъ, что въ этой пѣснѣ принадлежитъ лично сказителю, какія въ ней употреблены мѣстныя выраженія и т.д. Лучшія собранія и изданія народныхъ пѣсенъ принадлежатъ Кирѣевскому, Рыбникову и Гильфердингу. Очень много замѣчательныхъ пѣсенъ было найдено въ Олонецкой губерніи, гдѣ они лучше всего сохранились и меньше подверглись искаженіямъ.

Народныя пѣсни съ исторической точки зрѣнія чрезвычайно важныя, такъ какъ въ нихъ больше всего сохранилась наша мифологія, а такъ какъ въ лѣтописи объ этомъ сообщаются слишкомъ скудныя свѣдѣнія, то естественно онѣ являются главнымъ источникомъ въ этомъ отношеніи.

Много даютъ для исторіи и былины. Онѣ начинаются съ той исторической эпохи, когда возвысился Кіевъ; во всѣхъ почти былинахъ богатыри служатъ Кіевскому князю. До насъ дошло значительное количество былинъ. Какъ былины и вообще народныя произведенія словесныя носятъ на себѣ массу наслоеній, которыя накопляются на нихъ въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ, такъ какъ народная память упорно сохраняетъ ихъ.

При изученіи былинъ долженъ быть выработанъ пріемъ, по которому возможно было бы отчистить всѣ эти народныя произведенія отъ позднѣйшихъ наслоеній, которыя особенно рѣзко бросаются въ глаза въ былинахъ о Ильѣ Муромцѣ и Садкѣ Богатомъ. Напр., въ былинѣ о Садкѣ сохранились черты изъ языческой жизни славянъ, ясно отразилось вѣрованіе въ періодъ язычества, но въ то-же время въ этой были-

нъ есть указанія на болѣе позднее время, напр. Садко называется богатымъ гостемъ, что нужно указывать на то время, когда Новгородъ велъ большую торговлю. - Илья Муромецъ бьется съ Соловьемъ-разбойникомъ, служитъ у князя Владиміра, и въ тоже время онъ называется казакомъ и, наконецъ, ведетъ борьбу съ татарами. Все это указываетъ на различные періоды въ жизни русскаго народа. Точно также какъ въ былинахъ народъ смѣшиваетъ факты и въ историческихъ пѣсняхъ. Но не смотря на смѣшеніе періодовъ народныя произведенія живо и ясно обрисовываютъ историческія событія, вслѣдствіе чего они имѣютъ для исторіи чрезвычайно важное значеніе. Напр. въ пѣсняхъ объ Іоаннѣ Грозномъ много несообразностей, но все таки они рисуютъ прекрасно личность царя; изъ нихъ видно, что онъ былъ грозенъ для бояръ, а не для народа, почему послѣдній и сохранилъ о немъ хорошую память.

Къ памятникамъ словесности письменной, какъ къ изящной литературѣ, относятся: „Слово о полку Игоревѣ" и „Повѣсти." Этотъ отдѣлъ словесности наиболѣе обширенъ, такъ какъ заключаетъ въ себѣ всѣ сочиненія научнаго содержанія, которыя вводятъ насъ въ исторію знаній. Знаніе является однимъ изъ главнѣйшихъ силъ народнаго умственнаго движенія. Потому чрезвычайно важно познакомиться съ исторі[ей] нашихъ знаній, но къ сожалѣнію этотъ отдѣлъ нашей исторіи почти не разработанъ, а все вниманіе было обращено на разработку государственнаго быта.

Памятники литературы искусственной дѣлятся на: 1)- памятники богословско-религіознаго содержанія, въ которыхъ обрисовывается нравственное развитіе нашего общества; они имѣютъ важное значеніе, такъ какъ сообщаютъ свѣдѣнія объ уровнѣ образованія въ ту или другую эпоху, - о вопросахъ, которые занимали образованное общество того времени; 2)- научныя философскія, 3)- грамматическія 4)- математическія, 5)- географическія и 6)- историческія.

Уже въ XII в. являются труды грамматическіе; въ эпоху Кіевской Руси пользовались грамматикой Іоанна Дамаскина; тутъ мы находимъ перечень

нѣкоторыхъ частей рѣчи, которыя сохранились до настоящаго времени. Сфера грамматическихъ знаній особенно расширилась въ XVI в. благодаря Эразму Болгарскому. Въ исторіи этой отрасли знаній видное мѣсто занимаютъ труды Максима Грека.

Математическими сочиненіями особенно богатъ XVII в. Сфера-же географическихъ знаній начинается съ древнѣйшихъ временъ. Начинаются онѣ съ „повѣстей": въ Никоновской лѣтописи приводится подробный перечень городовъ; въ XV вѣкѣ въ запискахъ Герберштейна находимъ первый по времени дорожникъ. Дальше появляется книга „большой чертежъ", составленная для объясненія чертежа Московскаго государства. Книга эта дошла до насъ отъ XVII в. и составлена она по описаніямъ отдѣльныхъ рѣкъ. Эти описанія и отдѣльные чертежи, также предшествовавшіе составленію большой карты Московской Руси, существовали, какъ предполагаютъ, еще въ началѣ XVI в. Въ послѣднее время трудились надъ тѣмъ, чтобы составить карту къ этой книгѣ. Лучшее изданіе этой книги принадлежитъ Спасскому. Наша историко-географическая литература богата и описаніями чужихъ земель. Въ XV в. появляется описаніе Индіи Афанасьева. Переводились на русскій языкъ космографіи и въ XVII в. впервые замѣчается попытка примѣнить космографію западную къ требованіямъ русскаго общества.

Дальше историческія свѣдѣнія начинаются у насъ съ хронографовъ. Свѣдѣнія эти имѣютъ свою исторію. Первый хронографъ явился въ XVI вѣкѣ и составленъ по источникамъ византійскимъ. Хронографы появились у насъ въ трехъ редакціяхъ; первая составлена по источникамъ византійскимъ, двѣ другія еще по источникамъ западнымъ. Обѣ послѣднія редакціи относятся къ первой половинѣ XVII в. Андрей Поповъ сдѣлалъ изслѣдованіе надъ этими хронографами и издалъ ихъ отдѣльно.

Къ памятникамъ вещественнымъ относятся общественныя зданія, церкви, иконы, церковная утварь, оружіе, одежда, монеты, печати и др. вещи. Памятники вещественные даютъ намъ возможность возстано-

вить картину древней жизни; археологія на основаніи вещественныхъ памятниковъ пришла къ выводу, что по всей россійской низменности жили люди каменнаго періода, потомъ бронзоваго и наконецъ желѣзнаго. Памятники вещественные, относящіеся къ этому періоду, находятъ въ насыпяхъ и курганахъ. При отыскиваніи этихъ вещественныхъ памятниковъ въ насыпяхъ и курганахъ археологія пользуется извѣстнымъ выработаннымъ методомъ. Нильсонъ, которому принадлежитъ рядъ сочиненій о бронзовомъ вѣкѣ, утверждаетъ, что народы восточной Европы познакомились съ бронзовыми издѣліями отъ Финикіянъ; но послѣдніе археологическіе изысканія противорѣчатъ его доводамъ и показываютъ, что это знакомство перешло отъ Этрусковъ.

Отъ историческаго періода памятниками у насъ являются курганы, городища, общественныя зданія; число послѣднихъ у насъ весьма незначительно, такъ всѣ эти зданія возводились, за недостаткомъ камня, изъ дерева; а въ западной Европѣ этотъ отдѣлъ историческихъ памятниковъ особенно обширенъ, такъ тамъ всѣ постройки возводились изъ камня. Западная Европа не была такъ богата лѣсами, которые повсемѣстно покрывали восточную окраину Россіи.

Теперь укажу на главные археологическіе труды, подробнѣе же я ихъ коснусь при обзорѣ русской исторіографіи. Археологическіе труды начинаются у насъ со второй половины XVIII в. Еще великій нашъ преобразователь Петръ I во время своего путешествія въ Астрахань издалъ указъ о сохраненіи болгарскихъ развалинъ, которыя попадались ему по дорогѣ. Изданія археологическихъ трудовъ принадлежатъ ученымъ обществамъ; въ этихъ изданіяхъ было напечатано много матеріаловъ и изслѣдованій, имѣющихъ отношеніе къ археологіи. Труды московскаго общества исторіи и древностей издавались сначала подъ заглавіемъ „Временникъ", а потомъ „Чтенія". Главными дѣятелями являются Бодянскій, проф. Моск. Университета и Бѣляевъ. Особенно замѣчательна дѣятельность Петербургскаго Общества, потомъ Московскаго, Одесскаго и С. Петербургскаго Археологичес-

кой коммиссіи. Петербургское археологическое общество издаетъ извѣстія и къ нимъ присоединяетъ указатель, помогающій пользоваться этимъ матеріаломъ и прилагаются рисунки къ этимъ свѣдѣніямъ. Московское общество издаетъ Древности и по мысли главнаго участника, графа Уварова, печатаетъ археологическій словарь. Въ этомъ словарѣ помѣщаются названія всѣхъ вещественныхъ памятниковъ, опредѣляется каждый изъ нихъ, указывается мѣсто, гдѣ эти памятники найдены, приводится ихъ подробное описаніе и наконецъ библіографія. Подобные словари имѣютъ чрезвычайно важное значеніе: словари эти создаются во всякой наукѣ соединенными усиліями всѣхъ ученыхъ и являются какъ бы вѣнцомъ науки. Но къ сожалѣнію русская наука такими словарями крайне бѣдна; у насъ даже нѣтъ хорошаго энциклопедическаго словаря. — Въ послѣднее время началъ издаваться у насъ археологическій словарь, имѣющій стать выше предъидущихъ, но изданіе его подвигается крайне медленно. На западѣ каждая народность имѣетъ по нѣскольку такихъ словарей.

Одесское общество издаетъ записки, содержащія въ себѣ свѣдѣнія о древностяхъ южной Россіи; ту-же цѣль имѣетъ С. Петербургская Археологическая коммиссія, подъ предсѣдательствомъ графа Строганова. Курганы южной Россіи имѣютъ важное значеніе не только для русской исторіи, но и для греческой, такъ какъ во многихъ курганахъ скиѳскихъ находятъ издѣлія греческаго искусства древняго времени. Коммиссія эта сдѣлала очень много своими трудами. Чрезвычайно дѣятельное участіе принимаетъ въ трудахъ этой коммиссіи знатокъ греческаго искусства академикъ Стефани, пользующійся европейской извѣстностью. Всѣ свѣдѣнія эти чрезвычайно важны какъ для Скиѳской исторіи (IV в. до Р. Х.), такъ и для исторіи греческаго искусства. Собраніе всѣхъ надписей, находимыхъ на обломкахъ зданій, могильныхъ плитахъ, камняхъ — прольетъ много свѣта на скиѳскую исторію.

На необходимость собранія этихъ надписей впервые обратила вниманіе С. Петербургская коммиссія. На сохраненіе нашихъ памятниковъ обратила внима-

ніе Императоръ Николай I и благодаря Его всесильности вѣскій щей поддержкѣ и пособію у насъ появился колоссальный трудъ „Древности Россійскаго Государства" — изданіе, послужившее основаніемъ дальнѣйшихъ археологическихъ трудовъ; оно можетъ считаться образцовымъ и снабжено прекрасными снимками.

Исторіографія.

Теперь перейдемъ къ русской исторіографіи. Русская исторіографія находится въ тѣсной связи съ исторіей нашего просвѣщенія. Когда у насъ пробудилось стремленіе къ образованію, когда условія становились болѣе благопріятными, тогда замѣчалось значительное движеніе русской науки; такимъ образомъ общее развитіе русскаго общества находится въ тѣсной связи съ развитіемъ русской науки. Просвѣщеніе требовало самостоятельности, а самостоятельность не мыслима безъ знанія своего историческаго прошлаго. Такимъ образомъ по мѣрѣ развитія самосознанія подвигалась впередъ историческая наука.

Обзоръ исторической науки имѣетъ общее значеніе: то что извѣстно въ исторіи знаній одной области, повторяется и въ другой. Первая попытка къ обозрѣнію русской исторіи относится къ тому вѣку, когда живѣе почувствовалось стремленіе къ сближенію съ западомъ, именно къ концу XVII в.

Послѣ раздѣленія Россіи на сѣверовосточную и юго-западную, мы замѣчаемъ, что первая устремляетъ всѣ силы на расширеніе и укрѣпленіе своихъ владѣній, вторая же на просвѣщеніе. Въ юго-западной Руси съ ранняго времени стали появляться школы, послужившія разсадниками просвѣщенія. Уже въ XVII в. мы видимъ въ Кіевѣ высшее учебное заведеніе — Академію, бывшую разсадникомъ первыхъ русскихъ ученыхъ. Въ этой части Россіи впервые появляется историческій сборникъ — Σύνοψις (страдающій недостаточнымъ изложеніемъ фактовъ и неполнотою). Первая же попытка въ сѣверо-восточной Руси принадлежитъ дьяку Грибоѣдову, который задался цѣлью изложить родословную исторію государей московскихъ; но и въ его со-

чиненіи есть много недостовѣрнаго (Юрій Долгорукій царствуетъ въ Москвѣ, и др.).

Но вотъ наступила эпоха преобразованій; русская литература стала развиваться по новому пути. Всюду обнаруживается стремленіе усвоить плоды западно-европейской образованности. При Екатеринѣ I по мысли Петра была основана академія наукъ, на которую первоначально были возложены сложныя занятія: она была университетомъ и академіей въ томъ смыслѣ, въ какомъ она понимается теперь. Первые ученые труды въ русской наукѣ принадлежатъ ученымъ нѣмцамъ: Колю, написавшему исторію славянскихъ литературъ, и Байеру, трудъ котораго занимаетъ видное мѣсто въ русской исторіографіи. Байеръ, знатокъ древнихъ языковъ, задался вопросомъ о происхожденіи русскаго государства и положилъ прочное основаніе изслѣдованію этого интереснаго вопроса, такъ какъ онъ первый обратилъ вниманіе на перечень Днѣпровскихъ пороговъ, встрѣчающійся у Константина Багрянороднаго, и доказалъ, что между этими названіями есть варяжскія. Сочиненіе Байера вызвало не мало споровъ, такъ какъ мнѣніе о томъ, что русское государство было основано нѣмцами, затрагивало національное самолюбіе. Вопросъ этотъ имѣлъ общее значеніе, такъ какъ образованіе русскаго государства сильно разнится отъ образованія другихъ государствъ. Байеръ не зналъ русскаго языка и не хотѣлъ его изучать, но обладалъ огромной научной подготовкой, основываясь на иностранныхъ сочиненіяхъ и изслѣдованіяхъ, онъ рѣшалъ этотъ вопросъ точно также, какъ рѣшали его всѣ ученые въ западной Европѣ, т.е. Русское государство основано норманнами. Доводы его чрезвычайно важные и при рѣшеніи этого вопроса, постоянно повторяясь, служатъ какъ бы краеугольнымъ камнемъ. Такимъ образомъ съ исторіей Академіи наукъ связаны и первые труды по русской исторіи.

Въ Академіи также работалъ извѣстный ис-

торіографъ XVIII в. — Герардъ Миллеръ, десятилѣтняя дѣятельность котораго была чрезвычайно плодотворна. Онъ былъ въ Сибири, обозрѣвалъ архивы, собралъ массу матеріала и написалъ исторію Сибири до XVIII в. Матеріалы эти сохраняются въ Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи. Миллеръ издавалъ ежемѣсячный журналъ, въ которомъ помѣщалъ многія свои историческія статьи, между которыми обращаютъ на себя вниманіе: „О Несторѣ", „Опытъ новѣйшей исторіи Россіи" и др. Подъ его редакціей вышли степенныя книги и полный географическій словарь; издалъ „Ядро Россійской имперіи" Манкіева (1770г), заключавшее въ себѣ краткое обозрѣніе событій русской исторіи съ древнѣйшаго времени. — Изслѣдованія Миллера касаются не только древней русской исторіи, но и новѣйшей. Онъ также занимался рѣшеніемъ вопроса о происхожденіи русскаго государства и рѣшалъ его подобно Байеру. По этому поводу завязался споръ между Миллеромъ и Ломоносовымъ; послѣдній доказывалъ, что русское государство развилось самостоятельно. Но въ этомъ спорѣ какъ тотъ, такъ и другой оказались крайне пристрастными. — Біографія Миллера написана С. М. Соловьевымъ.

Ломоносовъ, научная дѣятельность котораго совпала съ той эпохой русской жизни, когда русскіе люди должны были заимствовать просвѣщеніе отъ иностранцевъ и подражали имъ во всемъ, сдѣлалъ для русской науки чрезвычайно много. Произведенная въ недавнее время оцѣнка трудовъ Ломоносова по естественнымъ наукамъ показала, что онъ сдѣлалъ много новыхъ наблюденій и открытій, которыя были осуществлены впослѣдствіи. Но положеніе ученаго въ то время было крайне неудовлетворительно. Русское общество въ то время не понимало назначенія ученаго и думало, что онъ долженъ быть энциклопедистомъ, вслѣдствіе чего было крайне требовательно и притязательно къ первымъ русскимъ ученымъ. Подобная же притязательность ска-

залась и по отношенію къ Ломоносову, который, чувствуя склонность къ естественнымъ наукамъ, долженъ былъ писать грамматику, оды и по другимъ отраслямъ знаній. По желанію своего мецената, графа Шувалова, онъ долженъ былъ приняться за писаніе русской исторіи; но трудъ вышелъ крайне неудовлетворительнымъ, такъ какъ онъ не имѣлъ необходимой для этого научной подготовки. Любопытенъ самъ по себѣ фактъ, что къ Ломоносову обращались съ требованіемъ написанія исторіи; видно, что уже в то время наступила потребность в этомъ.

Далѣе по русской исторіи является важнымъ в то время трудъ Манкіева „Ядро русской исторіи до XVIII в."

Научные труды в русской академіи были начаты нѣмецкими учеными, но около того-же времени самостоятельно работалъ русскій человѣкъ, занявшій видное мѣсто в русской исторіографіи Вас. Никит. Татищевъ. Біографія его написана профес. Московск. Университ. Поповымъ и проф. Спб. Универ. К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ. — Первоначальное образованіе Татищевъ получилъ въ Московской навигаторской школѣ, гдѣ пробылъ до 1704 года. Послѣ того онъ поступилъ в военную службу, участвовалъ в сраженіи подъ Полтавой и в Прутскомъ походѣ. Затѣмъ онъ былъ посланъ за границу. По возвращеніи в Россію его послали управлять уральскими горными заводами. Здѣсь онъ обратилъ на себя вниманіе Петра I, такъ какъ ревностно старался и работалъ объ увеличеніи числа заводовъ, открытіи рудниковъ и т. д. Татищевъ былъ посланъ в Швецію для изученія горнозаводскаго дѣла. Пребываніе в Швеціи оказало большое вліяніе на развитіе Татищева, какъ человѣка воспріимчиваго и впечатлительнаго. Въ 1730 г. в извѣстномъ движеніи при вступленіи на престолъ императрицы Анны Іоанновны онъ не принадлежалъ къ партіи верховниковъ. Когда же Анна Іоанновна окружила дворъ свой нѣмцами, во главѣ которыхъ былъ извѣстный Биронъ, то Татищевъ, не будучи в состояніи сойтись съ ними, отправился опять на Уралъ. Здѣсь онъ опять началъ дѣятельно—

заниматься устройствомъ заводовъ, которыхъ основалъ около 40, заводилъ школы для дѣтей работниковъ, а если кто изъ послѣднихъ заболѣвалъ, то принуждалъ заводчиковъ заботиться объ ихъ леченіи; заботился объ устройствѣ дорогъ, положилъ основаніе Екатеринбургу. Однимъ словомъ онъ тутъ старался проводить свои взгляды, которые послужили потомъ основаніемъ его дальнѣйшей дѣятельности. Но такая энергическая дѣятельность Татищева возбудила зависть и опасеніе въ его недоброжелателяхъ, а главнымъ образомъ въ купцахъ и заводчикахъ, которые не могли сочувствовать его заботамъ и попеченіямъ о рабочихъ; отчасти же и администраторы не были къ нему расположены за его презрѣніе къ Нѣмцамъ. Все это возбудило противъ Татищева интриги, окончившіеся доносомъ на него и отстраненіемъ его отъ занимаемой должности.

Потомъ въ царствованіи Елизаветы Петровны Татищевъ былъ посланъ губернаторомъ въ Астрахань. Здѣсь онъ также остался вѣренъ своимъ убѣжденіямъ, и тутъ его дѣятельность оказалась благотворною при управленіи областью и заботахъ о промышленности. Но тутъ также нашлись люди недоброжелательные, противъ него снова были возбуждены интриги и онъ попалъ подъ судъ, послѣ котораго долженъ былъ жить безвыѣздно въ своей деревнѣ, гдѣ и умеръ въ 1750 году.

Такимъ образомъ Татищевъ всегда оставался вѣренъ своимъ убѣжденіямъ и вездѣ и всегда старался помогать распространенію знаній, такъ какъ просвѣщеніе онъ ставилъ выше всего. Положеніе его, какъ ученаго мыслителя, среди необразованнаго общества было крайне тяжелое; ему-человѣку науки приходилось постоянно вести борьбу съ интригами, направленными противъ него изъ за грубыхъ эгоистическихъ цѣлей.

Татищевъ можетъ быть названъ вполнѣ человѣкомъ своей эпохи. На все, въ чемъ только ни проявлялось прогрессивное движеніе этой эпохи, откликался Татищевъ; куда только случай ни забрасывалъ его, вездѣ онъ успѣвалъ приложить свои знанія для общаго блага; такимъ образомъ онъ является и на востокѣ какъ бы піонеромъ русскаго просвѣщенія. Вообще на его дѣятельности можно изучать свѣтлую сторону эпохи преобразованій въ Россіи.

Онъ отзывался на многіе важные вопросы общественной жизни; онъ писалъ о правительственныхъ учрежденіяхъ. Недавно открыто замѣчательное его разсужденіе о пользѣ наукъ, изложенное имъ въ разговорной формѣ. Это разсужденіе помѣщено проф. К.Н. Бестужевымъ-Рюминымъ въ журналѣ „Древняя и новая Россія". Въ этомъ разсужденіи онъ проводитъ идею, что духовное благо выше всего. Затѣмъ онъ писалъ по экономическимъ вопросамъ; тутъ онъ является какъ просвѣщенный политикъ, на которомъ отразилось благотворное вліяніе эпохи преобразованій. Потомъ онъ первый открылъ „русскую правду", издалъ судебникъ Іоанна Грознаго, составивъ къ нему примѣчанія. Особенную важность имѣютъ его историческіе труды: „Исторія Россійская" и „Инструкціи по отыскиванію историческаго матеріяла". Татищевъ первый понялъ вполнѣ задачу историка и пошелъ по тому пути, которымъ должны идти историки: прежде чѣмъ писать исторію онъ счелъ нужнымъ собрать матеріялъ и критически разработать его. И дѣйствительно, вездѣ, гдѣ только являлась возможность онъ собиралъ историческіе матеріялы; собирая факты, онъ располагалъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ. Татищевъ сумѣлъ поставить практически свою задачу: ограничился скромнымъ трудомъ, именно составить сводъ историческихъ событій, но не исторію Россійскую, какъ онъ неправильно озаглавилъ свой трудъ. И дѣйствительно сводъ этотъ является замѣчательнымъ; заключаетъ въ себѣ 4 тома; цѣнность его особенно увеличивается вслѣдствіе того, что онъ пользовался такими историческими памятниками, которые до насъ не дошли и остаются намъ неизвѣстными; онъ напр. пользовался Іоакимовскою лѣтописью о распространеніи христіанства. Такимъ образомъ трудъ Татищева является для историка чрезвычайно важнымъ; свѣдѣнія, которыя онъ сообщаетъ, проливаютъ много свѣта на нѣкоторыя эпохи русской исторіи. У Татищева почерпнулъ С.М. Соловьевъ драгоцѣнныя данныя о просвѣтительной дѣятельности нѣкоторыхъ русскихъ князей до татарской эпохи. По Татищеву составлена характеристика первыхъ московскихъ князей, которые не только заботились о увеличеніи

удѣловъ, но также преслѣдуютъ и другія болѣе гуманныя задачи. Такъ, напр., у него есть свѣдѣнія, что Симеонъ Гордый призываетъ къ себѣ прочихъ князей, чтобы уговорить ихъ жить мирно и заботиться сообща о благѣ русской земли. Вообще заслуги Татищева по отношенію къ фактической сторонѣ русской исторіи очень велики. Онъ не ограничивался сводомъ матеріала, но постоянно стремился къ обобщенію, старался уразумѣть смыслъ явленій и построить систему, которая бы обобщала народную жизнь. И поэтому онъ замѣчателенъ не только какъ собиратель историческихъ данныхъ, но и какъ историкъ мыслитель, вслѣдствіе чего въ исторіи русскаго просвѣщенія онъ можетъ быть поставленъ на ряду съ Ломоносовымъ; какъ Ломоносовъ дѣлалъ обобщенія въ наукахъ естественныхъ, такъ Татищевъ въ наукѣ исторической. Въ своемъ введеніи къ исторіи Татищевъ указываетъ на практическія задачи исторіи; онъ видитъ въ ней науку опытную, которою могутъ руководиться правители и частныя лица; онъ не возвышается до пониманія исторіи какъ самостоятельной науки.

Всемірную исторію Татищевъ дѣлитъ между тремя важными событіями, именно: изобрѣтеніемъ письменъ, появленіемъ христіанства и появленіемъ книгопечатанія.— Онъ старается уяснить происхожденіе общественной жизни, доказываетъ, что развитію общества предшествуетъ сначала семья, потомъ родъ и наконецъ возникаетъ общество. Разсматриваетъ различныя формы общественнаго правленія: монархическую, демократическую и другія; примѣняетъ ихъ къ русскому обществу и при разноплеменномъ его составѣ находитъ самою лучшею монархическую форму правленія.

Все, что касалось религіозно-нравственной стороны народной жизни, вызывало въ Татищевѣ довольно рѣзкія и неправильныя сужденія. Это обстоятельство можетъ быть объяснено тѣмъ, что Татищевъ подвергся вліянію того направленія, которое охватило Европу съ XVI в. Средневѣковая Европа до XVI вѣка жила подъ сильнымъ вліяніемъ церкви; XVI вѣкъ знаменуется освобожденіемъ ея отъ авторитета этой церкви, и съ этого времени умственное движеніе охва-

тываетъ быстро всю Европу, и это движеніе нѣсколько отозвалось также и на русской жизни.

Таковы заслуги Татищева по общественной и научной дѣятельности. Онъ является истиннымъ сыномъ своего вѣка; онъ болѣе всего осуществилъ въ своей дѣятельности то, что давалъ ему вѣкъ. Знаніе и просвѣщеніе онъ высоко цѣнилъ. Трудъ Татищева появился въ печати послѣ его смерти; онъ былъ изданъ Миллеромъ. Но къ сожалѣнію онъ не былъ оцѣненъ современниками по достоинству; одни его находили сухимъ, другіе нѣсколько не понимали научнаго значенія его труда. По отношенію къ оцѣнкѣ труда Татищева ученая русская литература переживала различные взгляды; до сихъ поръ не установилось въ этомъ отношеніи правильнаго понятія. И не смотря на то, что современная наука по достоинству оцѣнила дѣятельность Татищева, однако для установленія правильнаго взгляда на его труды, необходимо провѣрить всѣ сообщенныя имъ историческія свѣдѣнія. Такова была плодотворная и широкая дѣятельность этого замѣчательнаго человѣка.

Таковы труды до царствованія Екатерины II. Далѣе въ русской исторіографіи наступаетъ замѣчательная эпоха, именно вѣкъ Екатерины II. Условія для научной дѣятельности были гораздо благопріятнѣе; сама императрица отличалась высокими дарованіями, широкимъ взглядомъ на вещи и вѣрнымъ пониманіемъ программы преобразователя Россіи Петра I; она высоко ставила просвѣщеніе. Въ ея политикѣ и внутренней и внѣшней не было колебаній, какія мы замѣчаемъ у преемниковъ Петра Великаго. Сильное вліяніе на императрицу имѣло сочиненіе Монтескье „о духѣ закона", гдѣ была проведена идея, что законы должны сообразоваться съ народными потребностями; тутъ Монтескье старается начертать программу дѣятельности правителей не только на основаніи отвлеченныхъ идей и требованій, но и на основаніи исторіи и историческаго опыта.

Царствованіе Екатерины ознаменовано важными событіями; возрасло политическое могущество Россіи; утверждена власть Россіи на Черномъ морѣ; возвращены отъ Польши области, прежде составлявшія одно

ученое съ Россіей. Внутри было сдѣлано много важныхъ преобразованій.

Все это движеніе, весь этотъ подъемъ русскихъ силъ не могъ не отразиться благопріятно и на умственномъ движеніи. Въ эту эпоху замѣчается возвышеніе русскаго самосознанія; масса вопросовъ, которыми были загромождены русскіе умы, во второй половинѣ XVIII вѣка становятся болѣе разрѣшимыми, яснѣе становится пониманіе современнаго направленія. Успѣху наукъ въ Россіи въ эту эпоху болѣе всего содѣйствовало болѣе вѣрное отношеніе къ западно-европейскому вліянію. Оно сказалось могущественнымъ со временъ Петра Великаго и въ первое время не могло имѣть такихъ благопріятныхъ послѣдствій, какихъ ожидалъ отъ него Петръ. При немъ и его ближайшихъ преемникахъ отношеніе къ западноевропейскому вліянію было исключительно рабское, подражательное, болѣе же важное и сознательное отношеніе началось только съ эпохи Екатерины II: грань между заимствованіемъ чужого и изученіемъ своего яснѣе обозначается. Съ этого времени съ сомнѣніемъ стали относиться къ слѣпой подражательности, вызванной стремленіемъ познакомиться съ плодами западно-европейской образованности. Сомнѣніе это выразилось въ идеѣ Фонъ-Визина, осуществленной въ Стародумѣ. Идея эта — необходимость пользоваться своимъ, а это свое можно выяснить съ изученіемъ своего прошлаго. Всѣ эти обстоятельства должны были благопріятствовать исторической наукѣ. Сама императрица интересовалась прошлыми судьбами русской жизни; профессора Моск. Унив. Барсовъ и Чеботаревъ составили для нее выписки изъ различныхъ русскихъ историческихъ памятниковъ и она составила по нимъ историческіе очерки русской жизни, преслѣдуя впрочемъ при этомъ болѣе нравоучительныя, чѣмъ историческія цѣли.

Въ это время появляются новыя учрежденія съ научными цѣлями, учреждаются географическія экспедиціи, появляются библіографическіе, археологическіе труды. На ряду со всѣмъ этимъ появляется и русская Академія наукъ, президентомъ которой назначается даровитая и образованная княгиня Дашкова,

оказавшая Екатеринѣ значительную услугу при вступленiи ея на престолъ. Впослѣдствiи между ними возникли неудовольствiя, вслѣдствiе честолюбiя княгини Дашковой, которая по этому поводу уѣхала за границу. Тамъ она была въ сношенiяхъ съ образованнѣйшими людьми того времени. Когда же она возвратилась изъ за границы, то Екатерина, забывъ прежнiя неудовольствiя, назначила ее президентшей новоучрежденной Академiи.

Первою своею задачею академiя поставила составленiе толковаго словаря; словарь этотъ оказался весьма замѣчательнымъ по тогдашнему времени; этимъ словаремъ, правда въ измѣненномъ видѣ, пользуемся мы до сихъ поръ. При академiи учреждается переводная коммиссiя; образовалось вольно экономическое общество, Вольное россiйское собранiе издало нѣсколько памятниковъ; наконецъ по инициативѣ академiи наукъ снаряжается географическая экспедицiя, которая по словамъ Сухомлинова составляетъ блестящiе страницы въ исторiи нашей академiи наукъ; въ ней принимали участiе лучшiе ученые того времени: Палласъ, Георги, Гмелинъ, Лепехинъ, Зуевъ, Рычковъ, Озерецковскiй и др. Экспедицiи были отправлены на окраины, которыя тогда были малоизвѣстны: въ Сибирь, въ Астраханскую губ., на Кавказъ и на западъ, куда былъ отправленъ Лепехинъ. Собирались свѣдѣнiя о физической природѣ, о жителяхъ, ихъ промыслахъ, нравахъ, обычаяхъ, о бытѣ и пр. Памятниками этихъ экспедицiй явились записки, пользовавшiяся европейской извѣстностью. Труды этихъ ученыхъ до сихъ поръ представляютъ много драгоцѣннаго матерiала для знакомства съ бытомъ Россiи въ то время. Особенно замѣчательно описанiе путешествiй Лепехина (его соч. „О народномъ бытѣ"); Палласъ сдѣлалъ много бiологическихъ открытiй; замѣчательны также бiологическiя открытiя Лепехина, но они устарѣли. Въ этихъ запискахъ заключалось много свѣдѣнiй о плодородiи почвы, о ея свойствахъ; особенно драгоцѣнны свѣдѣнiя этнографическiя. Всѣ эти записки были издаваемы на нѣмецкомъ языкѣ,

но были, переводимы также и на русскій. Полный сводъ-вѣнной этихъ свѣдѣній былъ составленъ ученымъ Георги; въ этомъ его двухтомномъ сочиненіи находятся краткія свѣдѣнія о всѣхъ народахъ Россіи; книга эта до сихъ поръ остается незамѣнимой.

Въ это же время получила важное значеніе мѣстная исторія, такъ общая исторія находится въ тѣсной связи и зависимости съ мѣстной исторіей. Въ царствованіе Екатерины II по мѣстной исторіи первые труды принадлежатъ Рычкову, именно Казанская и Астраханская исторія; потомъ Оренбургская топографія Пекарскаго. Замѣчательны также труды Крестинина и Фомина о С. Двинскомъ краѣ. Въ это же время дѣятельно издавались лѣтописи и документы о частномъ поземельномъ владѣніяхъ; начато также было изданіе лѣтописныхъ памятниковъ. Къ этому же времени нужно отнести замѣчательное изданіе лѣтописи по обширному списку Никоновскому (въ 7 томахъ), которымъ пользуются и теперь; потомъ были изданы царственный лѣтописецъ, С. Двинская лѣтопись, лѣтопись о мятежахъ, — объ осадѣ Троицкаго монастыря, Степенная книга и др. Въ дѣлѣ изданія дѣятельное участіе принималъ Н. И. Новиковъ, который помѣстилъ ихъ въ 20 томахъ „Древней вивліоѳикѣ"; здѣсь же помѣщены свѣдѣнія о Московской администраціи. Далѣе изданы были свѣдѣнія о царствованіи Петра, собранныя Туманскимъ и купцомъ — самоучкой — Голиковымъ; трудъ послѣдняго носитъ заглавіе „Дѣянія Петра Великаго" и заключается въ 20 томахъ. Чулковъ издалъ юридическій словарь и вмѣстѣ съ тѣмъ занимался также собираніемъ народныхъ пѣсенъ.

Къ этому же времени нужно отнести первые труды по археологіи Мусина-Пушкина, нашедшаго „Слово о полку Игоревѣ".

Быстрый ростъ русской литературы вызвалъ необходимость въ библіографическихъ обозрѣніяхъ. На этомъ поприщѣ особенно замѣчательны ученые Шторхъ и Бакмейстеръ.

Научныя учрежденія, политическія событія и разныя внутреннія реформы Екатерининской эпохи значи-

тельно способствовали пробужденію русскаго самосозна-
нія. Появляются новыя, выше помянутыя, из-
данія Новикова и Туманскаго; начинается собира-
ніе различных исторических памятников, как напр.
собраніе Голикова. Эта эпоха сильно отразилась
и на исторической наукѣ; тут появляется зна-
чительных тружеников, каковы Щербатов,
Болтин, Митрополит Платон и др.

Князь Щербатов в ряду историков того времени
занимает видное мѣсто не только как исто-
рик, но и как публицист. Соединяя в себѣ на-
учныя знанія, глубокое пониманіе жизни и сме-
лую практичность он своими трудами не мало
способствовал ознакомленію с этой эпохой. Как
видный дѣятель того времени он участвовал в
комиссіи уложенія.

Из научных сочиненій Щербатова видное мѣсто за-
нимает трактат „о повреждении нравов в Россіи."
В этом трудѣ высказывается более сознательное
пониманіе преобразовательной эпохи. Щербатов вы-
соко ценит дѣянія Петра Великаго, но не был та-
ким поклонником его, как другія замечательныя
лица, жившія в эпоху преобразованій, или вскорѣ
после ней; он критически относится к эпохѣ
преобразованій, указывает на ея хорошія и дурныя
стороны. Петр Великій обладал в высшей степени
величайшим в государѣ умѣньем выбирать людей.
Так он возвысил многих даровитых государствен-
ных людей; эти-то люди и были ревностными
сторонниками его идей и дѣла. Но крутой пере-
ворот образовал партію людей не согласных с
преобразованіями, и отрицательно относившихся
к ним — партію недовольных. Такой раскол
происходил в русском обществѣ со времени эпохи
преобразованія. Но время дѣлало свое дѣло: событія
оправдывали дѣйствія Петра, что у одних отнима-
ло повод к недовольству этими дѣлами; вре-
мя же охлаждало и других — страстных поклон-
ников преобразованій и в царствованіе Екатери-
ны II наступило более спокойное их обсуж-
деніе. Щербатов оправдывает Петра во многом,

въ чемъ обвиняли его другіе; такъ онъ не видитъ самовластія тамъ, гдѣ его видятъ другіе. Но это не мѣшаетъ ему видѣть и темныя стороны Петровской эпохи. Онъ говоритъ, что образованіе дѣйствительно выиграло съ эпохи преобразованій, но нравы стали портиться. Сравнивая нравы XVII и XVIII вв. находитъ, что нравы Руси допетровской старины гораздо выше, такъ какъ въ нихъ преобладающей чертой являлась простота, а съ западно-европейскимъ вліяніемъ привились къ намъ роскошь, изнѣженность, слабая подражательность и многое другое. Въ старой Руси нравы были просты, было больше твердой преданности всему своему, было больше самостоятельности въ отношеніяхъ къ иностранному; со времени же царствованія Петра замѣчается рабское подражаніе всему западно-европейскому. Значитъ Русь Московская не была безусловно хуже Руси Петровской. Всѣ эти указанія важны, если принять во вниманіе, что во время Екатерины II было мало одного только точнаго, опредѣленнаго знанія, но нужно было также и воспитаніе, что кромѣ знанія требовалось и умственное развитіе. И во времена Екатерины стали сознавать также, что подобнаго рода задача полезна, но что все таки умственное развитіе необходимо наравнѣ со знаніемъ.

Въ недавнее время было напечатано обширное его сочиненіе „Статистика Россіи." Этотъ трудъ Щербатова является первой попыткой статистическаго обозрѣнія Россіи. Здѣсь онъ разсматриваетъ Россію по отдѣльнымъ областямъ, указываетъ на особенности каждой изъ нихъ по отношенію къ климату, почвѣ; обозрѣваетъ границы Россіи, указываетъ на ихъ значеніе и состояніе, замѣчаетъ, что нѣкоторыя изъ нихъ слабо укрѣплены, какъ напр. Китайская; въ этомъ своемъ произведеніи касается также государственныхъ учрежденій. — Изъ мелкихъ его трудовъ можно указать на разсужденіе о смертной казни, гдѣ онъ излагаетъ взгляды на этотъ предметъ современныхъ западноевропейскихъ писателей; напечатано оно въ „Чтеніяхъ Московскаго общества исторіи и древностей."

— Самымъ же лучшимъ трудомъ Щербатова является его „Исторія Россійская." Въ этомъ своемъ сочиненіи Щер-

батовъ ушелъ гораздо дальше Татищева; у него въ внутреннемъ содержаніи является гораздо большая связность и самое изложеніе было гораздо доступнѣе для современнаго русскаго общества. Хотя здѣсь Щербатовъ проявляетъ свою обширную начитанность и широкое образованіе, но все это, однако, не избавило его трудъ отъ нѣкоторыхъ существенныхъ недостатковъ.

Трудъ этотъ былъ вызванъ крайней необходимостью имѣть общедоступную исторію Россіи. При болѣе сознательномъ отношеніи къ прошлому оказалось необходимымъ изучать исторію Россіи съ древнѣйшихъ временъ; Щербатовъ довелъ свою исторію отъ древнѣйшихъ временъ до XVII в. При составленіи своей исторіи онъ не только пользовался нѣкоторыми важными источниками, но даже имѣлъ доступъ и въ Архивы. Послѣднее обстоятельство послужило поводомъ къ тому, что онъ издалъ многія рукописи; изданіями нѣкоторыхъ изъ нихъ мы пользуемся до сихъ поръ, какъ напр. „Ногайскими дѣлами"

Всматриваясь внимательно въ нѣкоторыя проявленія событій, дѣлая частную оцѣнку ихъ, Щербатовъ однако не выработалъ общаго взгляда на исторію Россіи. Это произошло оттого, что онъ не вносилъ свою идею въ обрабатываемый матеріалъ; поэтому у него проглядываетъ пониманіе фактическаго значенія событій. Хотя онъ иногда старается изложить нѣкоторое общее пониманіе исторіи, но эти объясненія оказываются слишкомъ слабыми и сильно отзываются общими мѣстами. Но все же въ его трудѣ замѣтно значительное поступательное движеніе въ изложеніи исторіи; онъ первый обратилъ вниманіе на обозрѣніе внутренняго состоянія русскаго общества; у него есть подробное обозрѣніе русскаго общества въ періодъ времени послѣ Юрія Долгорукаго.

Нужно замѣтить, что въ изложеніи фактовъ Щербатовъ иногда бываетъ не точенъ и не всегда удовлетворяетъ критикѣ. Такъ напр. онъ сопоставляя Владиміра Залѣсскаго съ Владиміромъ Мономахомъ, о Сильвестрѣ сообщаетъ два противоположныхъ извѣстія, такъ что ставитъ читателя въ затруднительное положеніе, которому изъ этихъ извѣстій вѣрить и какъ думать о Сильвестрѣ. Послѣднее обстоятельство можно объяснить тѣмъ, что онъ дѣлалъ выписки изъ не-

точниковъ не относясь къ нимъ вполнѣ критически. Недостатки исторіи Щербатова въ скоромъ времени обратили на себя вниманіе современниковъ. Особенно нападалъ на него очень даровитый писатель Екатерининской эпохи — Болтинъ, который написалъ критическое изслѣдованіе перваго тома исторіи Щербатова. Въ этомъ изслѣдованіи онъ высказалъ много глубокихъ и вѣрныхъ замѣчаній, указалъ на недостатокъ Щербатова: слишкомъ большое довѣріе къ польскимъ источникамъ. Въ его сочиненіяхъ встрѣчаемъ впервые съ зачатками славянофильства. Сочувствіе къ старой Руси, сознаніе недостатковъ новой — вотъ первоначальные источники этого ученія. Мы не должны ничего заимствовать съ запада, не провѣривъ хорошенько, хорошо это или дурно, должны относиться къ западному самостоятельнѣе; у насъ есть свое, чисто самобытное, на что надо обращать больше вниманія — вотъ мысли, которыя начали проникать въ умы лучшихъ людей Екатерининскаго вѣка, къ которымъ принадлежалъ и Болтинъ.

Болтину принадлежатъ также „примѣчанія на книгу Леклерка", которая въ то время была издана подъ заглавіемъ „Древняя и новая Россія". Въ этомъ своемъ сочиненіи Леклеркъ проводитъ ту мысль, что Россія до Петра находилась въ темномъ мракѣ невѣжества; сама собой она не могла выработать ничего свѣтлаго, самостоятельнаго; она прозябала въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ; но вотъ явился великій человѣкъ Петръ I, обратилъ свое вниманіе на западъ, призвалъ иностранцевъ и благодаря имъ Россія вышла изъ прежняго мрака; она всѣмъ обязана иностранцамъ; все, что есть въ ней хорошаго, сдѣлали иностранцы. Болтинъ въ своихъ примѣчаніяхъ на эту книгу, возсталъ противъ противъ этой мысли и доказалъ, что невѣжества, о которомъ говоритъ Леклеркъ, не было не только во времена близкія къ царствованію Петра, но и въ очень отдаленныя времена. Онъ говоритъ, что уже въ X вѣкѣ небыло такого невѣжества, и на основаніи договора Олега съ Византіей показалъ, что и тогда уже замѣтно было стремленіе создать болѣе прочныя и твердыя условія для матеріальнаго благосостоянія, и что тогда уже личность отчасти охранялась, значитъ Россія и тогда уже не была дикою. Тутъ же Болтинъ

опровергаетъ нападки западныхъ ученыхъ на Россію за то, что въ ней существуетъ крѣпостное право; Болтинъ признаетъ вредныя послѣдствія его, но въ то же время говоритъ, что они не такъ ужасны, какъ ихъ рисуютъ иностранцы.

Въ царствованіе Екатерины II прибылъ въ Россію молодой нѣмецкій ученый Шлецеръ, высоко стоявшій по своему образованію и обширнымъ знаніямъ. Въ Петербургѣ онъ началъ заниматься при академіи наукъ изученіемъ русской исторіи. Имѣя хорошую научную подготовку и будучи знакомъ съ требованіями науки, онъ старался поставить свои занятія на возможно твердую почву. Онъ былъ знакомъ съ критикой западной Европы, тогда уже зрѣлой, и ея требованія примѣнилъ къ своимъ критическимъ изслѣдованіямъ источниковъ русской исторіи. Заслуга его состояла въ разработкѣ исторіи Россіи въ связи съ исторіею Востока. Изучая исторію Россіи онъ познакомился съ русскими лѣтописями, которыя сильно его заинтересовали и онъ принялся за ихъ изученіе; особенное вниманіе онъ обратилъ на Несторову лѣтопись, которую онъ изучилъ и результатомъ его изученія явились его комментаріи о ней; комментаріи эти начинаются съ древнѣйшихъ временъ и доходятъ до княженія Ярослава; они настолько подробны и обладаютъ такими достоинствами, что и въ настоящее время могутъ служить прекраснымъ пособіемъ при изученіи лѣтописи Нестора. Это его изслѣдованіе отличается строгими образованными пріемами. Шлецеръ, будучи знатокомъ Византійскихъ и средневѣковыхъ источниковъ, находитъ, что Несторова лѣтопись можетъ быть названа самою достовѣрною. Пробывъ недолго въ Россіи онъ уже въ Германіи на нѣмецкомъ языкѣ издалъ свои комментаріи подъ заглавіемъ „Несторъ“; переведены они на русскій языкъ и изданы въ 5 томахъ подъ заглавіемъ: „Несторъ, объясненный Шлецеромъ.“

Шлецеръ, не смотря на свои широкія познанія и на то, что онъ вмѣщалъ въ себѣ лучшіе пріемы критики (его дѣленіе критики на низшую и высшую), не могъ отрѣшиться отъ господствовавшаго въ то время во всей Европѣ понятія объ образованіи государствъ изъ двухъ элементовъ: побѣдителей и побѣжденныхъ и при изученіи исторіи образованія

русскаго государства пытался приложить эту же теорію; но болѣе близкое знакомство съ русской исторіей, поколебало нѣсколько его мнѣніе о подобныхъ же основахъ образованія русскаго государства. Тѣмъ не менѣе онъ не рѣшился признать эту теорію несостоятельною, что доказываетъ, что и ученый критикъ не можетъ иногда отрѣшиться отъ привычныхъ и общепринятыхъ взглядовъ.

Этотъ общій взглядъ на сложеніе государствъ выработался на основаніи западноевропейской исторіи, которая его вполнѣ подтверждаетъ. Послѣ разрушенія Римской имперіи стали складываться новыя государства; вся Европа находилась въ тревожномъ состояніи; сильное движеніе племенъ составляетъ характеристическую особенность этой эпохи. Вездѣ основываются новыя государства; одно племя нападаетъ на другое, побѣждаетъ и порабощаетъ его; вездѣ мы видимъ завоевателей и завоеванныхъ. Передъ нашими глазами проходитъ цѣлый рядъ новыхъ, одно за другимъ возникающихъ государствъ. Гунны, двинувшись изъ средней Азіи въ Европу, потѣснили Остготовъ; толчекъ этотъ передался дальше и всѣ народы пришли въ движеніе. Остготы, оставивъ восточно-европейскую равнину, переселились въ Италію и тамъ утвердили свою власть. Но вскорѣ мѣсто ихъ заступаютъ Лонгобарды и основываютъ Лонгобардское королевство. Вестготы съ восточной равнины проходятъ черезъ всю Европу и въ Испаніи и юго-западной Галліи основываютъ Вестготское королевство. Франки основываютъ государство въ сѣвер. Галліи, а Англосаксы — въ Великобританіи. Вездѣ завоеватели и завоеванные, вооруженные и безоружные. Принудительныя отношенія, которыя естественно произошли между завоевателями и завоеванными, и служатъ источникомъ развитія, и опредѣляютъ складъ дальнѣйшаго движенія этихъ государствъ. Завоеванные должны были дѣлить свои земли съ завоевателями, должны были обрабатывать для нихъ эти земли и вообще доставлять имъ все нужное для жизни. Такимъ образомъ между завоевателями и завоеванными завязывается рядъ имущественныхъ отношеній, но не какъ между равными,

а какъ между властителями и подчиненными; завоеватели составили особое господствующее сословіе. Таковъ былъ внѣшній толчекъ, давшій движеніе государственной жизни. Развитіе государствъ начинается отъ силы пришедшей извнѣ и внѣшняя же сила продолжаетъ это развитіе. Этой то теоріи держался и Шлецеръ и съ этой точки зрѣнія онъ смотрѣлъ на государство Русское.

Біографія Шлецера написана Ал. Н. Поповымъ въ „Московскомъ сборникѣ". Въ недавнее время академіею наукъ издана его автобіографія, изъ которой мы узнаемъ, что въ его время нѣкоторые историческіе документы и статистическія данныя считались величайшею тайною.

Въ XVIII в. когда всѣ лучшіе люди сознали необходимость образованія, явилась потребность познакомиться и съ исторіей русскаго государства, для чего необходимо было руководство, которое было-бы доступно всему образованному обществу. Этой потребности старались удовлетворить Татищевъ, Ломоносовъ, князь Щербатовъ и, въ частности по исторіи русской церкви, Митрополитъ Платонъ, знаменитый ораторъ Екатерининскаго вѣка, который, по выраженію императрицы, заставлялъ своихъ слушателей плакать, когда желалъ этого. Когда онъ принялся за свой трудъ, ему было уже 60 лѣтъ отъ роду, и несмотря на то, его блестящій талантъ и проницательный умъ обнаруживается въ его трудѣ „Краткая церковная россійская исторія", которую онъ написалъ для того, чтобы дать руководство къ изученію исторіи русской церкви. Эта книга не имѣетъ значенія научнаго труда, но она заключаетъ въ себѣ много вѣрныхъ мыслей и замѣчаній. Для доказательства нашихъ словъ, сдѣлаемъ нѣкоторыя указанія на нее. Въ началѣ своей книги, говоря о распространеніи христіанства между Славянами, Платонъ указываетъ на то, очень важное обстоятельство, способствовавшее успѣху этого ученія, что восточные Славяне не имѣли ни храмовъ, ни жрецовъ, которые бы могли противодѣйствовать христіанству. Говоря о татарскомъ игѣ, онъ подмѣтилъ также важное явленіе: что иго должно было усилить аскетическое настроеніе, содѣйствовать желанію уединиться, порвать всякія

связи съ міромъ. Онъ вѣрно характеризуетъ дѣятельность Филиппа, Филарета и другихъ замѣчательныхъ пастырей русской церкви; дѣлаетъ любопытныя замѣчанія о переводѣ съ латинскаго языка толковой псалтыри при митрополитѣ Макаріѣ; обнаруживаетъ вѣрное пониманіе событій смутнаго времени. Князь Василій Шуйскій, по его мнѣнію, не могъ удержаться на престолѣ, потому что онъ былъ избранъ одного Московскаго. Трудъ его прерывается на послѣднихъ годахъ XVII в. Изданъ онъ въ Москвѣ въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія.

Затѣмъ въ царствованіе Александра I выдвигается дѣятельность Московскаго Университета, въ которомъ изъ среды тогдашнихъ ученыхъ выдвинулись: Маттей, Буле и Баузе. Какъ издатели выдвинулись: Тимковскій (Несторова лѣтопись), Малиновскій (описаніе оружейной палаты), Пл. Пет. Бекетовъ (описаніе свадьбы Михаила Феодоровича).

Центръ русской науки этого времени находится въ тѣснѣйшей связи съ дѣятельностью знаменитаго канцлера Никол. Петр. Румянцева, имя котораго служитъ центромъ значительнаго движенія въ русской литературѣ. Никто изъ такъ называемыхъ меценатовъ науки не обнаружилъ такой любви къ историческимъ занятіямъ, такихъ пламенныхъ усилій къ тому, чтобы двинуть науку впередъ, какія мы видимъ въ графѣ Румянцевѣ. Онъ былъ сынъ знаменитаго фельдмаршала Румянцева, извѣстнаго побѣдами надъ турками въ царствованіе Екатерины II, и получилъ прекрасное образованіе. Высокое положеніе, которое занималъ его отецъ, дало ему возможность быстро двигаться по государственной службѣ; еще молодымъ человѣкомъ онъ былъ отправленъ въ качествѣ посла въ Германію, которая переживала въ это время важный моментъ въ своей жизни: старыя рутинныя начала стали терять свою силу, образованные люди стали отрѣшаться отъ старыхъ воззрѣній, наука и литература вступила на новый путь. Возвратившись въ Россію онъ былъ канцлеромъ при Императорѣ Александрѣ I.

Въ то время въ Европѣ началось движеніе, возбужденное усиленіемъ Франціи, которая стремилась расши-

рить и утвердить свою власть въ Европѣ и распространить свои владѣнія на счетъ сосѣдей — Германіи и Италіи. Румянцевъ стоялъ за мысль о необходимости союза съ Франціей. Но потомъ неожиданно для себя онъ узналъ, что Франція имѣетъ въ виду интересы не Россіи, а свои собственныя выгоды, что, какъ и слѣдовало ожидать, она сдѣлается вскорѣ врагомъ Россіи. Дѣйствительно вскорѣ отношенія между Франціей и Россіей сдѣлались натянутыми, а затѣмъ послѣдовалъ и окончательный разрывъ, слѣдствіемъ котораго была война 1812–1813 годовъ. Эти событія доказали Румянцеву, что вся его политика была ошибочна, что его пониманіе политическихъ событій было совершенно неправильно. Разочарованіе было слишкомъ велико; онъ не вынесъ его, съ нимъ случился ударъ. Съ этого времени онъ оставилъ дипломатическое поприще и всецѣло посвятилъ себя научнымъ занятіямъ. Впродолженіи многихъ лѣтъ онъ усердно собиралъ рукописи и книги, и собиралъ ихъ какъ большой знатокъ. Его собраніе оказалось чрезвычайно замѣчательнымъ и долго существовало въ его собственномъ домѣ близъ Николаевскаго моста подъ названіемъ Румянцевскаго музеума. Этотъ музеумъ недавно переведенъ въ Москву.

Одна изъ задачъ Румянцева состояла въ томъ, чтобы издать замѣчательные памятники. Онъ издалъ обширное собраніе договоровъ. Это изданіе въ четыре объемистыхъ тома in folio впервые сдѣлало древніе историческіе памятники доступными ученымъ; въ немъ заключаются договоры съ древнѣйшаго времени до XVIII ст; все оно прекрасно издано, съ указаніями, которыя обнаруживаютъ полное пониманіе дѣла. Изданіе это стоило Румянцеву болѣе шестидесяти тысячъ рублей.

Дѣятельность Румянцева этимъ не ограничивалась; онъ входилъ въ сношенія со всѣми замѣчательными учеными, велъ обширную переписку, которая въ настоящее время служитъ чрезвычайно важнымъ источникомъ для знакомства съ той эпохой. Онъ не былъ меценатомъ въ томъ смыслѣ, какой обыкновенно соединяютъ съ этимъ словомъ; онъ не только

покровительствовалъ научнымъ занятіямъ, но и самъ былъ ученымъ. Благодаря ему многіе ученые могли исполнить замѣчательныя работы. Онъ оказывалъ постоянную поддержку Строеву, Калайдовичу, Востокову, Григоровичу, Кругу, Аделунгу; велъ постоянную переписку съ митрополитомъ Евгеніемъ, имѣлъ сношенія съ Френомъ и другими.

Описаніе Румянцевскаго музеума составлено извѣстнымъ вышеупомянутымъ Востоковымъ, значительно подвинувшимъ впередъ русскую науку.

Строевъ по своей дѣятельности извѣстенъ какъ ученый археографъ; дѣятельно занимался собираніемъ рукописей, издавалъ ихъ и, какъ лучшій знатокъ рукописнаго матеріала своими трудами положилъ прочное основаніе исторической наукѣ. Онъ первый предпринялъ путешествіе по россійскимъ монастырямъ, открылъ множество драгоцѣнныхъ рукописей, познакомилъ съ ними общество. Путешествовалъ онъ преимущественно на сѣверѣ Россіи; всѣхъ монастырей онъ не могъ посѣтить. Собранный имъ матеріалъ послужилъ главнымъ основаніемъ для изданій археографической комиссіи, въ которой занималъ видное мѣсто, какъ лучшій знатокъ нашихъ источниковъ; и затѣмъ принималъ большое участіе въ планѣ изданія историческихъ памятниковъ.

Далѣе знатокомъ источниковаго дѣла и притомъ страстнымъ археологомъ является Конст. Ѳеод. Калайдовичъ, всецѣло предавшійся отыскиванію древнихъ памятниковъ и изученію ихъ. Онъ также занимаетъ видное мѣсто какъ издатель; имъ изданы сочиненія Іоанна, Экзарха Болгарскаго (IX и X в.в.) и памятники относящіеся къ XII в. при матеріальномъ содѣйствіи Румянцева.

Дѣятельность Круга сосредоточивалась главнымъ образомъ на нумизматикѣ и хронологическихъ изслѣдованіяхъ.

Лербергъ имѣетъ большое значеніе по своимъ историко-географическимъ трудамъ; изъ сочиненій его замѣчательно „Изслѣдованія, служащія къ объясненію древней русской исторіи."

Особенно замѣчательна дѣятельность Ходаковскаго, который первый обратилъ вниманіе на важное значеніе географическихъ именъ въ исторической наукѣ. Онъ съ замѣчательнымъ усердіемъ принялся за собираніе названій горъ, рѣкъ, озеръ, урочищъ, городищъ и населенныхъ мѣстъ.

Въ этомъ сборникѣ Ходаковскаго вошли названія только Новгородской Губерніи. Трудами Ходаковскаго все же не исчерпанъ и не разработанъ этотъ вопросъ исторической науки, такъ что онъ является очереднымъ вопросомъ. Труды Ходаковскаго изданы въ Русскомъ Сборникѣ Погодинымъ.

Румянцевъ также былъ въ сношеніяхъ съ протоіереемъ Іоанномъ Григоровичемъ, извѣстнымъ знатокомъ западно русскихъ памятниковъ; велъ переписку съ Бергомъ.

Важнымъ трудомъ Аделунга является его сборникъ извѣстій иностранныхъ писателей о Россіи; онъ описалъ также Корсунскіе ворота въ Новгородѣ, похожіе на Исаакіевскіе ворота. Описаніе это важно для опредѣленія вліянія западноевропейскаго и византійскаго искусства на русское искусство. Затѣмъ онъ издалъ на счетъ Румянцева атласъ Мейерберга, съ художественными снимками, планомъ Москвы, снимками историческихъ одеждъ. Далѣе онъ составилъ біографію Герберштейна по его автобіографіи.

Кромѣ вышепоименованныхъ Румянцевъ находился еще в сношеніяхъ и велъ переписку съ Кеппеномъ и митрополитомъ Евгеніемъ. Кеппенъ первый обратилъ вниманіе на важность изслѣдованія и изученія Крымскаго полуострова, такъ какъ онъ являлся съ незапамятныхъ временъ ареной столкновеній всевозможныхъ народностей; результатомъ его знакомства съ Крымомъ является Крымскій сборникъ. Кеппену также принадлежитъ мысль изданія списковъ населенныхъ мѣстъ, собранныхъ по приходскимъ спискамъ. Имъ была издана этнографическая карта, первая в Россіи. Въ послѣднее время составленіе такой карты было поручено полковнику Риттиху; в общемъ она выполнена вполнѣ удачно, за исключеніемъ Кавказа, хотя къ сожалѣнію этнографическіе матеріалы его не напечатаны.

Дѣятельность митрополита Евгенія была чрезвычайно плодотворна; онъ стоитъ на ряду съ самыми замѣчательными труженниками того времени. Не смотря на массу занятій, какими онъ былъ всегда заваленъ, занимая такой высокій духовный постъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ съ необычайнымъ рвеніемъ

и усердіемъ занимался русской исторіей; собиралъ по монастырямъ всевозможные историческіе данные. Изъ трудовъ его особенно выдаются: „историческое описаніе Псковской земли, Воронежской епархіи, Грузіи", „Историческіе разговоры о Древнемъ Новгородѣ" и „Словарь свѣтскихъ и духовныхъ писателей." Послѣдняя его книга пользовалась особенной популярностью.

Такова обширная дѣятельность Румянцева и тѣхъ лицъ, съ которыми онъ имѣлъ сношенія.

Въ это же время усиливается и наша журнальная дѣятельность и появляется нѣсколько историческихъ журналовъ.

Эпоху въ нашей исторіографіи представляетъ трудъ Карамзина. Исторія государства Россійскаго имѣетъ громадное значеніе (издана въ 1818г). Она обнимаетъ собою исторію отъ начала Руси и заканчивается междуцарствіемъ. По своему вліянію, какое она произвела на русское общество, по своимъ научнымъ и художественнымъ достоинствамъ она составляетъ крупное явленіе въ русской исторіографіи.

Въ обществѣ уже давно была потребность въ общедоступной исторіи. Этой потребности пытались удовлетворить историки XVIII и начала XIX в., но эти попытки оказались недостаточными. Къ числу такихъ попытокъ нужно отнести труды Татищева и Щербатова, но попытки ихъ не удались. Татищевъ не могъ удовлетворить любознательности цивилизованнаго общества, такъ какъ его трудъ является какъ бы сводомъ историческихъ событій, исторія же Щербатова была написана тяжелымъ, особенно труднымъ языкомъ и притомъ была плохо обработана и не соотвѣтствовала ни научнымъ ни художественнымъ требованіямъ общества. Общество же все болѣе и болѣе зрѣло, и его стремленіе знать свое прошлое, прошлыя судьбы Россіи превратилось въ настоятельную потребность, которая и нашла себѣ удовлетвореніе въ трудѣ Карамзина. Его исторія произвела на русское общество столь сильное впечатлѣніе, какое едва ли производило какое либо другое историческое сочиненіе. Исторія Россіи была въ первый разъ изложена въ художественной, яркой и доступной образомъ,

давала художественное представление прошлой жизни; въ этомъ трудѣ впервые были раскрыты судьбы Россiи и представлены въ живыхъ картинахъ. Поэтому нельзя не вспомнить замѣчанiя, что Карамзинъ сдѣлалъ тоже, что и Колумбъ.

Особенно замѣчательно въ трудѣ Карамзина то, что тутъ соединены научныя требованiя съ художественными, что весьма рѣдко случается видѣть. Исторiя эта произвела чрезвычайно сильное впечатлѣнiе на современное русское общество; пользовалась чрезвычайной популярностью; ни одно сочиненiе не выдержало столько изданiй, какъ это. Трудъ этотъ замѣчателенъ по своимъ высокимъ научнымъ достоинствамъ; ни въ одномъ историческомъ трудѣ историческая перспектива не была замѣчена такъ ясно, какъ въ трудѣ Карамзина, гдѣ онъ чрезвычайно удачно сумѣлъ сохранить ее передавая многiя подробности для живости въ изображенiи событiй.

Карамзинъ при написанiи своей исторiи воспользовался всѣмъ, чѣмъ только могъ, и воспользовался добросовѣстно, собирая различныя свѣдѣнiя объ одномъ и томъ же событiи и подвергая ихъ анализу и строгой критикѣ. Послѣ 10-лѣтней неутомимой работы надъ собиранiемъ матерiаловъ, онъ приступилъ къ своему труду, поставивъ своей задачей написать общую исторiю Россiи. Къ своей исторiи онъ присоединилъ ученыя примѣчанiя, которыя и теперь имѣютъ важное значенiе, такъ какъ служатъ справочною книгою и для современныхъ ученыхъ историковъ. Примѣчанiя эти по своимъ научнымъ достоинствамъ стоятъ выше всѣхъ подобныхъ. Въ этихъ примѣчанiяхъ приводится перечень извѣстiй, указаны источники, откуда они почерпнуты, указаны источники, имѣющiе какое либо отношенiе къ этимъ извѣстiямъ. Въ концѣ каждаго княженiя приводятся выписки всѣхъ выдающихся событiй. Приведенъ перечень словъ малопонятныхъ и рѣдкоупотребительныхъ. Однимъ словомъ эти примѣчанiя вполнѣ удовлетворяютъ научнымъ требованiямъ.

Карамзинъ по своимъ воззрѣнiямъ стоялъ чрез-

вычайно высоко, отличался гуманностью и извѣстнымъ оптимизмомъ, который проходитъ через всю его исторію. Обстоятельства современной жизни западной Европы отзывались и на направленіи понятій и воззрѣній нашихъ ученыхъ; имѣли они немалое вліяніе и на Карамзина. Вопросъ о крѣпостной зависимости медленно подготовлялся къ своему разрѣшенію; высказывались мысли къ его разрѣшенію, появлялись нападки на него; но оптимисты желали разрѣшенія его мирнымъ путемъ, гуманность ихъ не могла примириться съ насильственнымъ переворотомъ, послѣдствія же такихъ переворотовъ были хорошо знакомы по предшествовавшимъ событіямъ во Франціи. Эта то гуманность, этотъ оптимизмъ были внесены Карамзинымъ и въ исторію; онъ высказывалъ горячее сочувствіе всему тому, что приносило народу новое благо, усиливало просвѣтительное движеніе и обусловливало дальнѣйшій прогрессъ.

Будучи безусловнымъ поклонникомъ того, чѣмъ руководились Московскіе государи, зная, что форма исторической жизни Новгорода была уже отжившей, утратившей свое первоначальное значеніе, что онъ долженъ былъ подпасть подъ владычество Москвы, при всемъ томъ историческій приговоръ его надъ судьбою Новгорода является мягкимъ, осторожнымъ. Такимъ образомъ его точка зрѣнія отличается гуманностью и сочувственнымъ отношеніемъ и къ тѣмъ, что было жертвою исторической необходимости.

Возбудивъ сильный интересъ къ историческому знанію, расширивъ въ значительной степени область историческаго кругозора, трудъ Карамзина вызвалъ много критическихъ статей. Онъ далъ своему труду названіе „Исторія Государства Россійскаго." Это названіе указываетъ на задачу — прослѣдить судьбы Русскаго государства, между тѣмъ онъ не даетъ яснаго органическаго воззрѣнія на государство. Называя первыхъ князей самодержцами, онъ, очевидно, переноситъ на нихъ понятія о князьяхъ Московскаго періода (XV и XVI в.в.). Изъ этого неправильнаго названія высказывается вообще неправильный взглядъ

на древнюю исторію; древніе князья были не самодержцы, а вожди дружинъ, которые не думали о самодержавіи. Карамзинъ говоритъ, что Ярославъ, раздѣливъ Русь между своими сыновьями, уступилъ влеченію сердца своего. Оказывается, что, по Карамзину, Ярославъ [illegible] сознавалъ, что должно быть единодержавіе, но не могъ совладать съ влеченіемъ сердца. Такого [illegible] [illegible] никто не можетъ приписать Ярославу.

Удѣлы Ярослава въ политическомъ [illegible]. Карамзинъ говоритъ, что за раздѣленіемъ Руси [illegible] наступили времена смуты, мрака и [illegible] войнами изъ-за вотчинъ; удѣльный [illegible], [illegible] органическаго русскаго, былъ неподходящимъ для [illegible] русскаго народа и не прошелъ безслѣдно.

Болѣе правильнымъ взглядъ Карамзина становится съ того времени, когда начинаетъ [illegible] московское княжество, когда ходъ событій сосредоточивается около Москвы. Но и здѣсь Карамзинъ очень часто является пристрастнымъ, какъ напр. Ивана III: онъ ставитъ на такую высоту, превознося въ такомъ блескѣ его княженіе, что совершенно [illegible] дѣятельность предшествующихъ князей, которые во многомъ подготовили блестящее княженіе Ивана III. Царя Ивана Грознаго Карамзинъ считаетъ человѣкомъ ничтожнымъ, говоритъ, что онъ не имѣлъ своей воли и дѣйствовалъ подъ вліяніемъ Сильвестра; эту мысль Карамзинъ основываетъ на словахъ самого Грознаго, который въ письмахъ къ Курбскому говоритъ, что Сильвестръ [illegible] его волю. Но съ мнѣніемъ Карамзина нельзя согласиться.

Наконецъ онъ слишкомъ высоко ставитъ личность царя Василія Ивановича Шуйскаго; но Шуйскій далеко не обладалъ такими способностями, какія нужны для успокоенія умовъ, прекращенія смуты и вовсе не отличался той дѣятельностью на пользу государства, какую приписываетъ ему Карамзинъ; напротивъ онъ заботился больше о своихъ личныхъ выгодахъ. Смыслъ многихъ событій [illegible] не понималъ.

Смутное время [illegible] исторіи государства Россійскаго. [illegible]

чайно важное значеніе по обширнымъ ученымъ примѣчаніямъ.

Историческая дѣятельность въ 20 годахъ въ послѣдующее время стала развиваться у насъ значительно быстрѣе и успѣшнѣе; тоже самое замѣтно было и на западѣ, такъ что когда Карамзинъ сосредоточилъ свои занятія на обработкѣ своей исторіи, въ западной Европѣ явились новыя требованія, новыя задачи, новыя направленія въ исторической наукѣ. Появились труды Гизо, Нибура, Тьерри, которые совершили переворотъ въ исторической наукѣ и оказали значительное вліяніе на ея развитіе у насъ. Ученые эти усовершенствовали историческую критику, выдвинули на первый планъ не только жизнь государства, но и общества; они способствовали утвержденію взглядовъ на исторію, какъ на науку органическую.

Въ концѣ 20-хъ и въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія въ русской исторической наукѣ образовалось скептическое направленіе, во главѣ котораго сталъ проф. Моск. Ун. Мих. Троф. Каченовскій. Свой ученый скептицизмъ Каченовскій обратилъ на разработку вопросовъ древняго періода русской исторіи. Онъ не оставилъ какого-либо крупнаго законченнаго труда; въ его изслѣдованіяхъ разрабатывались только отдѣльные вопросы по древней исторіи на основаніи скептическаго отношенія къ источникамъ. Эти труды его печатались въ „Вѣстникѣ Европы". Особенно сильное вліяніе на Каченовскаго оказалъ Нибуръ, который, какъ извѣстно, занимался разработкой римской исторіи. Онъ высказалъ сомнѣніе въ достовѣрности многихъ сказаній по древней исторіи Рима и наконецъ доказалъ ихъ невѣрность. Сказанія эти принимались прежними историками на вѣру, безъ критической оцѣнки. Именно тоже самое Каченовскій доказывалъ несостоятельность древнѣйшихъ сказаній русской исторіи, ихъ недостовѣрность и невозможность принять ихъ какъ что либо существенное для исторіи. Вниманіе сосредоточилъ главн. на сказаніяхъ о Рюрикѣ и Олегѣ. Сличая сказанія этого времени съ скандинавскими сказаніями, онъ находилъ между ними много общаго, что и дало ему заключить о несамостоятель-

тельности русскихъ преданій. Такъ въ скандинавскихъ преданіяхъ онъ указывалъ разсказъ, почти вполнѣ сходный съ извѣстнымъ преданіемъ о подвигахъ и смерти Олега. Вся разница между разсказами заключается въ томъ, что норманскій витязь, посѣтивъ могилу своего коня, умираетъ отъ укушенія ящерицы, а не змѣи. Далѣе Каченовскій не соглашался съ мнѣніемъ Калайдовича о времени жизни Іоанна, Экзарха Болгарскаго, полагая, что онъ жилъ не въ IX–X в., а въ XII в. Точно также и „русскую правду" онъ считалъ составленною въ позднѣйшее время, такъ какъ, на основаніи высшей критики, не могъ допустить, чтобы мало развившаяся жизнь эпохи Ярослава выработала всѣ тѣ постановленія, какія вошли въ этотъ сборникъ. Эти взгляды Каченовскаго имѣли сильное вліяніе на русскую историческую науку, обогативъ ее многими фактами для сравнительнаго изученія и критическаго взгляда на исторію, они содѣйствовали расширенію русскаго кругозора.

Скептическое направленіе Каченовскаго скоро нашло себѣ ревностныхъ сторонниковъ въ средѣ русскихъ ученыхъ; такимъ образомъ въ русской исторической наукѣ образовалась цѣлая школа скептическаго направленія. Ближайшими послѣдователями Каченовскаго были: Строевъ, Арцыбашевъ, Станкевичъ и Стрехановъ.

Общее направленіе ихъ и самого Каченовскаго выражалось въ крайней осторожности изслѣдованій, тщательной критикѣ преданій, взглядовъ и стараніи расширить русскій кругозоръ — для чего признавалось необходимымъ русскую исторію въ связи съ всеобщею; на послѣднее Каченовскій особенно настаивалъ.

Изъ этой группы ученыхъ, кромѣ Строева, труды котораго всецѣло посвящены были изученію и изданію историческихъ памятниковъ, особенно замѣчателенъ Арцыбашевъ. Онъ писалъ изслѣдованія о древнемъ періодѣ русской исторіи. Въ статьѣ объ Иванѣ IV опровергаетъ установившееся мнѣніе о немъ на основаніи извѣстій иностранцевъ. Но главнымъ трудомъ Арцыбашева было „Повѣствованіе о Россіи". Задачею этого труда онъ поставилъ свести въ одно цѣлое всѣ достовѣрныя извѣстія критико

жатки по исторіи Россіи, начиная съ древнѣйшихъ временъ до XVIII в. и выполнилъ ее настолько удовлетворительно, что это обширное сочиненіе и до настоящаго времени можетъ служить весьма полезнымъ пособіемъ при историческихъ изслѣдованіяхъ.

Рядомъ съ направленіемъ скептическимъ, стремившимся подорвать достовѣрность нашей исторіи IX–XI в.в. развилось въ нашей исторической наукѣ противоположное направленіе. Въ ряду послѣднихъ ученыхъ видное мѣсто принадлежитъ Михаилу Петровичу Погодину (род. 1800 г. + 1875 г.). Дѣятельность Погодина была чрезвычайно обширна и весьма плодотворна; онъ можетъ быть поставленъ на ряду съ замѣчательными учеными. Отличался онъ большими дарованіями и особенной любовью къ изучаемому предмету; въ своихъ занятіяхъ часто бывалъ непослѣдователенъ, оставивъ одно, переходилъ къ другому. Этотъ недостатокъ его можетъ быть объясненъ чрезвычайной живостью и подвижностью его натуры; весьма живо отзывался на всѣ современные вопросы и потому по своимъ занятіямъ былъ извѣстенъ не только какъ ученый историкъ, но и какъ публицистъ, журналистъ и литераторъ; пользовался большимъ общественнымъ значеніемъ. Какъ профессоръ онъ имѣлъ большое вліяніе на своихъ слушателей, и очень можетъ быть, что никто изъ профессоровъ не имѣлъ такого вліянія. Лекціи Погодинъ читалъ безъ подготовки, а читалъ обыкновенно о томъ, надъ чѣмъ самъ работалъ въ то время. Не смотря на то, что ему приходилось приводить только перечень сухихъ фактовъ, однако онъ такъ умѣлъ связать ихъ, вставляя между ними общія замѣчанія, что всегда привлекалъ къ себѣ многихъ слушателей. Во многихъ изъ нихъ онъ возбуждалъ стремленіе къ историческимъ изслѣдованіямъ и занятіямъ и содѣйствовалъ установленію болѣе правильныхъ научныхъ пріемовъ.

Кромѣ многихъ популярныхъ изданій, доставившихъ ему громкую извѣстность, и много ста-

многихъ важныхъ трудовъ. Никто не пользовался такою популярностью среди всѣхъ слоевъ московскаго населенія, какъ Погодинъ. Была-ли гдѣ либо найдена какая-нибудь старинная книга, рукопись или историческій документъ, все это относилось къ Мих. Петр. Погодину. Изъ такихъ находокъ и различныхъ документовъ и рукописей у Погодина образовалось довольно значительное книгохранилище, которое и было подарено имъ — Импер. Академіи Наукъ. Описаніе этого книгохранилища составлено помощникомъ директора публичной библіотеки — Бычковымъ.

Укажемъ на самые главные труды М. П. Погодина. Онъ выступилъ на научное поприще въ 20 годахъ и первое его сочиненіе о происхожденіи Руси обратило на него всеобщее вниманіе. Скептическое направленіе произвело переворотъ въ русской исторической наукѣ; дальнѣйшее развитіе этого направленія было, такъ сказать, остановлено этимъ трудомъ Погодина. Здѣсь самымъ тщательнымъ образомъ разсмотрѣно все, что приводилось скептиками въ опроверженіе достовѣрности нашихъ источниковъ и достовѣрность ихъ доказана вполнѣ. Такимъ образомъ это сочиненіе имѣло весьма важную заслугу въ томъ отношеніи, что изъ массы преданій дало возможность выбрать все достовѣрное и такимъ образомъ возстановить истинную исторію древняго періода. Далѣе слѣдуетъ указать на цѣлый рядъ трудовъ его по всеобщей исторіи подъ общимъ заглавіемъ „Всеобщей библіотеки".

Затѣмъ съ 1841–54 г. Погодинымъ издавался журналъ „Москвитянинъ", занимающій очень видное мѣсто въ журнальной литературѣ того времени. Здѣсь впервые помѣщались очень любопытные историческіе документы, относящіеся и къ XVIII в. Мих. Петр. съ большимъ участіемъ относился и къ славянскому вопросу. Впервые познакомилъ русское общество съ жизнью славянскихъ народовъ Кеппенъ въ своихъ „Библіографическихъ листкахъ." Но его изданіе не

пользовалось популярностью; Погодинъ оказалъ значительныя услуги въ дѣлѣ общенія нашего съ славянами; онъ находился въ постоянныхъ ученыхъ сношеніяхъ съ славянскими учеными и въ значительной степени содѣйствовалъ знакомству нашего общества съ исторіею славянъ.

Журналъ Погодина „Москвитянинъ" въ числѣ русскихъ журналовъ занималъ довольно видное мѣсто и до сихъ поръ не утратилъ своего интереса. Въ своемъ журналѣ Погодинъ шелъ по самостоятельному пути, не угождалъ, не потворствовалъ обществу, а твердо проводилъ свое направленіе, свои взгляды и такимъ образомъ сильно содѣйствовалъ развитію русскаго общества. Такихъ журналовъ найдется у насъ (да и вообще) весьма немного.

Въ своихъ историческихъ изслѣдованіяхъ Погодинъ строго придерживался пріемовъ критики и въ этомъ отношеніи считалъ своимъ наставникомъ Шлецера. Подъ вліяніемъ борьбы съ скептическимъ направленіемъ въ своихъ работахъ онъ строго придерживался математическаго метода. Сначала подыскивалъ факты, основанія и затѣмъ уже дѣлалъ выводы, но притомъ строго научные, не допуская никакихъ предположеній, неимѣющихъ подъ собой твердой фактической основы. Такъ напр. при разрѣшеніи вопроса объ отношеніи князя къ дружинѣ, онъ дѣлалъ выписки всѣхъ извѣстій объ этомъ вопросѣ и тогда только дѣлалъ выводъ. Точно также онъ поступалъ при рѣшеніи вопроса о вѣчѣ. Методъ этотъ имѣлъ свою хорошую сторону, именно гарантировалъ отъ ошибокъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлался крайне одностороннимъ: при научныхъ изслѣдованіяхъ нужно допускать долю творчества, должны быть высказаны предположенія, обобщенія, но только осторожно. Такъ, напр., имѣя извѣстіе о томъ, что вѣче было въ Новгородѣ, Владимірѣ, Кіевѣ, Галичѣ, Псковѣ, нельзя допустить, что вѣче было только въ этихъ городахъ, но

можно сдѣлать предположеніе очень научное, что оно было и во многихъ другихъ городахъ.

Изданныя имъ „изслѣдованія, замѣчанія и лекціи" въ 7-ми томахъ, составляющія одинъ изъ важнѣйшихъ его трудовъ, обнимаютъ исторію Россіи съ древнѣйшаго времени до татарскаго ига. Такимъ образомъ по каждому спорному вопросу собраны имъ выписки изъ источниковъ и на основаніи этихъ выписокъ сдѣланы точные выводы. Книга эта отличается высокимъ ученымъ достоинствомъ и является однимъ изъ лучшихъ трудовъ для знакомства съ исторіей Россіи до XII в. Тутъ же находимъ полный перечень городовъ по землямъ въ которыхъ они находятся, и приведены выписки, гдѣ каждый городъ упоминается и что о немъ говорится.

Погодинъ былъ защитникомъ норманской теоріи, но всѣмъ сердцемъ увлекался; при рѣшеніи этого вопроса онъ держался метода Шлецера, но пошелъ далѣе его. Такъ, напр., онъ видитъ скандинавское вліяніе въ періодѣ отъ X до XII вѣка, гдѣ никакъ нельзя его замѣтить.

Уже подъ конецъ своей жизни Погодинъ обработалъ и издалъ древнѣйшую исторію Россіи. Этотъ трудъ представляетъ подробное обозрѣніе исторіи отдѣльныхъ княжествъ и отличается важнымъ, художественнымъ изложеніемъ. Ни въ одномъ сочиненіи нѣтъ такого полнаго обзора судебъ отдѣльныхъ земель, какъ въ этомъ. Для изслѣдованія позднѣйшихъ эпохъ онъ сдѣлалъ также не мало, затрогивая живо тревожащіе вопросы, давая на нихъ рѣшенія. Къ періоду отъ XII до XVII вѣка у него относится цѣлый рядъ статей, изданныхъ отдѣльно. Въ замѣчательной статьѣ объ Иванѣ Грозномъ онъ проводитъ взглядъ, согласный съ взглядомъ Карамзина. Въ нѣкоторыхъ статьяхъ Погодинъ ратовалъ противъ многихъ либеральныхъ ученій послѣдняго времени. Недавно Н. И. Костомаровъ высказалъ сомнѣніе въ вѣрности извѣстій о Сусанинѣ, [illegible] взглядъ [illegible]

торія Донского. Этотъ взглядъ подвергнулся весьма основательной критикѣ со стороны Погодина.

Изъ трудовъ Погодина, относящихся къ позднѣйшему періоду русской науки, особенно замѣчательны труды по исторіи Петра Великаго. Они были изданы подъ заглавіемъ „Первыя 17 лѣтъ царствованія Петра Великаго." Въ этихъ трудахъ онъ слѣдовалъ тѣмъ же пріемамъ, какими руководствовался при изученіи древнѣйшаго періода Русской исторіи. О каждомъ событіи онъ собиралъ свѣдѣнія изъ источниковъ, подвергалъ ихъ критикѣ и свои заключенія излагалъ въ хронологическомъ порядкѣ. Кромѣ этого Погодинъ издалъ „Новгородскую лѣтопись" и „статистическое обозрѣніе Россіи" Кириллова. Это первое обозрѣніе съ статистическими данными, относящееся къ первой половинѣ XVII в.

Погодину принадлежитъ честь открытія сочиненій замѣчательнаго русскаго самоучки — Посошкова, современника Петра Великаго. Погодинъ издалъ его сочиненіе „О скудости и богатствѣ", представляющее первую попытку обозрѣнія русской жизни съ экономической точки зрѣнія.

Надъ разработкой исторіи царствованія Петра Великого Погодинъ трудился подъ конецъ своей жизни. На дѣятельность его онъ смотрѣлъ совершенно иначе, чѣмъ всѣ остальные славянофилы, хотя онъ имѣлъ съ ними весьма много сходнаго во взглядахъ. Результатомъ этихъ его трудовъ и явился вышеуказанный трудъ — „Первыя 17 лѣтъ царствованія Петра". Въ этомъ его трудѣ собрано много сырого и необработаннаго матеріала, но есть между прочимъ много драгоцѣнныхъ замѣчаній. Наконецъ онъ написалъ обозрѣніе археологической науки у насъ въ Россіи по поводу открытія перваго Археологическаго съѣзда въ Москвѣ.

Въ связи съ изложенной ученой дѣятельностью Погодина находятся труды Буткова, которому принадлежитъ сочиненіе „Оборона русской лѣтописи отъ навѣтовъ скептиковъ". Оно представ-

имѣетъ рядъ любопытныхъ замѣчаній по древнѣйшему періоду русской исторіи.

Карамзинъ, привлекши на свою сторону много приверженцевъ, безусловно признававшихъ достоинство его „Исторіи Государства Россійскаго", содѣйствовалъ вмѣстѣ съ тѣмъ оживленію знакомства съ историческими источниками, и по поводу своего труда вызвалъ цѣлый рядъ критическихъ статей, принадлежащихъ последователямъ скептической школы. Но не одни скептики находили недостатки въ исторіи Карамзина. Въ 30хъ годахъ извѣстный, талантливый литературный дѣятель Ник. Ал. Полевой поставилъ себѣ задачею написать исторію русскаго народа. Эта задача свидѣтельствуетъ уже о томъ, что въ области исторической науки появились новыя требованія, которыя не были затронуты Карамзинымъ, а именно о необходимости расширить исторію изученіемъ всѣхъ сторонъ народной жизни. Полевой справедливо указываетъ, что въ „Исторіи государства Россійскаго" не опредѣляется взаимное отношеніе одного періода къ другому, что въ ней удѣльный строй представляется какъ время ничего не принесшее для развитія народной жизни, что въ ней нѣтъ исторической последовательности, нѣтъ той связи, какая въ действительности существуетъ между событіями. Между тѣмъ раскрытіе этой связи событій есть главная задача историка, какъ это признано на западѣ. Эту-то задачу и хотѣлъ разрѣшить въ своей исторіи Полевой. Приведемъ вкратцѣ основныя мысли Полеваго объ этомъ. По его взгляду въ прошлыхъ судьбахъ народа замѣчается тѣсная связь между событіями и такая же стройность, какая существуетъ въ физической природѣ. Поэтому историкъ долженъ опредѣлить законы, проявляющіеся въ тѣхъ или другихъ событіяхъ. Главное же движеніе во всѣхъ историческихъ событіяхъ преимущественно сосредоточивается около одного вопроса — объ отношеніи личной воли къ обществу. Личныя стремленія лица не могутъ обойтись безъ общества, но нерѣдко стремленія личности идутъ въ разрѣзъ съ требованіями общества.

а отсюда возникаетъ столкновеніе, борьба. Было исто-
рика опредѣлить, какъ развивались, опредѣлялись эти
отношенія лица къ обществу, провести грань, какая
въ данное время существуетъ между стремленіями
отдѣльныхъ личностей и требованіями общества.
Въ древнѣйшій періодъ замѣтно преобладаніе лич-
ныхъ стремленій надъ требованіями общества. На
западѣ это выразилось въ феодальномъ устройствѣ, а
на Руси — въ удѣльно-вѣчевомъ складѣ жизни. Такимъ
образомъ феодализмъ и удѣльно-вѣчевое устройство —
явленія аналогическія. Русское государство основано
норманнами. Будучи основателями государства нор-
манны долго находились внѣ русской жизни; болѣе
тѣсное сближеніе ихъ съ народомъ началось, по мнѣ-
нію Н. А. Полевого, только со времени Владиміра.
Наступившая послѣ Ярослава эпоха имѣетъ весьма
важное значеніе для русской жизни, потому что на-
чала цивилизаціи, положенныя въ Кіевѣ, были въ эту
пору постепенно разнесены и въ другія мѣста русской
земли.

Вотъ въ общихъ чертахъ взгляды, какіе высказы-
валъ Полевой въ своемъ трудѣ. Какъ видно, судя
по нимъ, онъ стоялъ на болѣе широкой почвѣ, чѣмъ
Карамзинъ, такъ что его требованія, взгляды близ-
ко подходятъ къ настоящему положенію нашей
исторической науки. Немногія ошибки труда По-
левого объясняются поспѣшностью и не всегда удач-
нымъ стремленіемъ сближать явленія русской жиз-
ни съ событіями западной Европы. Такъ нельзя напр.
отождествлять, какъ сдѣлалъ Полевой, феодализмъ
западной Европы и удѣльно-вѣчевое устройство древ-
ней Руси. Какъ на особенную заслугу Полевого мож-
но указать на то, что онъ отвелъ значительное
мѣсто обозрѣнію внутренняго состоянія Россіи;
особенно значительныя достоинства представляетъ обо-
зрѣніе русской жизни отъ времени Ярослава до на-
шествія татаръ. Трудъ свой довелъ онъ до конца XVI в.

Разборомъ исторіи Карамзина занимался и Ник.
Гер. Устряловъ (1870 г.). Онъ написалъ замѣчательную
для своего времени исторію Россіи (въ 2 томахъ), ко-
торая долго служила ученымъ руководствомъ. Его-

бенное значение этого труда заключается в томъ, что здесь впервые отведено особое место изложенію исторіи Литовскаго княжества на ряду съ Московскимъ. Литовское княжество, какъ извѣстно, играло очень видную роль въ судьбахъ Россіи. Поэтому выдѣленіе его исторіи въ особую часть и сопоставленіе аналогичныхъ явленій въ исторіи того и другого княжества весьма полезно для болѣе полнаго и глубокаго пониманія событій. Въ этомъ нельзя не признать за Устряловымъ несомнѣнной заслуги. Далѣе трудъ Устрялова замѣчателенъ тѣмъ, что въ немъ впервые сдѣлано обозрѣніе новѣйшей исторіи отъ Петра Великаго до Николая I включительно, причемъ много мѣста посвящено изображенію военныхъ событій новой русской исторіи; это изображеніе и теперь не утратило своей знач.

Устрялову принадлежитъ полное изданіе многихъ источниковъ, относящихся къ исторіи Смутнаго времени; именно имъ изданы хроники Буссова, записки Маржерета, Дневникъ Марины, Дневникъ польскихъ пословъ Н. Олесницкаго и А. Гонсевскаго, записки Бера. Кромѣ того имъ изданы сочиненія Князя Курбскаго:- переписка его съ царемъ Иваномъ и исторія государства Московскаго. Но самымъ замѣчательнымъ трудомъ Устрялова признается его, исторія Петра Великаго. Много лѣтъ потрачено было имъ на собраніе и критическую разработку матеріаловъ, относящихся къ этой эпохѣ. Но за то трудъ этотъ дѣйствительно въ значительной степени подвинулъ разработку этой эпохи; его-же критическія замѣчанія и теперь драгоцѣнны для историковъ. Но во взглядахъ на личность Петра Устряловъ не высказалъ, можно сказать, ничего особенно замѣчательнаго. Въ его исторіи великій преобразователь является съ самаго начала вполнѣ сложившимся, сознательнымъ, обдумывающимъ каждое свое слово, между тѣмъ какъ извѣстно, что первоначальная дѣятельность Петра имѣла много недостатковъ, и развитіе его характера совершалось постепенно. Обзоръ источниковъ по исторіи царствованія Петра отъ

ваніе труда Голикова, такъ какъ тотъ имѣлъ смутное понятіе о требованіяхъ научной критики.

Устряловъ не окончилъ этого труда; съ начала царствованія онъ успѣлъ довести его только до Полтавской побѣды. Отдѣльно издано имъ дѣло царевича Алексѣя. Благодаря тому, что Устрялову открытъ былъ доступъ во всѣ государственные архивы, онъ имѣлъ полную возможность къ разслѣдованію этого темнаго дѣла. Много интересныхъ документовъ нашелъ онъ также въ иностранныхъ архивахъ, напр. въ вѣнскомъ. Эти документы хорошо знакомятъ съ состояніемъ умовъ и вообще значеніемъ этой эпохи, представляющей время тяжелой борьбы между различными направленіями.

Затѣмъ ему принадлежитъ много критическихъ статей, важныхъ въ томъ отношеніи, что въ нихъ онъ вноситъ критику въ оцѣнку отдѣльныхъ фактовъ и поэтому его примѣчанія также важны въ научномъ отношеніи, какъ и примѣчанія Карамзина.

Съ конца 40хъ годовъ начинается дѣятельность знаменитаго историка С. М. Соловьева, автора сочиненія „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ". Дѣятельность его находится въ тѣснѣйшей связи съ теоріей Эверса.

Въ 20хъ годахъ извѣстнымъ ученымъ Дерптскаго Университета Эверсомъ былъ проведенъ замѣчательный взглядъ на строй древнѣйшаго русскаго государства. Его сочиненіе подъ заглавіемъ „Древнѣйшее русское право", написанное съ большимъ талантомъ, читавшееся съ большимъ интересомъ, явилось въ русскомъ переводѣ въ 30хъ годахъ и оказало сильное вліяніе на развитіе нашихъ историческихъ воззрѣній. Взглядъ, принятый Эверсомъ, былъ основанъ на сравнительномъ изученіи древнѣйшаго права у европейскихъ народовъ. Находя большое сходство въ древнѣйшемъ правѣ у всѣхъ народовъ, Эверсъ обобщилъ замѣчательныя частныя явленія, относящіяся къ этой области. Онъ старался рѣшить вопросъ о томъ, какъ возникаетъ го-

сударство, изъ какихъ началъ оно слагается и какими характерами отличалось древнѣйшее русское государство.

По теоріи Эверса на первоначальной степени своего развитія каждое государство находится въ условіяхъ быта родового. Когда господствуютъ родовыя условія, тогда всѣ лица, связанныя физическимъ родствомъ, живутъ вмѣстѣ, нераздѣльно и подчиняются одному лицу — главѣ, власть котораго основана на физическомъ старшинствѣ. Земля принадлежитъ всѣмъ членамъ рода, достигшимъ зрѣлаго возраста. Въ эту эпоху личность не выдѣляется, не обособляется. Нѣтъ понятія, какія принадлежатъ одному члену рода, принадлежатъ и всѣмъ другимъ; въ понятіяхъ господствуетъ полная нераздѣльность. Также не раздѣльно и владѣніе имуществомъ. При увеличеніи числа членовъ въ родѣ не всегда является возможность вручать власть физически старшему, такъ какъ оказываются личности хотя и моложе, но достойнѣе; тутъ уже въ родѣ наступаетъ выборное начало. Отсюда родъ начинаетъ приближаться къ формѣ общины. Далѣе въ родѣ является мѣсто и для посторонняго лица, явленіе это[illegible] и усыновленное проф. Вл.-Буд. и Никитскимъ, это такъ называемая родовая фикція, по которой всѣ права рода переносятся на посторонняго члена. Явленіе это становится повидимому шагомъ къ превращенію рода въ общину, болѣе развитую ступенную точку. Такимъ образомъ можетъ быть объясненъ переходъ отъ рода къ общинѣ. Наконецъ когда съ увеличеніемъ народонаселенія оказывается недостатокъ въ землѣ, тогда между отдѣльными родами возникаютъ столкновенія. Родовыя условія становятся недостаточными. Отдѣльные роды стремятся къ соединенію, чтобы прекратить вражду. Они образуютъ между собою новое общество, которое первоначально слагается по образцу рода. Но этотъ переходъ, это образованіе новаго общества происходитъ вслѣдствіе [illegible] бывшей въ однихъ родахъ, [illegible] въ [illegible] родахъ. [illegible] самостоятельности, [illegible]

возможный выходъ изъ рода, обособленіе личности. Такимъ образомъ по теоріи Эверса слагается первое государство, это новое общество, составленное изъ нѣсколькихъ родовъ. Основа въ такомъ обществѣ является другая. Связь между членами общества, въ которомъ участвуетъ нѣсколько родовъ, уже не основана на физическомъ родствѣ. Это связь другая, и основы жизни этого періода тоже другія. Однако въ государствѣ еще сохраняются слѣды родового быта. Лицо, выбираемое нѣсколькими родами, имѣетъ такую же власть, какъ старшина въ отдѣльномъ родѣ. По теоріи Эверса всѣ первоначальныя государства носятъ на себѣ признаки родового устройства. Таковымъ было и русское государство.

Можно привести не мало фактовъ, доказывающихъ на первый разъ справедливость этой теоріи. Князья русскіе владѣютъ землею сообща. Они переѣзжаютъ изъ одного города въ другой, но не владѣютъ ими постоянно. Такъ изъ Владиміра Волынскаго князья переходятъ въ Смоленскъ. Когда умираютъ Вячеславъ и Игорь, три Ярославича владѣютъ всей землей. Отношенія между ними носятъ исключительно родовой характеръ. Они даютъ въ удѣлъ старшему сыну Кіевъ, и опредѣляютъ его отношенія къ младшимъ братьямъ чисто родственныя, братскія.

Эверсъ представилъ также много замѣчательныхъ объясненій по древнему русскому праву. Родовая теорія Эверса получила широкое распространеніе въ нашей литературѣ, благодаря Сергѣю Михайловичу Соловьеву. Дѣятельность Соловьева, Кавелина, Калачева, Чичерина и нѣкоторыхъ другихъ ученыхъ, и воззрѣнія ихъ находятся въ тѣсной связи съ идеей Эверса. Съ тѣхъ поръ, какъ историческая наука перестала довольствоваться фактами, съ тѣхъ поръ какъ она обратила вниманіе на образованіе государства, является потребность имѣть законную теорію, по которой можно было бы найти зерно, послужившее основой образованія государства. Вопросъ о проис-

ложденіи гражданскаго общества возбуждаетъ общій интересъ до настоящаго времени. Трудъ Эверса является первымъ научнымъ трудомъ, составляющимъ попытку къ разрѣшенію этого вопроса, и которая повидимому увѣнчалась успѣхомъ. Это теорія Эверса, которая послужила основой для послѣдняго самаго замѣчательнаго труда Соловьева.

С. М. Соловьевъ родился въ 1820 году. Въ 40хъ годахъ онъ написалъ два обширныхъ сочиненія, которые въ свое время произвели сильное впечатлѣніе и вызвали всеобщіе одобрительные отзывы: „Исторія отношеній великихъ московскихъ князей къ Новгороду" (на степень магистра) и „Исторія княжескихъ отношеній къ Рюрикову дому" (на степень доктора). Въ 1851 году вышелъ первый томъ его „Исторіи Россіи". Въ теченіи 28 лѣтъ каждый годъ, въ извѣстный мѣсяцъ онъ издавалъ по тому своей исторіи. Это безпримѣрная и удивительная по настойчивости дѣятельность. Программа его занятій была строго опредѣлена и онъ не отступалъ отъ нея не смотря ни на какія препятствія. Кромѣ этого обширнаго труда Соловьевъ находилъ время писать множество статей для различныхъ періодическихъ изданій. Правда, нѣкоторыя изъ этихъ статей вошли въ его общую исторію Россіи, но много осталось не вошедшихъ туда. Особеннаго вниманія заслуживаютъ его статьи по исторіи смутнаго времени (Современникъ) и по исторіи Малой Россіи (Отечественныя записки), въ которыхъ онъ сдѣлалъ первую попытку дать безпристрастныя основы разработки исторіи Малой Россіи. Сергѣй Михайловичъ написалъ также рядъ замѣчательныхъ статей по всеобщей исторіи, напр. его „Эпоха коалиціи и конгрессовъ", „Исторія паденія Польши" и др. Требованіе, выдвинутое Каченовскимъ, о необходимости изучать русскую исторію въ связи съ всеобщею, какъ можно полагать, имѣло и на него вліяніе. Если русскіе историки не-

могутъ двигать дальше западно-европейскую науку, которая ушла такъ далеко и располагаетъ несравненно болѣе значительными средствами, чѣмъ русская, то все таки, изучая русскую исторію въ связи съ жизнью другихъ славянскихъ племенъ, они пріобрѣтаютъ болѣе широкій и вѣрный взглядъ на исторію европейскихъ событій. Такъ историку, который изучаетъ особый, часто не признаваемый западноевропейскими учеными славянскій міръ, нетрудно найти вѣрную путеводную нить въ обозрѣніи событій всеобщей исторіи. Свои труды по всеобщей исторіи Соловьевъ называлъ „наблюденія надъ историческою жизнью народовъ". Великія произведенія классическаго міра были ему хорошо извѣстны. Онъ зналъ ихъ такъ, какъ зналъ и Библію.

Основная идея, проходящая черезъ весь колоссальный трудъ Соловьева, изложена въ его предисловіи: „не дробить русскую исторію на части, на отдѣльные періоды, а находить связь между ними — вотъ главная задача историка". Этой идеѣ, этой задачѣ онъ остался вѣренъ до самаго конца, въ продолженіе 27 томовъ, что составляетъ явленіе чрезвычайно замѣчательное. Въ ученыхъ изслѣдованіяхъ многотомныхъ, многолѣтнихъ взгляда, трудно остаться при одной и той же; ни одинъ трудъ не отличается такою цѣльностью воззрѣній. Въ своей исторіи онъ далъ превосходный очеркъ природы Россіи, доказывая существованіе тѣсной связи между физическими условіями и обществомъ. Ярко очертилъ онъ дѣятельность первыхъ князей.

Появленіе „Исторіи Россіи" Соловьева составило эпоху въ нашей исторической литературѣ. Исторіи Татищева, Щербатова и Карамзина доведены только до XVII в. Съ XVIII в. въ нашей самой исторіи, которому такъ много служитъ исторій, основанной правдѣ. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] часто

невѣрныхъ сужденій. На основаніи этихъ данныхъ трудно было составить вѣрныхъ воззрѣній на отношенія наши къ Западной Европѣ.

Нельзя было опредѣлить, на сколько вліяніе ея на Россію было благотворно и на сколько вредно. Явленія событій русской исторіи XVII, XVIII и начала XIX в.в. оно смотрѣло какъ на случайныя, не видѣло связи ихъ съ другими явленіями. Оно не имѣло понятія объ отношеніяхъ Россіи къ славянскому міру, которыя выдвигаются съ XVIII в. Поэтому наше общество не могло ясно представить себѣ тѣ задачи, которыя оно должно преслѣдовать по отношенію къ славянскимъ племенамъ. Такъ было и во множествѣ другихъ вопросовъ, на которые оно не могло дать вѣрныхъ отвѣтовъ. Соловьевъ мѣтко и вѣрно очертилъ дѣятельность Петра Великаго: онъ является передъ нами и какъ человѣкъ съ своими недостатками, и какъ великій дѣятель. Благодаря Сергѣю Михайловичу опредѣлились отношенія Великой Россіи къ Малой, и озарилось новымъ свѣтомъ время отъ Петра I до Елизаветы. События этой эпохи явились передъ нами какъ части стройнаго цѣлаго. Послѣдній 28 томъ исторіи Соловьева оканчивается 1772 годомъ. Разработку исторіи отъ XVII в. Соловьевъ производилъ по рукописному матеріалу; пользоваться этимъ матеріаломъ было крайне затруднительно, такъ какъ до Соловьева никто его не разрабатывалъ и не описывалъ; ему приходилось просматривать многое не касающееся дѣла и изъ массы просмотрѣннаго матеріала брать только нѣсколько извлеченій.

Сложеніе русскаго государства Соловьевъ объяснилъ родовыми условіями. Этотъ взглядъ былъ раздѣляемъ К. Д. Кавелинымъ и Б. Н. Чичеринымъ. Они много сдѣлали по исторіи русскаго права послѣ знаменитаго Неволина, которому принадлежатъ исторія русскихъ гражданскихъ законовъ и рядъ замѣчательныхъ изслѣдованій о церковныхъ уставахъ, объ управленіи и т. д.

Неволинъ былъ знатокомъ и славянскаго права и греко-римскаго.

Кавелинъ написалъ обширное сочиненіе „объ уложеніи" и много замечательныхъ критическихъ статей; в последнее время онъ былъ защитникомъ общины.

Б. Н. Чичеринъ составилъ „обозрѣніе областныхъ учрежденій." Онъ утверждаетъ, что сначала в русскомъ государствѣ преобладали родовыя условія, потомъ явилось частное право, наконецъ государственное. Но эти три фазиса исторической жизни русскаго народа. Важна статья Чичерина „о сельскихъ общинахъ", которая в 50<u>хъ</u> годахъ возбуждала живой интересъ в средѣ русскаго общества.

Было два взгляда на возникновеніе общинъ; Чичеринъ доказывалъ, что общины явились в эпоху централизаціи, благодаря правительству, тогда было необходимо, чтобы общины были отвѣтственны при сборѣ податей. Другіе ученые полагали, что сельскія общины существовали издавна, что общинное начало очень важно в нашей исторіи, и правительство воспользовалось общинами в XVI в. Чичерину принадлежитъ также „обозрѣніе политическихъ ученій." Это трудъ совершенно самостоятельный. Онъ представляетъ обозрѣніе политическихъ ученій съ древнѣйшаго времени по новѣйшимъ источникамъ.

Изъ ученыхъ юристовъ замѣчательны: А. Д. Градовскій, которому принадлежатъ следующіе труды: „о генералъ-прокурорахъ" и „исторія мѣстнаго управленія; Сергѣевичъ, авторъ замечательнаго сочиненія „Князь и вѣче." Онъ написалъ замечательную статью о земскихъ соборахъ и первый обратилъ на нихъ вниманіе правительственнаго ученія.

Родовая теорія была более всего поколеблена славянофилами; къ этой школѣ принадлежали замечательные русскіе ученые: Хомяковъ, К. С. Аксаковъ, Кирѣевскій, проф. Моск. Универ. Бѣляевъ и въ настоящее время И. С. Аксаковъ и Самаринъ.

Ученіе славянофиловъ, движущихъ впередъ рус-

свое самосознанiе и сознавшимъ много для русской исторiи, возникло въ 40—50 годахъ. Оно встрѣтило сначала сильное противодѣйствiе со стороны западниковъ, къ которымъ принадлежали тоже очень талантливые и образованные люди. Не смотря на то, что стало распространяться больше и больше, и главныя его положенiя считаются въ настоящее время дорогимъ нацiональнымъ достоянiемъ. Лицамъ этимъ принадлежитъ великiй подвигъ освобожденiя русской мысли отъ тяготѣвшаго надъ нею исключительно западно-европейскаго влiянiя.

Ученiе славянофиловъ сложилось подъ влiянiемъ нѣкоторыхъ сочиненiй западно-славянскихъ писателей, нѣмецкой философiи и самостоятельнаго движенiя въ русскомъ обществѣ въ 40—50 годахъ.

Въ 1837 году поэтъ Колларъ, родомъ Словакъ, издалъ книгу: „О литературной взаимности между различными племенами славянской вѣтви", обратившую на себя всеобщее вниманiе. Колларъ доказывалъ, что взаимность славянъ можетъ выразиться только въ одномъ — въ созданiи и выработкѣ общаго для всѣхъ славянъ языка и въ духовномъ единенiи. Онъ даже предлагаетъ и тѣмъ племенамъ славянскимъ, которыя находились подъ чуждымъ владычествомъ сплотиться съ действительностью.

Далѣе на развитiе славянофильскаго ученiя имѣла влiянiе нѣмецкая философiя, въ особенности гегелевская, проводившая идею о преемственности цивилизацiи. Славянамъ, по убѣжденiю славянофиловъ, предстоитъ въ будущемъ быть послѣ германцевъ носителями цивилизацiи и внести свое благотворное влiянiе на ходъ общечеловѣческой цивилизацiи.

Однимъ изъ главныхъ представителей славянофильскаго ученiя былъ Алексѣй Степановичъ Хомяковъ, замѣчательный мыслитель, талантливый писатель, поэтъ, человѣкъ высокой честности, съ обширнымъ общимъ образо-

ванiемъ, извѣстный также своими трудами по богословiю. Современное ему русское общество мало его уважало, но теперь, чѣмъ больше изучаемъ его сочиненiй, тѣмъ больше убѣждаемся, что это одинъ изъ талантливѣйшихъ дѣятелей. Его сочиненiя изданы И.С. Аксаковымъ. Въ первой статьѣ подъ заглавiемъ: „мнѣнiя иностранцевъ о Россiи и русскихъ объ иностранцахъ" Хомяковъ указываетъ на раболѣпство русскихъ предъ всѣмъ иностраннымъ и на тѣ задачи, которыя предстоятъ русскимъ ученымъ и мыслителямъ. „Если наши ученые, говоритъ онъ, и не скоро будутъ въ состоянiи стать въ научномъ отношенiи на одинаковый уровень съ западно-европейскими, все таки они должны имѣть самостоятельное отношенiе къ воззрѣнiямъ западно-европейскихъ ученыхъ и на многiя историческiя событiя могутъ смотрѣть съ точки зрѣнiя болѣе вѣрной; имъ чужды вѣянiя и католическаго и протестантскаго."

Такъ иностранные ученые не обращали вниманiя на то, что раздѣленiе Римской Имперiи, выразившееся послѣ Дiоклетiана и оставившее неизгладимыя черты въ древней исторiи человѣчества, происходило отъ древняго начала (отъ разницы между просвѣщенiемъ Эллинскимъ и римскимъ) и было неизбѣжнымъ и великимъ по послѣдствiямъ. Западно-европейскiе ученые не вполнѣ оцѣнили значенiе Византiи. Въ статьѣ, помѣщенной Хомяковымъ въ сборникѣ историческихъ и статистическихъ свѣдѣнiй о Россiи, онъ рисуетъ судьбы народовъ романо-германскихъ и славянъ. Статья эта возбудила сильную полемику. Здѣсь Хомяковъ указываетъ на существенныя различiя въ бытѣ и исторiи древнихъ германцевъ и славянъ. Первые выступили на путь завоеванiй; славяне же были чужды завоевательнаго духа и потому сохранили лучшiе задатки къ развитiю.

Когда Кирѣевскiй помѣстилъ въ Москвитянинѣ собранныя имъ народныя пѣсни, Хомя-

ковъ написалъ къ нему предисловіе, хотя и въ нѣсколько страницъ, но полное глубокихъ мыслей. „Наступаетъ, говоритъ онъ, новая эра для русскаго общества (40е года). Послѣ эпохи преобразованія образованное наше общество обрекло себя на печальную судьбу: оно стало чуждаться своей народности, преклонялось предъ всѣмъ иностраннымъ, пріобрѣтало печальное право на сердечный холодъ. Теперь же для него открывается новая жизнь: оно выходитъ изъ прежней замкнутости, его стали изслѣдовать народныя пѣсни, сказки, преданія".

Далѣе Хомяковъ характеризуетъ русскихъ богатырей и высказываетъ меткое сужденіе о главномъ богатырѣ Ильѣ Муромцѣ. Илья часто ѣздилъ въ чистое поле отыскивая враговъ русской земли. Встрѣтившись въ одну изъ такихъ поѣздокъ съ богатыремъ Казариномъ, хвастовавшимся, что онъ одолѣетъ Илью. Илья схватился съ нимъ. Сначала Казаринъ повалилъ Илью на землю и уже занесъ было ножъ, но Илья, собравъ силы, мигомъ сбросилъ его и убилъ, сказавъ спокойно, что много онъ ѣздилъ, а такого чудовища не видывалъ. Здѣсь олицетвореніе борьбы русскаго народа съ азіатскими кочевниками, къ которой онъ былъ призванъ. Въ Ильѣ — черты русскаго характера; у Ильи необыкновенная сила, но она умѣряется его спокойствіемъ и самообладаніемъ.

Идеи, высказанныя славянофилами, были внесены въ русскую исторію. Изъ ученыхъ славянофиловъ больше всего потрудился для русской исторіи, какъ науки, К. С. Аксаковъ. Онъ не создалъ капитальнаго цѣльнаго, законченнаго по русской исторіи. Его труды касаются только отдѣльныхъ вопросовъ, они отрывочны, но въ нихъ проведено много замѣчательныхъ взглядовъ на русскую жизнь. Изъ нихъ прежде всего обратили на себя вниманіе его статьи о бытѣ Славянъ; когда появилась эта статья, то въ наукѣ господствовало мнѣніе, что въ ближайшій періодъ къ образованію русскаго государства, у Славянъ были родовыя отношенія и мнѣніе это держалось всеобщимъ. Сла-

годаря трудамъ С. М. Соловьева. К. С. Аксаковъ первый поколебалъ его и доказалъ его несостоятельность. По мнѣнію Аксакова у славянъ уже въ X в. не было рода, а существовала община. Онъ доказываетъ это подробно разбирая лѣтописное преданіе объ основаніи Кіева.

Въ этомъ преданіи онъ останавливаетъ, между прочимъ, наше вниманіе на слѣдующемъ. Поселились три брата Кій, Щекъ и Хоривъ на трехъ холмахъ и каждый изъ нихъ сталъ жить своимъ родомъ. — Очевидно, говоритъ Аксаковъ, что слово родъ употреблено здѣсь въ смыслѣ семьи, а если бы оно въ то время имѣло первоначальное значеніе, то лѣтописецъ не назвалъ бы родомъ отдѣльную семью. Онъ пользуется также исторіею славянъ западныхъ и на основаніи ея доказываетъ, что и тамъ было тоже общинное устройство. Въ договорѣ Олега находимъ убѣдительнѣйшее доказательство того, что въ эпоху призванія князей у славянъ уже существовали общины. Если кто умретъ безъ обряженья, то имѣніе его поступаетъ къ ближайшимъ родственникамъ. Это мѣсто указываетъ на существованіе духовныхъ завѣщаній, ибо слово обряженье есть именно тоже, какъ наше слово завѣщаніе. А если въ то время существовали завѣщанія, то родовымъ условій уже не могло быть. Вотъ на какихъ данныхъ основано мнѣніе Аксакова.

Какъ К. С. Аксакову, такъ и другимъ славянофиламъ принадлежитъ заслуга уясненія общиннаго начала и важнаго значенія, какое оно имѣло въ нашей исторіи. Аксаковъ доказалъ, что община существовала въ самое раннее время. Она была явленіемъ оригинальнымъ, живучимъ и самобытнымъ. Общинное начало легло въ основу быта сельскаго; дальнѣйшее развитіе этого начала замѣчается въ городахъ и отозвалось въ земскихъ соборахъ еще въ [illegible].

Мнѣніе Аксакова и другихъ славянофиловъ с тѣмъ, что община составляетъ исключительную особенность быта славянскаго, оказалось, однако,

неворимымъ. Она существовала и у другихъ народовъ.

Изъ мнѣній о родовомъ бытѣ, высказанныхъ въ послѣднее время, замѣчательно мнѣніе профессора Никитскаго. Онъ объясняетъ переходъ родоваго устройства въ общинное и указываетъ на родовую фикцію какъ на явленіе переходное. Фикція, какъ замѣчаетъ авторъ, играла значительную роль въ древнее время. Когда еще существуетъ во всей своей полнотѣ и строгости родъ, когда уже вполнѣ сложилось право родовое, жизнь все таки беретъ свое, нарушаетъ это родовое право и незамѣтно вводитъ новое начало. Вдругъ родъ обѣднѣетъ почему нибудь, обнаруживается убыль въ членахъ, оказывается недостаточнымъ въ интересахъ рода считать членами только лицъ, соединенныхъ физическимъ родствомъ, и вотъ для пополненія принимаются чужіе, на которыхъ и переносятъ права недостающихъ лицъ. Это-то перенесеніе прав рода на другихъ и названо Никитскимъ фикціею. Но родъ растетъ, члены умножаются и запутываются, состоянія земли захватываются другими родами, между ними происходятъ столкновенія. А между тѣмъ старшій родичъ по своей, можетъ быть, неспособности не всегда въ состояніи удовлетворить интересамъ рода. Чтобы какъ нибудь избавиться отъ такого положенія, члены выбираютъ главой другого и такимъ образомъ является выборное начало. Съ его появленіемъ сходка рода становится уже сходкой общины.

Весьма важное значеніе имѣетъ вопросъ объ отношеніи личности къ обществу, но нигдѣ это отношеніе не слагалось лучше, по мнѣнію славянофиловъ, какъ въ русской народности. Личности предоставлялась извѣстная самостоятельность; но личность, проникнутая извѣстнымъ нравственнымъ развитіемъ, уступала этому общинному началу, которое, какъ извѣстно, легло въ основу развитія нашей гражданской жизни. Это признанная русской народностью особенность выражалась-

и въ общинной жизни. На общихъ собранiяхъ каждое лицо могло говорить, защищать свои идеи, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно не обязывалось, а дѣйствовало сообща. Говорили, разсуждали до тѣхъ поръ, пока вопросъ не уяснялся и не приходили къ единогласному рѣшенiю. Это явленiе замѣтно въ сельской общинѣ; тоже самое и на вѣче, которое является видоизмѣненной формой сельской общины.

Новою формою общиннаго начала являются русскiе соборы.

Ученые западной Европы доказывали, что общинное начало служило тормозомъ для нашего экономическаго благосостоянiя. Основывали они свое мнѣнiе на передѣлѣ земель, какой производился въ каждой общинѣ черезъ извѣстные промежутки времени. Имъ казалось, что уходъ за землей и исканiе улучшить ее, не могутъ быть особенно старательны или даже совершенно отсутствуютъ, если знаешь, что этотъ кусокъ земли черезъ некоторое время перейдетъ въ другiе руки. Ошибочность этого мнѣнiя доказана Кавелинымъ въ его статьяхъ, гдѣ онъ приводитъ факты, свидѣтельствующiе, что община способствуетъ прогрессивному движенiю.

Аксаковъ написалъ нѣсколько замѣчательныхъ критическихъ статей на исторiю Соловьева; указалъ на нѣкоторые ея недостатки. Онъ исходилъ изъ вышесказаннаго общаго положенiя. По его мнѣнiю всѣ народы, всѣ государства развивались по двумъ путямъ: по правдѣ внѣшней и по правдѣ внутренней. По первому пути шло развитiе всѣхъ западно-европейскихъ государствъ, по второму развитiе Россiи. Всѣ западныя государства образовались вслѣдствiе порабощенiя одного народа другимъ. Въ каждомъ изъ нихъ были побѣдители и побѣжденные. Между этими двумя классами существовали различнаго рода договоры, которые регулировали ихъ взаимныя отношенiя, но регулировали только съ внѣшней стороны. Такимъ образомъ

существовала только правда внѣшняя, о созданiи же внутренней правды не заботилась ни та, ни другая сторона. Правда господъ и сильныхъ и богатыхъ сказывалась постоянно и разрушивала правильное народное развитiе. Русское же государство развивалось по другому пути — правды внутренней. Здѣсь не было привилегированныхъ и враждующихъ другъ съ другомъ сословiй, потому что славяне сами призвали къ себѣ князей. Въ дальнѣйшемъ развитiи государства эта форма также не замѣчалась, что обнаруживаютъ и рѣшенiе соборъ. Въ позднѣйшiя эпохи русской исторiи мы видимъ въ нашемъ государственномъ строѣ тѣ формы, которые были вполнѣ самобытны. Петровская же реформа является поворотомъ, вреднымъ для русскаго развитiя. Съ этого времени наше общество стало жить тѣмъ, что давала западная Европа.

Съ воззрѣнiями славянофиловъ можно познакомиться въ статьѣ Бестужева-Рюмина „О славянофилахъ".

Пособiями для нашей историографiи могутъ служить: въ архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣнiй обширная статья, написанная Соловьевымъ объ историкахъ XVIII в. Здѣсь свѣдѣнiя о Татищевѣ, Ломоносовѣ, Щербатовѣ; въ Московскомъ обозрѣнiи — статья Бестужева-Рюмина „о Славянофилахъ", въ которой онъ разбиралъ трудъ Полеваго и сдѣлалъ вѣрную оцѣнку исторiи Соловьева, начиная съ перваго тома до седьмого; въ отеч. запискахъ статья проф. Кiевск. Универс. Иконникова — „скептическая школа" — здѣсь о дѣятельности Каченовскаго; статья Погодина „судьба археологiи въ Россiи"; она замѣчательна по многимъ воспоминанiямъ автора; въ Современникѣ была напечатана статья Соловьева о Миллерѣ; въ Московскомъ сборникѣ статья Попова о Шлецерѣ; затѣмъ въ первомъ томѣ Русской исторiи Бестужева-Рюмина.

Природа восточной равнины. Колонизационное движение русскихъ.

На исторические судьбы народов, обитавших в восточной Европе, с древнейших времен и по настоящее оказывает сильное влияние природа. Восточная Европа представляет великую равнину, имеющую незначительные подъемы, орошенную великими реками. Эти реки способствовали единению, поддерживали живыя связи, способствовали оживленным торговым сношениям, и вместе с единством языка обитавших в этой равнине славянских племен, сильно влияли на образование обширного государства. Таково общее явление, замечаемое нами на великих речных равнинах Азии и Америки, где образовались обширные государства.

Расположение рек восточно-европейской равнины, их течение как бы от общего центра к окраинам, способствовали быстрому ознакомлению славян с окружающими странами и таким образом явились главным стимулом к стремлению овладеть прилегающими морями. Таким образом мы видим, что самою природою вещей было обусловлено стремление к морским берегам; природой было предопределено владеть и морскими берегами, и морями, которые окружали эту великую площадь. Сообразно движению славян от верховьев рек к их устьям, строились и города по этим рекам. По ним совершались и походы на соседния страны. В славянской мифологии, как можно думать, видное место занимали предания о речных божествах.

По виду своему восточная равнина делится на две части: лесную и степную. Условия этих двух полос восточной равнины существовали с древнейших времен, но важно было бы знать с какого именно времени существуют, так как различная

природныя свойства этихъ полосъ имѣли сильное вліяніе на движеніе славянъ и на ихъ образъ жизни.

Лѣсная полоса, доставляя возможность обитателямъ жить спокойно въ глуши, не касаясь широкихъ губительныхъ набѣговъ, способствовала мирному труду, мирнымъ занятіямъ земледѣльцевъ. Степная же полоса, наоборотъ, представляла въ древности условія крайне невыгодныя для мирныхъ обитателей земледѣльцевъ. Она граничила съ средне-азіатскою степью, слѣдовательно ничто не препятствовало народамъ, занимавшимся скотоводствомъ и разбоемъ, нападать на мирныхъ обитателей, которые обезпечивали себя своимъ собственнымъ трудомъ. Поэтому, не безъ справедливости говорятъ, что природа была мачихою для насъ и матерью для западной Европы. Изъ глубокой древности на юго-востокѣ Европы вторгались кочевники съ востока; затѣмъ здѣсь господствовали Сарматы, Авары, Хазары, Печенѣги (X), Половцы (XI в) и Татары (до XV в). Поэтому на долю русскаго народа выпала не легкая задача вести борьбу съ этими кочевниками и тѣмъ самымъ преграждать имъ дальнѣйшее движеніе на западъ. Вотъ почему можно считать болѣе благопріятными условія развитія, нежели существовавшія для народовъ западной половины европейскаго материка.

Вліяніемъ условій лѣсной и степной полосы обусловливаются и отличительныя черты характера двухъ этнографическихъ вѣтвей, на которыя распадается наша народность: Малороссовъ и Великороссовъ. Въ степи, своимъ плодородіемъ привлекавшей поселенцевъ, они селились, однако, только тогда, когда чувствовали себя отважными и готовы были встрѣтить опасность смѣло въ лицо. Отсюда понятно, почему у нихъ возникло удальство. И потому качества, подходящія къ степнымъ обитателямъ, были таковы, что ихъ пріобрѣтали мно-

не великъ. Въ степи трудно было вести обширное хозяйство, селиться узкою общиною; поэтому здѣсь утвердилось личное пользованіе землею, а общинное пользованіе землей было болѣе возможно въ лѣсной полосѣ. Этотъ способъ общиннаго владѣнія оказывалъ неотразимое вліяніе на характеръ славянскаго народонаселенія средней и сѣверной полосы восточной Европы. Общинное пользованіе, имѣя во многихъ отношеніяхъ весьма выгодныя послѣдствія, налагало на всякое лицо, принадлежавшее къ общинѣ, извѣстныя ограниченія, пріучало къ сдержанности, къ тому, чтобы болѣе дорожить постоянными мирными условіями жизни, противодѣйствовало наклонностямъ къ легкой наживѣ. Отъ этого въ этой части русскаго народонаселенія въ началѣ XVII в. оказались болѣе прочные задатки къ жизни государственной.

Степи еще въ XVI и XVII в.в. отличались своимъ дѣвственнымъ характеромъ. Они способствовали скотоводству; скотъ отсюда въ огромномъ количествѣ сбывался татарами на югъ, въ Италію, въ Москву. Лѣсная полоса изобиловала дикими звѣрями; въ лѣсной полосѣ можно было вести хозяйство въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Способъ веденія хозяйства, существовавшій въ то время, сохранился и до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подъ тѣмъ же самымъ названіемъ вытемнаго хозяйства. Поселенецъ, выбравъ мѣсто для своего поселенія, сжигалъ лѣсъ, а зола служила къ удобренію земли; истощался занятый имъ участокъ, онъ переходилъ на другой и такъ далѣе. Но подобный образъ веденія хозяйства влечетъ за собою обезлѣсенье страны, которое оказываетъ сильное вліяніе и на экономическое благосостояніе и на историческую жизнь. Вопросъ о значеніи лѣсоистребленія долгое время возбуждалъ различныя сужденія, бывавшія часто разнорѣчивыми.

Но въ последнее время, въ 80^хъ годахъ, въ Германіи стали делать наблюденія на лесныхъ станціяхъ. Наблюденія эти привели къ следующимъ выводамъ. Вблизи лесовъ существуютъ два теченія — одно сухое къ лесу, а другое влажное — изъ лесу; благодаря лесамъ, такимъ образомъ, поля получаютъ влагу; леса способствуютъ сохраненію подпочвенной влаги; а последнія изысканія ученыхъ показали, что количество атмосферныхъ осадковъ зависитъ отъ теплыхъ и влажныхъ теченій. Замечено также, что количество дождливыхъ дней гораздо больше въ лесистыхъ странахъ, и если количество выпадающихъ осадковъ въ безлесныхъ странахъ бываетъ иногда одинаково съ таковымъ въ лесистыхъ, однако выпаденіе этихъ осадковъ бываетъ иногда крайне гибельно, такъ какъ выпадая въ несколько дней производитъ сильныя наводненія и опустошенія.

Известный ботаникъ Шлейденъ составилъ сводъ сведеній и фактовъ, доказывающихъ пагубное вліяніе лесоистребленія: обмеленіе рекъ, частыя наводненія и постепенное уменьшеніе границъ возделыванія винограда, замечаемое во Франціи. Все эти явленія замечаются въ Греціи, Италіи, Франціи, Испаніи, Германіи. Эти вредныя последствія лесоистребленія въ последнее время начинаютъ обнаруживаться и у насъ.

Обиліе лесовъ въ восточной равнине въ древнюю эпоху имело чрезвычайно важное значеніе: годовая средняя температура оставалась одна и таже, климатъ былъ более влажный и почва более плодородна.

Несомненно, конечно, что подобное однообразіе и ровная поверхность этой равнины должны были иметь сильное вліяніе на обитателей. Гумбольдтъ доказываетъ, что подобный характеръ страны способствуетъ выработке спокойнаго характера націи, что и сказывается отчасти въ нашихъ предкахъ.

Более суровыя условія жизни въ лесной полосе приучали ея обитателей переносить лишенія

и тѣ же условія развивали способность къ промышленности, такъ какъ почва не въ состояніи много обезпечить труду человѣка. Наличіемъ всѣхъ этихъ условій и объясняются отличительныя черты характера великоруссовъ: энергія, домовитость, расчетливость. Другими качествами отличалось населеніе степной полосы и эти качества въ особенности рѣзко выступаютъ въ исторіи казачества XVI и XVII в.в.

Принявъ во вниманіе какъ сильно вліяла та и другая полоса на славянъ, очевидной будетъ важность вопроса, съ какихъ поръ существуютъ эти полосы? Быть можетъ этихъ полосъ не было. Этотъ важный вопросъ въ послѣднее время значительно подвинулся въ своемъ рѣшеніи. Степная полоса въ большей своей части состоитъ изъ чернозема; явленіе это представляется весьма оригинальнымъ; оно не замѣчается въ западной Европѣ. Изслѣдованія ученыхъ естествоиспытателей надъ химическимъ составомъ и свойствами чернозема много дали для рѣшенія этого вопроса. Первыя геоботаническія изслѣдованія чернозема произвелъ академикъ Рупрехтъ; онъ нашелъ, что черноземъ не заключаетъ въ себѣ никакихъ органическихъ морскихъ остатковъ, что онъ образовался изъ травянистыхъ перегнившихъ растеній, послужившихъ къ образованію чернозема. Спеціально занимался этимъ вопросомъ нашъ геологъ Докучаевъ и пришелъ къ тому же убѣжденію. Онъ доказалъ важное, что это дѣленіе восточной равнины существовало издавна. Тоже мнѣніе доказываетъ академикъ Веселовскій въ своемъ монументальномъ трудѣ о климатѣ Россіи.

Но при изслѣдованіи чернозема, необходимо дать ему научное опредѣленіе, такъ какъ его часто смѣшиваютъ съ тѣми плодородными слоями, которые образовались изъ наноснаго рѣчного ила. Границы между этими двумя полосами на картѣ Чаславскаго приблизительно таковы: отъ средняго теченія Днѣстра,

по верховьямъ восточныхъ притоковъ Припяти; далѣе мимо истоковъ Десны, затѣмъ по лѣвой сторонѣ ея, далѣе по лѣвой сторонѣ Сейма къ верховьямъ Оки, къ верховьямъ Дона, черезъ области Цны и Мокши уходитъ въ Самарскую губернію.

Такимъ образомъ всѣ представленные натуралистами доводы не допускаютъ сомнѣваться въ томъ, что это дѣленіе существовало съ самаго древняго времени. Правда, степная полоса расширялась на счетъ лѣсной; нельзя сомнѣваться въ томъ, что лѣса существовали на югѣ Россіи тамъ, гдѣ теперь нѣтъ и слѣда ихъ.

Постоянное вліяніе на народонаселеніе оказывалъ также и климатъ. Онъ отличается рѣзкими перемѣнами и должно было пріучать народонаселеніе къ выносливости. Сильные морозы, которые пріучили переносить постоянной обитателей великой европейской равнины, оказывали и благодѣтельное вліяніе. Они защищали его отъ неприятельскихъ вторженій, и, благодаря тому же морозу, онъ моглъ проклагать пути по болотистымъ мѣстностямъ, проникать въ дебри вѣковыхъ лѣсовъ за пушнымъ звѣремъ; въ зимнее время наступаютъ оживленные торговые сношенія.

Славянами первоначально были заняты западные и югозападные части восточной равнины и преимущественно южныя области бассейна Черноморскаго. Верхняя область Днѣпра также входила въ составъ территоріи западныхъ славянъ. Движеніе славянъ было направлено съ запада на востокъ или правильнѣе съ юго-запада на сѣверо-востокъ, и именно отъ Прикарпатской области. Географическія изслѣдованія этихъ мѣстностей доказали, какъ слѣдуетъ заключить, что эта область служила главнымъ центромъ поселеній славянъ. Отсюда двигались славяне въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій все дальше и дальше къ сѣверу и востоку къ берегамъ Чернаго моря. Туранцы были

цыхъ столѣтія для того, чтобы племя это заняло ту область, которую занимало оно на востокѣ Европы въ то время, когда появляются первыя лѣтописныя извѣстія (IX в.), а именно обширное пространство между Ладожскимъ озеромъ, верховьями Волги, устьемъ Днѣпра и Карпатскими горами. Замѣтимъ, что въ этой мѣстности находятся верховья большихъ рѣкъ восточной Европы, что давало возможность пользоваться тѣми путями, которые ведутъ къ морямъ Балтійскому, Черному и Каспійскому. Этими условіями объясняются сношенія славянъ съ разными народами, жившими по окраинамъ восточной равнины и вліяніе послѣднихъ на славянъ. Съ сѣвера проникаетъ германское вліяніе, со стороны Чернаго моря - греческое, на востокѣ были длительныя сношенія съ народами азіатскими.

Неблагопріятными условіями степи объясняется движеніе славянъ съ юго-запада на сѣверо-востокъ. Въ періодъ съ IX до XIII вѣка, до завоеванія Руси татарами, историческій ходъ главныхъ событій находится въ зависимости отъ физическихъ условій; зависимость эта сказывается въ томъ, что Русь въ эту эпоху распалась на отдѣльныя самостоятельныя части, которыя имѣли свою исторію, автономію, и, какъ извѣстно, благодаря этой особенности развилась гражданственность въ нашемъ народѣ. Это распаденіе Руси зависѣло отъ рѣчныхъ системъ, именно: по среднему теченію Днѣпра лежало Кіевское княжество, по Бугу - Владиміро-Волынское, по Днѣстру - Галицкое, по Деснѣ - Черниговское и Новгородъ-Сѣверское, по Сулѣ и Ворсклѣ - Переяславское. По Днѣпру, Березинѣ и Зап. Двинѣ находилось Полоцкое княжество; далѣе по верховью Днѣпра, къ сѣверу отъ Кіева - Смоленское. Озерную область при Ильменѣ и Чудскомъ озерѣ занимали два княжества - Новгородское и Псковское. Одной главнымъ центромъ былъ Новгородъ. Затѣмъ по среднему теченію Волги находилось княжество

Владимiро-Суздальское, по Окѣ — Рязанское.

Въ 1224 г. былъ построенъ Нижнiй-Новгородъ при впаденiи Оки въ Волгу, который явился оплотомъ русскихъ по Волгѣ. Построенiе его имѣетъ такое же важное значенiе, какъ построенiе Васильсурска при Василiи III и Свiяжска при Iоаннѣ Грозномъ, какъ взятiе Казани и Астрахани. Во всѣхъ этихъ событiяхъ находится тѣсная связь, обнаруживается историческое движенiе по Волгѣ къ востоку.

Въ тотъ же перiодъ времени сказывается попытка утвердиться въ устьяхъ Зап. Двины, гдѣ были построены Кукейносъ и Герсикъ, и въ тоже время народонаселенiе двигается на сѣверъ.

Въ исторiи этого движенiя важное значенiе имѣла Сѣверная Двина. Впадая въ Бѣлое море, глубоко врѣзывающееся въ Европейскую равнину, рѣка эта служила кратчайшимъ путемъ для сношенiя Сѣв. Россiи съ Средней. На С. Двинѣ были важнѣйшiе города въ области, составляющей бассейнъ Сѣв. океана. Въ XV в. былъ основанъ Соловецкiй монастырь, который прiобрѣлъ огромное влiянiе на жизнь нашего сѣвера.

Господство татаръ на югѣ усилило движенiе на сѣверъ, и въ XIII, XIV и XV вв. появляются многiе монастыри на сѣверѣ. Но вообще въ татарскiй перiодъ времени съ XIII – XV вв. колонизацiонное движенiе не могло быть значительнымъ. Оно усиливается вмѣстѣ съ политическимъ быстрымъ ростомъ Россiи съ конца XV вѣка.

Въ XVI в. Русскiе утверждаются въ области Казанской, гдѣ было построено во 2й пол. XVI в. много городовъ (въ это же время свободными для торговыхъ сношенiй становятся пути по Волгѣ, отъ Казани до Астрахани) и проникаютъ на рѣку Обь.

История завоеванія Сибири свидѣтельствуетъ о способности русской народности къ колонизаціи. Въ продолженіи XVII ст. занята была вся Сибирская равнина до устьевъ Амура.

Движеніе въ Сибири обусловливалось также рѣчными системами; оно шло по двумъ рѣчнымъ путямъ съ зап. на вост. сѣверному и южному.

Южный путь представляетъ для движенія русскихъ больше неудобствъ, чѣмъ сѣверный, потому что здѣсь русскимъ приходилось сталкиваться съ народами, стоявшими на довольно высокой степени цивилизаціи; на сѣверѣ же инородцы Сибири стояли на низшей сравнительно съ русскими степени цивилизаціи. На первыхъ страницахъ лѣтописи мы встрѣчаемъ извѣстіе о томъ, что Владиміръ хотѣлъ покорить Камскихъ болгаръ, а Добрыня по этому поводу замѣтилъ: „Намъ нужно лапотниковъ, а эти ходятъ въ сапогахъ". Смыслъ этого замѣчанія тотъ, что Болгары дали бы большій отпоръ, чѣмъ другія близлежащія народности.

Не окончилось занятіемъ Сибири значеніе XVII в. въ исторіи нашей колонизаціи. Въ этотъ же вѣкъ значительное движеніе сказалось и на югѣ этой рѣчной области Оки.

Правительство мало по малу устроило тамъ сторожевую службу. Сторожи должны были давать знать о наступленіи движеніи непріятеля въ степи. Здѣсь дѣлали засѣки, проводили рвы и строили города, и линія русск. укрѣпленій подвигалась все дальше и дальше въ степь. Изъ городовъ въ этой области особенно замѣчателенъ Бѣлгородъ.

Въ XVIII в. утвердились на берегахъ Балтійскаго и Чернаго морей и этимъ завершилось наблюдаемое со древнѣйшихъ временъ стремленіе русскаго народа сдѣлаться обладателемъ великой европейской равнины.

Древнія извѣстія о народахъ восточной Европы начались у греческихъ писателей еще до 6 в. до Р. Х. И прежде всего у нихъ, а также и у Гомера встрѣчается названіе народа — Киммерійцевъ; такъ Греки называли народъ, живущій въ вост. Европѣ. Есть и другія извѣстія, свидѣтельствующія о пребываніи этого народа на югѣ великой равнины.

Болѣе достовѣрныя и интересныя извѣстія въ первый разъ мы встрѣчаемъ у Геродота. Но при этомъ мы не должны забывать, приступая къ обозрѣнію его извѣстій, вещественныхъ памятниковъ, находимыхъ на этой равнинѣ. Изъ найденныхъ памятниковъ мы знаемъ, что здѣсь задолго до прихода сюда Славянъ жили люди, которые пользовались камнемъ, костью и кремнемъ для выдѣлки себѣ оружія и другихъ необходимыхъ предметовъ; знаемъ также, что вслѣдъ за этимъ каменнымъ періодомъ наступилъ бронзовый вѣкъ.

Знаменитый, образованный путешественникъ Геродотъ, сообщившій намъ столько драгоцѣнныхъ и достовѣрныхъ извѣстій, проникъ и въ колоніи, которыя находились на сѣверномъ берегу Чернаго моря. Нѣкогда Черное море казалось греческимъ мореплавателямъ недоступнымъ; недоступность его по греческому представленію запечатлѣлась и въ самомъ названіи — ἄξεινος πόντος — негостепріимное море. Но предпріимчивые Греки преодолѣли страхъ, внушаемый баснословными преданіями о недоступности этого моря и очень рано воспользовались тѣми благами, которыя оно дало имъ; выгоды отъ общенія съ Чернымъ моремъ были такъ значительны, что само названіе его было измѣнено Греками: они стали его называть моремъ гостепріимнымъ — εὔξεινος πόντος. Греки проникли на сѣверный берегъ это-

го моря и основали здѣсь колоніи, весьма выгодныя въ торговомъ отношеніи, на сѣверномъ берегу Чер. моря при устьяхъ великихъ рѣкъ, впадающихъ въ это море. Къ одному изъ этихъ устьевъ, именно къ устью рѣки Борисѳена (Днѣпра) приплылъ знаменитый путешественникъ. Онъ поднялся по этой рѣкѣ вверхъ, собралъ свѣдѣнія о народахъ, живущихъ къ сѣверу отъ Черного моря и сохранилъ намъ драгоцѣнныя извѣстія о бытѣ и нравахъ ихъ. Чѣмъ больше наука разрабатываетъ эти извѣстія, тѣмъ больше научаетъ цѣнить ихъ. Во многихъ отношеніяхъ эти извѣстія такъ достовѣрны, что по значенію трудно поставить рядомъ съ ними извѣстія другихъ греческихъ авторовъ.

Геродотъ называетъ Скиѳіею - пространство, границы котораго можно обозначить слѣдующимъ образомъ: если мы пойдемъ отъ устья Истра (Дуная) на сѣверъ къ Молдавіи и Бессарабіи, а отсюда проведемъ линію на востокъ къ Кіевской губ. къ порогамъ Днѣпра, и продолжимъ ее далѣе къ среднему теченію Дона и затѣмъ къ его устью, то получимъ область, которую Геродотъ называетъ Скиѳіею. Онъ опредѣляетъ все это пространство днями пути. Здѣсь ему извѣстны слѣдующія рѣки, притоки Дуная: Тарантосъ (Алута), Ордиссосъ (Ардисисъ), Напорисъ (Яломица); затѣмъ рѣки, впадающія въ Черное море: Пиретосъ (Серетъ). Пората (Прутъ). Тирасъ (Днѣстръ). Аксіакесъ (Тилигулъ) Гипаписъ (восточный Бугъ) Борисѳенъ (Днѣпръ). Герросъ (Калка) Гипакирисъ, впадающій въ Лиманъ (Колончакъ). Изъ рѣкъ, впадающихъ въ Азовское море, Геродоту извѣстны: Агарисъ (Берда) Ликосъ (Кальміусъ). Танаисъ (Донъ).

Вотъ какой обстоятельный перечень рѣкъ находится у Геродота. Самыя названія ихъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя по всей вѣроятности искаженныя скиѳскія названія, какъ это доказываетъ Шафарикъ; такъ онъ сопоставляетъ Борисѳенъ съ названіемъ Березины и очень вѣроятно, что древніе называли Борисѳеномъ не Днѣпръ, а Березину.

Геродотъ сообщилъ также нѣсколько несомнѣнно скиѳскихъ словъ, объясненіе которыхъ составляетъ предметъ давняго и весьма любопытнаго спора между учеными, такъ какъ по этимъ словамъ, можетъ быть, можетъ будетъ опредѣлена народность этихъ загадочныхъ для насъ Скиѳовъ.

Далѣе Геродотъ называетъ нѣсколько Скиѳскихъ племенъ. По его описанію ближе всего къ устью Гипаниса жили Каллипиды, за ними Алазоны, Скиѳы пахари, Скиѳы земледѣльцы, за ними Скиѳы кочевники (Номады) и Скиѳы царскіе - къ востоку отъ Борисѳена и Танаиса. Скиѳы царскіе были господствующимъ племенамъ. Каллипиды и Алазоны, хотя и названы Геродотомъ Скиѳами, но они смѣшаны ими съ Греками.

Замѣчателенъ тотъ фактъ, что одно изъ племенъ Скиѳскихъ занималось хлѣбопашествомъ, сѣяло хлѣбъ не только для своихъ потребностей, но и для торговли. Это драгоцѣнное извѣстіе даетъ право утверждать, что нѣкоторыя племена Скиѳовъ были Арійскаго происхожденія; извѣстіе же, что между Скиѳами были кочевники (Номады и Скиѳы царскіе) указываетъ на Азіатское происхожденіе ихъ. Поэтому можно предполагать, на основаніи этихъ извѣстій, что Скиѳы составляли народъ смѣшанный, въ образованіи котораго участвовали два элемента - азіатскій и арійскій. Послѣ перечисленія Скиѳскихъ племенъ Геродотъ

указываетъ рядъ народовъ, о которыхъ онъ уже не имѣлъ такихъ достовѣрныхъ извѣстій, а именно: Агаѳирсы, Невры, Андрофаги, Меланхлены, Будины и Гелоны, далѣе къ сѣверу Гиперборен. Извѣстія объ этихъ народахъ баснословны и по характеру своему рѣзко отличаются отъ извѣстій о народахъ Скиѳскихъ. Любопытно замѣчаніе о Неврахъ, сообщающее, что они пришли на восточную Европейскую равнину съ запада; ученые сближаютъ названіе Невровъ съ названіемъ Нуресе, нур, отъ котораго произошли и нѣкоторыя русскія географическія названія.

Скиѳовъ Геродотъ изображаетъ суровыми, храбрыми, лихими наѣздниками. Въ религіи ихъ выше всего почитался богъ войны. Изъ прутьевъ они слагали холмъ, втыкали въ него мечи, приносили на немъ богу войны жертвы, совершали возліянія.

Геродотъ упоминаетъ о нѣсколькихъ обычаяхъ, свидѣтельствующихъ о воинственномъ бытѣ Скиѳовъ. Они заключали между собою братскіе договоры, которые напоминаютъ собою славянское побратимство. Два лица, вступая между собою въ тѣснѣйшія, дружескія отношенія, пили вино изъ одного кубка, куда выпускали по нѣскольку капель своей крови.

Особенно подробно Геродотъ описываетъ погребальный обычай, отличавшійся большою торжественностью, особенно когда умиралъ царь; его сначала возили по всѣмъ Скиѳскимъ племенамъ и потомъ уже хоронили въ мѣстѣ, которое называлось Герросомъ, но гдѣ оно, еще не опредѣлено; впрочемъ сдѣланныя раскопки даютъ поводъ думать, что оно будетъ со временемъ найдено.

Интересно преданіе о царѣ Таргитаѣ, который

оставилъ трехъ сыновей. Младшій изъ нихъ завладѣлъ плугомъ, упавшимъ съ неба и сталъ царствовать; въ этомъ преданіи важенъ смыслъ: онъ указываетъ на то, что господствующимъ племенемъ у Скиѳовъ сдѣлалось то, которое овладѣло плугомъ, т. е. научилось земледѣлію.

Геродотовскія извѣстія подтверждаются вполнѣ археологическими изысканіями. Они свидѣтельствуютъ о томъ, что Скиѳы въ это время вели значительную торговлю, что пути торговые простирались до Уральскихъ горъ. Далѣе раскопки оправдываютъ извѣстіе Геродота, что Скиѳы имѣли много золотыхъ вещей, находились въ сношеніяхъ съ Греціей, и что греческое вліяніе еще въ эту отдаленную эпоху успѣло проникнуть въ Скиѳію. Множество вещей, открытыхъ въ могилахъ, принадлежащихъ лучшимъ мастерамъ Греціи IV в. указываютъ на это вліяніе.

Археологическія изысканія начались съ 1831 г. и по слѣдующему случаю. Въ Керчь понадобился для постройки камень, который для этого начали таскать изъ древнихъ могилъ, которымъ не придавали никакого значенія, и въ это время открыли знаменитый склепъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Керчи. Открывшій успѣлъ войти въ эту могилу и увидѣлъ Скиѳскаго царя, лежавшаго въ золотой митрѣ, съ золотымъ мечемъ, скипетромъ и щитомъ; возлѣ царя лежала царица, убранная множествомъ драгоцѣнныхъ украшеній. Открывшій былъ изумленъ при видѣ множества драгоцѣнностей и началъ разсматривать ихъ, но, утомившись, онъ не могъ пересмотрѣть всего; а когда онъ пришелъ снова, то все уже было расхищено. Подобныя расхищенія - дѣло очень обыкновенное на югѣ Россіи, они дѣлались весьма часто, на что указываютъ другія раскопки. Правительство приняло самы

энергическія мѣры, чтобы возвратить похищенныя вещи; оно давало огромныя деньги за возвращенныя вещи и отказывалось отъ всякаго разслѣдованія дѣла, но было уже поздно: похитители по всей вѣроятности тотчасъ обратили похищенное въ сплавъ. Отъ драгоцѣнностей, не имѣющихъ цѣны, открытыхъ въ 1831 г., осталась одна только Кульобская ваза; на ней художникъ передалъ нѣсколько сценъ изъ Скиѳской жизни, на одномъ изображеніи, напр., онъ представилъ двухъ Скиѳовъ, разговаривающихъ между собою; на другомъ: знакомъ двухъ Скиѳовъ, изъ нихъ одинъ страдаетъ сильною зубною болью, а другой старается вытащить ему зубъ; на третьемъ изображеніи представлены Скиѳы, перевязывающіе другъ другу раны. Для изученія древностей скиѳскихъ весьма много сдѣлала Археологическая коммисія. Въ ея изданіяхъ помѣщены замѣчательныя статьи академика Стефани. Изъ древностей скиѳскихъ, кромѣ Кульобской вазы особенно замѣчательны найденныя въ Чертомлыцкомъ курганѣ Екатеринославской губ., гдѣ тоже нашли царскую могилу и въ ней драгоцѣнное произведеніе греческаго искусства, серебряную вазу. На ней находится художественная сцена, изображающая укрощеніе коней. Здѣсь также изображены Скиѳы. Превосходно представлены человѣческія фигуры, превосходно выражено усиліе Скиѳовъ усмирить коней, даже выражена разница между конемъ породистымъ и конемъ степнымъ.

На основаніи археологическихъ находокъ можно составить о бытѣ Скиѳовъ такое представленіе: они носили длинные волосы, откидывая ихъ назадъ,

одѣвали кафтаны, доходившіе только до колѣнъ, шаровары, спускавшіеся до самыхъ оконечностей ноги.

Скиѳы всегда носили съ собою оружіе, лукъ, стрѣлы, мечъ съ красивою рукояткой, ножъ и разнаго рода украшенія, которыхъ было очень много. Въ Чертомлыцкой могилѣ было найдено столько украшеній, что они могли бы составить цѣлый музей. Изъ украшеній встрѣчаются гривны, кольца, перстни, браслеты и пр.

Особенно замѣчательны украшенія для конскаго убора. Никонецъ необходимыя принадлежность Скиѳа былъ котелъ съ подножками для варки пищи.

Таковы подробности Скиѳскаго быта по археологическимъ изслѣдованіямъ дополняющія извѣстія Геродота. Но вопросъ о народности Скиѳовъ наука еще не рѣшила, хотя они имѣютъ несомнѣнные слѣды арійскаго происхожденія и носятъ типъ индо-европейцы. Если же Скиѳы были арійскаго происхожденія, то очень можетъ быть, они были и нашими предками.

Послѣ извѣстій Геродота о народахъ восточной Европы являются извѣстія другихъ греческихъ и римскихъ писателей, до V в. по Р. Х. Эти извѣстія по своему достоинству далеко уступаютъ извѣстіямъ Геродота, отличаются большою скудостью, отрывочностью и случайностью, такъ что трудно извлечь изъ нихъ какія-ниб. данныя.

Наиболѣе замѣчательныя и достовѣрныя извѣстія встрѣчаемъ мы у Страбона о поселеніяхъ на берегахъ Чернаго моря и весьма много географическихъ названій въ географіи знаменитаго александрійскаго ученаго Птоломея. У него впервые встрѣчаются названія рѣкъ, впадающихъ въ Балтійское море; онъ первый сообщилъ географіи твердое основаніе, установивъ градусную сѣть.

Послѣ Скиѳовъ встрѣчаемъ мы въ вост. Европѣ Сарматовъ, которымъ Шафарикъ причисляетъ къ арійскому племени. Къ наиболѣе выдающимся сарматскимъ племенамъ, жившимъ въ нынѣшней Бессарабіи, принадлежали Россолане и Алане. Имя Россолане сближаютъ съ названіемъ Россъ или Руссъ.

Въ I в. до Р.Х. знаменитое движеніе на восточныхъ окраинахъ римскаго міра, возбужденное Митридатомъ, коснулось и вост. Европы. Помпей прошелъ Кавказъ, покорилъ Иберовъ и Алановъ. Тогда и сѣверная часть Понта стала зависѣть отъ Рима, а въ судьбѣ греческихъ колоній произошелъ большой переворотъ; скиѳскій элементъ въ составѣ ихъ населенія долженъ былъ усилиться.

Римское владычество нанесло также окончательный ударъ Босфорскому царству.

Послѣ борьбы съ Митридатомъ въ исторіи отношеній Рима къ народамъ восточнымъ выступаетъ борьба съ Даками, занимавшими область по среднему теченію Дуная. Они были покорены (104-106) Траяномъ, и область ихъ обращена въ римскую провинцію. Вслѣдъ затѣмъ на восточной окраинѣ историческаго міра начинается важное по своему значенію движеніе Готовъ во II и III в. послѣ Р.Х., которые раньше другихъ германскихъ племенъ приняли христіанство. Готы, двигаясь отъ Балтійскаго моря къ Черному, вѣроятно, пришли въ столкновеніе съ Славянами, и образовали на равнинѣ вост. Европы первый значительный союзъ.

Далѣе послѣ движенія Готовъ на судьбу народовъ восточной Европы бросаетъ свѣтъ извѣстіе о Гуннахъ - народѣ, пришедшимъ изъ Азіи въ V в. по Р.Х. Они появляются на равнинѣ вост. Европы и наносятъ сильный ударъ Римской

имперіи. Объ участіи Славянъ въ этомъ движеніи мы имѣемъ уже несомнѣнныя данныя. Сохранилось подробное описаніе обычаевъ, существовавшихъ при дворѣ Аттилы, оставленное намъ римскими послами. Изъ этихъ описаній мы заключаемъ о присутствіи значительнаго славянскаго элемента въ станѣ Аттилы.

Поэтому и въ исторіи борьбы съ Римомъ необходимо признать участіе Славянъ. Не однимъ слѣдовательно Германцамъ міръ былъ обязанъ своимъ освобожденіемъ отъ всеподавлявшаго римскаго гнета. Но они одни были виновниками того великого по значенію своему движенія, благодаря которому явилась новая плодотворная почва для развитія человѣчества.

Послѣ Гунновъ являются на юго-вост. Европы Авары или Обры. Они были хищные наѣздники, которые подвергли страшному разоренію земли Славянъ и оставили по себѣ черную память, хотя ихъ господство было непродолжительно. Владычество Гунновъ и Аваръ надъ Славянами ставило ихъ, конечно, въ положеніе менѣе выгодное, чѣмъ то, въ которомъ находились народы зап. Европы съ V по VII в. послѣ Р. Х. Они не были поставлены въ необходимость вести борьбу съ народами Азіатскими и римское цивилизующее вліяніе на западѣ могло распространяться успѣшнѣе, чѣмъ греческое на востокѣ. Рано утвердилось римское вліяніе въ Галліи и здѣсь-то, не смотря на всю тяжесть римскаго ига, имѣло благотворныя послѣдствія.

Римляне уже[?] этой странѣ могущественныя средства для дальнѣйшаго развитія. Позднѣе стало проникать это вліяніе и къ Германцамъ, хотя они были виновниками окончательнаго паденія Римской имперіи.

На развалинахъ быстро образуются новыя государства, но существованіе ихъ оказывается непрочнымъ. Основанныя путемъ завоеванія, они скоро дѣлаются добычею новыхъ завоевателей. Новые элементы, водворившіеся въ жизни западноевропейской, естественно должны были произвести сильное броженіе, связь между ними въ эпоху ихъ появленія была исключительно внѣшнею, слѣдовательно весьма не прочною. Но жизнь дѣлали свое дѣло, мало по малу определялись новыя русла - и броженіе начало затихать. Римъ снова становится всемірнымъ городомъ, не какъ центръ всемірнаго государства, а какъ центръ церковной власти, которая очень рано переступила границы Италіи и вступила въ выгодный для нея союзъ съ могущественными представителями свѣтской власти на Западѣ. Тогда здѣсь образовалось государство съ тѣми же стремленіями ко всемірному господству, которыя впервые осуществилъ въ такой сильной степени древній Римъ. Основателемъ этого новаго государства явился Карлъ Великій, низложившій владычество Аваръ. Племена германскія, соединенныя подъ одною властью, стали тогда опасными сосѣдями и Славянъ, жившихъ разрозненно отдѣльными племенами. Вскорѣ, однако, послѣ низложенія Аваръ, явились и у восточныхъ Славянъ попытки къ образованію самостоятельныхъ государствъ, къ выходу изъ жизни племенной.

Въ изученіи древняго быта Славянъ мы должны пользоваться результатами ученыхъ изслѣдованій той эпохи, когда народы арійской вѣтви жили нераздѣльно. Сравнительное языкознаніе указало на то, что Арійцы знали употребленіе огня, хлѣба и нѣкоторыхъ домашнихъ животныхъ. Съ помощью же сравнительнаго язы-

познанія, путемъ выдѣленія всѣхъ словъ, которыя составляютъ общее достояніе славянскихъ нарѣчій, ученые слависты пришли къ результатамъ весьма важнымъ для изученія быта Славянъ.

Было время, когда Славяне составляли одно цѣлое и не успѣли еще обособиться ни въ бытѣ, ни въ религіи. Въ эту эпоху ихъ нераздѣльнаго существованія были извѣстны: домашняя утварь; стулъ, столъ, лопата; изъ домашнихъ животныхъ: коза, овца, волъ, конь; изъ хлѣбныхъ растеній — пшеница, просо, овесъ, ячмень, горохъ; изъ плодовыхъ деревъ — яблонь груша; изъ дикихъ — дубъ, сосна, верба. Все это свидѣтельствуетъ уже о довольно значительномъ развитіи древнихъ Славянъ. Болѣе подробныя свѣдѣнія о бытѣ первобытныхъ Славянъ даетъ намъ чешскій ученый Воцель.

Въ IX в. Славяне уже занимали обширное пространство въ вост. Европѣ отъ Ладожскаго оз. до устьевъ Вислы и Карпатскихъ горъ. Въ этой равнинѣ жили слѣд. славянскія племена: Славяне Ильменскіе близъ оз. Ильменя, Кривичи въ верховьяхъ 3-хъ главныхъ рѣкъ — Волги, Днѣпра и Зап. Двины, Вятичи по среднему теченію Оки, Сѣверяне и Радимичи по Деснѣ, Сожѣ и Сулѣ, Поляне по средн. теч. Днѣпра, Древляне — на Припети; къ западу отъ нихъ Дреговичи (Бужане или Волыняне) къ сѣверу отъ Древлянъ Дулѣбы; Хорваты въ Галиціи и наконецъ Уличи и Тиверцы на сѣв. берегахъ Черн. моря.

Эти племена, какъ можно догадаться, стояли на различныхъ ступеняхъ развитія, хотя отличія между ними не были значительны.

Обозрѣвая тѣ данныя, которыя мы имѣемъ относительно религіи древнихъ Славянъ, необходимо имѣть въ ви-

ду всеобщіе законы развитія миѳологическихъ вѣрованій. Послѣднія обыкновенно развиваются двумя путями. Изъ одного общаго представленія о божествѣ выдѣляются нѣсколько отдѣльныхъ образовъ; вѣрованія различныя слагаются въ одинъ культъ. Отрывочныя данныя Славянской миѳологіи получаютъ нѣкоторую ясность при сравнительномъ изученіи миѳологическихъ вѣрованій другихъ народовъ.

Высшее божество, мы знаемъ, является у всѣхъ народовъ сначала слишкомъ неопредѣленнымъ и бываетъ обыкновенно божествомъ неба. На основаніи этого мы можемъ предполагать, что и у Славянъ было подобное божество, о которомъ они не имѣли ясныхъ мыслей, именно Сварогъ, богъ неба. Ко второму позднѣйшему періоду относятся: Перунъ - богъ грома и молніи, Хорсъ и Дажь-богъ, Стрибогъ - богъ вѣтровъ и Волосъ-богъ скота. Всѣ эти божества были свѣтилами, благодѣтельными существами для древняго славянина. Остатки почитанія этихъ боговъ сохранились до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ народныхъ обычаяхъ; такъ въ обычаѣ водить хороводъ видятъ остатокъ культа солнечнаго. Слѣды почитанія Солнца находятъ въ замѣчательномъ стихѣ о Егоріи Храбромъ. Слѣды языческихъ культовъ справедливо указываютъ и въ другихъ народныхъ преданіяхъ.

Кромѣ свѣтлыхъ сторонъ у Славянъ были и темныя божества. Къ такимъ, вѣроятно, слѣдуетъ отнести Бабу-Ягу. Не одни только впечатлѣнія, производимыя на человѣка природою, были движущею творческою силою въ языческихъ вѣрованіяхъ. Въ развитіи ихъ замѣтны проявленія и другой силы. Чувствомъ любви и обожанія предка прародителя объясняется культъ домашнихъ божеств

Слѣды дикаго рода вѣрованій у Славянъ сохранились въ разсказахъ о домовыхъ.

Въ IX в. Славяне жили отдѣльными племенами, которыя распадались на общины. Они тогда имѣли уже въ значительномъ количествѣ города, кот. сосредоточивали въ себѣ населеніе, были важными центрами администраціи и торговли и оказывали значительное вліяніе на развитіе населенія. Значеніе городовъ опредѣлилось еще до образованія русскаго государства. Къ городу тянула его окрестная мѣстность, и рѣшенія городовъ были для нихъ болѣе или менѣе обязательны.

Число городовъ намъ неизвѣстно. Но городища указываютъ на то, что городовъ было больше, чѣмъ сколько извѣстно по письменнымъ памятникамъ. Городища имѣютъ до 300 шаг. въ окружности до 50 въ поперечникѣ. Существованіе городовъ указываетъ на то, что общины до образованія государства не представляли изъ себя безразличную массу. Уже и въ эту эпоху у Славянъ были торговые люди - князья старшины. Общины руководились извѣстными обычаями въ своихъ опредѣленіяхъ и рѣшеніяхъ. Такъ извѣстенъ обычай родовой мести, когда за убитаго или потерпѣвшаго мстили его родственники. Этотъ обычай имѣетъ историческое значеніе, такъ какъ этою местью обезпечивалось имущество и личность. Славяне занимались рыболовствомъ, охотою, пчеловодствомъ и земледѣліемъ. Промыслы лѣсные въ IX в. велись можетъ быть такъ, какъ они ведутся теперь. Когда странствуешь [illegible] Архангельской губ., чѣмъ вы промышляете? [illegible] одинъ отвѣтъ, да [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] противъ [illegible] [illegible] креста-

не съ топорами въ рукахъ, означая этимъ путь знаменьями, т. е. налагая знаки на деревья. Путикъ принадлежитъ крестьянину, какъ собственность. Славянамъ было хорошо извѣстно судостроеніе. Русскія ладьи приходили въ Византію съ разныхъ концевъ Русской земли. Изобиліе естественныхъ произведеній давало Славянамъ возможность имѣть въ нихъ избытокъ и поэтому въ IX в. Славяне вели уже значительную торговлю по тремъ главнымъ воднымъ путямъ: 1) изъ Балтійскаго въ Чер. море 2) черезъ Біармію (Перм. губ.) къ Уральскимъ горамъ и 3) по Волгѣ на востокъ къ Каспійскому морю. Археологическія находки свидѣтельствуютъ, что торговля тогда была распространена на значительномъ пространствѣ. Арабскія монеты встрѣчаются по всей великой Европейск. равнинѣ, напр. въ области Сѣверянъ. Крайній пунктъ ихъ нахожденія — Балтійское побережье. Торговля значительно способствовала тому, что сглаживалось ~~между~~ различіе собою въ сношеніи вступавшими племенами. Торговля же поддерживала единство разныхъ Славянскихъ племенъ.

Женщина у Славянъ пользовалась свободою, она несла тяжелые физическіе труды, она сопровождала мужа на войну. При заключеніи брака невѣсту или похищали (умычка) или уводили (веденіе) при чемъ за нее давали приданое. Въ этомъ и другомъ случаѣ требовалось ея согласіе. При погребеніи существовали различные обычаи: мертвецовъ или сжигали или зарывали въ землю.

Иностранные писатели свидѣтельствуютъ, что Славяне отличались храбростью, воинственностью, но эта послѣдняя черта не позволяетъ намъ сближать

ихъ съ Германцами. Славяне были воинственны только тогда, когда на нихъ нападали, вообще же они были народъ мирный, склонный къ постоянному земледѣльческому труду.

Сражались они пѣшими съ копьемъ и мечемъ; употребляли военныя хитрости; могли долго держаться подъ водою, дыша посредствомъ тростника.

Иностранцы хвалятъ Славянъ за гостепріимство. Не одни Славяне, но и другіе народы въ древности были убѣждены, что всякій гость находится подъ особымъ покровительствомъ божества; кромѣ того всякій гость былъ желаннымъ человѣкомъ, потому что приносилъ извѣстіе о другихъ странахъ.

Славяне хорошо обходились съ плѣнными и чрезъ извѣстное время отпускали ихъ на волю. Черта эта объясняется простотою быта: въ плѣнныхъ рабахъ не было нужды.

Изъ приведенныхъ извѣстій сдѣлаемъ нѣкоторые главные выводы: 1) до образованія государства различныя части земли Русской находились въ значительной связи между собою по причинѣ торговыхъ сношеній; 2) находились на извѣстной степени цивилизаціи и 3) представляли собою организмъ, способный къ воспріятію высшихъ началъ цивилизаціи.

Къ сѣверу отъ Славянъ жили Финны, на востокъ Славяне сосѣдили съ Тюркскими народами, на западѣ съ Литовцами, на югѣ съ Хозарами. Финны занимали сѣверъ Европы, жили гораздо южнѣе, чѣмъ они живутъ теперь. Они занимали крайній южный пунктъ область средняго теченія Волги. Съ ними Славяне сносились очень рано, — задолго до образованія государства, силою вытѣсняли ихъ и въ тоже время подчиняли своему вліянію мирнымъ путемъ. Такъ можно подумать, что бытъ Славянъ находился на гораздо высшей степени цивилизаціи сравнительно съ бытомъ Финновъ. А когда сталкиваются двѣ народности, беретъ верхъ та, которая болѣе развита и подчиняетъ своему вліянію менѣе развитую. Финны не могли остановить движенія Славянъ колонистовъ и потому, что жили отдѣльными племенами и въ странѣ, бѣдной естественными произведеніями, гдѣ человѣкъ боролся за существованіе съ природою. Они дѣлились на слѣдующія племена: Весь — около

Онега-озера; Чудь - въ Эстляндіи; Меря по сред. теч. Волги - въ губ. Московской и прилегающихъ къ ней; Чудь Заволоцкая по С. Двинѣ; Югра - по объимъ сторонамъ Уральскаго хребта; Біармія - въ нынѣшней Пермской губ. (оттуда и само названіе Перми). Мордва по правому берегу Волги и по Мокшѣ; Мурома въ южн. части Владимір. губ.; Черемиса къ востоку отъ Муромы. Въ лѣтописи нашей не упоминаются Финск. племена: Емь и Сумь въ нынѣшней Финляндіи, а также Ижорцевъ и Чувашей.

Кастренъ (знаменитый финскій этнографъ и филологъ) считаетъ Самоѣдовъ, Тунгусовъ, Монголовъ, Болгаръ и Мадьяръ народами одной Алтайской вѣтви. Найдя въ языкѣ племенъ на Алтаѣ слѣды нарѣчій, которыми говорятъ племена къ западу отъ Алтая, онъ предположилъ, что всѣ эти народы жили нѣкогда на Алтайской возвышенности и составляли одинъ народъ.

Новѣйшія археологическія изслѣдованія утверждаютъ, что Финны съ древнѣйшихъ временъ подчинялись вліянію сосѣднихъ народовъ, напр. Готовъ. Уваровъ на основаніи своихъ археологическихъ наблюденій доказываетъ, что Меря еще до поселенія въ ихъ земляхъ Славянъ имѣла цивилизацію, т. к. городъ и торговыя сношенія. Слѣдовательно, дальнѣйшее развитіе Славянъ колонистовъ было уже облегчено. Въ значительной степени развитія стояло племя, обитавшее въ Біарміи. Она упоминается въ Скандинавскихъ сагахъ съ IX по XIII в. Первыя свѣдѣнія о ней принадлежатъ норвежцу Отеру и затѣмъ вплоть до XIII в. Скандинавы постоянно посѣщали эту богатую страну. Богатство ея зависѣло отъ того, что черезъ нее шелъ торговый путь къ Уральскому хребту, и отъ того, что народъ пользовался богатыми рудниками въ Уралѣ. Кромѣ того здѣсь шелъ другой важный торговый путь къ Каспійскому морю. Такимъ образомъ Меря и Біармія стояли выше др. Финскихъ племенъ по степени цивилизаціи. Первыя извѣстія о Финнахъ принадлежатъ Тациту; Іорнандъ (пис. VI в.) упоминаетъ между Финскими племенами Мерю и Мордву.

Мадьяры жили первоначально между Волгою, Камою, Тоболомъ и Яикомъ. Въ 884 г. они двинулись съ своихъ мѣстъ на западъ. Въ недавнее время сдѣлано предположеніе, что Мадьяры и Угры

были Угорского или Мадьярского племени. На это предположение наводитъ между прочимъ имя слуги Аскольда и Дира Альма.

Къ югу отъ Финновъ и Мадьяръ обитали Болгары, занимавшiеся обширною торговлею вслѣдствiе своего положенiя на великомъ водномъ Волжскомъ пути, а также земледѣлiемъ. Съ ними также вступали въ сношенiя Славяне.

Къ югу отъ Болгаръ жили Хозары, по всей вѣроятности Тюркскаго племени. Въ VI в. они ведутъ борьбу съ Персiею (съ Кобатомъ и Хозроемъ) въ VII в. вступаютъ въ тѣсныя сношенiя съ Византiею. Влiянiе Ирана и Византiйцевъ на Хозаръ было значительное; послѣдними построена была на Дону крѣпость Саркелъ или Бѣлая Вежа. Въ VIII в. Хозары владѣли какъ Болгарами, такъ и всѣми областями къ югу отъ Болгаръ Волжскихъ и къ западу областями Сѣверянъ, Радимичей и Вятичей. Так. образ. въ составъ Хозарскаго царства входило много племенъ, между которыми Хозары были господствующимъ племенемъ. Ихъ же власти между прочимъ было подчинено и Готское племя. На развитiе Хозаръ имѣли сильное влiянiе Евреи. Ихъ влiянiемъ объясняется обширная торговля Хозаръ, центрами которой были: Семендеръ и Итиль на мѣстѣ нынѣшней Астрахани. Въ Итилѣ можно было найти и Хозаръ и Славянъ и Евреевъ, каждая изъ этихъ народностей имѣла своего (своего) особаго судью. Хозары были подчинены кагану власть котораго была священна въ глазахъ Хозаръ. Но въ сущности вся власть фактически была въ рукахъ бега — намѣстника кагана. Когда приближались къ кагану, то исполняли разные обряды въ знакъ своего къ нему уваженiя. Когда каганъ умиралъ, то его могилу тщательно старались скрыть, чтобы никто не могъ оскорбить священный прахъ покойнаго. Въ Хозарскомъ царствѣ были люди всевозможныхъ вѣроисповѣданiй: и Могаметане, и Iудеи, и Христiане (въ западн. Хозарiи преимущ.)

Къ западу отъ Славянъ жили Литовцы въ болотистой, покрытой лѣсами мѣстности. Онихъ мы имѣемъ мало извѣстiй до образованiя русскаго государства. Знаемъ только, что племя это жило въ первобытныхъ условiяхъ и стояло на низшей ступени развитiя. Часть Вост. Славянъ, какъ мы выше сказали, была подчинена Хозарамъ, а другая (Ильменскiе Славяне) въ IX в подчинилась

Норманнамъ. Но они были выгнаны и снова призваны. Въ IX в. Чудь, Весь, Кривичи и Ильменскіе Славяне послали пословъ къ Варяго-Руссамъ съ такою просьбою, сохраненною лѣтописцемъ: „земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ, да пойдите княжить и володѣть нами". Отправились къ Славянамъ 3 Варяжскихъ князя: Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ съ дружинами. Вѣроятно, Рюрикъ первоначально остановился въ Ладогѣ и позже уже перешелъ въ Новгородъ; Синеусъ сѣлъ на Бѣлъ-озерѣ, а Труворъ въ Изборскѣ. Въ фактѣ призванія князей нѣтъ ничего страннаго. Общеніе Славянъ съ Норманнами было давнее и тѣсное; между ними не было того рѣзкаго различія, какое является у различныхъ народностей вмѣстѣ съ ихъ развитіемъ. Для устраненія внутреннихъ распрей Славяне могли обратиться къ посредничеству другихъ.

Мы увидимъ впослѣдствіи, что и Псковъ съ Новгородомъ принимали Литовскихъ князей. Соединеніе нѣсколькихъ племенъ подъ одною властью имѣло важныя послѣдствія, тогда явилось въ жизни новое начало государственное. Съ призваніемъ и водвореніемъ у себя князя торговыя связи стали болѣе обезпечены и внутренніе раздоры прекратились. Лѣтописецъ говоритъ, что вмѣстѣ съ Ильменскими Славянами принимали участіе въ призваніи князя и финскія племена: Чудь и др. По объясненію ученыхъ, что въ области Финновъ были Славянскія колоніи, вліяніемъ которыхъ мысль о призваніи князя для прекращенія раздоровъ была сообщена именно Финнамъ.

О происхожденіи первыхъ князей существуютъ различныя предположенія: одни говорятъ, что это были Норманны, другіе — Прибалтійскіе Славяне; вѣроятнѣе всего, что они были Норманны. Рѣзкой разницы между пришельцами-князьями и туземнымъ населеніемъ не было, потому первые скоро слились съ послѣдними. Въ этомъ случаѣ ходъ нашей исторіи отличается отъ хода исторіи Англо-Саксонскихъ народовъ. Тамъ различіе между Англо-Саксами и Норманнами рѣзко сказывается еще въ XII в. У насъ же оно слабѣетъ при Олегѣ.

Лѣтопись упоминаетъ, что Рюрикъ по смерти своихъ

братьев раздѣлилъ города Славянъ между своими дружинниками, что Аскольду и Диру не досталось города, что они отдѣлились отъ Рюрика, пошли на югъ по Днѣпру и сѣли въ Кіевѣ. Эта легенда сомнительна. Предполагаютъ, что Аскольдъ и Диръ были происхожденія угорскаго. Далѣе лѣтопись сообщаетъ, о возмущеніи Вадима противъ Рюрика, которымъ онъ былъ убитъ.

Къ этому времени относится извѣстіе, сообщаемое Византійцами, вполнѣ достовѣрное и весьма замѣчательное.

Въ 865 г. Византійскій императоръ Михаилъ отправился въ походъ противъ Сарацинъ. Въ его отсутствіе къ Константинополю подъѣхали на судахъ Руссы. Константинопольцы приняли мѣры къ отраженію ихъ и отправили пословъ къ императору. Руссы носили продолговатые щиты, одѣвались въ плащи, застегивавшіеся съ правой стороны застежкою. Они начали насыпать около Константинополя валъ и городу грозила неминуемая опасность подчинится варварамъ, еслибы не заступничество небесное. Въ это время патріархомъ Константинопольскимъ былъ Фотій. Онъ строго упрекалъ Константинопольцевъ въ развратѣ, говорилъ, что Руссы - кара, посланная Богомъ, и убѣдилъ жителей совершить по городу крестный ходъ съ ризою Богоматери. Послѣ него Руссы отступили. Это одно изъ самыхъ драгоцѣнныхъ извѣстій, какъ самое достовѣрное и древнѣйшее. Руссы, какъ видно, были на столько сильны, что могли набрать огромную рать тогда, когда на сѣверѣ еще складывалось государство. Къ этому же времени относится извѣстіе о распространеніи между Руссами христіанства.

Послѣ смерти Рюрика власть его перешла къ Олегу. Чрезъ три года послѣ вокняженія Олегъ двинулся на югъ, взялъ по пути Смоленскъ и Любечъ. и обманомъ Кіевъ, гдѣ княжили Аскольдъ и Диръ. Олегъ, прибывъ на корабляхъ къ Кіеву, велѣлъ сказать князьямъ, что къ нимъ прибылъ Угорскій гость съ товарищами (что между прочимъ также считаютъ доказательствомъ Угорскаго происхожденія Аскольда и Дира) Аскольдъ и Диръ вышли къ Олегу и были окружены его ратниками. Тогда онъ сказалъ имъ: „вы не князья, ни роду княжескаго" и указывая на Игоря, сказалъ: „есть сынъ Рюриковъ." Аскольдъ и Диръ были убиты, и Олегъ овладѣлъ Кіевомъ. Но это сказаніе несомнѣнно позднѣйшаго происхожденія. Оно от-

носится къ тому времени, когда Олегъ окончательно утвердился въ Кіевѣ. Оно, какъ видно, составлено для того, чтобы показать право Олега на Кіевъ. Послѣ покоренія Кіева Олегъ началъ строить города и уставлять дани. На Новгородъ была наложена дань въ пользу Варяговъ въ 300 гривенъ (882 г.). Подчинилъ себѣ Древлянъ 883 г. затѣмъ Сѣверянъ 884 г. наложилъ на нихъ легкую дань и Радимичей. „Кому вы платите дань?" спросилъ онъ послѣднихъ. „Хозарамъ" отвѣчали они. — „Платите мнѣ." Такъ созидалось Русское государство; зависимость племени отъ князя выразилась прежде всего въ томъ, что оно должно было платить дань. Затѣмъ Олегъ велъ войну съ Уличами и Тиверцами. Въ 907 г. Олегъ предпринялъ походъ на Византію. Онъ навелъ на Византію такой же страхъ, какой произвели нѣкогда Руссы. Въ 911 г. онъ заключилъ съ императорами Львомъ и Александромъ (912) договоръ, имѣющій важное значеніе, какъ древнѣйшій сводъ законодательныхъ постановленій. Въ немъ есть статьи и международнаго права, и гражданскаго, и уголовнаго. Справедливо полагаютъ, что онъ былъ переведенъ съ греческаго.

Содержаніе его слѣдующее. Въ судебныхъ дѣлахъ должно руководиться ясными показаніями. Если христіанинъ убьетъ Русина, или наоборотъ, то убійца долженъ быть убитъ на мѣстѣ преступленія. Если воръ будетъ пойманъ на мѣстѣ преступленія и не окажетъ сопротивленія, то долженъ заплатить втрое противъ стоимости украденной вещи; если же онъ будетъ сопротивляться, то можетъ быть убитъ на мѣстѣ. Потомъ слѣдуютъ статьи, касающіеся международнаго права. Если, напр., греческій корабль будетъ занесенъ бурею къ русскому берегу, то Руссы должны оказывать людямъ помощь а также наоборотъ. Далѣе съ обѣихъ сторонъ дается обязательство выкупать плѣнныхъ. Есть статьи относительно рабовъ. На рабовъ смотрѣли тогда, какъ на собственность, такъ напр. по договору, хозяинъ въ случаѣ побѣга своего раба. могъ его отыскивать, какъ свою пропавшую вещь. Въ послѣдней статьѣ говорится о завѣщаніи. Если кто умретъ, не оставивъ „обряженія" (завѣщанія), то имущество его переходитъ къ род-

ственникамъ его. Большая часть статей этого договора принадлежитъ праву Славянскому; но нѣкоторыя можно объяснить вліяніемъ византійскимъ. Статья о потерпѣвшихъ отъ бури корабляхъ указываетъ, что въ это время существовали частыя сношенія у Славянъ съ Греками, и было уже стремленіе съ обѣихъ сторонъ сдѣлать эти сношенія болѣе правильными и обезпечить свои торговые интересы. Статьи о рабахъ свидѣтельствуютъ, что въ то время дѣла о бѣгствѣ рабовъ возникали очень часто. Но особенно важно для насъ свидѣтельство послѣдней статьи объ „обряженіи". Она указываетъ на то, что у Славянъ существовала письменность; право наслѣдства было основано на началѣ семейномъ. Договоръ, по языческому обычаю былъ подтвержденъ клятвою.

Княженіе Олега, о которомъ мы болѣе знаемъ, по преданію, оставило глубокіе слѣды въ памяти народа, о чемъ свидѣтельствуетъ и сама лѣтопись. Онъ былъ названъ вѣщимъ, т. е. необыкновеннымъ человѣкомъ, которому все удавалось, отличался отвагою и мудростью.

Олегу наслѣдовалъ Игорь и княжилъ въ Кіевѣ съ 912 по 945 г. По сказанію лѣтописи Игорь началъ „примучивати" Древлянъ постоянными требованіями дани. Изъ арабскихъ писателей мы узнаемъ, что въ княженіе Игоря около 913 или 914 г. Руссы предприняли походъ, который навелъ страхъ на жителей отдаленнаго востока и прикаспійскихъ областей. Объ этомъ походѣ арабскій писатель Массуди сообщаетъ, что Руссы на 500 корабляхъ (на каждомъ было 100 ч.) явились на Волгѣ, спустились по ней въ Каспійское море и стали грабить берега этого моря. Народы, говоритъ Массуди, обитавшіе около этого моря съ ужасомъ возопили, ибо имъ не случалось съ древнѣйшаго времени, чтобы врагъ ударилъ на нихъ здѣсь; а прибывали сюда только суда купцовъ и рыбаковъ. Многіе мѣсяцы Руссы оставались на этомъ морѣ въ такомъ положеніи, никто изъ тамошнихъ народовъ не имѣлъ возможности подступать къ нимъ въ это

время. Но имъ надоѣла эта жизнь, и они отправились къ Волгѣ. Но при Итилѣ были встрѣчены мусульманами и потерпѣли пораженіе. (Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ. Гаркави С.П. 1870 стр. 130-133).

Лѣтопись ничего не сообщаетъ объ этомъ походѣ. Извѣстіемъ Массуди нѣкоторые ученые пользуются для доказательства того, что на югѣ Россіи существовалъ народъ, носившій названіе Руссовъ. Съ этимъ извѣстіемъ сопоставляется другое извѣстіе, которое относится къ 943-44 г. и имѣетъ признаки достовѣрности. По этому извѣстію Руссы вошли въ Каспійское море, взяли городъ Бухда, истребляли жителей и долго тамъ господствовали, пока не открылись между ними заразительныя болѣзни подъ вліяніемъ южнаго климата. Кромѣ этихъ двухъ извѣстій приводятъ и другія доказательства въ защиту мнѣнія о томъ, что названіе Руссы было туземнымъ на югѣ. Здѣсь сохранилось много географическихъ названій, которыя происходятъ отъ корней: рос и рус. Если бы названіе Руссовъ произошло отъ Норманновъ, то какимъ образомъ могли бы такъ долго удержатися эти географическія названія? Географическія названія даетъ народъ по именамъ своихъ боговъ, по свойству мѣстности, по именамъ отцёвъ (патронимическія); но чтобы рядъ названій былъ данъ отъ имени другой народности и притомъ сохранялся въ теченіи многихъ вѣковъ, — этого предположить невозможно. Съ другой стороны непонятно, какимъ образомъ имя пришельцевъ могло такъ повліять на нашихъ предковъ, что цѣлая народность приняла это имя — „Руссы". Нѣтъ сомнѣнія, что оно не принадлежало ни одному изъ отдѣльныхъ Славянскихъ племенъ, такъ какъ названія эти намъ извѣстны изъ лѣтописи и въ числѣ ихъ нѣтъ имени Руссовъ. Слѣдовательно, названіе Руссовъ было общимъ названіемъ для нѣсколькихъ славянскихъ племенъ. А такъ какъ каждое названіе имѣетъ свой смыслъ, то и въ этомъ общемъ

для нѣсколькихъ славянскихъ племенъ названіи мы можемъ видѣть указаніе на то, что племена, носившія это названіе, находились между собою въ родствѣ, или-ли частыя сношенія и связи. Эта гипотеза о существованіи Руссовъ на берегахъ Черного моря заслуживаетъ полнаго вниманія. Извѣстія арабскихъ писателей о походѣ Руссовъ къ берегамъ Каспійскаго моря приходятъ въ связь съ извѣстіями о княженіи Игоря и говорятъ, что этотъ походъ, можетъ быть, былъ совершенъ вмѣстѣ съ кіевскимъ княземъ или по волѣ его.

Въ 941 г. Игорь предпринялъ походъ на Византію, гдѣ въ это время царствовалъ Романъ Лакапинъ. Этотъ походъ былъ неудаченъ, Руссы, спустившись по Днѣпру въ Черное море, поплыли по берегу Ѳракіи и здѣсь были встрѣчены греческимъ флотомъ, которымъ начальствовалъ Ѳеофанъ. Греки употребили въ дѣло „греческій огонь", заимствовавшій въ то время порохъ, и Руссы потерпѣли пораженіе. Только жалкіе остатки судовъ и войска вернулись въ Кіевъ. Объ этомъ пораженіи Руссы такъ разсказывали: „яко-же молонья иже на небесѣхъ, Греци имуть у себе, и се пущающе же жаху насъ, сего ради не одолѣхомъ ихъ."

С.М. Соловьевъ догадывается, что Игорь располагалъ незначительными средствами, такъ какъ послѣ этой неудачи онъ началъ собирать большое войско для новаго похода на Византію. Предпринимая первый походъ, Игорь взялъ съ собою небольшую дружину, можетъ быть, потому что надѣялся на храбрость своей небольшой дружины; а во-вторыхъ потому что при небольшой дружинѣ какъ самъ Игорь, такъ каждый изъ дружинниковъ могъ получить больше добычи (князь обыкновенно дѣлился добычею со своею дружиною).

Какъ только Игорь явился на Дунаѣ, Греки прислали къ нему пословъ для переговоровъ; послы предложили Игорю откупъ, Игорь согласился на этотъ откупъ и заключилъ съ греческими послами договоръ (945 г.).

Изъ этого договора мы узнаемъ, что отношенія Руссовъ къ Византіи въ 945 г. были менѣе выгодны, чѣмъ они были при Олегѣ. Такъ, между прочимъ, было постановлено, что Русскіе, прибывающіе въ Грецію, должны приносить грамоту отъ Русскихъ князей (вмѣсто печатей): къ Руссимъ будетъ приставленъ человѣкъ отъ греческаго правительства для разбора спорныхъ дѣлъ между Русскими и Греками; греческіе чиновники осматривали русскіе товары, и прикладывали къ нимъ клейма; воръ наказывается по греческому закону. Договоръ 945 г. указываетъ на существованіе въ Кіевѣ христіанъ, именно въ немъ упоминается древнѣйшая церковь Св. Иліи; но князь и дружина были язычники и приносили присягу по языческому обычаю. Въ договорѣ Игоря мы встрѣчаемъ меньше норманскихъ названій, чѣмъ въ договорѣ Олега; изъ этого видно, что норманское вліяніе во время Игоря уже начало мало по малу ослабѣвать. Въ договорѣ Игоря мы встрѣчаемъ замѣчательное выраженіе: Русская земля.

Къ княженію Игоря относится первое извѣстіе о столкновеніяхъ его съ Печенѣгами (915 г.) Первоначально они жили къ востоку отъ Хозаръ; вступили съ ними въ борьбу и, двинувшись на западъ, заставили Угровъ бѣжать дальше на зап. и, наконецъ, появились у Кіева. Игорь заключилъ съ ними миръ.

Послѣ втораго похода на Царь-градъ Игорь отправился къ Древлянамъ собирать дань. И собравъ дань, отправилъ часть дружины въ Кіевъ, а самъ остался въ древлянской землѣ съ цѣлью собрать еще больше дани. Древляне возмутились: избили сначала дружину, а потомъ умертвили и самого Игоря. По разсказу Льва діакона умерщвленіе Игоря произошло такимъ образомъ. Древляне привязали его за ноги къ двумъ наклоненнымъ деревьямъ и так. образомъ тѣло Игоря было разорвано на двѣ части.

По смерти Игоря за малолѣтствомъ его Святослава государствомъ правила супруга Игоря - Ольга (945-957.) Она жестоко отомстила Древлянамъ за ихъ безчеловѣчный поступокъ. Лѣтопись говоритъ, что Древляне, умертвивъ Игоря, стали много о себѣ думать, они захотѣли, чтобы Ольга вышла за мужъ за ихъ князя Мала и послали въ Кіевъ пословъ для переговоровъ съ Ольгой. Она не удовольствовалась простымъ избіеніемъ этихъ пословъ, а придумала для нихъ мучительную смерть. Она предварительно сказала имъ: „какъ завтра утромъ я пришлю за вами, то вы скажите посланнымъ: „не ѣдимъ на коняхъ, не идемъ пѣшкомъ, а несите насъ въ ладьѣ." Послы такъ и сдѣлали. Тогда посланные Ольги подняли лодки на руки, принесли къ ямѣ и бросили туда вмѣстѣ съ сидѣвшими въ нихъ Древлянами. Ольга подошла къ ямѣ и, нагнувшись къ древлянскимъ посламъ, спросила: „хороша ли вамъ честь отъ меня?" — „Пуще смерти Игоревой" — отвѣчали послы, и послѣ этого были заживо зарыты землею. Древляне, не зная объ участи первыхъ пословъ, послали къ Ольгѣ другихъ. Этимъ Ольга предложила сходить въ баню и приказала ихъ тамъ сжечь. Послѣ этого она сама отправила пословъ къ Древлянамъ, прося прислать къ ней лучшихъ мужей для совершенія тризны по Игорѣ и говоря, что послѣ этого она выйдетъ за мужъ за Мала. Древляне исполнили просьбу Ольги и прислали къ ней своихъ именитыхъ мужей. Во время пира воины Ольги напали на этихъ мужей, уже охмелѣвшихъ отъ крѣпкаго меда и вина и убили ихъ. Тогда Ольга отправилась въ походъ на самую древлянскую землю. Древляне, узнавши объ участи своихъ пословъ и именитыхъ мужей и услышавъ о походѣ Ольги, испугались и затворились въ своемъ главномъ городѣ Коростенѣ. Взять этотъ городъ при тогдашнихъ средствахъ осады было весьма трудно - почти невозможно. Тогда Ольга прибѣгла къ хитрости, притворившись,

что желаетъ заключить съ Древлянами миръ, она послала къ нимъ послов сказать: „я довольно уже отомстила вамъ, теперь дайте мнѣ дань — по два голубя и по два воробья съ каждаго дома и тогда я уйду отъ васъ". Удивленные Древляне обрадовались такому незначительному требованію и тотчасъ исполнили его, прислав Ольгѣ требуемое количество птицъ. Ольга приказала своимъ воинамъ привязать къ хвосту каждой птицы горючее вещество и, зажегши его, съ наступленіемъ сумерекъ пустить птицъ на волю. Когда это приказаніе было исполнено, голуби и воробьи полетѣли въ Коростень къ своимъ гнѣздамъ подъ крыши, вслѣдствіе чего городъ вдругъ загорѣлся въ нѣсколькихъ мѣстахъ а войско Ольги между тѣмъ воспользовалось происшедшимъ безпорядкомъ, ворвалось въ городъ и избило множество жителей. Это преданіе очень хорошо описываетъ обычай родовой мести. Преданіе о мщеніи Ольги Древлянамъ указываетъ какъ глубоко укоренилось у Славянъ понятіе родовой мести. Ольга, умнѣйшая женщина, принявшая потомъ христіанство и благочестивая, должна была строго слѣдовать этому обычаю, потому что считала своею священною обязанностью мстить за смерть мужа; въ мщеніи Ольги нужно видѣть не жестокость, не мстительность ея характера, а только желаніе исполнить свой долгъ.

Въ дальнѣйшей своей дѣятельности Ольга является устроительницею земли русской. Замѣчательно что впервые такою является женщина, первые князья обращали свое вниманіе на завоеванія, за ними является женщина, которая начинаетъ думать о внутреннемъ устройствѣ государства. Ольга и пыталась сдѣлать точное распредѣленіе оброковъ и опредѣлила количество дани съ племенъ живущихъ по рѣкамъ Лугѣ и Мстѣ она распредѣляла погосты; т. е. центральныя мѣста,

куда должно было приводить дань. Въ 957 г. Ольга предприняла путешествіе въ Царь-градъ. Къ этому ее побуждало отчасти желаніе поближе познакомиться съ христіанствомъ, этою новою религіей, быстро распространявшейся и имѣвшею своихъ представителей даже въ Кіевѣ (см. договоръ 945 г.) а также желаніе познакомиться съ греческою цивилизаціею и видѣть Царь-градъ - это чудо тогдашняго цивилизованнаго міра. Въ Царьградѣ Ольга крестилась и приняла христіанскую вѣру. О пребываніи ея здѣсь Константинъ Багрянородный разсказываетъ слѣдующее: „Ольга держала себя очень гордо, чувствуя себя оскорбленною такъ какъ ее встрѣчали въ Константинополь только какъ знатную греческую женщину, а не какъ княгиню; она не кланялась въ ноги во время торжественныхъ пріемовъ, какъ это дѣлали другія знатныя женщины; она обидѣлась также, что ее долго не допускали къ императору, такъ, что, когда къ ней по возвращеніи изъ Константинополя пришли греческіе послы, она не сразу допустила ихъ къ себѣ, а сказала: „пусть они подождутъ у меня на Почайнѣ такъ, какъ я дожидалась въ Царь-градѣ". Преданіе къ этому разсказу прибавляетъ, что греческій императоръ былъ пораженъ красотой и умомъ Ольги и хотѣлъ на ней жениться. Ольга упросила его быть ея воспріемникомъ при крещеніи, а потомъ, когда императоръ сталъ говорить о своемъ желаніи вступить съ нею въ бракъ, она напомнила ему о духовномъ родствѣ: „какъ же ты, сказала она, хочешь жениться на своей дочери?" Нельзя не видѣть, что преданіе въ этомъ случаѣ изображаетъ Ольгу не менѣе мудрою, чѣмъ и въ другихъ случаяхъ, т. е. когда она мстила Древлянамъ и устанавливала дань. Вообще преданія относительно Ольги остаются вѣрными себѣ и единогласно говорятъ, что Ольга была умная женщина и производила сильное впечатлѣніе на своихъ современниковъ.

Ко времени княженія Ольги относится и рядъ циви-

стій о сношеніяхъ съ германскимъ императоромъ Оттономъ. Онъ послалъ въ Кіевъ пословъ для переговоровъ съ Ольгою. Намъ неизвѣстно, въ чемъ состояли эти переговоры; извѣстно только, что Оттонъ отправилъ въ Русь монаха Адальберта проповѣдывать христіанство. Такимъ образомъ христіанская проповѣдь въ древнѣйшее время могла распространяться на Руси двумя путями: съ востока изъ Византіи и съ зап. изъ Рима. Славянамъ предстояло так. образомъ сдѣлать выборъ, что весьма важно. Въ такомъ положеніи не находились народы Западно-Европейскіе, поставленные въ необходимость признать главенство папы.

Принявъ христіанство, Ольга естественно старалась къ этому склонить и своего сына Святослава (957-972) но отказывался и говорилъ, что дружина, мнѣніемъ которой онъ дорожитъ, будетъ смѣяться надъ нимъ. Вѣроятно, ссылка на дружину служила только предлогомъ остаться вѣрнымъ своей религіи, которая болѣе, чѣмъ христіанство удовлетворяла его воинственнымъ наклонностямъ. Лѣтопись изображаетъ Святослава воинственнымъ, благороднымъ, храбрымъ и неутомимымъ княземъ. Онъ любилъ дѣйствовать не хитростью и коварствомъ, а открытой силой: такъ, выступая противъ какого-ниб. народа, онъ посылалъ напередъ вѣстника сказать: „иду на васъ". Въ походѣ онъ велъ жизнь простого воина, не возилъ съ собою котла варить мясо, а изрѣзавши его на ломти, поджаривалъ его на угольяхъ, спалъ подложивши подъ голову сѣдло, ѣхалъ всегда впереди всѣхъ, не смотря ни на какую опасность. Всю свою жизнь Святославъ провелъ среди войнъ.

Въ 964 г. онъ предпринялъ походъ противъ Вятичей, жившихъ по Окѣ и заставилъ ихъ платить дань. Это одно племя не входило тогда въ составъ русскаго государства. Потомъ Святославъ по Волгѣ проникъ въ землю Болгаръ и побѣдилъ ихъ. Изъ земли Болгаръ онъ по-

шелъ на Хозаръ, разбилъ самого кагана и разрушилъ ихъ крѣпость Саркелъ, или Бѣлую Вежу. Такъ пала независимость Хозаръ. Затѣмъ Святославъ пошелъ на Кавказцевъ Ясовъ и Касоговъ и въ 967 г. возвратился въ Кіевъ. М. П. Погодинъ думаетъ, что всѣ эти завоеванія совершены въ одинъ походъ. Д. И. Иловайскій не соглашается съ этимъ мнѣніемъ и говоритъ, что Святославъ предпринялъ три похода въ разное время. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что Святославъ со своею дружиною предпринималъ весьма отдаленные походы. Если мы примемъ во вниманіе то огромное пространство, которое прошелъ Святославъ со своею дружиною, тѣ безчисленныя препятствія, какія представляла природа на пути его завоеваній и наконецъ сопротивленіе враждебныхъ племенъ, то мы тогда поймемъ, сколько нужно было энергіи, умѣнія, храбрости и стремленія къ славѣ, чтобы сдѣлать такія завоеванія.

По завоеваніи Хозарскаго царства Святославъ получилъ приглашеніе Никифора Фоки, Византійскаго императора, на помощь противъ Болгаръ. Святославъ явился и завоевалъ Болгарію, котор. была значительнымъ и могущественнымъ государствомъ при Симеонѣ. При преемникахъ его Петрѣ распространилось христіанство, но вмѣстѣ съ тѣмъ распространилась и ересь богумиловская (проникшая и въ Россію). Послѣднее содѣйствовало тому, что Болгарское царство было непрочно, и тамъ водворилась Византійская власть. Между тѣмъ Печенѣги напали на Кіевъ, гдѣ была Ольга. Войско не могло подать помощи, потому что было на другой сторонѣ Днѣпра и не знало о случившемся нападеніи. Но вотъ явился, такъ говоритъ лѣтописецъ, юноша, знавшій языкъ Печенѣговъ, пробрался въ ихъ лагерь, тамъ будто отыскивая коня и бросился въ Днѣпръ, переплылъ его, возвѣстилъ Кіевскому воеводѣ объ опасности. Воевода съ войскомъ пере-

правился чрезъ Днѣпръ, и Печенѣги отступили. Это нападеніе тѣмъ не менѣе убѣдило Кіевлянъ въ опасности отъ Печенѣговъ. Потому Ольга призвала Святослава, который далеко прогналъ Печенѣговъ и остался въ Кіевѣ. Около того времени (969) умерла Ольга. Святославъ раздѣлилъ Русь между своими сыновьями: Ярополку досталась земля Кіевская, а Олегъ получилъ землю Древлянъ. Въ это время пришли послы изъ Новгорода и просили себѣ князя - малолѣтняго Владиміра. Этотъ фактъ замѣчателенъ тѣмъ, что, вѣроятно, не нравилось Новгородцамъ жить безъ князя. Любопытно также выраженіе Святослава: кто пойдетъ къ вамъ? Оно показываетъ, что сѣверъ не привлекалъ князей, между тѣмъ югъ и климатомъ и близостью Византійской имперіи привлекалъ ихъ. Святославъ не далъ участка Владиміру, такъ какъ онъ былъ рожденъ рабыней Малушей. Это тоже замѣчательный фактъ: многоженство было распространено, но, такъ сказать, считалось не законнымъ. Владиміра Святославъ отпустилъ въ Новгородъ, а самъ поѣхалъ въ Болгарію; здѣсь обстоятельства перемѣнились: на престолъ Византійскій вступилъ Іоаннъ Цимисхій. Онъ понялъ опасность, грозившую Византіи, если дозволить русскому князю утвердиться въ Болгаріи.

Въ лѣтописи говорится объ опасностяхъ, которымъ подвергалась дружина, окруженная непріятелями. Но Святославъ ободрилъ ее „Ляжемъ костьми, говорилъ онъ, мертвые бо срама не имутъ". Дружина сдѣлала отчаянныя усилія, и побѣда осталась на сторонѣ Святослава. Іоаннъ Цимисхій послалъ переговорщиковъ съ богатыми дарами, на которые Святославъ не обратилъ вниманія. Но когда прислано было оружіе, онъ схватилъ его съ жадностью. Договоръ былъ заключенъ, и Болгарія осталась за Святославомъ.

Иначе говорится о томъ же событіи въ Византійскихъ источникахъ. Іоаннъ собралъ большое войско и занялъ важные для Русскихъ Балканскіе проходы; потомъ двинулся къ Доростолу (Силистрія). Русскіе отчаянно бились, но должны были отступить и, прозимовавъ у устьевъ Днѣпра, отправиться въ Кіевъ, куда не могли пробраться изъ за Печенѣговъ. Здѣсь положеніе Святослава было ужасно (голова конская стоила полъ-гривны); Святославъ сталъ пробиваться и былъ убитъ Печенѣгами въ 972 году.

Вся дѣятельность Святослава прошла въ войнахъ; онъ былъ вѣренъ себѣ; дорожилъ интересомъ дружины, а не цѣлой земли. Онъ былъ княземъ дружиннымъ, его воины были храбры, дружины не многочисленна, но отважна и совершала поэтому отдаленные походы. Небольшая, но храбрая дружина была предана своему князю, вождю, осуществившему всѣ идеальныя стороны вождя того времени. Онъ не останавливался предъ опасностями, искалъ славы, а не добычи. Онъ покорилъ Вятичей, которые съ этого времени вошли въ составъ Русскаго государства. Сокрушилъ могущество Хозаръ.

Послѣ смерти Святослава произошла борьба между Олегомъ и Ярополкомъ. Однажды Олегъ охотился въ заповѣдномъ лѣсу и встрѣтилъ Люта сына Свенельда, воеводы Кіевскаго. Олегъ, согласно установившимся тогда обычаямъ, убилъ Свинельдова сына, такъ какъ онъ не имѣлъ права охотиться въ этомъ лѣсу. Свенельдъ подговорилъ къ мести Ярополка и послѣдній началъ войну съ Олегомъ. Произошла схватка на мосту надъ оврагомъ, куда былъ столкнутъ Олегъ и такимъ образомъ погибъ. Земля Древ

Литографія Прободовой

лянъ подпала подъ власть Ярополка.

Новгородскій князь Владиміръ, узнавъ объ этомъ, призвалъ Варяговъ и съ туземной дружиной отправился въ походъ на Кіевъ съ цѣлью отмстить за Олега. На пути къ Кіеву Владиміръ подступилъ къ Полоцку, гдѣ былъ особый князь Рогвольдъ. Владиміръ предложилъ Рогвольду - выдать за него дочь Рогнѣду, но та сказала: „не хочу разувать рабынича". Владиміръ разсердился, взялъ Полоцкъ, женился на Рогнѣдѣ и имѣлъ отъ нея сына Изяслава. Рогнѣда хотѣла убить Владиміра, но это ей не удалось: Владиміръ проснулся въ тотъ моментъ, когда она хотѣла совершить задуманное преступленіе. Въ отмщеніе онъ также назначилъ часъ ея смерти, но простилъ её, опасаясь мести со стороны сына.

Ярополкъ, стѣсненный Владиміромъ, не могъ оставаться въ Кіевѣ и бѣжалъ въ Родню. Когда онъ пришелъ къ Владиміру для переговоровъ, то былъ убитъ.

Утвердившись въ Кіевѣ, Владиміръ соединилъ всю Русскую землю подъ свою власть. Въ началѣ его княженія встрѣчается рядъ извѣстій о далекихъ походахъ и о походахъ на племена близъ Кіева - это показываетъ, что власть Кіевскаго князя поколебалась послѣ Святослава вслѣдствіе раздѣла. Подъ 981 годомъ встрѣчаются извѣстія о походѣ Владиміра противъ Радимичей; въ 983 г. походъ на Ятвяговъ.

Около этого же времени говорится въ лѣтописяхъ, какъ Кіевскій князь ставилъ въ Кіевѣ кумира и какъ жребій жертвы палъ на одного христіанскаго юношу; отецъ его, старикъ произнесъ обличительную рѣчь, чѣмъ возбудилъ негодованіе и погибъ. За тѣмъ говорится, какъ приходили къ Владимі-

ру послы съ предложеніями о принятіи своего ученія. Это извѣстіе можно объяснить такъ: Владиміръ дѣйствовалъ съ дружинами, набранными съверѣ съ язычниками. Когда онъ пришелъ въ Кіевъ, здѣсь было уже много христіанъ. Это не могло не обратить на себя вниманіе Владиміра. Ольга также приняла христіанство, а она считалась женщиной мудрой. До этого же времени онъ не могъ ближе ознакомиться съ христіанствомъ. Теперь же случай представился. Разсказъ о кумирѣ, поставленномъ Владиміромъ, весьма знаменателенъ и характеристиченъ. То обстоятельство, что Владиміръ, первоначально ревностный язычникъ, приносящій человѣческія жертвы, сомнѣвается, принимаетъ христіанство, свидѣтельствуетъ о томъ, что язычество было затронуто, поколеблено распространеніемъ христіанства. Кажется невѣроятнымъ, что Владиміръ,- этотъ ревностный язычникъ, - сомнѣвается, принимаетъ христіанство, совершаетъ наконецъ апостольскій подвигъ,- но тѣмъ не менѣе это весьма естественно. Лицо энергичное ревностно держится извѣстнаго ученія, пока не исчерпаетъ всѣхъ данныхъ въ его защиту. На западѣ христіанство распространилось изъ одного центра - изъ Рима. Отсюда это постоянное тяготѣніе запада къ Риму въ средніе вѣка. На востокѣ Европы христіанство перешло изъ Византіи и это обстоятельство имѣло послѣдствія чрезвычайно важныя по своему историческому значенію. Отсюда мира Греческаго и Славянскаго;- особенности въ развитіи народовъ Греко-славянскаго мира. Кіевъ при рѣшеніи вопроса о принятіи новой вѣры находился въ положеніи выгодномъ. Здѣсь то можно было добыть свѣдѣнія о религіяхъ: Магометанской, Іудейской

и Христіанской. Владиміръ могъ выбирать религію. Къ нему, разсказываетъ преданіе, приходили послы іудейскіе, магометанскіе, католическіе - со всѣми онъ бесѣдовалъ. Войны Владиміра заставили обратить на него вниманіе, напр. походы на Хазаровъ, Ятвяговъ. Поэтому представители различныхъ вѣроисповѣданій могли желать привлеченія князя на свою сторону. Іудеямъ онъ отвѣчалъ: „какъ же хвалите Вы свою религію, когда Богъ разсѣялъ васъ?" - Отвѣтъ, соотвѣтствующій языческимъ воззрѣніямъ, въ силу которыхъ несчастіе не вызывало сочувствія.

Отвѣтъ магометанамъ свидѣтельствуетъ о живомъ инстинктѣ Владиміра. Его поразила двойственность ихъ ученія: религія позволяетъ множество всевозможныхъ чувственныхъ удовольствій въ загробной жизни и въ то же время многое запрещаетъ.

Католическаго ученія Владиміръ не принялъ потому, что и Ольга его не приняла.

О православномъ греческомъ ученіи онъ бесѣдовалъ съ греческимъ философомъ.

Какъ видно изъ преданія, бесѣда эта произвела на Владиміра сильное впечатлѣніе. Философъ вкратцѣ разсказалъ ему всю исторію Вѣтхаго и Новаго Завѣта и изложилъ ученіе о загробной жизни, въ заключеніе показалъ картину страшнаго суда и этимъ самымъ чрезвычайно тронулъ Владиміра. Вообще, вопросъ о судьбѣ человѣка по смерти, темно и смутно разрѣшаемый язычествомъ, нерѣдко заставлялъ язычниковъ обращаться въ христіанство. Примѣръ Ольги, частыя сношенія съ Византіей, - все это заставляло обращать вниманіе преи-

мущественно на Константинополь. Владиміръ рѣшился принять православіе; но посовѣтывавшись съ боярами и старцами, отправляетъ пословъ въ тѣ земли, откуда являлись къ нему проповѣдники. Послы исполнили порученіе князя. Въ Византіи они были приняты съ честью, присутствовали при торжественномъ богослуженіи и потомъ говорили, что они не знали, гдѣ находились: на небѣ или на землѣ. Великолѣпіе греческаго храма, блескъ одеждъ, стройность пѣнія сильно подѣйствовали на свѣжее чувство людей необразованныхъ. Можно думать, что въ Византіи нарочно постарались произвести впечатлѣніе на пословъ, чтобы обратить въ свою вѣру новый народъ и, такимъ образомъ, пріобрѣсти себѣ вѣрнаго союзника. Церковные интересы имѣли тогда большее значеніе, чѣмъ всякіе другіе и для Византіи было очень важно церковное единеніе съ Русскими. По возвращеніи въ Кіевъ послы болѣе всего хвалили греческую вѣру, и этотъ отзывъ окончательно побудилъ Владиміра принять христіанство изъ Византіи. Но какъ было принять вѣру другого народа? Не было ли бы такое принятіе равносильно признанію своей зависимости отъ Византіи? Можетъ быть потому именно, чтобы не ставить себя въ такое невыгодное положеніе Владиміръ предпринялъ походъ на греческій городъ Корсунь.

Объ этомъ походѣ сохранилось слѣдующее преданіе: Владиміръ осадилъ Корсунь, но жители упорно защищались и князь долго не могъ взять его. Наконецъ въ Корсунѣ нашелся измѣнникъ, указавшій на источникъ, откуда осажденные брали воду. Тогда Владиміръ приказалъ отвести воду источника въ другую сторону,

отчего жители начали терпѣть недостатокъ въ водѣ и должны были сдаться. Послѣ этого Владиміръ предложилъ Византійскимъ царямъ Василію и Константину выдать за него сестру ихъ Анну. Когда братья передали ей предложеніе Владиміра, она сначала отказывалась, говоря, что ей придется жить въ странѣ грубыхъ язычниковъ. Но братья увѣщевали её принять предложеніе, указывая на выгоды, которыя могутъ произойти отъ этого. Тогда она рѣшилась выйти замужъ за Владиміра, но лишь съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ принялъ крещеніе. Владиміръ согласился. Тогда цари послали въ Корсунь священниковъ и онъ торжественно крестился (988 г.)

По принятіи новой вѣры Владиміръ взялъ изъ Корсуня нѣкоторыя святыни и духовенство, пришелъ въ Кіевъ, крестилъ свою семью, велѣлъ народу собраться на берегъ Днѣпра и креститься. Одни изъ Кіевлянъ, уже начавшіе сомнѣваться въ истинахъ язычества, теперь, слѣдуя примѣру князя, окончательно рѣшились перемѣнить вѣру и потому шли креститься охотно, другіе колебались принять новую вѣру, но, увлекаемые лучшими людьми, тоже шли креститься; но были и такіе, которые не хотѣли перемѣнить старой вѣры, упорно противились введенію новой. Принятіе христіанства Владиміромъ было величайшимъ по своему историческому значенію событіемъ. Оно открыло русскимъ новый духовный міръ, возбудило высшее духовное стремленіе къ благу; въ общественную и государственную жизнь стали проникать благотворныя по своимъ послѣдствіямъ въ жизни понятія о долгѣ, объ обязанностяхъ человѣка, объ его отношеніяхъ къ ближнему. Угнетенные, по-

страдавшіе и несчастные, къ которымъ съ презрѣніемъ относилось языческое, грубое общество, нашли себѣ защиту и покровительство Церкви. Чрезвычайно было важно то, что Русь могла пользоваться священнымъ писаніемъ на языкѣ понятномъ, благодаря трудамъ и подвигамъ Кирилла и Меѳодія. Поэтому христіанство здѣсь могло имѣть гораздо больше успѣховъ, чѣмъ въ Западной Европѣ. Первымъ митрополитомъ Руси былъ Михаилъ, умеръ въ 999 г. Послѣ него при митрополитѣ Леонтіѣ христіанство распространяется въ Новгородѣ, о чемъ сохранилось подробное извѣстіе, возбуждающее основательныя сомнѣнія въ своей достовѣрности. По этому извѣстію Новгородцы оказали значительное сопротивленіе посланству Владиміра, и его тысяцкій Путята долженъ былъ прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ. Однажды ночью онъ на лодкѣ (мостъ заранѣе Новгородцами былъ разобранъ) переправился съ Торговой стороны на Софійскую и зажегъ дома. Тогда язычники повиновались и торжественно признали новую вѣру господствующею. Въ 992 г. Владиміръ совершилъ походъ на западъ и построилъ городъ Владиміръ Волынскій.

Такимъ образомъ въ Кіевѣ, Новгородѣ, затѣмъ въ Ростовѣ христіанство утвердилось, но немало было и такихъ мѣстъ, гдѣ оно еще не скоро утвердилось, какъ напр. у Вятичей, которые были удалены отъ Варяжскаго пути.

— Владиміру приписывается составленіе церковнаго устава съ цѣлью опредѣлить содержаніе духовенства. Въ томъ же уставѣ наименованы лица, которыя находились въ вѣдѣніи церкви. Владиміръ отдавалъ дѣтей въ ученіе; духо

венство уже при немъ получило значительное вліяніе. Такъ, когда появилось на Руси много разбойниковъ, епископы совѣтовали князю казнить виновныхъ и Владиміръ согласился; а потомъ, когда они же посовѣтывали ему отмѣнить казнь, онъ тоже принялъ этотъ совѣтъ. Вообще, какъ можно думать, подъ вліяніемъ христіанства, Владиміръ переменился. Угасъ его военный духъ и всѣ заботы его были устремлены на поддержаніе мирныхъ сношеній. Онъ былъ ревностно преданъ новому ученію и, благодаря этой преданности, оно уже при немъ начало пускать корни. Въ этомъ состоитъ великая заслуга Владиміра, выведшаго свой народъ на новый путь. Послѣ похода на Корсунь и принятія христіанства отношенія Владиміра къ Византіи были постоянно дружелюбныя. Ей уступилъ Владиміръ Корсунскую область и оказывалъ помощь Императору Василію II Болгаробойцѣ.

Изъ болѣе замѣчательныхъ событій, относящихся ко второму періоду Владимірова княженія, лѣтопись упоминаетъ слѣдующія: сынъ Владиміра Святополкъ женился на дочери Польскаго короля Болеслава. Однажды онъ послалъ въ Кіевъ епископа Рейнгарда состязаться съ русскимъ духовенствомъ о вѣрѣ, чтобы склонить Владиміра и Русь въ католицизмъ, но Рейнгардъ не имѣлъ успѣха въ этомъ дѣлѣ и возвратился назадъ. При Владимірѣ Русь часто терпѣла отъ набѣговъ печенѣжскихъ. Память объ этихъ набѣгахъ сохранилась въ поэтическихъ сказаніяхъ, вошедшихъ и въ лѣтопись. Послѣдняя передаетъ намъ три извѣстія о борьбѣ Владиміра съ Печенѣгами: 1-е, Печенѣги однажды подошли къ Переяславлю.

Изъ среды ихъ вышелъ богатырь, который предлагалъ кому либо вступить съ нимъ въ бой и тѣмъ рѣшить битву. Долго русскіе не находили охотника. Наконецъ вышелъ изъ войска Владиміра богатырь, который побѣдилъ страшнаго печенѣга и непріятели послѣ этого уѣхали. Чрезъ три года печенѣги снова напали на русскіе предѣлы; Владиміръ, будучи не въ состояніи ихъ отразить, спрятался подъ мостомъ. Наконецъ третье извѣстіе передаетъ, что печенѣги подошли къ Бѣлграду, осадили его и думали принудить его жителей къ сдачѣ голодомъ. Дѣйствительно, послѣ продолжительной осады, за недостаткомъ хлѣба, они рѣшили на вѣчѣ сдаться. Но потомъ пришелъ одинъ старецъ, созвалъ новое вѣче и указалъ на средство къ спасенію. Чтобы обезопасить русскіе предѣлы отъ непріятельскихъ набѣговъ, Владиміръ строилъ города и переселялъ сюда жителей изъ внутреннихъ мѣстъ; фактъ очень замѣчательный и важный. Какъ видно, въ составъ народонаселенія южной Руси съ древнѣйшаго времени входили разные элементы.

После смерти Владиміра Русская земля въ 1015 году была раздѣлена между его сыновьями: Святополкъ получилъ Кіевъ, Всеволодъ - Владиміръ Волынскій, Борисъ - Ростовъ, Глѣбъ - Муромъ, Судиславъ - Псковъ, Станиславъ - Смоленскъ, Ярославъ - Новгородъ, Мстиславъ - Тмутаракань, Изяславъ - Полоцкъ, Святославъ - землю Древлянскую. Лѣтопись насчитываетъ до 12 сыновей Владиміра, но это свидѣтельство едвали заслуживаетъ довѣрія.

Владиміръ умеръ въ Берестовѣ. Приближенные скрыли его смерть, такъ какъ Святополкъ былъ въ это время въ Кіевѣ, - вѣроятно съ тою цѣлью, чтобы Святополкъ не могъ дѣйствовать въ свою пользу. Сочувствіе кіевлянъ было на сторонѣ Бориса.

Когда Святополкъ узналъ о смерти Владиміра, онъ сталъ задаривать кіевлянъ и отправился въ Вышгородъ, гдѣ нашелъ себѣ такихъ приверженцевъ, которые согласились отправиться къ Борису съ цѣлью убить его. Послѣдній въ это время находился на рѣкѣ Альтѣ, зналъ объ угрожающей ему со стороны Святополка опасности, но не предпринималъ никакихъ мѣръ противъ него, во всемъ полагаясь на волю Божію. Путша съ сообщниками пришелъ на Альту ночью. Подойдя къ шатру Борисову, они услышали, что князь поетъ заутреню. Дождавшись, когда князь легъ въ постель, они бросились на шатеръ и пронзили Бориса. Убили также и многихъ его отроковъ. Мученическая кончина Бориса, который былъ горячо преданъ новому ученію, не хотѣлъ предпринимать мѣръ для защиты своей жизни, поднимать руки на старшаго брата, запечатлѣлась въ памяти народа.

Потомъ Святополкъ отправилъ приверженцевъ своихъ противъ Глѣба, который также погибъ. По одному извѣстію Глѣбъ узналъ о гибели своего брата, когда ѣхалъ въ Кіевъ, по другимъ, на пути изъ Кіева въ Муромъ былъ застигнутъ убійцами. Составитель сказанія объ убіеніи Бориса и Глѣба называетъ ихъ заступниками Русской земли, новыхъ людей христіанскихъ: „Кровью ихъ – говоритъ авторъ сказанія – благословилась Русская земля". Убитъ былъ также и Святославъ Древлянскій.

Страшная вѣсть о злодѣяніяхъ Святополка достигла и до Ярослава Новгородскаго. Незадолго предъ тѣмъ онъ поссорился съ Новгородцами за обиды, причиненныя ими Варягамъ, въ отмщеніе за это онъ избилъ многихъ изъ нихъ въ то время, когда пришло извѣстіе къ нему отъ сестры Предславы о дѣйствіяхъ Святополка. Положеніе Ярослава было весьма затруднительнымъ. Но безъ новгород-

цевъ нельзя было обойтись. Онъ собралъ вѣче, раскаялся въ своемъ поступкѣ, и новгородцы рѣшили помочь ему. Причины такого рѣшенія объяснимы. Желая оказать помощь Ярославу, новгородцы могли руководиться своими разсчетами; они тяготились зависимостью отъ Кіева; а Ярославъ могъ ихъ избавить отъ этой зависимости; какъ извѣстно, онъ далъ имъ льготныя грамоты, на которыя они ссылались. Далѣе: поступокъ Ярослава, по понятіямъ того времени, не могъ быть строго осуждаемъ: Ярославъ только наказалъ новгородцевъ въ отмщеніе за оскорбленіе Варяговъ. Ярославъ встрѣтился со Святополкомъ у Любеча. Три мѣсяца, по однимъ извѣстіямъ, а по другимъ три недѣли стояли здѣсь оба войска, раздѣленныя рѣкою Днѣпромъ, не рѣшаясь вступить въ бой. Лѣтопись передаетъ, что кіевляне насмѣхались надъ новгородцами: „Вы наши плотники – говорили они – мы заставимъ васъ рубить намъ хоромы". Это указываетъ на то, что новгородцы слыли за хорошихъ плотниковъ, а кіевляне считали ихъ своими подручными. Ярославъ, получивъ извѣстіе чрезъ сообщника въ станѣ Святополка, что онъ пируетъ съ дружиною, счелъ это время благопріятнымъ для нападенія. Онъ напередъ приказалъ новгородцамъ перевязать головы платками, чтобы узнать въ битвѣ своихъ. Печенѣги, союзники Святополка, не могли ему помочь и Святополкъ былъ разбитъ. Онъ бѣжалъ къ Болеславу Храброму.

Этотъ знаменитый Польскій король отнялъ владѣнія у своихъ братьевъ, завоевалъ Моравію и Лузацію. За помощь Святополку Болеславъ могъ разсчитывать на расширеніе своихъ владѣній на востокъ. Поэтому онъ и рѣшился помочь ему.

На рѣкѣ Бугѣ сошлись во 2-й разъ войска Ярослава и Святополка вмѣстѣ съ польскими. Здѣсь произошло сраженіе. Русскіе не выдержали натиска войскъ Болеслава; Ярославъ убѣжалъ въ Новгородъ и хотѣлъ за тѣмъ бѣжать къ Варягамъ за помощью, но новгородцы его не пустили и вновь оказали ему существенную помощь.

Ярославъ сошелся съ Святополкомъ на р. Альтѣ, притокѣ Трубежа, на берегу которой была пролита кровь Бориса. Святополкъ былъ окончательно разбитъ и бѣжалъ съ нѣсколькими воинами въ Польшу. На дорогѣ онъ часто приказывалъ останавливаться, спрашивая: „не гонятся ли за нимъ", но отроки отвѣчали, что никто не гонится. Но Святополкъ не успокоивался и умеръ гдѣ то за Лядскою землею. Ярославъ вокняжился въ Кіевѣ въ 1019 г.

Княженіе Ярослава.- Къ началу его княженія относится борьба съ Брячиславомъ полоцкимъ, сыномъ Изяслава, внукомъ Владиміра. Ярославъ напалъ на него въ 1021 г., но оставилъ его въ покоѣ и далъ даже ему городъ Витебскъ. У Ярослава оставались два брата: Судиславъ и Мстиславъ; оба они были младше Ярослава — одинъ во Псковѣ, другой въ Тмутаракани. Изъ нихъ особенно выдавался Мстиславъ Тмутараканскій.

Это былъ князь дружинникъ замѣчательный своею силою и отвагою. Онъ одержалъ побѣду надъ Косожскимъ богатыремъ Редедею. Изъ Тмутаракани онъ явился въ Кіевъ, однако кіевляне его не приняли. Ярославъ былъ въ это время въ Новгородѣ. Тогда Мстиславъ занялъ Черниговъ. Вернувшись изъ Новгорода Ярославъ отправился противъ Мстислава и между ними произошло сраженіе близъ Чернигова и Листвена, му-

жественно. Дрались съ той и другой стороны. Ярославъ, разбитый, уѣхалъ въ Новгородъ. Мстиславъ не хотѣлъ оспаривать старшинства; оба раздѣлили Русскую землю въ 1026 г. Границею между владѣніями Ярослава и Мстислава былъ назначенъ Днѣпръ. Все на западъ отъ Днѣпра принадлежало Ярославу, - на востокъ - Мстиславу. Мстиславъ умеръ въ 1036 году и Ярославъ сталъ княжить одинъ до своей смерти.

Княженіе Ярослава (1019-1054).

Ко времени княженія Ярослава относятся первыя столкновенія русскихъ съ финнами на сѣверѣ. Въ 1042 г. Глѣбъ отправился въ походъ на финновъ - по словамъ лѣтописи, къ желѣзнымъ воротамъ. Ученые различно опредѣляютъ положеніе этой мѣстности, но лучше всего принять то мнѣніе, что эта мѣстность лежала на рѣкѣ Онсолѣ.

Въ 1030 г. былъ основанъ Ярославомъ Юрьевъ - нынѣшній Дерптъ.

Послѣ смерти Мстислава Тмутараканскаго (1036 г.) Печенѣги подступили къ Кіеву и потерпѣли жестокое пораженіе; съ этого времени извѣстія о нихъ прекращаются. Вмѣсто нихъ преемникамъ Ярослава приходилось бороться съ Половцами.

Важное значеніе за это время имѣютъ отношенія къ Польшѣ. Еще при Болеславѣ Храбромъ Ярославъ предпринималъ походъ къ западному Бугу (1030 г.)

Послѣ Болеслава царствовалъ Мечиславъ 2-й, при которомъ Ярославъ совершилъ походъ къ Бельзу и взялъ города Червенскіе (1034 г.)

Въ 1034 г. Мечиславъ умеръ. Преемникъ его былъ Казиміръ малолѣтній и государствомъ управляла мать его Рикса. Она не могла сдерживать стремленія властолюбивыхъ вельможъ, окружила себя нѣмцами. Это оскорбило природныхъ поляковъ и они

изгнали ее. Въ Польшѣ утвердилась олигархія и начались внутренніе раздоры. Тогда чешскій князь Брячиславъ I сталъ усиливаться на счетъ Польши. Но Императоръ Германскій не могъ допустить усиленія какого нибудь славянскаго государства на границѣ своихъ владѣній, и Генрихъ III-й объявилъ войну Брячиславу за Казиміра. Брячиславъ принужденъ былъ отказаться отъ Польши и Казиміръ вернулся въ Польшу. Здѣсь онъ долженъ былъ вести борьбу съ Моиславомъ, дружинникомъ князя Мечислава, объявившимъ себя независимымъ въ Мазовіи. Въ этой то борьбѣ принялъ участіе Ярославъ въ пользу Казиміра. Нѣсколько походовъ совершилъ Ярославъ въ Мазовію противъ Моислава. Онъ потерпѣлъ пораженіе и былъ убитъ.

Къ княженію Ярослава относится походъ Русскихъ на Византію. Въ 1043 г. русскіе были оскорблены убіеніемъ въ Царьградѣ одного русскаго купца. Подъ начальствомъ старшаго сына Ярослава Владиміра русскій флотъ отправился вдоль западнаго берега Черного моря въ Царьградъ.... Греки, услышавъ о приближеніи русскихъ, вступили въ переговоры, но русскіе отвергли ихъ. Тогда началась битва. Греческимъ судамъ удалось врѣзаться въ Русскіе суда и греки начали истреблять ихъ греческимъ огнемъ. Въ это время поднялась буря и разметала суда Руссовъ. Часть ихъ только высадилась на берегъ и долго не находила предводителя. Опасность предстояла имъ при возвращеніи домой, большинство ихъ было истреблено. Послѣ бури остатки русскаго флота возвращались домой, Греки еще разъ напали, но на этотъ разъ были побѣждены.

Таковы главныя событія княженія Ярослава. Въ это время Кіевъ былъ центромъ сношеній и образованія. Его князь былъ въ родствѣ со многими западно-Европейскими государями. Норвежскій король жилъ нѣкоторое время у Ярослава и хотѣлъ жениться на Елизаветѣ, дочери Ярослава но получилъ отказъ. Сага передаетъ пѣсню сложенную имъ вслѣдствіе этого отказа, но впослѣдствіи онъ снова вернулся и тогда Ярославъ согласился на бракъ.

Одна дочь Ярослава Анна была замужемъ за французскимъ Генрихомъ, другая Анастасія за венгерскимъ королемъ Андреемъ.

Болѣе замѣтное движеніе въ русской жизни въ эпоху княженія Ярослава отразилось на внѣшнемъ видѣ Кіева.

Ярославъ заботился о построеніи главнаго Кіевскаго храма Св. Софіи. По красотѣ, отдѣлкѣ, изяществу это - высокозамѣчательный памятникъ.

Здѣсь сохранились замѣчательныя мозаическія изображенія.

Въ это же время впервые явились монастыри въ Кіевѣ.

Ярославъ дополнилъ церковный уставъ Владиміра. Съ именемъ Ярослава связанъ первый сводъ русскаго законодательства, подъ именемъ „Русская Правда". Этотъ сборникъ дошелъ не въ первоначальномъ видѣ, но по одному академическому списку; можно выдѣлить 17 статей, въ которыхъ находятся постановленія о наказаніяхъ за разныя преступленія противъ личности и собственности. Ярославъ умеръ въ 1054 году. Онъ раздѣлилъ землю между своими сыновьями: Изяславу, какъ самому старшему, далъ Кіевъ и Новгородъ, Игорю - Владиміръ Волынскій, Вячеславу - Смоленскъ, Всеволоду - Переяславль, Святославу - Чер-

ниговъ; Ростовская и Суздальская области входили въ составъ Черниговскаго и Переяславскаго княжествъ. Не получилъ ничего сынъ Владимира Ярославича - Ростиславъ; Всеславъ владѣлъ Полоцкомъ.

Со времени Ярослава начинается новый періодъ, извѣстный подъ именемъ удѣльно-вѣчеваго, продолжавшійся до нашествія татаръ. Онъ слагался и развивался подъ вліяніемъ тогда существовавшихъ разнообразныхъ условій жизни. Его главныя особенности объясняются стремленіями городовъ и земель къ обособленію, къ пріобрѣтенію мѣстной независимости, взглядами князей на свою власть и взаимныя отношенія; политическою необходимостью сосредоточивать свои силы на извѣстныхъ пунктахъ для борьбы съ внѣшними врагами. Въ это же время наиболѣе значительнымъ изъ внѣшнихъ вліяній становится вліяніе Византійское.

Чтобы легче слѣдить за ходомъ событій этого періода, представимъ родословную князей.

Владиміръ Святой

Полоцкіе князья — Изяславъ, Брячиславъ, Всеславъ

Ярославъ: Владиміръ, Изяславъ I, Святославъ, Всеволодъ, Игорь, Вячеславъ

Владиміръ → Ростиславъ → Рюрикъ, Василько, Володарь

Изяславъ I → Святополкъ, Ярополкъ

Святославъ → Давидъ, Ярославъ, Олегъ.

Княженіе Изяслава Ярославича.

Въ 1056 году умеръ Вячеславъ Смоленскій и на мѣсто его были переведены изъ Владиміра Волынскаго Игорь, который умеръ въ 1058 г; удѣлы Вячеслава и Игоря перешли къ другимъ братьямъ, Ростиславу былъ данъ Владиміръ Волынскій.

Ростиславъ Владиміровичъ, недовольный своимъ удѣломъ, удалился въ Тмутаракань. Появившись здѣсь, онъ возбудилъ подозрѣніе въ Грекахъ, которые подослали ему шпіона Котопана. Притворившись преданнымъ Ростиславу, Котопанъ отравилъ его, и потомство Ростислава, состоявшее изъ трехъ сыновей, не имѣло удѣловъ. Въ 50^хъ^ годахъ Изяславъ предпринималъ походы на чудь, на племя Голядь, жившее къ востоку отъ Смоленска, признаваемое учеными за племя Литовское, и на племя Сосолы. Что это было за племя, не извѣстно, одни признаютъ его за племя славянское, другіе — за финское.

Въ 1066 г. напалъ на Новгородъ Всеславъ Полоцкій. Ярославичи не могли простить ему такого поступка. Они выступили противъ него, разбили его при Немизѣ и разорили Полоцкую землю. За тѣмъ пригласивъ Всеслава на съѣздъ, Ярославичи вѣроломно схватили его и посадили въ Кіевъ на заточеніе.

Около этого времени произошли разныя перемѣны въ степяхъ. Послѣ Хозаръ здѣсь явились другія племена, сперва Узы, по арабскимъ источникамъ Гузы (Торки въ Русскихъ лѣтописяхъ). Въ 1060 г. Торки были разбиты и одна часть ихъ бѣжала въ Византійскую Имперію, а часть осталась въ степяхъ. На мѣсто Торковъ явились Половцы родственные Печенѣгамъ. Въ то время, когда Всеславъ сидѣлъ въ темницѣ,

на Кіевъ (1068) напали Половцы. Разбитые ими Ярославичи заперлись въ Кіевѣ; Кіевляне требовали оружіе, чтобы снова биться съ Половцами; князья отказали и Изяславъ былъ изгнанъ, а на столъ посаженъ освобожденный изъ темницы Всеславъ. Изяславъ бѣжалъ въ Польшу къ Болеславу II и вмѣстѣ съ нимъ явился на Русь. Всеславъ съ кіевлянами выступилъ противъ него, но дойдя до Бѣлгорода, бѣжалъ въ Полоцкъ; тогда кіевляне обратились за помощью къ другимъ князьямъ. Братья уговорили Изяслава не мстить кіевлянамъ и онъ согласился на это, но сынъ его Мстиславъ, вступивъ въ Кіевъ съ передовой ратью, жестоко наказалъ кіевлянъ. Тайные переговоры Изяслава съ Всеславомъ, убѣжавшимъ изъ Полоцка къ финскому племени Вожанамъ, возбудили противъ него его братьевъ — Святослава и Всеволода; они изгнали его изъ Кіева и онъ опять бѣжалъ въ Польшу.

Послѣ этого вторичнаго изгнанія Изяслава, вступилъ на столъ Кіевскій — Святославъ Черниговскій. (1073-1076). Этимъ объясняется и дальнѣйшее отношеніе Черниговской области къ Кіеву. Со смерти Святослава Черниговскаго (1076) въ Кіевѣ опять сталъ княжить Изяславъ (1076-1078). Онъ устранилъ отъ удѣловъ вмѣстѣ съ другими племянниками и Святославичей.

И такъ число князей, не имѣющихъ удѣловъ, постоянно увеличивалось; такъ, въ это время не имѣли удѣловъ Борисъ, Давыдъ и сыновья Святослава. Всѣ они добивались удѣловъ; и вотъ въ 1078 г. Борисъ Вячеславовичъ и Олегъ Святославовичъ являются съ Половцами и занимаютъ Черниговъ; затѣмъ происходитъ битва на Нѣжатиной нивѣ между старшими князьями: Изяславомъ Кіевскимъ и Всеволодомъ Черниговскимъ и

младшими Борисомъ Вячеславичемъ и Олегомъ Святославичемъ. Борисъ и Изяславъ пали въ этой битвѣ.

По смерти Изяслава на Кіевскій столъ вступилъ Всеволодъ Ярославовичъ. Онъ далъ сыну своему Владиміру Черниговъ, а Ярополку Изяславичу-Волынь и гораздо позднѣе Давиду Игоревичу Дорогобужъ и сыновьямъ Ростислава Владиміровича: Рюрику, Володарю и Васильку - города Червенскіе, Дорогобужъ былъ данъ Давиду Игоревичу за то, что онъ съ своею дружиною захватилъ греческихъ купцовъ въ Днѣпровскихъ устьяхъ, а отъ торговли греческой зависѣлъ Кіевъ.

Ярополкъ Изяславичъ, владѣвшій владиміромъ Волынскимъ, однажды поѣхалъ въ Звенигородъ - Галицкій городъ. На дорогѣ онъ былъ убитъ какимъ то Керадустомъ. Лѣтописецъ очень хвалитъ Ярополка, который давалъ каждый годъ десятину въ Богородичную Кіевскую церковь отъ всего имѣнія, и замѣчаетъ, что онъ просилъ у Бога такой же смерти, какая постигла Бориса и Глѣба, и Богъ услышалъ его молитву. Эти слова показываютъ, что въ смерти Ярополка былъ виноватъ кто нибудь изъ родственниковъ. Но кто? - неизвѣстно.

Замѣчательна судьба двухъ дочерей Всеволода: Анна (Янка) путешествовала въ Царьградъ, Евпраксія была замужемъ за нѣмецкимъ маркграфомъ, потомъ за Генрихомъ IV, затѣмъ бѣжала къ маркграфинѣ Матильдѣ.

По смерти Всеволода въ Кіевѣ сталъ княжить Святополкъ, старшій сынъ Изяслава (1093-1113). Онъ велъ войну съ Половцами и чтобы прекратить съ ними войну женился на дочери половецкаго хана. По прежнему стоялъ на очереди вопросъ о князьяхъ изгояхъ. Олегъ Святославичъ, чтобы добыть себѣ Черниговъ, нанялъ Половцевъ и они пришли къ этому городу. Тогда Мономахъ уступилъ ему Черниговъ. Въ слѣдъ затѣмъ совершилось убіеніе Половецкихъ хановъ Итларя и Китона. Отъ половцевъ

нельзя было ждать добра, и Святополкъ вмѣстѣ съ Мономахомъ рѣшили предпринять противъ нихъ походъ. Олегъ отказался участвовать въ этомъ походѣ. Святополкъ и Владиміръ повоевали кочевья половецкія и, вернувшись изъ похода, потребовали отъ Олега, чтобы онъ выдалъ имъ Итларевича; Олегъ отказался. Тогда Святополкъ и Владиміръ послали звать его на совѣтъ (1096): „иди въ Кіевъ положить рядъ передъ Епископами и Игуменами, передъ мужами отцевъ нашихъ и людьми градскими, какъ оборонить Русскую землю отъ поганыхъ". Олегъ отвѣчалъ: „не пристало судить меня ни монахамъ, ни смердамъ", и не пошелъ къ братьямъ. Они сказали тогда: „ты не ходилъ съ нами на поганыхъ; ты не идешь къ намъ на совѣтъ теперь, такъ стало ты держишь въ умѣ на насъ лихо. Пусть же Богъ разсудитъ насъ." Братья пошли къ Чернигову. Олегъ двинулся на сѣверъ въ Муромъ, гдѣ княжилъ сынъ Мономаха Изяславъ. Замѣчательны слова Олега, сказанныя имъ Изяславу: „неужели и здѣсь не дашь ты мнѣ своего хлѣба". Здѣсь Олегъ удѣлы называлъ хлѣбомъ. Изяславъ вступилъ въ борьбу съ Олегомъ, въ которой и былъ убитъ. Изъ Мурома Олегъ направился въ Новгородъ, гдѣ княжилъ другой сынъ Мономаха Мстиславъ. Въ борьбѣ съ Мстиславомъ Олегъ былъ побѣжденъ. Тогда Владиміръ Мономахъ написалъ Олегу письмо, въ которомъ говорилъ, что хотя онъ и опечаленъ смертію своего сына, однако лучше желаетъ покончить дѣло миромъ. Послѣ этого для прекращенія усобицы, всѣ князья по почину Мономаха и Святополка рѣшили съѣхаться въ Любечъ. Это было въ 1097 г. Съѣхавшись, князья говорили другъ другу: „зачѣмъ мы своими раздорами губимъ русскую землю?" Изъ этихъ словъ видно, что князья понимали всю гибельность для государства своихъ раздоровъ и видѣли необходимость дѣйствовать сообща. На этомъ съѣздѣ было постановлено, чтобы каждый князь имѣлъ свой удѣлъ. Распредѣленіе удѣловъ между князьями было сдѣлано такимъ образомъ: Святославичи-Олегъ и Давидъ получили

Черниговское княженіе; Ростиславичи - Володарь и Василько - Галицкое княжество (Володарь получилъ Перемышль, а Василько - Теребовль); Давидъ Игоревичъ получилъ Владиміръ Волынскій; Мстиславъ, сынъ Мономаха остался въ Новгородѣ; Святополкъ въ Кіевѣ, а Мономахъ - въ Переяславлѣ. Это распредѣленіе удѣловъ въ общемъ поддерживалось въ продолженіи всего періода до 13 вѣка. Однако миръ между князьями послѣ Любечскаго съѣзда не былъ продолжителенъ.

Давидъ Игоревичъ, опасаясь близкаго сосѣдства съ Василько, сталъ клеветать на послѣдняго передъ великимъ княземъ, онъ говорилъ ему, что Василько задумываетъ отнять у нихъ удѣлы и убѣждалъ его пригласить къ себѣ Василько и схватить его. Въ это время онъ былъ въ Кіевѣ и собирался ѣхать домой. Святополкъ послалъ къ нему пословъ и пригласилъ его придти къ нему на предстоящіе имянины (христіанское имя Святополка было Михаилъ). Василько отказался, что еще болѣе подтвердило подозрѣнія. Святополкъ во второй разъ еще болѣе просилъ его, и онъ явился. По прибытіи его, Святополкъ вышелъ, остались Давидъ и Василько, и послѣдній былъ схваченъ слугами. Послѣ этого Святополкъ собралъ вѣче и объявилъ о томъ, что говорилъ Давидъ; но Кіевляне уклонились отъ прямого отвѣта и говорили, что это не ихъ дѣло, а дѣло самого князя. По совѣту Давида Василько отправили во Владиміръ Волынскій; на дорогѣ онъ былъ ослѣпленъ, затѣмъ его привезли во Владиміръ и посадили въ тюрьму. Узнавъ объ ослѣпленіи Василько, Мономахъ двинулся съ войсками на Святополка. Митрополитъ, вышедшій изъ города для переговоровъ, отговорилъ его, а Святополкъ, свалив всю вину на Давида, обѣщалъ наказать его. Въ то время Володарь выступилъ съ войскомъ противъ Давида и потребовалъ выдачи Василько. Наконецъ, Святополкъ также собрался съ войскомъ противъ Давида, легко справился съ нимъ и изгналъ изъ Владиміра Волынскаго. Обрадо-

ванный успѣхомъ Святополкъ пошелъ противъ Володаря и Василько, чтобы захватить ихъ удѣлы, но былъ разбитъ. Ростиславичи удержали свои удѣлы, но борьба между Святополкомъ и Давидомъ изъ за Владиміра все еще продолжалась. Въ этой борьбѣ приняли участіе Венгры и Половцы. Первые были на сторонѣ Ярослава, сына Святополка, вторые на сторонѣ Давида. Онъ вмѣстѣ съ Половцами разбилъ Венгровъ и взялъ Владиміръ. Борьба эта за Владиміръ окончилась новымъ съѣздомъ князей въ Витичевѣ (1100). На этомъ съѣздѣ Давидъ за свой поступокъ лишенъ былъ своего удѣла, который князья передали Ярославу, сыну Святополка. Послѣ этого съѣзда внутреннее спокойствіе было возстановлено, и князья получили возможность устремить свои силы на борьбу съ кочевниками. Главнымъ героемъ этой борьбы былъ Владиміръ Мономахъ. Наиболѣе замѣчательные походы относятся къ 1103 и 1111 годамъ.
Въ эти походы князья проникали далеко вглубь половецкихъ степей и возвращались домой съ великою славою; особенно замѣчателенъ 2й изъ этихъ походовъ. Князья выступили на 2ой недѣлѣ поста, на 6ой достигли р. Дона, взяли городъ Шуруканъ, зажгли городъ Сугровъ и 24 марта сошлись съ половцами. Князья сказали: „здѣсь намъ смерть, станемъ же крѣпко", перецѣловались другъ съ другомъ и призвали имя Божіе. Началась сѣча и она рѣшилась въ пользу Русскихъ. Въ Воскресенье Лазарево они пошли дальше. Въ понедѣльникъ на страстной недѣлѣ встрѣтились съ новыми полчищами Половцевъ, которые, подобно густому бору, окружили Русскихъ на берегахъ Сала. Битва длилась до тѣхъ поръ, пока Владиміръ Мономахъ не сдѣлалъ стремительнаго нападенія съ своимъ полкомъ и побѣда осталась за Русскими. Когда князья спрашивали половцевъ: „отчего вы не могли намъ противиться имѣя такую силу?", они отвѣчали: „нельзя намъ было противиться

ѣздили кто то наверху надъ вами, въ оружіи свѣтломъ и страшномъ, и помогали вамъ". Это были ангелы — говоритъ лѣтописецъ. Князья вернулись съ огромною добычею. Слава этихъ побѣдъ разнеслась - говоритъ лѣтописецъ, между Греками, Уграми, Ляхами, Чехами и дошла до самаго Рима.

Борьбу южной Руси съ половцами и другими кочевниками можно разсматривать, какъ борьбу Европейскаго міра съ Азіатскимъ. Въ этомъ отношеніи борьба Русскихъ съ Половцами аналогична съ крестовыми походами въ западной Европѣ и оба эти событія совершились одновременно.

Въ 1113 г. Святополкъ умеръ и въ Кіевѣ начались волненія. Кіевскій столъ по праву старшинства долженъ былъ перейти теперь къ Олегу Святославичу, но Кіевляне рѣшительно объявили, что они не хотятъ никого иметь своимъ княземъ, кромѣ Владиміра Мономаха. Мономахъ сначала отказался отъ кіевскаго стола; но потомъ, когда ему выставили на видъ, что его отказъ можетъ повлечь за собою большие безпорядки въ Кіевѣ, который долженъ стоять на стражѣ русской земли противъ кочевниковъ, — Мономахъ согласился и 60^ти лѣтъ отъ роду занялъ кіевскій столъ.

Владиміръ Мономахъ былъ однимъ изъ лучшихъ древне-русскихъ князей: своими качествами и заслугами онъ рѣзко выдавался изъ толпы своихъ родичей. Еще до избранія его на кіевскій столъ о немъ сложилось мнѣніе, что онъ постоянно стоитъ на стражѣ общерусскихъ интересовъ. Въ началѣ княженія Святополка онъ былъ героемъ нѣсколькихъ славныхъ походовъ противъ Половцевъ, такъ что о немъ сложилась легенда, что онъ пилъ шеломомъ воду изъ Дона, бывшаго средоточіемъ земли Половецкой. Таковы были доблести Мономаха, который въ своей дѣятельности осуществилъ тогдашній идеалъ князя.

До насъ дошло поученіе Мономаха, которое написалъ онъ своимъ дѣтямъ и которое живо характеризуетъ его. Отсюда же мы узнаемъ, что его дѣятельность была громадна: онъ совершилъ до 80 походовъ большихъ, а малыхъ столько, что и не упомнишь: болѣе 100 князей половецкихъ взялъ въ плѣнъ, до 200 убилъ. Необычайное мужество его является въ охотѣ, — любимомъ занятіи князей, которое поддерживало въ нихъ отвагу. Мономахъ говоритъ, что онъ подвергался большимъ опасностямъ: боролся съ лосями, медвѣдями; но Богъ сохранилъ его. Этотъ же доблестный князь совѣтуетъ своимъ дѣтямъ жить въ мирѣ и согласіи, предписываетъ имъ строгое воздержаніе: умѣренность и правосудіе; совѣтуетъ имъ самимъ за всѣмъ присматривать и по возможности разбирать всѣ дѣла, а въ войнѣ не ~~вѣваться~~ полагаться на воеводъ: „князь — говоритъ онъ — несетъ тяжелыя обязанности и доблесть его состоитъ въ добросовѣстномъ исполненіи этихъ обязанностей". Въ заключеніе онъ совѣтуетъ дѣтямъ крѣпко держать клятву и помнить Бога.

Не смотря на свои личныя качества и умѣнье поддерживать единство и порядокъ въ русской землѣ, Мономахъ былъ однако вовлеченъ въ нѣсколько усобицъ. Такъ, онъ вынужденъ былъ предпринять походъ противъ безпокойнаго Минскаго князя Глѣба Всеславича. Въ 1120 г. былъ взятъ Минскъ; Глѣбъ былъ взятъ въ плѣнъ и посаженъ въ тюрьму въ Кіевѣ; онъ между прочимъ сдѣлалъ значительное пожертвованіе въ Печерскій монастырь.

Затѣмъ Мономахъ велъ борьбу съ Ярославомъ Святополковичемъ, который княжилъ во Владимірѣ Волынскомъ. Причиною ихъ ссоры послужило дурное обращеніе Ярослава съ своею женою, дочерью Мстислава Новгородскаго, внучкою Мономаха. Ярославъ просилъ помощи у Польскаго короля; ему помогали также Василько и Володарь Ростиславичи. Эти князья были прежде союзниками Владиміра и враждовали съ поляками;

теперь же они коварнымъ образомъ были принуждены принять сторону Ярослава въ борьбѣ его съ Владиміромъ. При дворѣ Польскаго короля находился одинъ датчанинъ — Петръ Властъ, который далъ Болеславу слово заставить Галицкихъ князей дѣйствовать заодно съ нимъ. Онъ отправился ко двору Володаря подъ видомъ изгнанника и пріобрѣлъ довѣренность князя. Однажды на охотѣ Володарь значительно удалился отъ своей дружины; тогда Властъ бывшій съ своими товарищами около князя, схватилъ его и умчалъ къ Польской границѣ. Володарь былъ выкупленъ братомъ, но долженъ былъ дать обѣщаніе не враждовать съ поляками, а главное принять участіе въ войнѣ противъ Владиміра. Смерть Ярослава, убитаго двумя Ляхами, прекратила эту войну и Владиміръ Волынскій отошелъ къ семейству Мономаха.

Изъ внѣшнихъ отношеній Мономаха замѣчательны его отношенія къ Византіи. Въ Византіи въ это время вступилъ на престолъ Алексѣй Комненъ, свергнувшій Діогена. У этого Діогена былъ сынъ Леонъ, который былъ женатъ на дочери Мономаха, Маріи. Въ 1116 г. Леонъ вооружился противъ Алексѣя Комнена; ему помогалъ Мономахъ. Подробности войны намъ неизвѣстны; мы знаемъ только, что Комненъ прислалъ Мономаху богатые дары, и Мономахъ заключилъ съ нимъ мирный договоръ.

Внутренняя дѣятельность Мономаха отличалась консервативнымъ характеромъ: онъ не имѣлъ никакихъ преобразовательныхъ плановъ, а старался поддерживать существовавшій порядокъ и единство въ русской землѣ. Въ дѣятельности Мономаха не замѣтно желанія создать великокняжескую власть на новыхъ началахъ, которыя бы стѣсняли и ограничивали власть князей удѣльныхъ. Въ этомъ отношеніи его дѣятельность рѣзко отличается отъ дѣятельности Андрея

и Всеволода, - князей Суздальскихъ; у этихъ послѣднихъ замѣтна попытка расширить великокняжескую власть вопреки установившимся обычаямъ. Мономахъ поддерживалъ существовавшій порядокъ, и хотя этотъ порядокъ былъ несостоятеленъ во многихъ отношеніяхъ, однако онъ является намъ съ свѣтлой стороны, благодаря личной доблести самого Мономаха.

Въ 1125 г. Мономахъ умеръ. Духовенство и народъ плакали по немъ, какъ по добромъ и милостивомъ князѣ. Послѣ Мономаха кіевскій столъ занялъ старшій сынъ его Мстиславъ (1125-1132 г.), который былъ вполнѣ достойнымъ его преемникомъ. Мстиславъ прошелъ ту же трудовую школу, какъ и Мономахъ; благодаря этому онъ также, какъ и отецъ, умѣлъ поддерживать порядокъ въ русской землѣ и крѣпко держалъ власть въ своихъ рукахъ.

При немъ получилъ дальнѣйшее движеніе вопросъ объ отношеніяхъ къ полоцкому княжеству. Недовольный поведеніемъ полоцкихъ князей и особенно тѣмъ, что они не хотѣли принять участія въ общемъ походѣ противъ половцевъ, Мстиславъ предпринималъ противъ нихъ два похода; второй походъ окончился тѣмъ, что полоцкіе князья были взяты въ плѣнъ и заточены въ Царьградъ, а Полоцкое Княжество было отдано Изяславу Мстиславичу.

Въ княженіе Мстислава замѣчательны событія Черниговскаго княжества.

Святославъ

Олегъ — Ярославъ — Давидъ

Олегъ: Всеволодъ

Ярославъ: Ростиславъ

Давидъ: Изяславъ, Владиміръ

Черниговскимъ столомъ завладѣлъ Всеволодъ Ольговичъ, не имѣя на то никакого права, такъ какъ былъ живъ дядя его Ярославъ Святославичъ, который по

праву старшинства долженъ былъ получить Черниговъ послѣ Олега. Ярославъ Святославичъ обратился съ просьбою къ кіевскому князю, прося возстановить его нарушенныя права. Всеволодъ, зная, что онъ не по праву отнялъ у Ярослава Черниговъ, подкупилъ бояръ, находившихся при дворѣ кіевскаго князя, бояре стали уговаривать Мстислава не начинать войны; игуменъ Григорій, бывшій тогда, за отсутствіемъ Митрополита представителемъ духовной іерархіи въ Кіевѣ, также не совѣтывалъ начинать усобицы. Мстиславъ послушался этихъ совѣтовъ, и Черниговскимъ княземъ остался Всеволодъ Ольговичъ; такимъ образомъ это нарушеніе традиціоннаго порядка старшинства въ занятіи столовъ было какъ бы закрѣплено согласіемъ кіевскаго князя.

Ярославъ Святославичъ удалился въ Муромъ и сдѣлался родоначальникомъ рязанскихъ князей. Такъ какъ теперь его мало занимали отношенія къ другимъ князьямъ, то всѣ его заботы были обращены на устройство собственнаго княжества, на развитіе промышленности и торговли; благодаря его заботамъ эта - прежде бѣдная и лѣсистая - область впослѣдствіи пріобрѣла значеніе въ сѣверной Руси. Судьба Муромо-Рязанскаго княжества ясно показываетъ намъ, что выдѣленіе княжествъ имѣло историческое значеніе.

Ко времени княженія Мстислава относится первое упоминаніе о походѣ на Литву.- Мстиславъ умеръ въ 1132 году.

Родословная Мономаха († 1125)

Младшій сынъ Мономаха Юрій былъ княземъ въ Ростовско-Суздальской землѣ, которая явилась ядромъ русской государственной области. Андрей владѣлъ Владиміромъ Волынскимъ; Вячеславъ княжилъ въ Туровѣ, а Ярополкъ по смерти Мстислава занялъ кіевскій столъ (1132-1139)

Въ княженіе Ярополка впервые начинаетъ колебаться значеніе Кіева, „какъ центра" государственной жизни: Ярополкъ былъ достойнымъ преемникомъ отца и брата; но онъ былъ поставленъ въ совершенно другія неблагопріятныя условія, и потому не могъ поддержать мира на Руси и авторитета кіевскаго князя. Причиною прыизшедшихъ при немъ усобицъ послужило то обстоятельство, что Ярополкъ по уговору съ Мстиславомъ, перевелъ Всеволода Мстиславича изъ Новгорода въ Переяславль. На этотъ переводъ неравнодушно посмотрѣли младшіе Мономаховичи - Юрій и Андрей. Такъ какъ изъ Переяславля былъ прямой путь къ великокняжескому столу (Всеволодъ Ярославичъ, Мономахъ, Мстиславъ и Ярополкъ сдѣлались великими князьями съ Переяславскаго стола), то Ярополкъ, переводя Всеволода въ Переяславль, показывалъ этимъ, что онъ будто желаетъ возвысить племянника въ ущербъ дядямъ, а потомъ и оставить ему великокняжескій столъ помимо дядей. Было ли дѣйствительно это намѣреніе у Ярополка - объ этомъ мы не можемъ ничего сказать. Во всякомъ случаѣ поступокъ этотъ могъ показаться Юрію и Андрею опаснымъ, такъ какъ они видѣли примѣры, что племянники занимали старшіе столы, устраняя дядей, какъ напр. недавно Всеволодъ Ольговичъ занялъ Черниговскій столъ, устранивъ Ярослава Святославича. Юрій выгналъ Всеволода изъ Переяславля и сѣлъ самъ. Тогда возникла борьба дядей съ племянниками, въ которой Ярополкъ принималъ то ту, то другую сторону. По требованію младшихъ Мономаховичей. Переяславль былъ отданъ Вячеславу, старшему въ родѣ послѣ Ярополка. Но Вячеславу было не по силамъ сидѣть въ Переяславлѣ. Онъ уступилъ его Изяславу Мстиславичу по договору, а самъ вернулся въ Ту-

ровъ. Однако же младшіе Мономаховичи не хотѣли, чтобы въ Переяславлѣ сидѣлъ сынъ Мстислава и Переяславскій столъ былъ занятъ Андреемъ.

Въ 1139 г. умеръ Ярополкъ. Преемникомъ его долженъ былъ сдѣлаться Вячеславъ, но онъ былъ неспособенъ сидѣть на старшемъ столѣ; этимъ воспользовался Всеволодъ Ольговичъ и занялъ Кіевскій столъ (1139-1146). Авторитетъ кіевскаго князя при Всеволодѣ Ольговичѣ поколебался еще болѣе. Всеволодъ не имѣлъ права на кіевскій столъ и потому держался на немъ только хитростію. Онъ не ладилъ и съ своими братьями и съ Мстиславичами: мирился съ одними и ссорился съ другими, - чрезъ это несомнѣнно падало значеніе Кіевскаго князя. Кіевляне начинали привыкать къ смѣнѣ князей, утрачивать способность быть устойчивыми въ своихъ дѣйствіяхъ, сохранять вѣрность какому либо одному княжескому роду. А между тѣмъ именно этою способностью отличалось населеніе на сѣверѣ Россіи, - Ростово-Суздальскаго княжества, къ которому черезъ нѣсколько времени и перешло значеніе Кіева.

Прежде всего Всеволодъ началъ войну противъ Андрея, князя Переяславскаго, затѣмъ противъ Изяслава Мстиславича, который сидѣлъ во Владимірѣ Волынскомъ, но долженъ былъ оставить въ покоѣ того и другого. Послѣ этихъ неудачныхъ попытокъ на Андрея и Изяслава, усобицы прекратились и Всеволодъ принялъ участіе въ Польскихъ дѣлахъ. Тамъ въ это время умеръ Болеславъ III-й Кривоустый и въ Исторіи Польши начинается такой же періодъ, какъ и на Руси: князья ссорятся между собою изъ за удѣловъ, Польша раздѣляется на части, всюду господство частныхъ интересовъ надъ общегосударственными. Вражда произошла между сыновьями Кривуста, одинъ изъ которыхъ былъ женатъ на дочери Всеволода Ольговича.

Княженіе Всеволода Ольговича замѣчательно также

борьбою съ Галицкими князьями, которые происходили отъ Владимира, сына Ярослава.

Такъ какъ Владиміръ умеръ еще при жизни Ярослава, то Галицкое княженіе было вторымъ по времени, обособившимся по времени (Первое же обособилось Полоцкое княженіе). (См. родословную Галицкихъ князей). Послѣ Владиміра въ Галицкомъ княжествѣ сидѣлъ Ростиславъ, который былъ отравленъ Котопаномъ. Затѣмъ въ Галичѣ княжили его сыновья Рюрикъ, Володарь и Василько, который былъ ослѣпленъ въ княженіе Святополка. У Василька были сыновья — Иванъ и Григорій, у Володаря-Ростиславъ, (у котораго былъ сынъ Иванъ Берладникъ) и Владимірко. Послѣдній былъ однимъ изъ замѣчательныхъ галицкихъ князей: хитрый, умный, не разборчивый въ средствахъ, онъ представлялъ типъ князя собирателя своей земли. Съ Владиміркомъ, такъ какъ онъ не хотѣлъ давать удѣлы родичамъ — Ростиславу и Ивану Берладнику, началъ войну Всеволодъ Ольговичъ; но Владимірко умѣлъ завязать сношенія съ Игоремъ Ольговичемъ, и война окончилась безъ ущерба для Владимірка.

Всеволодъ Ольговичъ, самъ не имѣвшій права на Кіевскій престолъ, хотѣлъ передать его, послѣ своей смерти, брату Игорю и заставилъ кіевлянъ дать присягу Игорю. Кіевляне присягнули ему, а сами завели сношенія съ Изяславомъ Мстиславичемъ княземъ Новгородскимъ. Въ этомъ фактѣ проявляется неуваженіе кіевлянъ къ авторитету Кіевскаго князя; перемѣна князя для кіевлянъ стала представляться ужь дѣломъ легкимъ. Изяславъ Мстиславичъ былъ князь умный, предпріимчивый, способный къ военнымъ дѣламъ. По просьбѣ кіевлянъ онъ явился въ Кіевъ и объявленъ былъ ими княземъ. Игорь былъ заточенъ. Кіевляне говорили при этомъ: „не хотимъ переходить къ Игорю какъ бы по наслѣдству." — Въ этихъ словахъ проявляется вѣче и воля народа. Все время княженія Изяслава Мстиславича (1146-1154) было весьма

тревожнымъ. Ему было трудно держаться на престолѣ вслѣдствіе притязаній на столъ кіевскій старшихъ - Вячеслава и Юрія; съ другой стороны, вслѣдствіе заточеніе Игоря, Изяславъ пріобрѣлъ себѣ врага въ лицѣ брата Игоря - Святослава, бѣжавшаго въ Черниговскую область. Въ это княженіе рѣшается уже другой важный въ исторіи между-княжескихъ отношеній вопросъ. Прежде былъ на очереди вопросъ о томъ, давать ли удѣлъ младшимъ князьямъ. Теперь младшій князь утвердился на престолѣ Кіевскомъ, слѣдовательно право старшинства окончательно теряло свое значеніе. Княженіе Изяслава доказало, что на этомъ правѣ не могли успокоиться между-княжескія отношенія; а отъ неопредѣленности этихъ отношеній страдала и вся земля, для которой была необходима твердая, спокойная и справедливая власть князя.

Самъ Изяславъ не руководился принципомъ старшинства, что видно изъ его словъ: „не голова идетъ къ мѣсту, а мѣсто идетъ къ головѣ". По вступленіи на кіевскій престолъ, Изяславъ находился въ мирныхъ отношеніяхъ къ Черниговскимъ князьямъ: Святославу Всеволодовичу и Изяславу и Владиміру Давидовичамъ. Врагомъ Изяслава былъ родной братъ Игоря, сидѣвшаго въ заточеніи въ Кіевѣ, Святославъ Ольговичъ, - и съ нимъ то и началъ войну Изяславъ въ союзѣ съ Давидовичами. Они раззорили между прочимъ село Игоря. Въ этомъ селѣ было много всякихъ запасовъ и товара; на гумнѣ стояло 900 скирдъ хлѣба. Около того же времени, при взятіи Путивля Изяславомъ, на дворѣ Святославовомъ нашли множество всякихъ запасовъ, 500 берковцевъ меду и 80 корчагъ вина; здѣсь же было 700 служителей. Тогда Святославъ бѣжалъ въ землю Вятичей, за лѣсъ. Изяславъ съ Давидовичами не преслѣдовали его. Ему рѣшился помочь Юрій князь Суздальскій, и между ними произошло свиданіе въ Москвѣ въ 1147 г. Подъ этимъ годомъ

она впервые упоминается. Узнавъ объ этомъ пріемѣ Юрія Изяславъ сталъ собираться въ походъ. Кіевляне готовы были помогать ему противъ враговъ, но не хотѣли, какъ они сами говорили, „подымать руки на племя Володимірово". Тогда Изяславъ выступилъ въ походъ съ охотниками и на дорогѣ узналъ объ измѣнѣ Давыдовичей и Святослава Всеволодовича. Объ этомъ немедленно же извѣстилъ великій князь кіевлянъ. Возмущенные этимъ извѣстіемъ, они напали на Игоря, и онъ былъ убитъ. Изяславъ совершилъ походъ въ Черниговскую землю. Тогда наконецъ Черниговскіе князья Давыдовичи, Святославъ Ольговичъ и Святославъ Всеволодовичъ заключили съ Изяславомъ договоръ, по которому клятвенно обѣщались не имѣть вражды къ великому князю за Игоря. Теперь оставался у великаго князя одинъ врагъ - князь Суздальскій. Поводомъ къ борьбѣ съ нимъ послужило слѣдующее обстоятельство: къ Изяславу прибылъ, послѣ ссоры съ отцомъ, сынъ Юрія - Ростиславъ. Онъ жаловался на отца и просилъ удѣла; его просьба была исполнена.

Затѣмъ Изяславъ отправился въ Новгородъ, чтобы заключить съ Новгородцами союзъ противъ Юрія. Новгородцы восторженно встрѣтили великаго князя. Изяславъ на вѣчѣ объявилъ о цѣли своего прибытія. Новгородцы сочувственно встрѣтили предложеніе великаго князя: они уже давно враждовали съ Суздальскимъ княземъ.

Походъ противъ Юрія былъ рѣшенъ; онъ начался весною и вообще былъ удаченъ. Но разливъ рѣки помѣшалъ Новгородцамъ вторгнуться въ самую глубь Суздальской земли и они принуждены были возвратиться домой. Вмѣстѣ съ тѣмъ воротился въ Кіевъ и Изяславъ. Онъ узналъ по возвращеніи, что Ростиславъ въ его отсутствіе замышлялъ противъ него измѣну. Тогда онъ лишилъ Ростислава его удѣла и отправилъ его къ отцу. Послѣдній счелъ себя оскорбленнымъ и неожиданно явился

подъ стѣнами Кіева. Изяславъ бѣжалъ въ свою родовую Волынскую область, а Юрій сѣлъ въ Кіевѣ. Но его положеніе на Кіевскомъ столѣ не могло быть прочнымъ, такъ какъ онъ не пользовался расположеніемъ Кіевлянъ. Когда Изяславъ, собравшись съ силами, подступилъ къ Кіеву, то Юрій бѣжалъ, хотя и не отказался совсѣмъ отъ мысли овладѣть Кіевомъ.

Въ 1152 г. Юрій, собравъ значительныя силы и имѣя союзникомъ Владимірка Галицкаго, снова подступилъ къ Кіеву. Но Изяславъ принялъ энергическія мѣры, чтобы воспрепятствовать переправѣ черезъ Днѣпръ. Онъ устроилъ крытыя суда, удобныя для обороны и быстрыя на ходу (съ двумя рулями). Какъ ни старался Юрій однако не могъ переправиться черезъ Днѣпръ въ томъ мѣстѣ, гдѣ охраняли переправу княжескія суда. Тогда онъ сталъ искать переправы въ другомъ мѣстѣ и скоро переправился. Небольшая княжеская дружина, находившаяся тамъ, оказала лишь слабое сопротивленіе и отступила. Лѣтописецъ, разсказывая объ этомъ, говоритъ, что дружина сопротивлялась не храбро потому, что съ нею не было самого князя. Отсюда мы можемъ заключить, что вліяніе князя на дружину было весьма важно: при немъ прекращались личная зависть и споры между дружинниками. И такъ войска Юрія сошлись съ войсками великаго князя. Битва была жестокая. Юрій потерпѣлъ полное пораженіе. Послѣ этого Юрій уже не пытался болѣе овладѣть Кіевскимъ столомъ до самой смерти Изяслава (1154 г.). Княженіе Изяслава еще болѣе пошатнуло значеніе Кіевскаго стола.

Послѣ Изяслава на Кіевскомъ столѣ чередовались: братъ его Ростиславъ Мстиславичъ, Изяславъ Давыдовичъ, Юрій Владиміровичъ Долгорукій († 1157); наконецъ сѣлъ Ростиславъ Мстиславичъ вторично (1160-1168). Княженіе его было болѣе спокойно. Онъ заботился о порядко-

выхъ интересахъ. Упоминается въ его княженіи о гречникахъ и заложникахъ. Гречники-купцы, торговавшіе съ Крымомъ. Ростиславъ былъ князь набожный: исповѣдывался и пріобщался каждую недѣлю поста. Онъ поддерживалъ миръ съ Новгородомъ и Смоленскомъ. Предпринявъ однажды путешествіе въ Новгородъ, Ростиславъ на дорогѣ заболѣлъ и умеръ. На Кіевскій столъ сѣлъ Мстиславъ Изяславичъ, сынъ Изяслава Мстиславича.

Послѣ смерти Юрія (1157) въ Ростово-Суздальской области сталъ княжить сынъ его Андрей Боголюбскій. Въ 1169 году Андрей отправилъ войско противъ Кіева, изгналъ Мстислава и Кіевъ въ первый разъ подвергся разграбленію со стороны сѣверныхъ дружинъ. Андрей не остался въ Кіевѣ, а удалился въ сѣверную Русь, посадивъ въ Кіевѣ брата своего Глѣба. Въ этомъ фактѣ ясно обнаружилось, что Кіевъ уже не можетъ быть центромъ Руси; ему оказано было полное пренебреженіе. Глѣбъ Юрьевичъ княжилъ въ Кіевѣ до 1172 г., когда вдругъ дошло извѣстіе до Андрея, что онъ отравленъ. Въ Кіевскомъ княжествѣ сидѣли Ростиславичи - Романъ, Давидъ и Мстиславъ Храбрый. Хотя они доносили Андрею, что Глѣбъ умеръ своею смертію, однако онъ не повѣрилъ и послалъ войско противъ Кіева. Мстиславъ Храбрый затворился въ Вышгородѣ и мужественно отражалъ непріятеля. Суздальцы пришли съ полною увѣренностью на побѣду, - не вдругъ неожиданное препятствіе подъ Вышгородомъ. Осада затянулась. Вдругъ разнесся слухъ, что на помощь Мстиславу Храброму идетъ Ярославъ Изяславичъ, князь Луцкій. Войско Андрея бѣжало. Андрей замышлялъ новый походъ, но былъ убитъ въ 1174 году боярами. Послѣ смерти Андрея князья часто мѣнялись на Кіевскомъ столѣ.

Родословная князей Мономаховичей

Владиміръ Мономахъ

- Мстиславъ
  - Изяславъ II
    - Мстиславъ II
      - Романъ
  - Всеволодъ
  - Ростиславъ (смол.)
    - Романъ
      - Мстиславъ (Кіевск.)
    - Давидъ
    - Мстиславъ Храбр.
      - Мстиславъ Удал.
- Ярополкъ
- Вячеславъ
- Юрій
- Андрей
- Изяславъ

Домъ кн. Черниговскихъ.

Святославъ Черниговск.

- Олегъ
  - Игорь
  - Всеволодъ II
  - Святославъ
- Давидъ
  - Изяславъ
  - Владиміръ

Кн. Галицкіе.

Ростиславъ

- Рюрикъ
- Володарь
  - Ростиславъ
  - Владимірко
- Василько
  - Иванъ
  - Григорій

Во второй половинѣ XII вѣка наиболѣе продолжительно было княженіе Святослава Всеволодовича (1180-1194) въ Кіевѣ, бывшаго родомъ изъ Черниговскихъ князей. Святославъ Всеволодовичъ могъ долго держаться на Кіевскомъ столѣ благодаря лишь своимъ благопріятнымъ отношеніямъ къ Всеволоду Суздальскому, который во многомъ своею политикою напоминалъ Андрея Боголюбскаго: какъ тотъ, такъ и другой изъ нихъ имѣлъ въ виду власть князя, усиленіе ея насчетъ другихъ и поддержаніе своего вліянія.

Княженіе Святослава Всеволодовича замѣчательно его походомъ противъ Половцевъ, которыхъ онъ и разбилъ и походомъ князей сѣверскихъ.

Сѣверскіе князья: Игорь, братъ его Всеволодъ, сынъ Игоря Владиміръ и Святославъ Ольговичъ, не давъ знать другимъ князьямъ, выступили въ походъ на Половцевъ.

Съ ними были и Ко[illegible](?)інородческое племя. Но уже на дорогѣ являлись князьямъ неблагопріятныя предзнаменованія: мѣсяцы, какъ говоритъ авторъ „слова о полку Игоревѣ", брызгали на червленные щиты Русскихъ; орлы созывали другихъ птицъ на падаль и т. д. Однако, не смотря и на утомленіе, неизбѣжное въ степи, войско продолжало двигаться впередъ и далеко зашло въ степь. Тогда Половцы, собравшіеся въ большомъ числѣ, напали на Русскихъ; Русскіе потерпѣли полное пораженіе и всѣ князья попали въ плѣнъ. Когда пришла вѣсть объ этомъ къ другимъ князьямъ, тѣ рѣшили идти на выручку плѣненнымъ. А Половцы не медлили и, раздѣлившись на двѣ части, пошли на Русь: именно, одни — на Сѣверскую землю, которую и разгромили, другіе — на Кіевъ, но получили отпоръ со стороны Святослава Всеволодовича, заранѣе принявшаго мѣры.

Послѣ смерти Святослава Всеволодовича на Кіевскій столъ сѣлъ Рюрикъ Ростиславичъ (1195-1202), умѣвшій ладить съ окрестными князьями, и съ Суздальскимъ Всеволодомъ, и на западѣ съ Волынскимъ княземъ Романомъ, который пытался соединить Волынь и Галичъ. Но начало княженія Рюрика Ростиславича, благопріятное для южной Руси, не соотвѣтствовало дальнѣйшимъ событіямъ, такъ какъ произошла перемѣна, виновникомъ которой былъ князь Суздальскій — Всеволодъ. Его дальновидная политика клонилась къ тому, чтобы ослабить другого и усилить себя на его счетъ. Романъ, съ которымъ Рюрикъ Ростиславичъ находился въ дружбѣ, владѣлъ нѣсколькими городами къ югу отъ Кіева. Волынскіе князья дорожили этими городками, ибо владѣніе ими давало надежду занять Кіевскій столъ. (Это стремленіе сидѣть на Кіевскомъ столѣ не покидало многихъ князей даже и тогда, когда Кіевская Русь уже потеряла свое значеніе, — преданіе,

значитъ, продолжало оказывать свою силу.) Во время этихъ мирныхъ сношеній Романа съ Рюрикомъ Ростиславичемъ, пришло къ последнему требованіе отъ Всеволода Суздальскаго, чтобы онъ уступилъ ему городки Романовы. Какъ это ни было непріятно Рюрику Ростиславичу, однако нужно было исполнить волю Всеволода: онъ сговорилъ Романа и удовлетворилъ Всеволода, а эти городки Романовы сверхъ чаянія, передалъ сыну Рюрика - Ростиславу.

Глубоко оскорбленъ былъ этимъ обстоятельствомъ Романъ. Онъ, соглашаясь на просьбу Рюрика, думалъ, что тотъ дѣлаетъ невольную уступку Всеволоду; но въ этомъ Роману пришлось разубѣдиться. Онъ имѣлъ позоръ думать, что именемъ Всеволода прикрывалось незаконное честолюбивое желаніе Рюрика, захватить его собственность. Между нимъ и Романомъ возгорѣлась вражда, и она окончательно ослабила Кіевскую южную Русь, окончательно подорвала ея значеніе.

Изъ войнъ, относящихся къ этому времени особенно замѣчательна война 1203 года, когда Романъ съ Половцами пошелъ на Кіевъ, который былъ взятъ и разграбленъ второй разъ (первый разъ въ 1169 г.), а Рюрикъ изгнанъ. Вражда между этими князьями прекратилась только со смертію Романа въ войнѣ съ Литвою (1205). Затѣмъ у Рюрика явился новый соперникъ - Всеволодъ Черменый сынъ Святослава Всеволодовича. Дѣло между ними кончилось тѣмъ, что Кіевскимъ столомъ овладѣлъ Всеволодъ Черменый, а Черниговскій занялъ Рюрикъ Ростиславичъ. Раньше мы видѣли, что Черниговскіе князья постоянно добиваются Кіевскаго стола, а князья изъ рода Мономаха стараются противостоять имъ; теперь же мы видимъ какъ рѣшенъ этотъ вопросъ: Черниговскіе князья владѣютъ Кіевомъ (въ началѣ 13 вѣка), а князья изъ рода Мономахова - Черниговомъ.

Мстиславъ Удалой, сынъ Мстислава Храбраго, возстановитель „правды", изгналъ изъ Кіева Всеволода

Чермнаго и на Кіевскій столъ посадилъ Мстислава Романовича, своего двоюроднаго брата. Онъ погибъ въ Калкской битвѣ (1223 г. Онъ былъ внукъ Ростислава (Смоленскаго)

Общія замѣчанія о судьбахъ Кіевской Руси съ 1204 – 1223 г.

Послѣ смерти Ярослава высоко стоялъ Кіевскій столъ и переходилъ обыкновенно къ старшему. Старшіе же, какъ мы видѣли, не хотятъ давать удѣловъ младшимъ князьямъ, число которыхъ все больше и больше увеличивается. Такимъ образомъ возникъ вопросъ объ изгояхъ – главный въ исторіи между-княжескихъ отношеній съ 1054-1097 г. Послѣ 1097 г., когда на Любецкомъ съѣздѣ было рѣшено, чтобы каждый князь владѣлъ удѣломъ, наступаетъ свѣтлый, благопріятный для Русскихъ интересовъ періодъ. Этотъ періодъ тянется до 1132 г., и стало-быть заключаетъ въ себѣ часть княженія Святополка, княженіе Владиміра Мономаха и Мстислава. При обозрѣніи этого періода мы указывали на то, что прекращеніе раздоровъ, водвореніе спокойствія, сосредоточеніе Русскихъ силъ на окраинахъ и пр. обусловливалось тогда не тѣмъ государственнымъ строемъ, который существовалъ, а личностями. Таковы личности – Владиміръ Мономахъ и Мстиславъ. Эти князья среди прочихъ выдаются именно тѣмъ, что они высоко ставятъ то, что касается интересовъ всей Русской земли, – тѣмъ, что они строго выполняютъ свою обязанность.

Далѣе мы прослѣдили, какъ послѣ 1132 года Кіевъ, центръ древне-русской жизни, утрачиваетъ свое общерусское значеніе, и для объясненія этого явленія указывали на слѣдующія обстоятельства. Въ родѣ Мономаховичей начались раздоры между дядьми и племянниками, а Черниговскій князь

Всеволодъ Ольговичъ завладѣлъ Кiевскимъ столомъ и прибѣгъ къ двоедушной политикѣ: многое обѣщалъ и не могъ исполнить. Такое веденiе дѣла не могло не оказать деморализующаго влiянiя на Кiевскую Русь и привело къ тому, что Кiевляне охотно соглашались мѣнять князей. Это особенность Кiева, отличающая его, напримѣръ отъ Суздаля, жители котораго постоянно были привязаны къ однимъ князьямъ.- Потомъ мы видимъ, что смутами пользуются младшiе князья и овладѣваютъ Кiевомъ, что идетъ распря между Кiевомъ и Черниговомъ; видимъ, какъ усиливается Суздаль и наноситъ новый ударъ Кiеву. Такъ въ 1169 году, Суздальская дружина побѣждаетъ Кiевскую и грабитъ самый Кiевъ. Вслѣдствiе всѣхъ этихъ обстоятельствъ Кiевъ теряетъ свое значенiе, а его мѣсто заступаетъ Владимiръ Суздальскiй, князь котораго-Всеволодъ-имѣетъ рѣшающее влiянiе. Окончательно Кiевъ теряетъ всякое значенiе послѣ 1203 г. передъ самой татарской эпохой. Отсюда понятно, почему Кiевская Русь уже не могла отразить напора новой дикой орды.

Княжество Черниговское лежало по рѣкѣ Деснѣ и ея притоку Сейму, которые и опредѣляютъ его отдѣльность. Въ этой области нѣкогда жили Сѣверяне и Радимичи, подчиненные Хозарскому игу и со времени Олега зависящiе отъ Русскаго князя. Главный городъ этого княжества - Черниговъ- упоминается съ давнихъ временъ. Потомъ появляется много и другихъ поселенiй на упомянутыхъ рѣкахъ и особенно на Сеймѣ; на которомъ является даже особое княжество Курское. Это обстоятельство объясняется направленiемъ теченiя Сейма (съ востока на западъ въ Десну) и положенiемъ его на рубежѣ между степной и лѣсной полосой, гдѣ удобно было сооружать укрѣпленiя для отраженiя набѣговъ степныхъ племенъ. Родоначальникомъ Черниговскихъ князей былъ Святославъ. Вотъ ихъ родословная:

Святославъ

Родоначальникъ Черниговскихъ князей - Святославъ (+1076 г.) въ то время, какъ его братъ былъ въ изгнанiи, сидѣлъ на кiевскомъ столѣ. Это то обстоятельство именно и оказало влiянiе на всѣ дальнѣйшiя отношенiя князей этого рода: всѣ они съ Черниговскаго стола стараются перейти на Кiевскiй. Изъ сыновей Святослава замѣчателенъ Олегъ, въ которомъ соединились типическiя особенности этого рода. Онъ первый для достиженiя своей цѣли призвалъ Половцевъ, съ которыми и завладѣлъ Кiевомъ, велъ войну съ сыномъ Мономаха Изяславомъ Муромскимъ (въ которой и былъ убитъ); онъ принималъ дѣятельное участiе и на любецкомъ съѣздѣ. - Братъ Олега - Ярославъ въ княженiе Мстислава Великаго былъ изгнанъ изъ Чернигова и удалился въ Рязань, гдѣ и сдѣлался родоначальникомъ Муромо-Рязанскихъ князей, а Черниговскiй столъ занялъ Всеволодъ Ольговичъ. Онъ впослѣдствiи перешелъ на кiевскiй столъ, а Черниговскiй хотѣлъ передать своему брату - Игорю, но этотъ былъ убитъ. Тогда Черниговскаго стола сталъ добиваться Изяславъ Давидовичъ и братъ Всеволода Ольговича Святославъ, но Давидовичи соединились съ Изяславомъ, и Святославъ принужденъ былъ отказаться отъ черниговскаго стола.

На Кiевскомъ столѣ изъ Черниговскихъ князей еще сидѣлъ Святославъ Всеволодовичъ (+1194 г.) и держался на немъ, благодаря заступничеству Всеволода Суздальскаго. Сынъ его - Всеволодъ Чермный также сидѣлъ на кiевскомъ столѣ, когда Черниговомъ владѣлъ Рюрикъ Ростиславичъ; но онъ самъ изъ Кiева былъ изгнанъ Мстиславомъ Удалымъ, а сынъ его Михаилъ Святой былъ убитъ Татарами. - Отъ Святослава Ольговича пошла особая вѣтвь - князья

сѣверскіе. Изъ нихъ замѣчателенъ Игорь Святославичъ, который вмѣстѣ съ своимъ братомъ Всеволодомъ и сыномъ Владиміромъ предпринималъ несчастный походъ на Половцевъ. Святославъ, Романъ и Владиміръ, задумавшіе присоединить Галичъ, были-тамъ повѣшаны въ 1212 г.

Къ югу отъ Кіевскаго княжества лежало Переяславское, главнымъ городомъ котораго былъ Переяславль на р. Трубежѣ. Изъ рѣкъ еще замѣчательны: Сула, Псёлъ, Ворскла. Главнымъ образомъ всѣ укрѣпленія находились на р. Сулѣ, которая и была настоящимъ рубежемъ земли Русской. На ней города: Лукомль, Песоченъ, Роменъ. Подъ конецъ періода дотатарскаго граница южной Руси придвинулась къ р. Ворсклѣ, если справедливо считаютъ Несторовскую Лтаву Полтавой. Княжество Переяславское было небольшое и самое опасное изъ всѣхъ по своему положенію-рядомъ со степью. Особенность его въ томъ, что въ немъ не утвердилась ни одна княжеская линія, какъ въ другихъ княжествахъ. Это понятно: здѣсь необходимъ былъ князь способный, энергическій и бдительный, а этимъ условіямъ не каждый могъ удовлетворить, и потому князья зачастую мѣнялись. Извѣстно преданіе, что и самый Переяславль построенъ Владиміромъ вслѣдствіе постоянной борьбы съ Печенѣгами. Однако, не смотря на всю опасность, князья старались завладѣть этимъ столомъ и дорожили имъ, такъ какъ отсюда легко было овладѣть Кіевомъ. Изъ за Переяславскаго стола была даже борьба между Мономаховичами. Ярополкъ передалъ Переяславль сыновьямъ послѣдняго князя Кіевскаго Мстислава Великаго - своимъ племянникамъ. Этому воспротивились дядья - братья Ярополка, и такимъ образомъ началась борьба между дядьями и племянниками изъ рода Мономаха. Всеволодъ Мстиславичъ на первыхъ же порахъ былъ изгнанъ изъ Переяславля Юріемъ. Далѣе, во время борьбы столъ переходилъ то къ сыну Изяслава Мсти-

славича, то къ сыну Юрія — Глѣбу. Глѣбъ Юрьевичъ послѣ перешелъ на кіевскій столъ, гдѣ затѣмъ сидѣлъ въ концѣ XII вѣка довольно долго сынъ его Владиміръ (1169–1187). Во время преобладанія Суздальскихъ князей надъ Кіевомъ, эти посылали въ Переяславль своихъ сыновей и братьевъ; но прочнаго ничего не выработалось и переяславская земля, можно сказать, никогда не имѣла ни особой самостоятельности, ни важнаго значенія.

На западъ отъ Кіева лежало Княжество Туровское, съ котораго одно время переходили на кіевскій столъ. Такъ перешелъ Святополкъ Окаянный, Святополкъ II. Съ 1127–1157 г. оно принадлежало Мономахову роду. Окончательно Туровское княжество осталось въ родѣ Юрія Ярославича, внука Святополка II. Изъ городовъ, кромѣ Турова можно упомянуть Клеческъ, Пинскъ, Луцкъ.

Еще далѣе на западъ отъ Кіева и на югъ отъ Туровскаго лежало Волынское княжество, обособившееся, благодаря рѣчнымъ системамъ. Главный его городъ — Владиміръ Волынскій упоминается очень рано. Жили здѣсь Бужане. Столъ этого княжества сначала переходилъ отъ одного князя къ другому и изъ за него даже возникла борьба послѣ любецкаго съѣзда. Раньше этого здѣсь желали сидѣть младшіе изъ князей и имъ даны были удѣлы: Волынь — Давиду Игоревичу (города червенскіе — Ростиславичамъ). Потомъ Волынь досталась Ярославу Святополковичу; но у него она была отнята Владиміромъ Мономахомъ. Затѣмъ уже Волынь получилъ Изяславъ Мстиславичъ, за родомъ котораго она и осталась. Но Изяславъ, будучи родоначальникомъ Волынскихъ князей, мало заботился о своемъ княжествѣ и искалъ въ немъ только опоры въ борьбѣ за кіевскій столъ. Ему наслѣдовалъ сынъ Мстиславъ и внукъ Романъ. Этотъ Романъ — самый замѣчательный изъ Волынскихъ князей, именно тѣмъ, что первый изъ южнорусскихъ князей обнаружилъ попытку соединить

два княжества подъ одною властью - Волынь и Галичъ; и еще тѣмъ, что при немъ ведется болѣе упорная борьба съ Литвою.

Родословная Волынскихъ князей:

- Мстиславъ Кіевскій. [Сынъ Владиміра Мономаха. + 1132.]
- Изяславъ [родоначальникъ Волынскихъ князей]
- Мстиславъ
- Романъ [+ 1205]

Юго-западная часть Русской земли въ періодъ времени съ 11 до 13 вѣка, лежащая въ областяхъ рѣки Днѣстра и притоковъ Вислы, обособилась раньше другихъ земель, выдѣлившихся изъ состава Русской земли. Она была извѣстна подъ именемъ земли Галицкой.

Первоначально она входила въ составъ земли Волынской, а потомъ уже сдѣлалась самостоятельною. Сосѣдствомъ съ Польшею и Венграми объясняются многія особенности въ строѣ жизни этой земли. Такъ подъ вліяніемъ можетъ быть исключительно иноземнымъ въ Галицкой землѣ пріобрѣло большое значеніе сословіе боярское. Нужно имѣть въ виду, что государственный строй Русской земли съ 11 до 13 вѣка слагался изъ слѣдующихъ началъ - княжескаго, дружиннаго и вѣчеваго. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Русской земли одно изъ этихъ началъ получило преимущество передъ другими, а въ нѣкоторыхъ — другое. Такъ въ землѣ Ростово-Суздальской исключительно развилось начало княжеское, въ Новгородской - вѣчевое, а въ Галицкой - дружинное или боярское.

Города, находившіеся въ галицкой землѣ, назывались Червенскими. Они были завоеваны еще при Ярославѣ; затѣмъ они достались Ростиславу Владиміровичу вмѣстѣ съ Владиміро-Волынскою областью.

Родословная галицкихъ князей:

- Владиміръ - старшій сынъ Ярослава
- Ростиславъ.

Ростиславъ
Рюрикъ — Володарь — Василько
Володарь: Ростиславъ, Владимірко †1152.
Ростиславъ: Иванъ
Владимірко: Ярославъ †1182.
Ярославъ: Владиміръ
Василько: Иванъ — Григорій

Владиміръ (сынъ Ярослава) умеръ еще при жизни своего отца; поэтому его потомство уже лишилось права на великокняжескій кіевскій столъ, подобно тому, какъ и князья земли Полоцкой, родоначальникъ которыхъ — Изяславъ никогда не сидѣлъ на кіевскомъ столѣ. Но Полоцкая земля выдѣлилась раньше, чѣмъ Галицкая. Ростиславъ Владиміровичъ, не найдя себѣ удѣла, удалился въ Тьмутаракань, гдѣ внушилъ своимъ прибытіемъ подозрѣніе со стороны грековъ къ себѣ, какъ къ опасному сосѣду. Вслѣдствіе этого подозрѣнія Греки отравили его. Рюрикъ, Володарь и Василько Ростиславичи Галицкую землю получили себѣ въ удѣлъ отъ Всеволода Ярославича и съ этого времени начинается полная самостоятельность Галицкой земли. На Любецкомъ съѣздѣ (1097 г.) Володарь и Василько получили Перемышль и Теребовль.

Затѣмъ слѣдуетъ исторія ослѣпленія Василька, за котораго вступился братъ его Володарь и освободилъ его. Святополкъ, князь Кіевскій, исполняя обѣщаніе, данное Владиміру Мономаху, — наказать Давида Игоревича за злодѣйскій поступокъ съ Василькомъ, выступилъ въ походъ на Владиміръ Волынскій и выгналъ оттуда Давида Игоревича. Но этимъ Святополкъ не ограничился: обратилъ свои войска на Володаря и Василько и ихъ также задумалъ выгнать изъ городовъ Червенскихъ. Но онъ потерпѣлъ пораженіе. Распря, начавшаяся съ ослѣпленія Василька, кончилась Витичевскимъ съѣздомъ (1100 г.). При описаніи похода Святополка встрѣчается любопытное упоминаніе о межѣ между Галицкимъ и

Волынскимъ княжествами.

Послѣ Володаря сдѣлался княземъ въ Галицкой землѣ Владимiрко. Ему благопрiятствовали обстоятельства для соединенiя удѣловъ Галицкой земли подъ свою власть: сыновья Василька-Иванъ и Григорiй померли, своего племянника-Ивана Берладника (отъ Ростислава Володаревича) онъ изгналъ. (Берладникъ-названiе, которое получилъ впослѣдствiи Иванъ Ростиславичъ,-заимствовано отъ города Берлада). Въ Берладѣ Иванъ часто собиралъ войско изъ разной вольницы, съ которымъ воевалъ то въ своихъ личныхъ интересахъ, добиваясь Галицкаго удѣла, то нанимаясь въ помощники къ другимъ князьямъ.- Владимiрко соединилъ всѣ галицкiе удѣлы и свой столъ перенесъ въ Галичъ. Владимiрко былъ замѣчательный князь, поставившiй себѣ задачею, во что бы то ни стало, усилить свое княжество. Нельзя не сказать, что на средства къ достиженiю своей цѣли Владимiрко былъ неразборчивъ: при нуждѣ хитрилъ, обманывалъ, умѣлъ разжалобить своею безпомощностiю и т.п.; словомъ нравственныя начала у него были не состоятельныя. Когда посолъ Изяслава Мстиславича упрекалъ было его за то, что онъ измѣнилъ крестному цѣлованiю, онъ посмѣялся надъ нимъ.

Ярославъ былъ человѣкъ твердаго характера; но не смотря на это его княженiе ознаменовано особенно замѣчательнымъ выступленiемъ влiянiя бояръ въ землѣ Галицкой. Это влiянiе простиралось даже на семейную жизнь самого князя: они приказали сжечь любимую имъ женщину (!)-Анастасiю и заставили его жить съ законною женою. (!)

Въ началѣ своего княженiя Ярославу пришлось обратить свое вниманiе на своего двоюроднаго брата - Ивана Берладника. Послѣднiй, найдя себѣ опору въ Изяславѣ Давидовичѣ стремился завладѣть галицкимъ столомъ.

Послѣ смерти Ярослава Осмомысла (1188 г.) разгорѣлись усобицы между его законнымъ сыномъ Владиміромъ и Олегомъ-отъ Анастасіи. Въ борьбу эту вмѣшались Романъ Волынскій и Венгры; дѣло кончилось тѣмъ, что Галичемъ овладѣлъ Владиміръ (съ 1190 по 1200 г.).

Послѣ Владиміра уже прекращается въ Галицкомъ княжествѣ династія Ростиславичей и на Галицкій столъ сѣлъ Романъ, Волынскій князь, который такимъ образомъ соединилъ подъ своею властію Волынь и Галичъ. Онъ вступалъ въ борьбу съ Рюрикомъ Ростиславичемъ княземъ Кіевскимъ, но не могъ одержать надъ нимъ верхъ, такъ какъ Суздальскій князь Всеволодъ, не желая, чтобы на югѣ возникло какое либо очень сильное княжество, былъ противъ него. Не смотря на это, галицкое княжество было сильно при Романѣ. Романъ продолжалъ вести борьбу съ боярами: „не раздавивши пчелъ, нельзя ѣсть меду" - говорилъ онъ. Можно думать, что онъ удачно довелъ бы эту борьбу до конца, если бы ему не помѣшала смерть († 1205 г.).

Послѣ смерти Романа Галичъ дѣлается ареною продолжительныхъ усобицъ, въ которыхъ принимали участіе Галицкіе бояры, Поляки и Венгры. Одно время на спасеніе Галича явился Мстиславъ Удалой и посадилъ было на Галицкій столъ Даніила Романовича; но потомъ онъ помирился съ Венграми и отдалъ имъ Галичъ. Только въ 1229 году послѣ многихъ превратностей судьбы на престолъ Галицкій окончательно сѣлъ Даніилъ Романовичъ, дѣятельность котораго относится уже къ слѣдующему - татарскому періоду отечественной исторіи. Даніилъ Романовичъ былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ князей Галицкихъ, много сдѣлавшій для возвышенія своего княжества и старавшійся освободиться отъ татарскаго ига. Къ сожалѣнію, не смотря на его дарованія, не смотря на его усилія - отстоять самостоятельность своего княжества, онъ не достигъ желаннаго резуль-

тата. Галицкое княжество въ XIV вѣкѣ подпало подъ власть Польши.

По среднему и отчасти верхнему теченію Днѣпра лежало княжество Смоленское, оно пользовалось выгодными мѣстными условіями: положеніе его было центральное, ограждавшее его отъ степей и съ тѣмъ вмѣстѣ отъ внѣшнихъ враговъ Руси - кочевниковъ. Если при этомъ примемъ во вниманіе еще то обстоятельство, что Смоленскъ, главный городъ княжества, находился на великомъ водномъ пути „изъ Варягъ въ Греки", то очевидно торговля и промышленность могли здѣсь свободно развиваться и княжество богатѣть. Городъ Смоленскъ упоминается еще въ X в., - слѣдовательно одинъ изъ древнихъ городовъ Руси. Въ области этого княжества жили въ древнія времена Кривичи.

По завѣщанію Ярослава Смоленскій столъ достался Вячеславу; потомъ переведенъ былъ сюда Игорь Ярославичъ. Послѣ Игоря Смоленское княжество переходитъ въ родъ Мономаховичей. Ростиславъ (+1159г.) сынъ Мстислава Великаго, былъ родоначальникомъ Смоленскихъ князей, такъ какъ въ его родѣ сохранился Смоленскъ до потери своей самостоятельности. Такъ какъ Ростиславъ происходилъ изъ рода Мономаха, то понятно, почему у Смоленскихъ князей были тѣсныя связи съ Кіевскими.

Владиміръ Мономахъ.
Мстиславъ.
Ростиславъ +1168
Рюрикъ | Романъ +1180 | Давидъ +1197.
Мстиславъ (Князь Кіевскій) | Мстиславъ.

До насъ дошла любопытная грамота, данная Ростиславомъ Смоленской епископіи. Изъ нея мы узнаемъ, какія средства должны были обезпечивать смоленскую епископію. Она насъ приводитъ къ несомнѣнному выводу

что доходы съ волостей въ это время (XII в.) были опредѣлены, т. е. установлено было, что взимать князю и что въ пользу епископіи.

Въ Смоленскѣ вокняжился, по смерти Ростислава, Романъ старшій его сынъ (1169-1180 г.). Онъ также, какъ и отецъ стремился къ Кіевскому столу и два раза былъ великимъ княземъ. Но особенно долго княжилъ въ Смоленскѣ слѣдующій за Романомъ его братъ Давидъ съ 1180-1197 г.; но онъ мало ладилъ съ Смольнянами. Изъ преемниковъ его особенно выдается Мстиславъ Давидовичъ, правившій Смоленскимъ княжествомъ съ 1223-1231 г. Ко времени княженія Мстислава Давидовича относится другой юридическій памятникъ (а 1й - грамота Ростислава) — его договорная грамота съ Латинскими гостями, заключенная въ 1229 г. Эта грамота представляетъ интересныя данныя относительно торговой и юридической жизни тогдашняго времени. Латинскіе гости - это нѣмцы изъ Риги. Оказывается, что отъ Риги до самаго Смоленска черезъ зап. Двину и Днѣпръ съ ихъ притоками шло значительное торговое движеніе въ то время. Грамота также показываетъ, что русскіе очень дорожили торговыми сношеніями съ иностранцами. Упоминается здѣсь - „тіунъ на волокѣ", - тіунъ на волокѣ значитъ: живущій на пути, по которому перевозились товары. Если кто нибудь изъ Русскихъ дѣлался несостоятельнымъ, то прежде производилась уплата долга иностранцамъ. По мнѣнію профессора Кіевскаго Университета Фортинскаго въ этой грамотѣ постановленія, касающіяся уголовнаго права, принадлежатъ русскому праву, а постановленія, касающіяся торговыхъ спеціально интересовъ - нѣмецкому праву.

Къ памятникамъ Смоленской письменности, свидѣтельствующимъ о ея особенности и самостоятельности, должна быть отнесена легенда о Святомъ Мерку-

рія", въ которой просвѣчиваетъ мысль о превосходствѣ Русской народности надъ татарскою и твердая вѣра въ освобожденіе отъ ига иноземнаго.-

Въ XIV в. Смоленскъ утрачиваетъ то свое торговое значеніе, которое пріобрѣлъ онъ въ XII и XIII в.

На западъ отъ Смоленскаго княжества лежало княжество Полоцкое. Границы его опредѣляются рѣчною областью З. Двины; эта же область примыкаетъ и бассейнамъ Днѣпра, Березины и Свислочи. Въ древнѣйшую эпоху она была населена также, какъ и область Смоленская, Кривичами, которыхъ можно считать предками теперешнихъ Бѣлоруссовъ. Съ очень древняго времени упоминаются здѣсь города: Полоцкъ, Витебскъ, Минскъ, Усвятъ, Друтескъ, Изяславль и др. Занимая рѣчную область Западной Двины, Полоцкое княженіе стремилось расширить свои границы до устьевъ Западной Двины, что должно было имѣть важное значеніе и для всей Руси. Близъ устьевъ З. Двины лежали Полоцкіе города Кукейносъ и Герсикъ и они имѣютъ такое же значеніе, какъ и Орѣшекъ, указываютъ на то, что Русь еще въ княжескую эпоху стремилась къ тому, чтобы придвинуться къ Балтійскому морю. На западъ отъ Полоцкой земли жили инородческія племена, находившіяся въ такомъ состояніи развитія, что водвореніе Русской власти на Балтійскомъ побережьи по видимому могло совершиться легко. Латыши, Чудь должны были подчиниться цивилизующему вліянію Руси. Но отношенія Полоцка къ остальнымъ землямъ Русскимъ и появленіе нѣмцевъ въ устьяхъ Двины помѣшали Полоцкому княженію достигнуть рѣшенія выпавшей на его долю исторической задачи.

Владиміръ Святой, завоевавъ Полоцкъ у Рогвольда отдалъ его сыну Изяславу, рожденному отъ Рогнѣды, дочери Рогвольда. Изяславъ и былъ родоначальникомъ Полоцкихъ князей:

Изяславъ
Брячиславъ
Всеславъ
Романъ Давидъ Глѣбъ Рогволдъ

Полоцкое княжество первое изъ среды другихъ русскихъ княжествъ обособилось; князья его лишились права садиться на столы другихъ княжествъ (князья-изгои) и характеръ отношеній ихъ къ другимъ княжествамъ былъ почти враждебный.

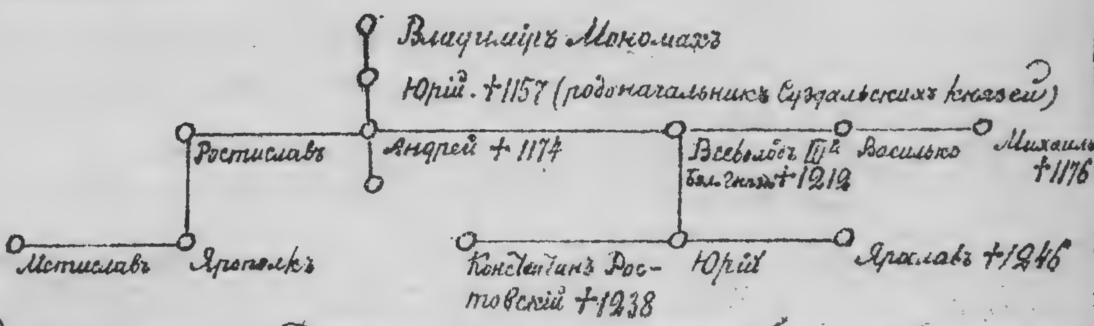
Изъ преемниковъ Изяслава особенно замѣчателенъ былъ Всеславъ, его внукъ (1044-1101). На него напали Ярославичи и взяли въ плѣнъ послѣ битвы при Немизѣ (1068 г.) и посадили въ Кіевѣ въ темницу (порубъ). Случилось такъ, что въ это время на Русь напали Половцы, разбили много князей и подступили къ Кіеву. Кіевляне просили своего князя Изяслава вести ихъ на Половцевъ; но получили отказъ. Послѣ этого они прогнали Изяслава изъ Кіева, а на его мѣсто посадили Всеслава незадолго предъ тѣмъ освобожденнаго изъ поруба. На помощь Изяславу явился тесть его - польскій король Болеславъ; Всеславъ бѣжалъ изъ Кіева и вернулся въ Полоцкъ.

Преемники Всеслава сыновья его: Романъ, Давидъ, Рогвольдъ и Глѣбъ, также не ладили съ южно-русскими князьями. Въ 1130 году Мстиславъ, сынъ Мономаха, повоевалъ Полоцкіе города, заточилъ князей Полоцкихъ въ Грецію и именно въ Царьградъ. Фактъ отправленія князей Полоцкихъ въ Грецію замѣчателенъ. Ссылка Полоцкихъ князей напоминаетъ заточеніе Олега, Черниговскаго князя, на Родосъ. Обоимъ этимъ фактамъ даютъ такое значеніе: русскихъ князей отправили въ Грецію для того, чтобы тамъ произнесенъ былъ надъ ними окончательный судъ. Во время усобицъ въ семьѣ Мономаха Полоцкіе князья вернулись изъ Греціи. Послѣ того внутреннія усобицы мѣшали развитію Полоцкаго княженія и оно не-

могло дать отпора нѣмцамъ.

Ростово-Суздальское княжество

Ростово-Суздальскіе князья происходили отъ Юрія, сына Владиміра Мономаха. У него были сыновья: Ростиславъ, о которомъ мы уже упоминали, когда была рѣчь о борьбѣ между Изяславомъ и Юріемъ. Родословная таблица князей Ростовскихъ:

Въ ряду земель Русскихъ, достигшихъ областной самостоятельности и выработавшихъ особыя формы, Ростово-Суздальская земля занимаетъ очень важное мѣсто. Она лежала на Сѣверо-восточной окраинѣ русской земли и обособилась благодаря условіямъ географическимъ. Она занимала бассейнъ Волги, самой важной рѣки восточно-европейской Россіи; на западъ простиралась до самыхъ верховьевъ Волги, а на востокъ до устьевъ Оки, гдѣ именно въ концѣ разсматриваемого періода возникъ городъ, который долго служилъ предѣломъ владѣній русскихъ на востокъ, - это Нижній Новгородъ, основаніе котораго относится ко времени Юрія. Фактъ этотъ имѣетъ такое же значеніе, какъ и основаніе Васильсурска и Свіяжска, предшествовавшее гранкому событію - покоренію Казани; всѣ эти событія знаменуютъ поступательно-историческое движеніе Русскихъ на востокъ.

Сѣверныя границы области Ростово-Суздальской, послужившей ядромъ Русскаго государства, простирались до водораздѣловъ между бассейномъ Волги и бассейномъ сѣверного океана до уваловъ, раздѣляющихъ рѣки, текущія въ сѣверный океанъ и въ Волгу. На югъ границы простирались до Оки.

Благодаря Волгѣ, Ростово-Суздальская земля могла имѣть обширныя и разнообразныя торговыя сношенія, важныя и полезныя для народа, обитавшаго въ этой области. По Волгѣ шелъ торговый путь съ отдаленнаго запада на отдаленный востокъ. Верховья волги приближались къ Ильменскому бассейну и чрезъ него земля Ростовская имѣла связь съ Балтійскимъ прибрежьемъ. Далѣе торговое движеніе распространялось и на сѣверо-востокъ, благодаря Камѣ. По Окѣ направлялось торговое движеніе съ юга.

Земля Ростовская лежала въ лѣсной полосѣ, вдали степей, заселенныхъ инородцами, находившимися постоянно во враждебныхъ отношеніяхъ съ мирнымъ населеніемъ. Лѣса ея изобиловали пушнымъ звѣремъ, что давало возможность поддерживать выгодную торговлю. Климатъ оказывалъ сильное вліяніе на народонаселеніе, здѣсь обитавшее. Онъ былъ суровый, особенно когда область была дѣвственная, покрыта дремучими лѣсами, и потому воспитывалъ въ обитателяхъ способность переносить и сильный холодъ и жаръ. Область Ростовская была въ глубокой древности заселена Финскими племенами. Здѣсь обитала Меря. Къ югу отъ нея — Мордва, а по среднему теченію Оки — Мещера. Для древнѣйшей исторіи этого княжества много сдѣлалъ своими раскопками графъ Уваровъ. Онъ доказывалъ, что народъ Меря, жившій здѣсь, стоялъ уже на нѣкоторой степени цивилизаціи и велъ обширную торговлю, такъ что, слѣдовательно, славянскіе колонисты нашли здѣсь уже почву, подготовленную для цивилизаціи. Очень можетъ быть, что нѣкоторыя могилы, раскопанныя графомъ Уваровымъ и принимаемыя имъ за Мерянскія, слѣдуетъ считать Славянскими. Славянскіе колонисты несомнѣнно проникли въ эту землю очень рано и надо полагать, приходили сюда болѣе всего изъ страны Кривичей. Въ глубокой древности въ этой

области упоминается Ростовъ, который первоначально и былъ главнымъ городомъ княжества, а затѣмъ княжескій престолъ былъ перенесенъ во Владиміръ.

Первымъ княземъ Рюриковичемъ въ этой землѣ былъ Борисъ, сынъ Св. Владиміра. Справедлива, можетъ быть, догадка, что Владиміръ, имѣя въ виду распространеніе христіанства, далъ Борису и Глѣбу Ростовъ и Муромъ, мѣста отдаленныя, гдѣ труднѣе было вести борьбу съ язычествомъ. Послѣ Бориса объ этой землѣ долгое время не упоминается, какъ о землѣ самостоятельной. Но можно думать, что съ 1ой половины XI вѣка колонизація все больше увеличивалась, и край этотъ достигъ такого значенія, что составлено было изъ него княжество и отдано было Юрію, сыну Владиміра Мономаха. Юрій и былъ родоначальникомъ князей Суздальскихъ. Онъ дѣятельно заботился о заселеніи своего княжества, построилъ въ немъ много городовъ: Переяславль, Дмитровъ, Юрьевъ, но все-таки взоръ Юрія былъ обращенъ на югъ, Кіевскій столъ былъ для него завѣтною цѣлью, къ нему онъ постоянно стремился. По смерти князя Кіевскаго Изяслава, Юрію удалось сѣсть въ Кіевѣ, гдѣ онъ и умеръ.

Юрію наслѣдовалъ сынъ его Андрей Боголюбскій, котораго отецъ посадилъ въ Вышгородѣ, городѣ близлежащемъ къ Кіеву. Но Андрей оказавъ услуги Юрію въ сраженіяхъ при Луцкѣ и подъ Черниговомъ, не пожелалъ остаться въ Вышгородѣ и ушелъ на сѣверъ. Фактъ этотъ весьма замѣчателенъ: въ то время всѣ князья стремились къ Кіеву, а Андрей вдругъ вздумалъ уйти на сѣверъ. Чѣмъ объяснить этотъ поступокъ? Очень можетъ быть, что Андрей, воспитанный на сѣверѣ, имѣлъ больше наклонности къ жизни на сѣверѣ. Борьба Юрія съ Изяславомъ за Кіевскій престолъ доказали Андрею, что дѣла въ Кіевѣ идутъ очень плохо и доволь-

шатки, а тамъ на съверъ спокойнѣе. Преданіе говоритъ, что Андрей, уходя изъ Вышгорода, взялъ съ собою чудотворную икону Богоматери, писанную, по преданію, Евангелистомъ Лукою, которая остановилась на томъ мѣстѣ, гдѣ и основали Боголюбовъ — это было любимое мѣстопребываніе Андрея. Замѣтимъ кстати, что преданія мѣстныя имѣютъ историческое значеніе. Онѣ находятся въ связи съ политическою исторіею, способствовали удержанію областной самостоятельности, поселяли вѣру въ необходимость защищать её.

Послѣ смерти Юрія, послѣдовавшей въ 1157 г., Андрей избранъ былъ княземъ Ростово-Суздальской земли и сталъ княжить самовластно. Онъ изгналъ братьевъ своихъ Всеволода и Василька и не сталъ жить въ старомъ Ростовѣ или Суздалѣ, а поселился въ новомъ городѣ Владимірѣ, такимъ образ. центръ этой земли перешелъ съ окраины въ область, имѣющую срединное значеніе. То обстоятельство, что Андрей сталъ жить во Владимірѣ, а не въ Ростовѣ или Суздалѣ, вызвало въ наукѣ любопытныя соображенія объ отношеніи старшихъ городовъ къ младшимъ. Въ старыхъ городахъ населеніе очень рано стало привыкать — имѣть вліяніе на управленіе землею, а въ новыхъ такого пріема не было. Поэтому въ старыхъ городахъ князьямъ трудно было дѣйствовать самовластно, они зависѣли отъ вѣча, и князья, желавшіе дѣйствовать самовластно, безъ всякаго контроля, селились въ новыхъ городахъ, гдѣ власть ихъ никто не ограничивалъ. Такъ, когда Ярославъ Всеволодовичъ хотѣлъ усилить свою власть, то не сталъ жить въ Новгородѣ, а въ Торжкѣ. То, что ясно сказывается въ отношеніяхъ Новгорода къ Торжку, замѣчаютъ и въ отношеніяхъ Ростова къ Владиміру, и Андрей, какъ Ярославъ Всеволодовичъ, желалъ увеличить свою власть и дѣйствовать

самовластно, потому и переѣхалъ на жительство въ новый городъ Владиміръ. — Андрей удачно велъ войну съ Болгарами. Въ началѣ своего княженія Андрей былъ занятъ отношеніями къ Новгороду, который въ это время богатѣлъ и сдѣлался самостоятельнымъ, благодаря раздорамъ, происходившимъ между потомками Мономаха. Андрей дѣятельно старался поддерживать въ Новгородѣ ростовскую партію. Поддерживая эту партію, Андрей не могъ относиться спокойно къ князьямъ, пришедшимъ съ юга. Суздальскіе колонисты сталкивались на сѣверѣ съ Новгородскими. Кромѣ этого здѣсь постоянно шли торговыя сношенія; именно изъ Суздальской земли шелъ хлѣбъ въ Новгородъ. Князь поэтому могъ во всякое время удержать хлѣбъ, идущій въ Новгородъ изъ Суздальской земли. Поэтому въ Новгородѣ лица, заинтересованныя торговлею, дорожили дружбою Андрея, князя суздальскаго, но большинство гражданъ, для которыхъ торговыя выгоды не были столь значительны, сочувствовали болѣе князьямъ южно-русскимъ, и когда сталъ княжить въ Новгородѣ Романъ Мстиславичъ, Андрей разгнѣвался на Новгородцевъ. Онъ собирался предпринять походъ на Новгородъ, но хотѣлъ сначала расправиться съ Кіевомъ, который помогъ Роману сѣсть въ Новгородѣ. Для этого Андрей сталъ собирать огромное войско; съ нимъ было 11 князей. Разоривъ Кіевъ въ 1169 г. онъ предпринялъ походъ на Новгородъ. Положеніе Новгорода было опасное. Тогда, разсказываетъ преданіе, было видѣніе епископу Новгородскому Іоанну, вслѣдствіе чего онъ вынесъ икону Богоматери на стѣну и поставилъ её лицомъ къ Суздальцамъ, но одна стрѣла ударилась въ икону. Тогда она повернулась лицомъ къ Новгороду, и изъ лика Богоматери потекли слезы. На Суздальцевъ напалъ страхъ и они бѣжали. Таково преданіе о нашествіи на Новгородъ Суздальцевъ. Эта неудача Андрея имѣла для Новгородцевъ важное

значеніе. Въ тяжелыя минуты Новгородцы вспоминали о своемъ чудесномъ спасеніи; это преданіе вселяло въ нихъ мужество, давало надежду на успѣхъ.

По взятіи Кіева, Андрей посадилъ тамъ княземъ Глѣба Юрьевича. Когда онъ умеръ, а въ Кіевскомъ княженіи сѣли Ростиславичи, сыновья Ростислава Мстиславича: Рюрикъ, Давидъ, Мстиславъ Храбрый, до Андрея дошли слухи о насильственной смерти Глѣба. Начались переговоры по этому поводу съ Ростиславичами. Они были глубоко оскорблены тѣмъ, что Андрей обратился къ нимъ не такъ, какъ обыкновенно обращались князья другъ съ другомъ, какъ равные. Мстиславъ Храбрый велѣлъ остричь посла Андрея. Тогда онъ предпринялъ новый походъ на Кіевъ. Но этотъ походъ былъ неудаченъ. Мстиславъ Храбрый, защищавшій Вышгородъ, отбилъ дружины Андрея Боголюбскаго.- Андрей Боголюбскій не могъ этого простить, его гордость была унижена и онъ собирался въ новый походъ. Но въ это то время произошли перемѣны: на Кіевскій столъ былъ избранъ Ярославъ Изяславичъ, князь Луцкій. Тогда Ростиславичи – Рюрикъ, Романъ и Давидъ – снова вступили въ сношенія съ Андреемъ Боголюбскимъ, которому выгоднѣе было допустить на княжескій столъ кого нибудь изъ Ростиславичей, чѣмъ ненавистный ему родъ Изяслава. Вслѣдъ затѣмъ противъ Андрея составился заговоръ, и онъ былъ убитъ въ ночь съ 28 на 29 іюня 1174 г.

Сохранилось въ лѣтописи („Сѣверный сводъ") подробное сказаніе объ этомъ событіи. Вотъ что разсказывается тамъ: Андрей казнилъ одного изъ Кучковичей, изъ рода которыхъ была его жена. Тогда одинъ изъ нихъ Якимъ вмѣстѣ съ зятемъ Петромъ, Ефремомъ Моизичемъ и Ясомъ составили заговоръ. Всѣхъ заговорщиковъ было человѣкъ 20. Ихъ ненависть къ Андрею была, какъ видно, вызвана опасеніемъ за свою

участь. Заговорщики ночью отправились въ теремъ Андрея, но на нихъ напалъ страхъ. Тогда они бросились въ погребъ, напились вина и, ободрившись, снова вбѣжали въ сѣни. Подойдя къ дверямъ, одинъ изъ заговорщиковъ началъ стучать; Андрей окликнулъ его и на окликъ князя /о/ъ отвѣчалъ, что его хочетъ видѣть Прокопій, любимецъ князя. Князь, услышавши чужой голосъ и догадавшись, въ чемъ дѣло, началъ искать мечъ; но онъ былъ унесенъ заранѣе. Между тѣмъ заговорщики выломали двери, ворвались въ спальню и бросились на князя. Однако Андрей упорно защищался и наконецъ, измученный упалъ. Заговорщики, воображая, что онъ лишился жизни, бросились въ другія комнаты и стали грабить княжеское имущество. Но Андрей собрался съ силами, выползъ изъ спальни и, замѣтивъ, что заговорщики ушли, спрятался за столбомъ. Однако убійцы по кровавымъ слѣдамъ догадались, куда онъ уползъ, отыскали его и добили его тамъ.

Затѣмъ они послали сказать во Владиміръ, что князь убитъ и что они жестоко расправятся съ тѣми, кто вздумаетъ сопротивляться имъ. Но Владимірцы дали уклончивый отвѣтъ. Мы не съ вами, а что вы затѣяли, то и дѣлайте.

Начались волненія во Владимірѣ, народъ началъ грабить имущество лицъ, стоявшихъ во главѣ правленія. Тѣло Андрея Боголюбскаго во все это время оставалось безъ погребенія. Но вотъ духовенство устроило крестный ходъ, и тѣло Андрея было погребено. Въ сказаніи между прочимъ разсказывается, что одинъ изъ слугъ Андрея — Кузьма прикрылъ его тѣло и обнаружилъ вообще ту же преданность и тѣ же чуства, какія обнаруживалъ и при его жизни. Сказаніе передаетъ такія подробности, которыя показываютъ, что оно составлено очевидцемъ событія. Съ нѣкоторою

вѣроятностію можно предполагать, что составителемъ этого сказанія былъ помянутый Кузьма.

Такова была печальная участь Андрея Боголюбскаго, который обнаружилъ въ своей дѣятельности много новаго, небывалаго, что возбуждало противъ него сильныя неудовольствія. О немъ сохранились противорѣчивые отзывы.

Въ южно-русскомъ сводѣ Андрей рисуется гордымъ, самонадѣяннымъ, полагающимся на свои силы, а не на волю Божію; княземъ, пренебрегающимъ интересами другихъ князей, имѣющимъ въ виду только свои требованія и добивающимся во что бы то ни стало ихъ осуществленія. Эта характеристика составляетъ противоположность характеристикѣ Мстислава Храбраго, который забывалъ о себѣ, дѣйствовалъ во имя общей пользы, который отличался храбростію, но вмѣстѣ съ тѣмъ не придавалъ большаго значенія матеріальнымъ силамъ, какое имъ придавалъ Андрей.

Въ сѣверномъ сводѣ находимъ сочувственные отзывы объ немъ. На основаніи этихъ отзывовъ можно составить себѣ ясное понятіе объ Андреѣ.

Онъ былъ прототипъ князей сѣверо-русскихъ, положившихъ прочное основаніе Русскому государству; прототипъ князей, въ которыхъ сказались черты народности, обнаружившей наибольшую способность къ образованію прочнаго государства. Стремленіе усилить свою вотчину, возвысить свою власть, распространить по возможности свое вліяніе на всѣ междукняжескія отношенія — все это очень замѣтно въ дѣятельности Андрея, съ гордостію и самовластіемъ въ немъ уживалось благочестіе, глубокая преданность церкви, и лѣтописецъ прославляетъ его за то, что онъ много сдѣлалъ для нея. Всѣми этими особенностями князь Андрей напоминаетъ типъ Великорусса.

Нельзя конечно сказать, чтобы у Андрея былъ опредѣленный планъ, осуществленіе котораго могло бы существенно измѣнить строй тогдашней Руси. Такой типъ могъ явиться только позже. Но если у Андрея не было стремленій къ преобразованіямъ, которыя перевернули бы существовавшій тогда строй, то все же онъ выдѣлился изъ среды другихъ князей тѣмъ, что ревностнѣе другихъ относился къ интересамъ своего княжества.

Прежде, чѣмъ пересоздать порядокъ, существовавшій на всемъ пространствѣ Россіи, нужно было позаботиться о пріобрѣтеніи достаточныхъ для этого силъ и Андрей стремился обезсилить удѣльныхъ князей отнималъ вотчины у своихъ родственниковъ и присоединялъ ихъ къ своимъ вотчинамъ. Андрей возвысилъ новый городъ Владиміръ, что не нравилось старшимъ городамъ — Ростову и Суздалю, и неприязнь ихъ обнаружилась однако послѣ смерти Андрея. Именно Ростовцы, Суздальцы и Владимірцы положили вновь призвать Ростиславичей: Мстислава и Ярополка, но вмѣстѣ съ ними пріѣхалъ изъ южной Руси князь Михаилъ, братъ Андрея. Собственно по желанію Юрія и Андрея, столъ Ростово-Суздальскій и Владиміръ не могли перейти къ Ростиславичамъ. Слѣдовательно, приглашеніемъ Ростиславичей нарушалась воля князей: Юрія и Андрея.

Владимірцы сначала были за одно съ Ростовцами и Суздальцами, но вскорѣ замѣтили, что послѣдніе враждебно къ нимъ расположены: они говорили, что Владимірцы ихъ пригородъ и требовали отъ нихъ подчиненія. Тогда Владимірцы, воспользовавшись тѣмъ, что съ Ростиславичами пріѣхалъ Михаилъ, призвали его къ себѣ и, не ожидая добра, затворились въ своемъ городѣ. Ростовцы и Суздальцы осадили городъ. Осада продолжалась долго; Михаилъ не могъ сопротивляться и выѣхалъ изъ города. Тогда Мстиславъ сѣлъ въ Ростовѣ, а Ярополкъ во Владимірѣ. Такимъ образомъ Ростовъ

опять пріобрѣлъ старшинство. Это событіе характеризуетъ отношенія старшихъ Русскихъ городовъ къ младшимъ.

Какъ сильно было соревнованіе между ними, видно изъ разсказа о событіяхъ, слѣдовавшихъ послѣ смерти Андрея.

Ярополкъ возбудилъ сильное негодованіе во Владимірцахъ; онъ не обращалъ вниманія на жалобы народа и даже позволилъ себѣ ограбить церковь Св. Богородицы, которую построилъ Андрей. Владимірцы, выведенные изъ терпѣнія прогнали Ярополка и снова призвали Михаила, который на этотъ разъ былъ счастливѣе: ему удалось въ 1175 году выгнать Ростиславичей. Въ 1176 году онъ умеръ. Послѣ его смерти Владимірцы призвали его брата Всеволода. Ростовцы же поддерживали Глѣба Рязанскаго, но Всеволодъ одержалъ верхъ надъ врагами и долго княжилъ въ Ростово-Суздальской землѣ (1176–1212). Онъ былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ князей. Дѣятельность его напоминаетъ дѣятельность Андрея Боголюбскаго. Онъ также осторожно и упорно стремился къ разъ поставленной цѣли и поднялъ значеніе Ростово-Суздальскаго княжества. Сидя на сѣверѣ онъ имѣлъ вліяніе и на Кіевъ и на Галицкую землю. Во многихъ отношеніяхъ онъ напоминаетъ Андрея Боголюбскаго, но онъ менѣе гордъ, болѣе уступчивъ. Уже Андрей боролся съ Новгородцами. Всеволодъ въ Новгородѣ также поддерживалъ свое вліяніе, и здѣсь во все время его княженія имѣла перевѣсъ партія Суздальская. Вѣче Новгородское должно было сообразовать свои распоряженія съ желаніями Всеволода. Еще сильнѣе Всеволодъ дѣйствовалъ въ отношеніи Рязанскихъ князей, усобицы которыхъ дали ему возможность вмѣшаться въ дѣла ихъ и поддерживать своихъ приверженцевъ. Въ періодъ времени съ 1208–1210 г. онъ изгналъ Рязанскихъ князей и утвердилъ своихъ посадниковъ. Всеволодъ, благодаря своей дальновидности, утвердилъ вліяніе и на югѣ. Онъ поссорилъ Романа, князя Волынскаго съ Рюрикомъ, княземъ Кіевскимъ (слѣд. очеркъ Кіевскаго

княженія). Замѣчательно, что галицкій князь Владиміръ Ярославичъ только съ согласія Всеволода и подъ его покровительствомъ вернулъ власть и княжилъ съ 1190 по 1200 г. Мы видимъ отсюда, какъ далеко простиралось вліяніе Владимірскаго князя. Обстоятельства, которыми такъ искусно пользовался Всеволодъ, все болѣе и болѣе приводили къ тому, чтобы вездѣ утвердилось его вліяніе; но вдругъ онѣ перемѣнились незадолго до его кончины. Князь Торопецкій Мстиславъ Мстиславичъ Удалой предложилъ свои услуги Новгородцамъ, чтобы защищать ихъ отъ Суздальскаго князя. Новгородцы приняли его съ восторгомъ.

Всеволодъ не вступилъ въ борьбу съ Мстиславомъ и сдѣлалъ ему уступки. Всеволодъ отдалъ Владиміръ не старшему сыну Константину а младшему Юрію и отдалъ потому, что первый не хотѣлъ уступить брату Ростова, въ которомъ онъ сидѣлъ, а хотѣлъ владѣть обоими этими городами. Это распоряженіе Всеволода имѣло вредныя послѣдствія. Послѣ смерти Всеволода (1212) началась борьба между его сыновьями въ 1215 и 1216 г.г. Во Владимірѣ княжилъ Юрій, въ Ростовѣ - Константинъ, а въ Новгородѣ - Ярославъ Всеволодовичъ. Этотъ Ярославъ отличался тѣми типическими особенностями, которыми отличались наиболѣе выдающіеся князья сѣверо-восточной Руси. Онъ, призванный суздальскою партіей въ Новгородъ, сталъ распоряжаться тамъ самовластно. Это возбудило неудовольствіе въ Новгородцахъ, и онъ удалился въ Торжокъ. Можно предполагать, что онъ хотѣлъ возвысить Торжокъ на счетъ Новгорода. Въ Новгородѣ жители слишкомъ привыкли къ самоуправленію, такъ что княжеская власть не могла тамъ ужиться; Торжокъ же былъ городъ младшій, слѣдоват., въ Торжкѣ возможно было усилить власть княжескую. На помощь къ Новгородцамъ является Мстиславъ Удалой. Появленіе его въ Новгородѣ возбудило сильную радость. Мстиславъ говорилъ на вѣчѣ, что онъ пришелъ спасать Новгородъ и Св. Со-

рію и готовъ положить за нихъ свою голову. Новгородцы, въ свою очередь, высказали готовность пойдти за нимъ, куда онъ ихъ ни поведетъ. Мстиславъ желая покончить дѣло миромъ, послалъ пословъ къ Ярославу, но тотъ не далъ ему отвѣта. Между тѣмъ въ Новгородѣ дошли слухи, что Ярославъ перехватилъ подозрительныхъ Новгородцевъ и заковалъ ихъ въ цѣпи. Эта вѣсть возбудила негодованіе въ Новгородцахъ. Мстиславъ, сказавши на вѣчѣ: „не бывать Торжку выше Новгорода, гдѣ Св. Софія, - тамъ и Новгородъ"; - выступилъ съ Новгородцами на Торжокъ. (Святая Софія считалась покровительницею Новгорода). Мстиславъ соединился съ Константиномъ, Юрій же съ Ярославомъ. Войска встрѣтились близъ Липецъ. Борьба эта характеризуетъ стремленія князей князей сѣверо-восточной и южной Руси. Съ одной стороны является князь, усилившій свою власть, представитель новаго движенія (Ярославъ), съ другой стороны князья, уважающіе старый порядокъ (Константинъ Ростовскій и Мстиславъ Удалой). Близъ Липицъ произошла битва, на которую князья смотрѣли, какъ на судъ Божій. Она кончилась пораженіемъ Юрія и Ярослава, и старшій столъ перешелъ къ Константину. Онъ скоро умеръ (1217) и ему наслѣдовалъ братъ его Юрій. Послѣдній ознаменовалъ свое княженіе основаніемъ Нижняго Новгорода, составившаго самый крайній предѣлъ распространенія русской власти на востокъ до татарскаго нашествія. Въ княженіе того же Юрія татары завоевали Владиміръ и онъ самъ погибъ въ борьбѣ съ ними, въ битвѣ при р. Сити (1238).

Рязанская земля занимала область, границы которой на сѣверъ простирались недалеко отъ средняго теченія р. Оки, затѣмъ онѣ спускались къ верховьямъ Дона, а потомъ снова поднимались къ западу до Оки, главной рѣки Рязанскаго княжества. Эта земля вообще имѣла видъ треугольника, основаніемъ котораго можно считать р. Оку, а вершиной верховья Дона. Отъ Оки гна-

ницы Рязанской земли немного отступила на северъ, но недалеко; далѣе же верховьевъ Дона она не заходила; иногда впрочемъ удалялась нѣсколько на западъ.

Въ древнее время Рязанская земля занята была Финскимъ племенемъ. Иловайскій предполагаетъ, что въ этой землѣ жило именно финское племя Ара. Догадку эту онъ основываетъ на томъ обстоятельствѣ, что во многихъ географическихъ названіяхъ мѣстностей этой земли встрѣчается корень „ар", напр. Арзамасъ, Ардатовъ. Этотъ корень видятъ и въ древнемъ названіи Волги — Ра. Въ IX в. какъ мы знаемъ по этнографическимъ даннымъ — Повѣсти временныхъ лѣтъ — въ ней (Рязанской землѣ) жило славянское племя — Вятичи по Окѣ, Финскія племена Мурома и къ югу отъ нея — Мордва, а къ западу — Мещера. И донынѣ Мещерской стороной въ Рязанской губерніи называется область, лежащая къ сѣверу отъ Оки, хотя никакихъ Мещеръ тамъ уже давно нѣтъ. Славянскія колоніи по всему вѣроятію направлялись въ Рязанскую область съ двухъ сторонъ: съ юга и запада. Область эта, какъ область, покрытая дремучими лѣсами и далеко отстоящая отъ водного пути, долгое время не участвовала въ томъ умственномъ движеніи, которое сообщило толчекъ развитію Славянской жизни (въ IX вѣкѣ) и Вятичи, главные насельники этой области, вошли въ составъ Русскаго государства позже другихъ племенъ. Въ то время, какъ другія Славянскія племена, какъ то Кривичи, Древляне, Волыняне и др., составляли одно государство, Вятичи жили отдѣльно и только въ княженіе Святослава вошли въ составъ Русскаго государства и тѣмъ признали надъ собою власть Рюрикова дома. Но еще задолго до этихъ событій оказывалось уже преобладающее значеніе Славянъ-Вятичей надъ племенами неславянскими. Извѣстно, что Вятичи распространяли свои владѣнія на счетъ финскихъ племенъ: Мещеры и Муромы. Эти племена не оказывали такого противодѣйствія завоевательнымъ стремле-

ніямъ славянскихъ племенъ, какъ Мордва, племя отличавшееся настойчивостью и энергіей. Она даже въ позднѣйшіе вѣка (XIV, XV) имѣла своихъ князей.

Познакомившись съ этнографическимъ составомъ Рязанской земли, обратимъ вниманіе на географическія условія, вліявшія на судьбу ея. Рязанская земля, сама находясь въ странѣ лѣсистой, на югъ граничила со степью и потому должна была съ самаго начала быть постоянно на стражѣ со стороны кочевниковъ, какъ и Южная Русь. Какъ Южная Русь, вслѣдствіе невыгоднаго сосѣдства съ кочевниками, скоро должна была уступить свое важное значеніе Сѣверной Руси, - такъ и Рязанское княжество, находясь подъ вліяніемъ тѣхъ же неблагопріятныхъ условій ~~усиливать~~ не могло постоянно усиливать её. Оно не могло распространять своихъ владѣній на югъ, потому что этому препятствовали кочевники. Борьба съ послѣдними безъ сомнѣнія должна была поддерживать въ Рязанцахъ мужество, и мы даже въ лѣтописи встрѣчаемъ указаніе на ихъ храбрость. Рязанцы не могли свободно распространять своихъ владѣній и на сѣверъ; потому что тамъ было сильное Владиміро-Суздальское княжество. Оттого и предѣлы Рязанскаго княжества отъ самаго начала княжества (XII в.) и до совершеннаго упадка его самостоятельности (XVI в.) не подвергались значительнымъ перемѣнамъ. Рязанская земля славилась своими дремучими лѣсами со множествомъ звѣрей; рѣками, обильными рыбой, и необыкновеннымъ плодородіемъ; вообще условія природы для жизни были самыя благопріятныя; на плодородіе Рязанской земли указываютъ иностранцы даже въ XVI в. Эти то условія и привлекали въ Рязанское княжество поселенцевъ, такъ что оно, не занимая обширной области, все же могло имѣть значеніе среди другихъ княжествъ.

Изъ мрака неизвѣстности впервые Рязанскій край выступаетъ въ то время, когда лѣтопись сообщаетъ, что одинъ изъ сыновей Владиміра Святого Глѣбъ получилъ Муромъ, Рязанскій городъ, о Рязани же еще не было помину. Муромъ, лежащій на окраинѣ Рязанской земли, Глѣбу дали можетъ быть для того, чтобы распространить христіанство; но это было очень трудно: край этотъ находился вдали отъ тѣхъ областей, гдѣ оно утвердилось; въ Рязанской землѣ распространилось христіанство только въ первой половинѣ XII вѣка, благодаря Святому Кужшѣ. Послѣ Глѣба Рязанскій край надолго сходитъ съ исторической сцены. Онъ входилъ въ составъ другого, болѣе сильнаго княжества и всего вѣроятнѣе въ составъ земли Черниговo-Сѣверской. Князья этой земли мало интересовались Рязанской землей и зависимость послѣдней, по всей вѣроятности состояла только въ томъ, что Рязанцы платили дань Черниговo-Сѣверскимъ князьямъ.

Въ концѣ XI в. Черниговскій столъ сдѣлался предметомъ горячихъ исканій со стороны Олега Святославича, и онъ двинулся съ войскомъ къ Мурому. Здѣсь подъ 1096 г. впервые упоминается о городѣ Рязани (находящейся неподалеку отъ нынѣшней), которому суждено было стать во главѣ этой земли. Слово Рязань производятъ отъ слова „рязы", означающаго мѣстное, топкое мѣсто. Но замѣчательно, что первые признаки историческаго движенія, обнаружившіеся въ Муромѣ, переходятъ отсюда въ Рязань, которая лежала на Окѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ она въ своемъ теченіи наиболѣе склоняется отъ сѣвера къ югу. Это обстоятельство и придавало первенствующее значеніе Рязани надъ другими Рязанскими городами. Изяславъ, сынъ Владиміра, бывшій въ Муромѣ, вышелъ противъ Олега Святославича и въ борьбѣ съ нимъ погибъ. Затѣмъ въ исторіи борьбы Святослава Ольговича (1146–1147 г.) съ Изяславомъ

Литографія Грюбовой

Мстиславичемъ, упоминается нѣсколько Рязанскихъ городовъ и, вѣроятно, нѣкоторые изъ нихъ возникли задолго до того времени, къ которому относится упоминаніе о нихъ.

Въ княженіе Мстислава Владиміровича (1125-1132 г.г.) случилось событіе, по своимъ послѣдствіямъ важное для Рязанскаго княжества. По смерти Давида (1125) въ Черниговѣ сѣлъ было, по обычаю, меньшій изъ Святославичей - Ярославъ, но племянникъ Всеволодъ Ольговичъ изгналъ его, и Ярославъ Святославичъ удалился въ Муромъ, гдѣ онъ сдѣлался родоначальникомъ Рязанскихъ князей:

Родословная Рязанскихъ князей:

- Ярославъ Святославичъ (+1129 г.)
  - Ростиславъ
    - Глѣбъ (+1177 г.)
      - Игорь
        - Юрій
          - Ингварь
            - Олегъ
              - Романъ
                - Ярославъ (+1299)
                  - Михаилъ
                    - Александръ
                      - Іоаннъ
                        - Олегъ (современникъ Дмитрія Донскаго)
      - Владиміръ
        - Глѣбъ
          - Константинъ.

При Ярославѣ Святославичѣ распространилось христіанство въ Рязанской землѣ. До насъ дошелъ памятникъ, относящійся къ тому времени, но писанный въ XVI вѣкѣ, именно, житіе Св. Константина Муромскаго. До сихъ поръ этого Константина ученые не пріурочили ни къ одному изъ Рязанскихъ князей. Хотя Д. Иловайскій въ своей монографіи о Рязанскомъ княжествѣ и полагаетъ, что Константинъ Муромскій есть ни кто другой, какъ только Ярославъ, но Ключевскій отрицаетъ

это главнымъ образомъ на томъ основаніи, что христіанское имя Ярослава Святославича было иное, чѣмъ Константинъ.

Ярославъ Святославичъ, занявши Рязанскій столъ, всю свою дѣятельность посвятилъ Рязанскому княжеству. По смерти его княжество распадается на Муромское и Рязанское. Со времени Андрея Боголюбскаго князья Рязанскіе подчиняются Суздальскимъ князьямъ, Муромскіе такъ и остаются въ подчиненіи. Рязанскій князь Глѣбъ Ростиславичъ, внукъ Ярослава (1144-1177г.), поддерживалъ Ростиславичей Суздальскихъ; но въ сраженіи при Коломнѣ Глѣбъ былъ взятъ въ плѣнъ. Въ 80-хъ годахъ Всеволодъ принималъ участіе въ усобицахъ сыновей Глѣба. Въ 90-хъ отношенія Рязанскихъ князей къ Всеволоду отличались мирнымъ характеромъ. Къ этому времени относится важное для Рязани событіе. Она получила особаго епископа Арсенія и съ этого времени, составляя отдѣльную епархію, пользовалась большою независимостью въ церковномъ отношеніи. Но съ 1207-1210 г. отношенія ихъ были враждебны и они окончились посаженіемъ Всеволодовыхъ посадниковъ въ города Рязанскіе.

Въ 1217 г. Глѣбъ и Константинъ Володиміровичи (внуки Глѣба), зазвавъ на пиръ шестерыхъ князей, избили ихъ. Месть за братьевъ совершилъ Ингварь Игоревичъ, который изгналъ убійцу и вокняжился въ Рязани. Братъ его - Юрій - мужественно защищалъ землю Рязанскую отъ татаръ (1237). Здѣсь исторія Рязанскаго княжества снова какъ бы прерывается на время, но въ эпоху развитія Московскаго княжества, Рязанское княжество снова выступаетъ на сцену исторіи и является тѣмъ же самостоятельнымъ княжествомъ. Самостоятельность его сказалась и въ литературѣ. До насъ дошли слѣдующіе памятники Рязанскіе: преданіе о Добрынѣ, участвовавшемъ въ Калкской битвѣ, объ Эвпатіѣ

Коловратъ, богатырь. Онъ, возвращаясь домой, напалъ на татаръ, многихъ изъ нихъ избилъ, но и самъ былъ схваченъ и умерщвленъ. За тѣмъ сказаніе объ основаніи города Зарайска и о чудотворной Рязанской иконѣ.

Внутреннее состояніе Русской земли съ XI до XIII в.

Взгляды нашихъ историковъ на это время весьма различны. Было время, когда въ этой эпохѣ не видѣли развитія какихъ либо существенныхъ началъ; представителями такого взгляда являются Карамзинъ и др. Затѣмъ явилась попытка обобщить явленія, явилась теорія родоваго начала и имъ объясняли всѣ выдающіяся явленія удѣльнаго періода. Эту теорію впервые высказалъ знаменитый Эверсъ; затѣмъ эту теорію проводили С. М. Соловьевъ и К.Д. Кавелинъ. Но скоро замѣтили ея односторонность, увидѣли, что нельзя ею объяснить всѣхъ явленій удѣльнаго періода, и въ немъ открыли присутствіе другого начала, имѣвшаго весьма важное значеніе, начала общиннаго. Оно было выдвинуто въ наукѣ Аксаковымъ. Затѣмъ явилась теорія, которая доказывала, что въ княжеской Руси преобладало начало договорное. Эту теорію проводилъ профессоръ Сергѣевичъ. Наконецъ, по мнѣнію Костомарова, въ древней Руси преобладало начало федеративное. Слѣдовательно ученые въ эпохѣ удѣльнаго періода видятъ проявленіе начала родоваго, общиннаго, договорнаго и федеративнаго.

Въ развитіи этихъ взглядовъ на Русскую жизнь указаннаго періода есть много общаго со взглядами, высказанными въ западно-европейской литературѣ по отношенію къ среднимъ вѣкамъ. Одни историки для объясненія строя средневѣковой Европы, выдвигали на первый планъ аристократическое начало, другіе – церковное, третьи – общинное. Всѣ эти взгляды болѣе или менѣе односторонни; но нельзя однако, не признать, что въ нихъ есть извѣстная доля правды.

Какъ мы видѣли, теорія родового быта не выдерживаетъ критики; важное значеніе имѣло общинное начало, имъ объясняется жизнь сельскихъ и городскихъ общинъ; вѣче вліяло и на княжескія отношенія. Кромѣ этого слѣдуетъ также признать и договорное начало. Но было бы несправедливо думать, что договорное начало имѣло преобладающее значеніе въ періодъ времени отъ 11 до 13 в., и нѣтъ основанія предполагать договоръ тамъ, гдѣ было только крестное цѣлованіе. Вмѣстѣ съ общиннымъ началомъ дѣйствовало начало княжеское (государственное) и дружинное; и то и другое находились въ тѣсной связи между собою. Нѣкоторые признаютъ также начало федеративное; но федерація - явленіе высоко развитой жизни, и въ русской исторіи отъ 11 до 13 вѣка нѣтъ учрежденій, въ которыхъ выражалось бы это начало. Хотя русская земля дробилась на части, но между этими частями поддерживалась живая связь, у князей было сознаніе интересовъ, касающихся всей русской земли. Отъ этихъ общихъ замѣчаній обратимся къ подробнѣйшему описанію внутренняго строя русской жизни отъ 11 до 13 вѣка.

Названіе „князь" въ этотъ періодъ утверждается только за потомками Рюрика, и тѣ, кто носилъ этотъ титулъ раньше, теперь лишились его: княземъ могъ быть только происходившій изъ рода Рюрика. Князья Рюриковичи сознавали, что они необходимы для народа, и онъ, дѣйствительно въ нихъ нуждался. Въ 1125 году князья говорятъ: „не крѣпко бьется дружина и Половцы, если съ ними не ѣдимъ мы сами". Часть дружины Юрія успѣла переправиться черезъ Днѣпръ, а дружина Изяслава оказала слабое сопротивленіе, потому что ею не начальствовалъ самъ князь (1151 г.). Новгородъ въ которомъ утвердилась власть вѣча, постоянно обращается къ князьямъ.

Князь при рожденіи получалъ княжескій титулъ.

Къ слову „князь" прибавлялось названіе „великій". Этотъ титулъ усвоялся по преимуществу Кіевскимъ князьямъ, но онъ не давалъ никакихъ особенныхъ преимуществъ; былъ только почетнымъ и указывалъ на степень вліянія князя. Слово „великій" присоединяется также къ титулу Суздальскаго князя. Князья назывались еще самодержцами. По всей вѣроятности понятіе о власти самодержавной слагалось подъ вліяніемъ Византіи. — Князья считали своимъ неотъемлемымъ правомъ имѣть удѣлы. Они составляли, по мѣткому выраженію современниковъ, хлѣбъ князя. „Ужели ты и здѣсь лишишь меня моего хлѣба?", — говорилъ Олегъ въ 1096 году. Съ удѣловъ князья получали извѣстные доходы, по всей вѣроятности опредѣленные. Смотря на столы, какъ на средство къ обезпеченію, князья однако не руководились въ своихъ отношеніяхъ къ княжеству началомъ однаго кормленія, но сознавали необходимость нести извѣстныя обязанности. Доходы князь получалъ съ судебныхъ дѣлъ, земель и товаровъ. Скопленіе матеріальныхъ богатствъ въ княжескихъ имѣніяхъ могло оказывать вліяніе на движеніе промышленности и торговли. Его обязанности были слѣдующія: предводительствовать войскомъ, быть верховнымъ судьею. Слѣдовательно, его власть имѣла характеръ власти государственной. Эти обязанности прекрасно изложены Владиміромъ Мономахомъ въ его „поученіи къ дѣтямъ". Князь самъ долженъ за всѣмъ смотрѣть, все исполнять, не довѣряя приставникамъ, долженъ принимать участіе въ походѣ, долженъ заботиться о правосудіи, чтобы слабые не терпѣли притѣсненій. При рожденіи князь получалъ два имени, изъ которыхъ одно было христіанское. Существовалъ обычай пострижeнія, характеризующій княжескій бытъ: молодаго князя сажали на коня и этимъ какъ бы указывали на то, что въ жизни князя должно было играть важную роль. При погребеніи князя по всей вѣроятности

надѣвали трауръ. Такъ можно думать на основаніи извѣстія о смерти Владимірка Галицкаго.
Лѣтопись особенно хвалитъ князей, когда они заботятся о церквахъ и монастыряхъ, и остаются тверды въ своемъ словѣ. На послѣднее качество нельзя не обратить вниманія; князья часто дѣйствовали подъ вліяніемъ личныхъ побужденій, увлекались, отъ этого рѣдко встрѣчается твердость данному слову. Княжеское начало въ значительной степени содѣйствовало развитію. Князья заботились о расширеніи предѣловъ, укрѣпляли границы государства; творили судъ, заботились о законодательствѣ, о поднятіи церковныхъ интересовъ. Владиміръ первый далъ уставъ, въ которомъ были обозначены права духовенства. Къ этому уставу потомъ сдѣланы были дополненія Ярославомъ. Благодаря князьямъ церковь получила обезпеченіе. Съ обособленіемъ какой-нибудь земли обыкновенно выступаетъ замѣтно княжеская дѣятельность; князья заботились о развитіи торговли и промышленности.

Дружина. - Ближайшими пособниками князя были его дружинники. Отношенія князя къ дружинѣ опредѣлились еще въ предшествовавшій періодъ. Они мѣтко характеризуются словами Владиміра: „съ дружиною все добуду" Князь хорошій выдававшійся своими качествами, не могъ не дорожить дружиною; она постоянно была при немъ, составляла его войско и совѣтъ. Дружина говорила князю: „ты самъ, князь, это задумалъ" Въ этихъ словахъ слышится какъ бы упрекъ князю. Изъ этого можно заключить, что обыкновенно свои намѣренія князь сообщалъ дружинѣ. Изъ княжескаго начала развивалась царская власть, въ позднѣйшій періодъ послужила къ образованію служилаго сословія, имѣвшаго такое важное значеніе въ Московскомъ государствѣ. Дружинники были и воинами и правителями. Такъ обыкновенно въ молодыхъ государствахъ обязанности

не бываютъ строго раздѣлены; раздѣленіе обязанностей, выдѣленіе сословій - явленіе болѣе развитой жизни. Вообще все народонаселеніе въ средневѣковыхъ государствахъ дѣлилось на дружину и на людей, собственнымъ трудомъ обезпечивавшихъ свое существованіе; къ которымъ причислялись жители селъ и городовъ. Первые были вооруженные, вторые невооруженные. Отсюда понятно, почему интересы послѣднихъ нерѣдко забывались; князья съ своими дружинами вели распри, имѣвшія частное значеніе, а отъ нихъ нерѣдко страдали интересы другихъ сословій.

Дружина дѣлилась на старшую и младшую: къ первымъ принадлежали бояре, къ младшимъ - отроки. Названіе „гридь" встрѣчается въ Новгородѣ. Мнѣнія относительно названія „огнищанъ" различны; но, кажется, подъ этимъ словомъ слѣдуетъ разумѣть княжескихъ мужей. Дружинники младшіе были ближайшими слугами князя. Упоминаются спальники, меченоши, кашеи (обозная прислуга). Дружинники получали города, - они были намѣстниками князя и замѣняли его въ городѣ. Кромѣ города они получали въ обезпеченіе себѣ имѣнія. Но какъ владѣли они имѣніями - неизвѣстно: на основаніи помѣстнаго права, или на основаніи вотчиннаго. Помѣстьемъ называлась земля, которою владѣли временно, не могли передавать по наслѣдству; если же дружинникъ владѣлъ участкомъ на основаніи вотчиннаго права, то онъ могъ имъ распоряжаться свободнѣе, чѣмъ на основаніи помѣстнаго: онъ могъ передавать вотчину потомкамъ. Вопросъ этотъ заслуживаетъ вниманія: отъ способа владѣнія землею многое зависитъ и въ жизни государственной. По всей вѣроятности дружинники мѣняли свои участки, что должно было имѣть важныя послѣдствія. На западѣ Европы постоянное владѣніе одною и тою же значительною поземельною собственностію способствовало об-

разованію высшаго замкнутаго сословія.

Города. То значеніе, которое получилъ городъ до 11в., продолжало за нимъ сохраняться. Городъ служилъ центромъ областной жизни. Жители города собирались на вѣче. Вѣче не было собраніемъ постояннымъ, а созывалось, когда было нужно. Вѣче не выработало строго-опредѣленныхъ формъ, что составляетъ характеристическую особенность русской жизни отъ 11 до 13 вѣка.

Города дѣлились на старшие и младшие. Къ главному городу тянулъ пригородъ. „На чемъ старшие положатъ, на томъ и пригороды станутъ",- выраженіе, мѣтко характеризующее отношеніе старшихъ городовъ къ младшимъ. Эти отношенія можно представлять себѣ такъ: младшие города должны слушаться старшихъ, принимать рѣшенія, которыя положатъ старшие. Но подобныя рѣшенія старшихъ городовъ часто шли въ разрѣзъ съ интересами младшихъ городовъ. Пригороды не имѣли своихъ представителей на вѣчѣ, вслѣдствіе чего связь между пригородами и старшими городами была слаба. Присутствіе представителей младшихъ городовъ на вѣчѣ зависѣло отъ старшихъ городовъ. Поэтому младшие города постоянно стремились освободиться отъ подчиненія старшимъ, какъ это видно изъ отношеній пскова къ Новгороду. Отсюда постоянное дробленіе на части и политическая слабость Руси отъ 11 до 13 вѣка. На вѣчѣ участвовали всѣ свободные: люди торговые, бояре и др.; не могли участвовать только холопы, не имѣвшие никакихъ гражданскихъ правъ.

Народонаселеніе Руси съ XI до XIII в. дѣлится на разряды. Къ высшему классу относится дружина старшая и младшая; къ городскому сословію - люди занимающіеся торговлей и промыслами; къ сельско-

му - крестьяне и рядовичи; наконецъ, холопы, не имѣющіе гражданскихъ правъ, не участвуютъ на вѣчѣ. Въ составъ населенія также входилъ элементъ инородческій, особенно это мы видимъ въ южной Руси. Здѣсь на югѣ князья принимали мѣры, для защиты границъ отъ инородцевъ, между послѣдними извѣстны Торки и Берендеи, называвшіеся черными клобуками. Участіе этихъ инородцевъ могло болѣе способствовать частой перемѣнѣ князей, такъ какъ они неразборчиво относились къ интересамъ населеній, исключительно преданныхъ труду и мирнымъ занятіямъ. Въ составъ населенія южной Руси входилъ элементъ тюркскій, на сѣверъ - финскій.

Упоминаются еще бродники въ южно-русскихъ степяхъ, въ которыхъ историки видятъ прототипъ казачества. Бродники сходились съ разныхъ сторонъ и составляли отдѣльныя дружины. Степи способствовали образованію этихъ дружинъ, готовыхъ во всякое время принять участіе въ военныхъ дѣлахъ.

Размноженію народонаселенія способствовало много обстоятельствъ. Князья заботились о промышленности, вступали въ договоры, для обезпеченія торговли, жители селъ и городовъ могли свободно перемѣнять свое мѣсто жительства. Въ случаѣ, если какая нибудь мѣстность не обезпечивала извѣстной общины, то эта община могла оставить такую неудовлетворяющую ея потребностямъ землю. Движенію колонизаціонному способствовали также и рѣчные пути. Съ вѣроятностію можно относить къ періоду отъ XI до XIII в. замѣтное преобладаніе славянскаго элемента въ областяхъ: Ростовской, Суздальской, Рязанской, занятіе Русскими области, прилегающей къ Сѣверному океану. Новгородцы еще до нашествія татаръ собирали дань съ народовъ, жившихъ на сѣверо-востокѣ Россіи. Встрѣчается также извѣстіе о терской дани, которую собирали Новгородцы.

Но были обстоятельства и неблагопріятныя для размноженія населенія. Къ числу ихъ должно отнести княжескія усобицы, войны съ инородцами, физическія бѣдствія. Въ періодъ времени, продолжавшійся съ 1054-1196 г. 80 лѣтъ были усобицы, а 93 г. не было усобицъ. Да когда и были усобицы, то онѣ не всегда причиняли особенный вредъ. Князья дѣйствовали съ малыми дружинами, щадили другъ друга. Сознаніе общихъ интересовъ было въ извѣстной степени имъ присуще. Усобицы были вредны и разорительны для народа тогда, когда князья обращались къ инородцамъ азіатскимъ. Но такія обращенія были рѣдки. Число городовъ, возникшихъ въ это время, свидѣтельствуетъ о значительномъ матеріальномъ развитіи. Упоминается до 300 городовъ, но, конечно, ихъ было больше.

Земли и Княжества.- Вся земля дѣлилась на отдѣльныя земли и княжества. Можно до нѣкоторой степени опредѣлить разницу между землею и княжествомъ. Съ понятіемъ о землѣ связывается болѣе опредѣленное понятіе о границахъ. Они слагались подъ вліяніемъ экономическихъ, историческихъ и географическихъ условій. Этими условіями и опредѣлялось постоянство земельныхъ границъ. Менѣе постоянны были границы княжества. Иногда одна земля дробилась на нѣсколько княжествъ; являлись же они подъ вліяніемъ интересовъ княжескихъ, и границы ихъ часто мѣнялись. Но нужно замѣтить, что границы земель не соотвѣтствовали въ этотъ періодъ границамъ племеннымъ, слѣдовательно, племенная особенность съ этого времени начинаетъ замѣтно исчезать. — Явленіе очень важное въ тотъ періодъ, когда государственное начало развито слабо, когда сознаніе единства было не значительное и когда господство интересовъ мѣстныхъ, областныхъ, городскихъ и княжескихъ

имѣло перевѣсъ надъ общегосударственными интересами. По уничтоженіи племенной особенности большую роль начинаетъ играть земельная особенность. Въ составъ Кіевскаго княженія вошла не только область Полянъ, но и древлянъ; въ составъ Черниговскаго - Сѣверяне и Радимичи и пр. Земли тянули къ городамъ. Онѣ раздѣлялись на волости, станы, погосты. Погостъ - мѣсто, гдѣ находится церковь, гдѣ происходитъ торговля. Населенныя мѣста назывались селами, названіе деревень болѣе позднее. Вѣроятно, князья имѣли подробныя свѣдѣнія о численности мѣстности. Эти свѣдѣнія были необходимы для распредѣленія податей и повинностей. (Грамота 1137 г. и 1150 г.).

Торговля. - Движеніе торговое зависѣло, по прежнему, отъ рѣчныхъ системъ. Торговля съ иностранцами сосредоточивалась въ городахъ, стоявшихъ на границахъ русской земли, въ Новгородѣ и Кіевѣ. Новгородъ велъ торговлю съ государствами прибалтійскими. Въ XII в. Новгородцы ходили на островъ Готландъ, населенный Готтами и бывшій центромъ тогдашней балтійской торговли. Въ началѣ вся торговля Балтійскаго моря находилась въ рукахъ Готтовъ, но потомъ Готландцы были вытѣснены нѣмцами, и тогда характеръ торговли измѣнился: она сдѣлалась корпоративною. Всю торговлю захватили роты, состоявшіе изъ болѣе зажиточныхъ гражданъ. На сѣверо-востокѣ важнымъ торговымъ центромъ сталъ Владиміръ.

Къ сожалѣнію монетная система этого времени мало извѣстна. Важныя данныя для опредѣленія цѣнности монетъ находятся въ Русской Правдѣ. Гривна кунъ по изслѣдованію Ланге, равнялась 1 р. сер.; куна или рѣзана = 2 коп.; ногата = 5 коп.

Законодательство и судопроизводство. - Относительно судопроизводства въ періодъ времени отъ XI до XIII в. можно составить полное понятіе по сборнику, извѣстному

подъ именемъ „Русской Правды". Въ этотъ сборникъ вошли постановленія различныхъ эпохъ: той древнѣйшей эпохи, когда руководствовались обычнымъ правомъ, постановленіями Ярослава, его сыновей, Мономаха и его преемниковъ. Сводъ „Русской Правды" постепенно развивался дѣйствовалъ до XIII в., который считается предѣломъ развитія „Русской Правды". Первый отдѣлъ „Русской Правды" носитъ названіе „Ярославовой Правды". „Ярославова Правда" заключаетъ въ себѣ первыя 17 статей по академическому списку. Русская Правда обще-русскаго оффиціальнаго значенія не имѣла, хотя ею могли пользоваться во многихъ мѣстностяхъ. Оффиціальнаго значенія она не могла имѣть вслѣдствіе своего мѣстнаго характера.

Церковь въ этотъ періодъ заботилась о распространеніи и утвержденіи христіанства тамъ, гдѣ оно еще не успѣло окончательно утвердиться. До половины XI-го вѣка оно распространялось въ областяхъ, прилегающихъ къ водному варяжскому пути. На этомъ пути лежали Кіевъ и Новгородъ; но въ Кіевѣ христіанство распространилось гораздо скорѣе, нежели въ Новгородѣ. Это явленіе вѣроятно зависѣло отъ того, что южная часть Руси еще задолго до Владиміра Св. была уже болѣе или менѣе знакома съ христіанской религіей и что волхвы представители язычества и враги евангельской проповѣди исключительно сосредоточивали свою анти-христіанскую дѣятельность на сѣверѣ. Какъ медленно ни принималось христіанство на сѣверѣ, но все-таки въ XII вѣкѣ оно уже успѣло достаточно утвердиться на землѣ Вятичей, гдѣ особенную ревность въ дѣлѣ распространенія христіанства оказалъ Кукша-монахъ Кіево-печерскаго монастыря.

Во главѣ Русской Церкви въ означенный періодъ стоялъ митрополитъ, но главная власть въ церков-

ой администраціи принадлежала Константинопольскому патріарху: онъ поставлялъ митрополитовъ и произносилъ окончательный безаппеляціонный приговоръ въ дѣлахъ церковныхъ. Несмотря на свою зависимость отъ Константинопольскаго патріарха, русскіе митрополиты однако обладали значительной долею самостоятельности: они рукополагали епископовъ, назначали имъ кафедры и имѣли право суда и расправы надъ ними. Впрочемъ на избраніе епископа имѣли большое вліяніе и князья, такъ какъ для нихъ важно было имѣть такихъ епископовъ, которые были бы съ ними за одно. Мѣстопребываніемъ митрополита былъ Кіевъ, куда обыкновенно присылался изъ Византіи избранный и посвященный Константинопольскимъ патріархомъ на Кіевскую митрополичью кафедру. На избраніе митрополита, нужно замѣтить, имѣли большое вліяніе и великіе князья, по ихъ волѣ было принять или не принять присланнаго патріархомъ митрополита, какъ это видно изъ слѣдующаго случая: въ 1164 г. великій князь Ростиславъ Мстиславовичъ возвратилъ назадъ митрополита Іоанна, присланнаго патріархомъ безъ его воли. Въ 40-хъ годахъ 12-го вѣка на соборѣ русскихъ епископовъ явилась было попытка избрать кандидата на митрополичью кафедру изъ своей среды и посвятить его помимо воли Константинопольскаго патріарха; но эта попытка не удалась и зависимость Русской церкви отъ Константинопольскаго патріарха осталась въ прежнемъ видѣ. Затѣмъ была попытка къ освобожденію Сѣверной Руси изъ-подъ власти Кіевскаго митрополита во время княженія Андрея Боголюбскаго; но и она была неудачна. Въ церковномъ отношеніи Русь раздѣлялась на епархіи, границы которыхъ вообще совпадали съ границами отдѣльныхъ земель и княжествъ.

Администрація церковная руководилась уставами Владиміра Св. и Ярослава, канонами и законами судными. Уставы церковные слагались подъ Византійскимъ вліяніемъ; но, сообразно потребностямъ русской церкви, они подвергались иногда и измѣненіямъ.

Что касается до содержанія, то духовенство было обезпечено еще въ предъидущій періодъ. Источниками для содержанія митрополита и епископовъ служили: 1, десятина, 2, недвижимыя имѣнія, 3, судныя духовныя пошлины, 4, ставленныхъ пошлины, взимаемыя за поставленіе священно и церковно-служителей. Что же касается до правъ духовенства, какъ сословія, то оно было свободно отъ гражданскаго суда военной службы и податей гражданскихъ.

Въ первыя времена введенія христіанства въ Руси духовенство имѣло важное значеніе, напр., епископы являлись необходимыми совѣтниками князя. Въ описываемое время это значеніе нисколько не уменьшилось; духовенство слѣдитъ за нравственностію и примиряетъ князей, враждующихъ между собою. Такъ, послѣ ослѣпленія Василька Кіевляне отправили къ Мономаху митрополита Николая уговорить его помириться съ Святополкомъ и Мономахъ послушался святительскихъ увѣщаній: не началъ кровопролитной войны. Игуменъ Григорій помѣшалъ войнѣ между Мстиславомъ Владиміровичемъ и Всеволодомъ Ольговичемъ Черниговскимъ, а въ Новгородѣ архіепископъ не разъ являлся укротителемъ народныхъ возстаній, примирителемъ враждующихъ сторонъ, посредникомъ между гражданами и князьями. Духовенство оказывало также замѣтное вліяніе на успѣхи просвѣщенія.

Монастыри получили въ этотъ періодъ важное значеніе, особенно монастырь Кіевопечерскій по образцу котораго стали устроиваться и другіе. Первыми основателями монастырей были Антоній и Θеодосій. Въ

дошедшемъ до насъ житіи Феодосія разсказывается между прочимъ, что когда Святославъ Ярославичъ изгналъ своего брата Изяслава изъ Кіева и насильно завладѣлъ его столомъ, то Феодосій, при всеобщемъ признаніи права сильнаго, одинъ только поддерживалъ сторону Изяслава, великодушно противъ этому князю его враждебное отношеніе къ инокамъ Кіевопечерскаго монастыря и его угрозы выгнать ихъ изъ Кіева и раскопать ихъ пещеры единственно изъ за того только, что нѣкоторые изъ вельможъ его сдѣлались иноками. Слѣдовательно иноки не были безучастными зрителями совершавшихся событій и по временамъ возвышали свой голосъ противъ вопіющей несправедливости. Но не одинъ изгнанникъ Изяславъ находилъ для себя ходатая въ лицѣ Феодосія: обиженный на судѣ шелъ къ нему и судья долженъ былъ перерѣшать дѣло; бѣдные, не имѣвшіе дневнаго пропитанія, обращались къ нему съ просьбой о помощи и получали просимое; нуждающіеся въ совѣтахъ или утѣшеніи шли къ нему и получали отъ него удовлетвореніе своимъ нуждамъ, словомъ къ Феодосію каждый имѣлъ доступъ и каждый получалъ отъ него посильную помощь.

Духъ, насажденный Феодосіемъ, продолжалъ жить въ монастырѣ и спустя долгое время послѣ его смерти, какъ это видно изъ посланія епископа Владимірскаго Симона къ Кіево-печерскому иноку Поликарпу. Въ посланіи Симонъ убѣждаетъ Поликарпа не увлекаться честолюбіемъ, указываетъ ему на то, что изъ Кіевопечерскаго монастыря вышло много ревностныхъ проповѣдниковъ христіанства и въ заключеніе высказываетъ какъ бы онъ былъ счастливъ, если бы не ему пришлось умереть въ Кіевопечерскомъ монастырѣ.

Просвѣщеніе. Кромѣ вліянія церкви на Русское общество въ данный періодъ оказывали благотворное дѣйствіе еще слѣдующія благопріятныя условія: сно-

шенія съ сосѣдними государствами (Польшей, Германіей и Византіей), путешествія въ Палестину, заботы князей о заведеніи школъ, совершеніе богослуженія на доступномъ языкѣ и взглядъ на образованіе какъ на дѣло богоугодное. Въ современныхъ литературныхъ памятникахъ указываютъ и недостатки русскаго общества. Въ нихъ осуждается грубое пониманіе христіанскихъ истинъ, предпочтеніе формы содержанію, невѣрность въ словѣ, нарушеніе крестнаго цѣлованія и ростовщичество. Не смотря на эти недостатки, мы, однакожъ, всетаки должны сказать, что образованіе въ этомъ періодѣ находилось въ лучшемъ состояніи, чѣмъ въ какомъ оно было въ послѣдующемъ періодѣ.

Литература. Литературныя произведенія разсматриваемаго періода дѣлятся на: 1, переводныя и 2., самостоятельныя. Къ первымъ относятся житія святыхъ, палеи (сборники изъ мѣстъ ветхаго завѣта), хронографы (сборники изъ всеобщей исторіи) и пр. Между самостоятельными произведеніями особенно замѣчательны: 1., поученія Ѳеодосія (11 в.), Луки Жидяты (11 в.), Кирилла епископа Туровскаго (12 в.), 2., посланія, напр.,-Даніила Заточника къ Юрію (13 в.), 3., описаніе путешествія въ Палестину Даніила Паломника, 4., слово о полку Игоревѣ и 5., лѣтописи.

Поученія Кирилла Туровскаго значительно отличаются отъ поученій Ѳеодосія и Луки Жидяты: Кириллъ Туровскій находился подъ византійскимъ вліяніемъ, поэтому его поученія отличались большой искуственностью и были мало понятны для слушателей, такъ какъ византійская образованность была еще слишкомъ высока для русскаго народа; что же касается Ѳеодосія и Луки Жидяты, то они писали языкомъ простымъ и вполнѣ понятнымъ даже для простаго человѣка. Византійское

Литографія Трубовкой

вліяніе, оказывая во многихъ отношеніяхъ вліяніе благотворное не могло не увеличивать отчужденія людей граматныхъ и книжныхъ отъ всего того, что было создано народнымъ творчествомъ. Не смотря однако на это отчужденіе, вліяніе народной словесности проникало и въ область литературную. Такъ, посланіе Даніила Заточника заключаетъ въ себѣ много пословицъ и народныхъ выраженій; человѣкъ грамотный не пренебрегалъ, слѣдовательно, тѣмъ, что давало ему народное творчество и, благодаря этому, посланіе Даніила пользовалось всегда сочувствіемъ древнерусскаго общества. Связь литературы книжной с народной сказывается въ словѣ о полку Игоревѣ". Можно думать, что „слово" не единственное произведеніе въ такомъ родѣ, что, напротивъ существовалъ цѣлый цикль подобныхъ произведеній, имѣвшихъ вредныя послѣдствія, такъ какъ искуственная литература оставалась весьма мало доступною большинству. И такъ, была связь между книжной и народной литературой, но этой связи не суждено было развиться и окрѣпнуть.

Описаніе Даніиломъ Паломникомъ путешествія, совершеннаго имъ въ Палестину, тоже занимаетъ видное мѣсто въ литературѣ того времени. Русскіе люди желали имѣть свѣдѣнія о Палестинѣ, Даніилъ удовлетворилъ этой потребности русскаго общества, описавъ свое путешествіе въ Палестину, по возможности, точно и подробно. Онъ, между прочимъ, говоритъ въ своемъ описаніи, что онъ повѣсилъ кадило предъ гробомъ Господнимъ отъ лица всей русской земли. Это мѣсто замѣчательно тѣмъ, что въ то время уже было въ русскомъ обществѣ сознаніе единства, цѣлостности всей русской земли, не смотря на ея раздробленность. Въ географическомъ отношеніи описаніе Даніила отличается необыкновен-

ной полнотой и достовѣрностью. Когда оно было переведено (Норовымъ) на французскій языкъ, то на него обратили вниманіе на западѣ, такъ какъ и западноевропейская литература XII^го вѣка не имѣетъ памятника, столь обильнаго содержаніемъ по географіи Палестины.

Въ ряду литературныхъ памятниковъ отъ 11 до 13 в., очень видное мѣсто занимаютъ сказанія и лѣтописи, которыя велись въ Новгородѣ, Кіевѣ, Волыни и, вѣроятно въ другихъ мѣстахъ.

Ливонскій и Тевтонскій ордена.- Въ концѣ XII^го и въ началѣ XIII в., совершается важное, по своему значенію, событіе на западной окраинѣ русской земли.

Въ 1158 или 1159 г. буря прибила къ устьямъ Двины корабль бременскихъ купцовъ. Ливы, жившіе здѣсь по берегамъ Балтійскаго моря, отнеслись къ прибывшимъ враждебно и завязали съ ними битву, но были побѣждены. Съ тѣхъ поръ сюда безпрерывно стали появляться германскіе проповѣдники христіанства, а за ними и многочисленныя толпы нѣмецкихъ купцовъ и колонистовъ. Первымъ проповѣдникомъ христіанства былъ Мейнгардъ, монахъ Августинскаго ордена. Движеніе нѣмцевъ было успѣшно, такъ какъ они дѣйствовали дружно, сообща, а славянскія племена — врозь: каждое туземное племя боролось за свою независимость отдѣльно. Нѣмцамъ легко было овладѣть землями туземцевъ. И потому, что послѣдніе не имѣли такихъ средствъ защиты, какими располагали ихъ завоеватели, и потому также, что къ нимъ постоянно прибывали новыя свѣжія силы. Построивши нѣсколько крѣпостей, Нѣмцы прочно утвердились на новомъ мѣстѣ. Первая выстроенная ими крѣпость была Икскуль. Явившись сюда съ цѣлію распространенія Христіанства, нѣмцы усердно взялись за это дѣло; но мѣры, къ которымъ они прибѣгали при этомъ,

были насильственныя, они крестили туземцевъ огнемъ и мечемъ. Этотъ способъ распространенія христіанства былъ чуждъ восточной церкви. Въ 1188 г. Мейнгардъ былъ поставленъ епископомъ, а по смерти его (въ 1199 г.) епископскую каѳедру занялъ Бертольдъ. Движеніе, начатое при Мейнгардѣ, продолжалось и при его пріемникѣ. Впрочемъ Бертольдъ прожилъ не долго: черезъ два года онъ былъ убитъ въ сраженіи съ Ливами. Тогда епископомъ былъ назначенъ Альбертъ, знаменитый организаторъ нѣмецкаго дѣла въ этомъ краѣ. При Альбертѣ дѣла пошли еще успѣшнѣе. Набравши въ Германіи отрядъ крестоносцевъ, онъ началъ строить городъ Ригу, куда перенесъ и свое мѣстопребываніе, и для защиты новыхъ нѣмецкихъ поселеній основалъ орденъ Меченосцевъ. Первымъ магистромъ этого ордена былъ Винко-Фонъ-Рорбахъ, а вторымъ – Вольквинъ-Винтеръ-штедтъ. Мысль объ устройствѣ орденовъ явилась въ Европѣ въ знаменитую эпоху крестовыхъ походовъ. Чрезвычайныя обстоятельства пилигримства повели къ основанію орденовъ военно-монашескихъ. Нѣмцы въ прибалтійскомъ краѣ находились въ подобныхъ же обстоятельствахъ, а потому и здѣсь тоже возникъ орденъ. При помощи меченосцевъ Альбертъ началъ быстро завоевывать край: онъ бралъ города одинъ за другимъ. Кукейносъ и Герсикъ были завоеваны нѣмцами, а въ 1224 г., наконецъ палъ и городъ Юрьевъ, послѣдній оплотъ русскихъ въ прибалтійскомъ краѣ. Новгородъ, будучи занятъ войной съ Псковомъ и Суздальскимъ княжествомъ, тоже не въ силахъ былъ остановить этого движенія нѣмцевъ. Они старались утвердиться и въ устьяхъ Вислы. Здѣсь появился другой орденъ – „Нѣмецкій" или „орденъ Тевтоновъ": князь Мазовецкій) Конрадъ, тѣснимый пруссами, дѣлавшими набѣгъ на его землю, уступилъ въ 1225 году

этому ордену земли около Вислы съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ защищалъ его земли отъ Пруссовъ. Орденъ нѣмецкій началъ дѣйствовать въ Пруссіи. Князья Прусскіе защищались отъ ..... нѣмцевъ каждый отдѣльно, и къ тому же они ссорились между собой, поэтому ордену легко было покорять ихъ земли: въ 50 лѣтъ завоеванъ былъ весь край. При Ландмейстерѣ Балкѣ Ливонскіе рыцари, чуствуя себя слабыми соединились съ Тевтонскими. Соединившись, рыцари начали еще рѣвностнѣе вести войну съ Русскими и Литовцами. Русскіе потеряли много: они были отрѣзаны отъ устьевъ западной Двины, а поляки отъ устьевъ Вислы.

Завоеваніе Руси татарами.- Около того времени, когда Русскіе понесли потери на западѣ, изъ Азіи явились страшныя полчища Татаръ.

Въ XII в. всѣ племена въ средней Азіи можно раздѣлить на три вѣтви: на племена Тюркской, Монгольской и Манджурской. Одно изъ этихъ племенъ кочевало у источниковъ Амура. Въ концѣ XII вѣка у этого племени явился нѣкто Темучинъ, человѣкъ съ большими дарованіями; онъ скоро соединилъ въ одно обширное государство сосѣднія племена и принялъ титулъ Чингисъ-хана, получивъ власть, подобную власти императора. Титулъ Чингисъ-хана былъ опредѣленъ Темучину въ 1206 году съѣздомъ князей на Ононѣ, рѣкѣ Амурской системы, и послѣ принятія этого титула владѣнія его начали все болѣе и болѣе расширяться. Первые сорокъ лѣтъ его жизни прошли въ борьбѣ съ окружающими народами; есть даже извѣстіе, что онъ былъ въ плѣну у Нюйчженцовъ (Манджурскихъ владѣтелей сѣвернаго Китая), управлявшихъ подъ именемъ династіи Цзинъ) и, пробывъ

10 лѣтъ познакомился съ Китайскими порядками. Завоевавъ Китай, Чингисъ-ханъ простеръ свою власть и на Бухару. Подъ конецъ своей жизни, онъ для наказанія Бухарцевъ, оскорбившихъ его убіеніемъ монгольскихъ пословъ, отправилъ войско въ Бухару подъ начальствомъ двухъ вождей: Чепе и Субудай-багадура. Это войско, преслѣдуя бухарскія войска, а частію увлекшись грабежемъ, обогнуло южный берегъ Каспійскаго моря и чрезъ Кавказъ перешло на югъ Руси въ степи Половцевъ и потѣснило послѣднихъ. Половцы обратились къ Русскимъ съ просьбою о помощи и притомъ говорили: „сегодня завоевали насъ, а завтра завоюютъ и васъ". Русскіе князья были въ то время въ распряхъ между собою, однако, нѣкоторые изъ нихъ откликнулись на призывъ Половцевъ, собрали свои дружины и, вмѣстѣ спустившись къ Днѣпру, вступили въ степи. Наиболѣе выдающимися между этими князьями были — Мстиславъ Романовичъ Кіевскій, Мстиславъ Святославичъ Черниговскій и Мстиславъ Мстиславичъ князь Торопецкій. Въ степяхъ, въ нынѣшней Екатеринославской губерніи Русскіе въ 1223 г. въ первый разъ увидѣли Татаръ. Но и въ этотъ грозный моментъ русскіе разсорились. Тогда Мстиславъ Удалой съ юнымъ Даніиломъ Романовичемъ одинъ напалъ на Татаръ близъ рѣки Калки. Побѣда была бы на его сторонѣ, но Половцы, не выдержавъ напора Татаръ, обратились въ бѣгство и смяли русскіе ряды. Татары преслѣдовали ихъ. Мстиславъ Романовичъ и Мстиславъ Святославичъ успѣли сдѣлать себѣ укрѣпленіе и скрылись за него. Татары послали сказать имъ, что имъ будетъ дарована жизнь, если только князья сдадутся. Но, когда послѣдніе сдались, Татары перерубили войска русскія, а на живыхъ князей наклали досокъ, сѣли на нихъ и праздновали побѣду.

Мстиславъ же Удалой и Даніилъ Романовичъ успѣли переправиться черезъ Днѣпръ и скрыться отъ Татаръ. Послѣдніе возвратились на востокъ въ Азію къ Чингисъ хану. Извѣстіе о разбитіи русскихъ войскъ татарами произвело потрясающее дѣйствіе на всѣхъ русскихъ, явилось какое то смутное ожиданіе новой бѣды. И дѣйствительно, оно оправдалось черезъ нѣсколько лѣтъ.
Чингисъ-ханъ въ 1227 г. умеръ, раздѣливъ еще при жизни свои владѣнія между четырьмя сыновьями: Угедеемъ, Тули, Джучи и Джаготаемъ. Нѣсколько времени послѣ смерти Чингисъ-хана между сыновьями его происходили недоразумѣнія, и вслѣдствіе этого завоеванія монголовъ нѣсколько пріостановились; но затѣмъ скоро несогласія прекратились, и преемники Чингисъ-хана пошли въ завоеваніяхъ по его слѣдамъ.
Чингисъ-ханъ далъ своему государству такіе законы, которые впослѣдствіи еще долго исполнялись со всею строгостью.
Угедей, провозглашенный Великимъ Ханомъ, отправилъ въ 1235 г. Батыя, сына Джучи, завоевать восточныя страны Европы. Батый съ громадною толпою татаръ двинулся на низовья Волги и отсюда началъ подниматься вверхъ по рѣкѣ. Войско Батыя представляло собою цѣлый народъ, переселявшійся съ одного мѣста на другое, со всѣми семействами, скотомъ, кибитками и пр. Въ 1236 г. татары, въ числѣ 300.000 вошли въ землю болгарскую, сожгли главный городъ Болгары и опустошили всю землю.
Въ слѣдующемъ году лѣсною стороною съ востока явились Татары и въ Рязанскихъ предѣлахъ; тогда Юрій Игоревичъ, внукъ Глѣба Рязанскаго, обратился за помощью къ Суздальскому князю

Юрію Всеволодовичу, но получилъ отказъ; тогда онъ послалъ пословъ къ Батыю, но последній потребовалъ безусловной покорности. Рязанскіе князья не согласились на предложеніе Батыя и вступили въ битву съ Татарами, но не смотря на свое мужество, были побѣждены и Рязань подверглась страшному опустошенію. Сохранилось еще въ лѣтописи подробное извѣстіе о князѣ Рязанскомъ Феодорѣ (сынѣ Юрія), который былъ убитъ татарами, и о его супругѣ Евпраксіи, которая, узнавъ о смерти мужа, „заразилась" т.е. убилась, бросившись изъ терема (отсюда названіе города Зарайскъ"). Разгромивъ Рязанскую землю, татары двинулись на землю Суздальскую. Сохранилось извѣстіе о томъ, что во время движенія Татаръ на землю Суздальскую, Рязанскій богатырь Евпатій Коловратъ, бывшій во время погрома Рязанской земли на югѣ, и увидѣвъ на возвратномъ пути ужасное опустошеніе ея, бросился въ погоню за Татарами, напалъ на нихъ и такъ мужественно сражался съ ними, что они приняли Евпатія и его спутниковъ за воскресшихъ мертвецовъ Рязанской земли, но все же Татары одолѣли и послѣ побѣды пощадили жизнь нѣкоторыхъ храбрецовъ изъ дружины Евпатія.

Близь Коломны татаръ встрѣтилъ сынъ великаго князя Юрія-Всеволодъ. Послѣ крѣпкой сѣчи великокняжеское войско потерпѣло пораженіе а Всеволодъ Юрьевичъ успѣлъ спастись бѣгствомъ съ малою дружиною во Владиміръ. Татары шли дальше, взяли Москву, захватили князя Владиміра Юрьевича и отправились съ нимъ ко Владиміру. Великій князь оставилъ здѣсь своихъ сыновей Всеволода и Мстислава съ воеводою Петромъ Ослядюковичемъ, а самъ

съ тремя племянниками Константиновичами поѣхалъ на Волгу и сталъ на р. Сити, потомъ самъ онъ отправился, оставивъ здѣсь воеводу, собирать по окрестнымъ мѣстамъ ратныхъ людей, поджидая и братьевъ Ярослава и Святослава. Толпы татаръ подступили ко Владиміру и, подъѣхавши къ золотымъ воротамъ съ плѣнникомъ своимъ княземъ Владиміромъ, спросили о томъ въ городѣ ли Юрій; но Владимірцы вмѣсто отвѣта пустили въ нихъ стрѣлы, на что татары отвѣчали тѣмъ же. Тогда татары, закричавъ, чтобы прекратили стрѣльбу, подвели близко къ воротамъ и показали Владиміра, спрашивая: „узнаете ли вашего князя?" Князья и народъ, увидѣвъ несчастнаго князя, заплакали, а Всеволодъ и Мстиславъ, возбужденные этимъ видомъ, хотѣли было немедленно выѣхать изъ Золотыхъ воротъ и биться съ татарами, но были удержаны воеводою Ослядюковичемъ. Между тѣмъ татары, урядивши, гдѣ имъ стать около Владиміра пошли сперва къ Суздалю, сожгли его и возвратились опять ко Владиміру; скоро они его взяли, избили семейство великаго князя и все предали полнѣйшему разрушенію. Нѣсколько Владимірцевъ заперлись въ церкви, думая тамъ спастись, отъ татаръ, но были сожжены. Изъ Владиміра двинулись татары на сѣверъ, чтобы нанести пораженіе войску владимірскаго князя, что дѣйствительно имъ и удалось. Князя татары встрѣтили на р. къ Сити, гдѣ послѣ злой сѣчи русскія войска были совершенно разбиты и самъ князь погибъ. Отъ Сити татары пошли на западъ и дойдя до Игнатьева Креста, въ 100 верстахъ отъ Новгорода, остановились, боясь весенняго времени, разлива рѣкъ отъ таянія снѣговъ, что, конечно, могло бы повредить имъ и далее остановить ихъ путь. Вслѣдствіе этого татары поворотили назадъ и пошли къ юго-востоку въ степи. На этой дорогѣ татары были задержаны семь недѣль подъ Козельскомъ, жители котораго мужественно защищались и не хотѣли сдаваться. Но татары взяли, наконецъ, городъ, разорили его, а жителей всѣхъ перебили, такъ что малолѣтній князь Козельскій, какъ говорятъ, потонулъ въ крови. Козельскъ Татары назвали злымъ городомъ. Такимъ образомъ татары пощадили Новгородскую область, которая и играетъ значительную роль, благодаря матеріальному состоянію, которое, пощаженное

татарами, все больше и больше увеличивается.

Послѣ того татары ушли въ степь, и Русскіе вздохнули свободнѣе, думая, что они опять уйдутъ въ Азію. Но эта надежда ихъ обманула, потому что въ 1239 году татары снова явились, опустошили южную Русь и подступили къ Кіеву. Но прежде, чѣмъ подступить къ Кіеву, татары отправили посла съ предложеніемъ сдаться и съ тѣмъ, чтобы этотъ посолъ осмотрѣлъ Кіевъ. Даже на жителя степей Кіевъ произвелъ сильное впечатлѣніе; онъ долго любовался красотой и величіемъ города, расположеннаго на холмистомъ берегу Днѣпра посреди зеленыхъ рощей среди которыхъ на солнцѣ блистали чистыя главы церквей. Кіевляне умертвили татарскихъ пословъ предлагавшихъ сдаться, и рѣшили защищаться до послѣдней капли крови. Городъ въ это время находился во власти Даніила Романовича Галицкаго, который поручилъ защиту его храброму боярину Димитрію. Въ 1240 году несмѣтная сила батыя облегла его со всѣхъ сторонъ. Татары дѣлали приступъ и къ вечеру вломились въ городъ. Кіевляне ночью укрѣпились около Десятинной церкви; на слѣдующій день былъ уничтоженъ и этотъ послѣдній оплотъ. Жители большею частью были истреблены и величественный городъ превратился въ груду развалинъ. Затѣмъ татары опустошили Волынь, направились въ Польшу, разбили польскихъ князей и вторглись въ Силезію. Страхъ напалъ на западную Европу, когда узнали о приближеніи татаръ къ границамъ католическаго міра. Извѣстія объ ужасахъ, испытанныхъ Русью отъ Татаръ, страшные разсказы объ ихъ дикости, въ соединеніи съ чудесными баснями объ ихъ происхожденіи и прежнихъ судьбахъ распространялись по Германіи, и дальше на западъ. Императоръ Фридрихъ II разсылалъ воззваніе къ общему вооруженію противъ страшныхъ враговъ; „время-ли-

самъ онъ - пробудится отъ сна, откроетъ глаза духовные и тѣлесные. Уже сѣкира лежитъ при деревѣ, и по всему свѣту разносится вѣсть о врагѣ, который грозитъ гибелью цѣлому христіанству" и т. д. Но всѣ воззванія его были тщетны и славянскимъ племенамъ выпало на долю самимъ защищать Европу отъ нашествія татаръ. Послѣдніе дошли уже до Ольмюца но Ольмюцъ (Голомуцъ), защищенный Чешскимъ воеводою Ярославомъ, не сдался имъ, кромѣ того татары потерпѣли пораженіе отъ Чешскаго короля. Тогда они должны были удалиться и основали свое мѣстопребываніе на Волгѣ.

Чтобы показать степень вліянія татарскаго ига на Русь, необходимо обратить вниманіе на бытъ и образованіе народа, который болѣе 200 лѣтъ господствовалъ надъ Русью.

Верховная власть у татаръ принадлежала хану, но власть эта до нѣкоторой степени была ограничена, потомучто онъ могъ все сдѣлать, но только не имѣлъ права отмѣнить постановленій Чингисъ-хана. Сборникъ этихъ постановленій, не дошедшій до насъ въ подлинникѣ, а существующій въ извлеченіяхъ, чрезвычайно характеристиченъ. Здѣсь исчисляются преступленія, за которыя назначена была смертная казнь: прелюбодѣяніе, противоестественные пороки, намѣренная ложь, волхвованіе, подзадориваніе спорящихъ, помощь плѣннику безъ согласія полонившаго; не подача помощи обронившему во время битвы оружіе. Этотъ перечень преступленій вводитъ въ бытъ воинственнаго кочеваго народа; охраняется право собственности на раба и плѣннаго, требуется помощь товарищу на войнѣ, запрещается ложь конечно передъ своими, запрещается помогать ссорѣ своихъ, чтобы не ослабить силы войска. Въ военномъ устройствѣ, а равно и въ администраціи татары многое заимствовали отъ пред-

шествовавшихъ имъ владыкъ Китая, такъ войско у нихъ раздѣлялось на тысячи, сотни, десятки; предписывалось князю постоянно осматривать ~~войско~~; предписывалось всѣмъ, даже самымъ высшимъ лицамъ, подчиняться безпрекословно приказаніямъ хана и наказанію, которое назначено имъ, - однимъ словомъ требовалось безпрекословное повиновеніе младшихъ старшимъ. Татары, стоявшіе на степени поклоненія олицетворенным силамъ природы, въ тоже время имѣли понятіе о Единомъ Богѣ, уважали чужое духовенство всѣхъ религій, даже поддерживали его, что видно изъ того, что они поддерживали льготы, которыя даны были церковнымъ землямъ на Руси.

Женщины у татаръ не вели затворническую жизнь, а напротивъ показывались среди мужчинъ, даже при особенно важныхъ случаяхъ. Такъ Плано Карпини, бывшій посломъ папы къ Батыю, говоритъ, что когда ихъ ввели въ ханскую ставку, Батый сидѣлъ на высокомъ мѣстѣ, какъ будто на престолѣ, съ одною изъ своихъ женъ; всѣ же прочіе, какъ братья его и сыновья, такъ и другіе вельможи, сидѣли ниже на скамьѣ, а остальные люди за ними на полу, мужчины съ правой, а женщины съ лѣвой стороны. Главное свое мѣстопребываніе татары основали на Волгѣ, гдѣ близъ нынѣшняго Царева (Астрах. губ.) воздвигалось зимовье орды Сарай; здѣсь стали жить Кипчакскіе ханы, окруженные пышнымъ дворомъ, многочисленнымъ войскомъ, и отсюда стали господствовать надъ Русью. Конечно, это господство не могло не имѣть нѣкотораго вліянія на подвластный народъ.

Относительно вліянія татарскаго ига на русскую жизнь, существуютъ различныя мнѣнія. Одни приписываютъ этому вліянію большое значеніе; другіе же ставятъ его наравнѣ съ вліяніемъ, которое оказывали на Русскую жизнь другіе кочевые народы

Оно, конечно, не могло быть благотворно, потому что татары не были народомъ образованнымъ и дѣйствительно, вліяніе ихъ замедлило развитіе, но не прекратило его вовсе. Отдѣльныя части сѣверовосточной Руси соединяются въ одно цѣлое; одно княженіе возвышается на счетъ другихъ. Этому новому движенію въ сферѣ жизни государственной, какъ увидимъ, содѣйствовало иго татарское; но было бы совершенно невѣрно объяснять это движеніе исключительно только вліяніемъ татаръ, такъ какъ и до нихъ обнаруживаются попытки къ усиленію одного княженія на счетъ другихъ; и до татаръ ясно сказывается необходимость въ политической цѣлости, тяготѣніе земли къ одному центру. Татарское иго можетъ быть только ускорило новое движеніе въ сферѣ жизни государственной. Оно имѣло также вліяніе на народную нравственность и образованіе. Произволъ, водворившійся со времени татаръ, не могъ, конечно, не имѣть важныхъ послѣдствій, и въ междукняжескихъ отношеніяхъ съ XIV в. замѣчаемъ болѣе грубости, больше насилій, чѣмъ прежде. Занятая тяжелою внутреннею борьбою изъ за вопроса о первенствѣ одного княженія на счетъ другихъ, земля Русская находилась по тому самому въ отчужденіи отъ западной Европы, отъ сношеній съ народами образованными; отношенія къ хану выдвинулись на первый планъ. Такое положеніе вредно отозвалось на образованіи и вредъ этотъ былъ болѣе получилъ значеніе, что западная Европа не испытывая на себѣ тѣхъ неблагопріятныхъ условій въ какихъ ставило Россію сосѣдство съ народами Азіатскими, могла безъ замѣтныхъ перерывовъ продолжать свое развитіе. Вообще прямое вліяніе татарскаго ига на Русскую жизнь было довольно слабо; татары не вмѣшивались во внутреннее управленіе русской земли, не посягали на народные обычаи, на религію и

языкъ русскаго народа, они требовали только покорности и дани. За то косвенное вліяніе татарскаго ига было довольно сильно.

Вліяніе татаръ сказалось и въ другомъ отношеніи. Они заботились объ устройствѣ почтъ, состоятывали народъ, чтобы узнать, сколько можно собрать дани, благодаря чему и явились правильныя счисленія народа. Оказали также вліяніе и на исторію русской колонизаціи. Сѣверныя области представляли болѣе безопасныя убѣжища отъ татаръ, а потому туда и устремились русскіе колонисты. Такимъ образомъ на сѣверѣ Руси возникло въ то время много поселеній и было основано много монастырей.

Вслѣдствіе татарскаго завоеванія Русь раздѣлилась на двѣ части: юго-западную, вошедшую потомъ въ составъ княжества литовскаго, и сѣверо-восточную. Судьба и историческій ходъ развитія первой изъ этихъ двухъ частей значительно разнится отъ второй: юго-западная, раззоренная и лишенная всякой возможности защиты, сдѣлалась добычею Литвы, и развитіе этой части Руси вступило, такъ сказать, въ связь съ развитіемъ Польши; напротивъ того сѣверовосточная Русь развилась по совершенно другому пути; она развивалась самобытно. Города юго-западной Руси получили такъ называемое магдебургское право, начало общинное было сильно поколеблено; наконецъ, высшее сословіе ополячилось, а казаки дѣйствовали нерѣдко подъ вліяніемъ польской шляхты. Заимствовавъ многое отъ западной Европы юго-западная Русь, какъ извѣстно вела долгое время религіозную борьбу, вслѣдствіе которой образованіе сдѣлало замѣтные успѣхи. Напротивъ того сѣверовосточная Русь развивалась медленно, но самобытно не подчиняясь иноземному вліянію; съ XV по XVI в. она выработала себѣ прочный государственный строй.—

Это распаденіе Руси на двѣ части было также однимъ изъ послѣдствій татарскаго ига. Его вліяніемъ объясняютъ также и перемѣны въ положеніи русской женщины; что со времени татаръ русская женщина была обречена на замкнутость, но и эту перемѣну едва ли можно объяснить однимъ только вліяніемъ татарскимъ.

Исторія сѣверо-восточной Руси съ XIII до XIV в.

Первымъ великимъ княземъ со времени татарскаго ига былъ Ярославъ Всеволодовичъ, братъ Юрія;- тотъ самый, который еще въ княженіе Юрія, послѣ смерти Всеволода тѣснилъ Новгородъ и хотѣлъ возвысить Торжокъ на счетъ Новгорода. Заботы его были направлены только къ тому, чтобы успокоить Русь. Ярославъ не могъ не оказывать покорности хану, такъ какъ вся сѣверовосточная Русь была раззорена и не могла и думать объ освобожденіи отъ ига.

Въ то время, когда Русь была обречена на полную покорность татарамъ, на западѣ начало усиливаться Литовское княжество, и къ началу княженія Ярослава Всеволодовича относятся нападенія Литовцевъ на Русь. Въ это время стали усиливаться и другіе враги Руси, именно Шведы. Въ Швеціи ко времени княженія Ярослава усилился родъ Фолкунговъ, и Биргеръ, одинъ изъ могущественныхъ представителей этого рода, задумалъ распространить власть Шведовъ далѣе Финскаго залива на счетъ владѣній Новгорода и съ этою цѣлью отправился въ походъ противъ Руси. Походъ этотъ могъ имѣть для Руси очень важныя послѣдствія, потому что Шведы шли не только съ завоевательною цѣлью, но и желали распространить католичество между Русскими; слѣдовательно походъ Шведовъ получалъ значеніе религіозное, и

потому былъ опасенъ для Новгорода Великаго. Въ это время здѣсь княжилъ сынъ Ярослава Всеволодовича – Александръ. Онъ выступилъ противъ Шведовъ съ небольшою дружиною въ 1240 г., и нанесъ Шведамъ полное пораженіе, за что получилъ прозваніе Невскаго. Извѣстно сказаніе о Пелгусіи, видѣвшемъ св. мучениковъ князей Бориса и Глѣба, которые говорили: „поможемъ сроднику нашему Александру." Этимъ указывается на то религіозное значеніе, которое имѣло это событіе въ глазахъ современниковъ. Не смотря на свои услуги Новгороду, Александръ не могъ ужиться съ Новгородцами и удалился отъ нихъ. Шведы утихли и надолго отказались отъ попытокъ распространять свои владѣнія на счетъ Россіи. Между тѣмъ нѣмцы Ливонскіе взяли Изборскъ, разбили Псковичей и стали владѣть въ Псковѣ вмѣстѣ съ измѣнникомъ Твердиломъ Ивановичемъ. Нѣмцы не довольствовались Псковомъ, но стали завоевывать и Новгородскія области; въ тридцати верстахъ отъ Новгорода не было проѣзда купцамъ. Въ такой бѣдѣ Новгородцы опять послали за Александромъ Ярославичемъ; тотъ пріѣхалъ, очистилъ отъ нѣмцевъ и Новгородскую область, и Псковъ и 5-го Апрѣля 1241-го года одержалъ надъ нѣмцами знаменитую побѣду на льду Чудскаго озера, почему она и слыветъ ледовымъ побоищемъ. Нѣмцы должны были заключить миръ и отступились отъ всего, ими захваченнаго. Оставались Литовцы, которыхъ толпы опустошали Новгородскія владѣнія, – Александръ три раза поразилъ ихъ.

Ярославу первому изъ русскихъ князей пришлось ѣхать на поклоненіе Батыю и потомъ къ истокамъ Амура – на поклоненіе великому хану; но на дорогѣ онъ умеръ. О смерти его существуютъ разнорѣчивыя извѣстія. Плано-Карпиній сообщаетъ,

что ханъ велѣлъ отравить Ярослава, чтобы имѣть большую власть надъ Русью. Лучше принять извѣстіе о смерти Ярослава-Всеволодовича (1246 г.) по наговору. Послѣ Ярослава великимъ княземъ сдѣлался Святославъ Всеволодовичъ (1246-1248), при которомъ произошло событіе, указывающее на произволъ въ междукняжескихъ отношеніяхъ, вслѣдствіе котораго одинъ князь могъ усилиться на счетъ другого. Въ его княженіе Михаилъ Ярославичъ, князь Московскій, прозванный Хоробритъ, отнялъ великое княженіе у дяди своего Святослава.

Послѣ смерти Святослава сыновья Ярослава-Андрей получилъ Владиміръ, а Александръ-Кіевъ. Но Александръ поѣхалъ въ орду, получилъ ярлыкъ на Владиміръ и здѣсь княжилъ съ 1252-1263 г. При немъ была вторая перепись народа. Александръ не обращалъ вниманія на сопротивленіе народа и считалъ необходимымъ подчиняться хану, ибо понималъ, что Русь слаба, чтобы въ это время сбросить съ себя иго татаръ. И потому онъ оставилъ по себѣ такую память, что вполнѣ справедливы слова митрополита Кирилла, сказанныя при извѣстіи о смерти ~~Яро~~ Александра: „закатилось солнце земли русской!"

Послѣ Александра великимъ княземъ былъ Ярославъ Ярославичъ Тверской (1263-1271), и съ его именемъ выступаетъ и новое княженіе Тверское. Оно нѣкогда входило въ составъ Ростово-Суздальской земли. Колонизація сюда направлялась изъ области Вятичей, Кривичей и Славянъ Ильменскихъ.

И до сихъ поръ въ западной части населеніе сохранило особенности указывающія на колонизацію изъ Бѣлоруссіи. Въ первый разъ Тверь упоминается въ грамотѣ Всеволода Мстиславича (только въ одномъ спискѣ), почему нельзя утверждать, что оно существовало въ первой половинѣ XII в. Область Тверская

Литографія Гробовой

стали рано привлекать поселенцевъ, такъ какъ находились на великомъ водномъ пути. Г. Борзаковскій доказываетъ на основаніи названій городовъ, что въ этой мѣстности населеніе было съ давнихъ поръ. Самостоятельнымъ стало Тверское княжество со времени Ярослава Ярославича. Во взглядахъ на дѣятельность этого князя мы расходимся съ авторомъ упомянутаго труда. Борзаковскій доказываетъ, что Ярославъ отличался осторожностью, разсчетливостью и если, и если Тверское княжество не усилилось на счетъ Новгорода, то не по его винѣ. Такой взглядъ несправедливъ. Ярославъ сдѣлался великимъ княземъ по обстоятельствамъ, благопріятствовавшимъ возвышенію Тверского княжества. А отношенія его къ Новгороду доказываютъ, что онъ не обладалъ разсчетливостью. Не обладая достаточными силами онъ вступилъ въ борьбу съ Новгородцами. Замѣчательно, что Ярославъ, первый изъ Тверскихъ князей обратилъ свое вниманіе на то, чтобы усилиться на счетъ Новгорода. Слѣдовательно, стремленіе одного княжества усилиться на счетъ другого принадлежало не однимъ только Московскимъ князьямъ. Это стремленіе вызывалось потребностью времени, глубоко коренилось въ тогдашней жизни; почему и неудивительно, что Тверской князь устремился на Новгородъ — богатый въ матеріальномъ отношеніи, но слабый въ политическомъ. Попытки его однако не удались вслѣдствіе неразсчетливости. За Новгородцевъ вступился Василій, братъ Ярослава. Княженіе Ярослава замѣчательно тѣмъ, что въ Ордѣ распространилось магометанство. Послѣ Ярослава великимъ княземъ сдѣлался Василій Костромской (1271-1276). Какъ Ярославъ, такъ и Василій жили въ своихъ владѣніяхъ, хотя и были великими князьями, что мы видимъ и въ Московскихъ князьяхъ. Князья со времени татарскаго ига

стали цѣнить силу, не обращая вниманія на право и предпочитали жить въ своихъ княжествахъ и усиливать ихъ. Василій Костромской, защищавшій Новгородъ противъ Ярослава, сдѣлавшись великимъ княземъ, обнаружилъ попытку усилиться на счетъ Новгорода, но ему помѣшала смерть. Великокняжескій столъ переходитъ къ сыну Александра Невскаго — Димитрію, съ которымъ вступаетъ во враждебныя отношенія его братъ, сынъ Александра Невскаго — Андрей Городецкій. Всѣ остальные князья принимали сторону то одного князя, то другого. Димитрій, не имѣя средствъ, бѣжалъ за море, собралъ войско и выгналъ Андрея. Этотъ обратился за помощью къ хану, а Димитрій къ Нагайской ордѣ. Могущественная орда рано утратила свое значеніе. Андрей заставилъ Димитрія отказаться отъ великаго княженія и вскорѣ послѣ того Димитрій умеръ (1294 г.).

Княженіе Андрея также не было спокойно; онъ умеръ въ 1304 г. Въ это время усиливается княжество Московское.

Первымъ Московскимъ княземъ былъ Михаилъ; но собственно линія Московскихъ князей начинается съ Даніила Александровича (ум. 1303 г.). Онъ, послѣ смерти Ивана Димитріевича получилъ въ наслѣдство отъ него Переяславское княженіе. Послѣ Даніила княжилъ Юрій, при которомъ начинается борьба между Москвою и Тверью. Здѣсь великимъ княземъ былъ Михаилъ Ярославичъ, которому по старшинству принадлежало Владимірское княженіе. Но право старшинства въ это время уже не имѣло значенія, и Юрій Даніиловичъ, князь Московскій, сталъ добиваться великаго княженія Владимірскаго и началъ борьбу съ Михаиломъ. Однажды полки Юрія находились подъ начальствомъ Родіона Несторовича, знат-

наго выходца съ юга. Этотъ Родіонъ убилъ Акинфа, предводительствовавшаго полками Михаила, и голову его принесъ брату Юрія, Ивану Даніиловичу съ такими словами: „вотъ господинъ твоего измѣнника, а моего мѣстника голова". Это извѣстіе любопытно тѣмъ, что заключаетъ въ себѣ первое указаніе на мѣстничество; но нѣкоторые ученые сомнѣваются въ достовѣрности этого извѣстія.

Изъ событій, относящихся къ княженію Михаила Ярославича, замѣчателенъ духовный соборъ (1310), происходившій въ Переяславлѣ. На этомъ соборѣ рѣшался споръ между епископомъ Тверскимъ Андреемъ и митрополитомъ Петромъ по поводу принятія мѣръ для уничтоженія еретическихъ мнѣній. Петръ, котораго поддерживалъ Иванъ Даніиловичъ, одержалъ верхъ. Онъ перенесъ митрополію изъ Владиміра въ Москву. Вслѣдствіе этого обстоятельства Москва получаетъ значительное преимущество предъ другими городами. Союзъ съ духовною властію былъ весьма выгоденъ для Московскихъ князей. Митрополиты постоянно помогали возвышенію Москвы.

Въ 1313 году ханомъ сдѣлался Узбекъ. Князья отправились въ орду за ярлыкомъ. Михаилъ Ярославичъ опять получилъ право на великое княженіе. Юрій въ это время женился въ ордѣ на сестрѣ Узбека - Кончакѣ, въ крещеніи Агаѳіи, и воспользовался этимъ обстоятельствомъ. Онъ соединился съ новгородцами противъ Михаила. Между ними въ 40 верстахъ отъ Твери произошла битва. Юрій былъ разбитъ. Жена его Кончака попалась въ плѣнъ и умерла въ Твери. Тогда Юрій оклеветалъ Михаила предъ Узбекомъ въ отравленіи Кончаки. Михаилъ былъ вызванъ въ орду и здѣсь во время охоты по Кавказскимъ горамъ былъ зарѣзанъ. Сохранилось особое сказаніе о жизни и дѣятельности Михаила, проникнутое

глубокимъ сочувствіемъ къ нему.

Послѣ смерти Михаила великокняжескій столъ перешелъ къ Юрію, но не надолго; встрѣтившись въ ордѣ съ Димитріемъ, сыномъ Михаила, Юрій погибъ отъ руки последняго. Впрочемъ за такое самоуправство Димитрій былъ казненъ по повелѣнію Узбека.

Не смотря на такой поступокъ Димитрія великокняжескій столъ получилъ Александръ Михайловичъ, Тверской князь.

Юрію наслѣдовалъ братъ его Иванъ Даниловичъ Калита.

Въ 1328 г. пріѣхалъ въ Тверь Челканъ и Щелканъ. Онъ и свита его позволяли себѣ дѣлать притѣсненія жителямъ. Тверитяне подстрекаемые самимъ княземъ, подняли мятежъ, напали на посольскую свиту, зажгли домъ въ которомъ она оборонялась, и татары погибли въ пламени. Калита ловко воспользовался этимъ обстоятельствомъ и выставилъ Тверичей и ихъ князя, какъ бунтовщиковъ и противниковъ ханской волѣ. Ханъ далъ Калитѣ войско для наказанія мятежниковъ. Тверское княжество подверглось сильному опустошенію. Александръ бѣжалъ во Псковъ и Узбекъ далъ великое княженіе Іоанну Калитѣ (1328-1341). Митрополитъ Θеогностъ грозилъ Псковитянамъ отлученіемъ отъ церкви, если они будутъ держать у себя Александра. Угроза митрополита Θеогноста такъ подѣйствовала, что Александръ счелъ за лучшее удалиться и бѣжалъ въ Литву. Въ 1339 г. онъ вернулся изъ Литвы, княжилъ нѣсколько времени въ Твери, затѣмъ, вызванный въ орду, былъ казненъ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ „думою Калиты", какъ передаетъ лѣтописецъ.

Такимъ образомъ значеніе Москвы въ княженіе Калиты еще болѣе усилилось. Москва окончательно

взяла верхъ надъ Тверью. Съ этого времени великими князьями постоянно выбираются князья Московскіе и время княженія Іоанна Калиты имѣетъ важное значеніе. Разсчетливый и осторожный, онъ пользовался всѣми средствами къ достиженію своей цѣли - возвышенію Москвы на счетъ ея сосѣдей. Онъ всегда оказывалъ полную покорность Узбеку, часто ѣздилъ въ орду съ дарами, раболѣпно кланяясь хану; и власть хана послужила для Калиты оружіемъ къ тому, чтобы усилить свои средства и поддерживать свою власть. Получивъ право собирать дань съ удѣльныхъ князей, Калита воспользовался имъ для увеличенія своей собственной казны. Княжество свое онъ увеличилъ новыми пріобрѣтеніями, которыя совершилъ не силою оружія, а путемъ мирнымъ, преимущественно деньгами: онъ покупалъ у бѣдныхъ князей деревни, села и даже города. Такимъ образомъ, напримѣръ, онъ пріобрѣлъ Угличъ, Галичъ, Бѣлозерскъ.

Въ одной грамотѣ, относящейся къ позднѣйшему времени, Ивану Калитѣ приписывается титулъ князя всея Руси. Калита успокоилъ народъ свой, часто страдавшій въ прежнее время отъ продолжительныхъ смутъ.

Послѣ смерти Калиты княжилъ сынъ его, Симеонъ Гордый (1340-1353). Онъ 5 разъ ѣздилъ въ орду и во все время своего княженія сохранялъ лучшія отношенія съ татарами. Симеонъ гордо обращался съ удѣльными князьями, за что и получилъ прозваніе Гордаго. Передаютъ, что онъ, созвавъ прочихъ удѣльныхъ князей, напомнилъ имъ, что Русь только тогда была славна и сильна, когда подчинялась безпрекословно волѣ одного старшаго князя и что только безприкословнымъ подчиненіемъ ему, Симеону, они могутъ освободиться отъ татарскаго ига.

Преемникомъ Симеона былъ братъ его Іоаннъ II^ой^

(1353-1359). Это былъ кроткій и миролюбивый князь. Ему помогали въ управленіи старые бояре, въ особенности митрополитъ Алексѣй. Во время княженія Іоанна на Московской площади было найдено тѣло убитаго боярина Алексѣя Петровича Хвостова. Фактъ этотъ заслуживаетъ нашего вниманія. Съ того времени какъ князья перестали мѣнять свои удѣлы, дружина получила другое значеніе; живя постоянно при одномъ князѣ, она постепенно пріобрѣла разныя права и привиллегіи, могла даже внушить опасенія князю. Вотъ почему и значеніе Алексѣя Петровича могло внушить опасеніе и послужило причиною его гибели.

По смерти Іоанна II^го наступили смуты изъ за великаго княженія. Преемникомъ Іоанна былъ Димитрій Донской. Но онъ былъ малолѣтенъ и малолѣтствомъ его хотѣлъ воспользоваться кн. Суздальскій Димитрій Константиновичъ. Онъ уже занялъ Владиміръ. Тогда бояре посадили восьмилѣтняго князя на коня и двинулись ко Владиміру. Димитрій Константиновичъ не могъ противиться Московскимъ полкамъ, и внукъ Калиты получилъ великое княженіе (1362 г.). Въ это время раздѣлилась орда; явилось два хана: Абдулъ и Мюридъ, вслѣдствіе чего орда значительно ослабѣла.

Въ 1367 г. великій князь окружилъ Москву каменною стѣною. Эта мѣра оказалась весьма важною.

Въ 1368 г. Димитрій Ивановичъ поссорился съ Тверскими князьями. Поводомъ къ ссорѣ былъ вопросъ о выморочномъ удѣлѣ принадлежавшемъ Симеону Константиновичу-князю Кашинскому. Князья Кашинскіе постоянно враждовали съ князьями Тверскими, и эта вражда не мало способствовала возвышенію Москвы. Тверскіе князья обратились къ

Московскому князю, за рѣшеніемъ своего спора. Но когда они явились въ Москву (1368 г.), то великій кн. тверской былъ задержанъ вопреки всѣмъ правамъ. Однако тверской князь Михаилъ Александровичъ съ этого времени становится непримиримымъ врагомъ Москвы; завязывается ожесточенная борьба, продолжавшаяся до 1375 г. Эта вторая борьба между Москвою и Тверью существенно отличается отъ первой. Прежде тверскіе князья боролись за первенство. Но теперь объ этомъ не могло быть и рѣчи. Тверь старается теперь только о томъ, чтобы удержать свою самостоятельность; тверской князь уже не въ состояніи одинъ бороться съ московскимъ княземъ и ищетъ себѣ союзниковъ. Сначала дѣятельную помощь оказалъ ему князь Литовскій Ольгердъ. Онъ предпринималъ два похода на Москву въ 1368-1370 г., но эти походы мало принесли пользы тверскому князю. Ольгердъ не могъ взять Москвы и ограничился только опустошеніемъ ея области. Тогда тверской князь попытался найти помощь у татаръ. Онъ подарками заискалъ у хана расположеніе и даже пріобрѣлъ ярлыкъ на великое княженіе Владимірское. Но московскій князь, будучи въ состояніи дать больше подарковъ хану и приближеннымъ его, заставилъ Михаила отказаться отъ притязанія на старшинство.

Въ 1371 г. Московскій князь разбилъ рязанскаго князя Олега Ивановича.

Въ слѣдующемъ году Ольгердъ совершилъ новый походъ, но передовой постъ его былъ разбитъ и онъ долженъ былъ отступить. Въ 1375 г. Димитрій двинулся противъ Твери. Тверь, находясь въ критическомъ положеніи, принуждена была согла-

ситься на всякія условія. Договоръ съ тверскимъ княземъ очень важенъ: изъ него видно какую роль играла въ то время Москва. По этому договору князь тверской совершенно отказался отъ притязаній на великое княженіе, обязался считать себя младшимъ братомъ по отношенію къ Московскому князю. Обязанности младшаго брата по отношенію къ старшему были опредѣлены такъ: когда Московскій князь выступитъ въ походъ, то и тверской князь обязанъ ему помогать, вообще младшій князь долженъ слушаться старшаго. Михаилъ далъ такое обязательство за себя и за всѣхъ потомковъ своихъ. Съ своей стороны Московскій князь обязался не дѣлать большихъ присоединеній къ своему княжеству.

Раздѣленіе орды дало поводъ московскому князю относиться къ ней иначе. Въ 1378 г. татары сдѣлали нападеніе на Рязань. Московскій князь вышелъ на помощь и при р. Вожѣ совершенно разбилъ ихъ. Около этого времени въ ордѣ пріобрѣлъ власть Мамай. Онъ задумалъ предпринять опустошительный походъ на Россію. Узнавъ объ этомъ Димитрій Донской началъ готовиться къ войнѣ, имѣвшей значеніе войны религіозной, что видно изъ сказанія о Куликовской битвѣ. Тамъ говорится, что Мамай думалъ разорить церкви, посягнуть на самую религію христіанскую.

Великій князь принималъ на себя великую отвѣтственность, вступая въ открытую борьбу съ татарами. Онъ, при всемъ своемъ мужествѣ, не могъ оставаться спокойнымъ, потому что, въ случаѣ неудачи, всѣ ужасы татарскаго погрома не замедлятъ снова обрушиться на Россію.

Въ Москвѣ, въ день выступленія войскъ, былъ отслуженъ молебенъ; въ воротахъ Кремля войска были окроплены св. водою; Евдокія, супруга Димитрія, провожала войска, смущенная опасеніями за будущее. Никогда еще въ Москвѣ не собиралось столь значительное войско.

Войска направились въ Коломну, а князь Димитрій уѣхалъ въ Тр. Сергіеву пустынь, чтобы получить благословеніе отъ отшельника Сергія, снискавшаго себѣ славу между русскими своею подвижническою жизнью. Съ Сергіемъ великій князь долго бесѣдовалъ въ кельѣ; Сергій совѣтывалъ испытать мирныя средства; Димитрій отвѣчалъ, что онъ уже испыталъ всѣ средства, чтобы помириться съ Мамаемъ, но что Мамай еще пуще на него несется. Во время бесѣды Димитрій замѣтилъ въ монастырѣ двухъ иноковъ - Пересвѣта и Ослябя, (которые, нѣкогда, были богатырями, но, впослѣдствіи, обрекли себя на монашескіе подвиги), и обратился къ Сергію съ просьбою, чтобы тотъ отпустилъ съ нимъ двухъ иноковъ. Сергій согласился и благословилъ князя на войну съ татарами. Конечно благословеніе Сергія успокоило князя.

Изъ Коломны войска направились къ Рязани, гдѣ княжилъ Олегъ. Положеніе Олега, когда онъ узналъ, что война между Мамаемъ и Димитріемъ неизбѣжна, было чрезвычайно затруднительно. Онъ не могъ не раздѣлять всеобщаго убѣжденія, что татары одержатъ верхъ. Что же тогда будетъ съ рязанскимъ княжествомъ? Мамай заставитъ покориться московскаго князя, а Рязанское княжество первымъ подвергнется нападеніямъ Мамая и будетъ разорено. Поэтому Олегъ принялъ сторону Мамая. Несмотря на это,

войска двинулись къ верховьямъ Оки. Здѣсь произошло совѣщаніе и на совѣщаніи рѣшено было перейти рѣку и, такимъ образомъ, сдѣлать невозможнымъ отступленіе. Двигаясь дальше, за Окой они встрѣтились съ татарами на берегахъ рѣки Непрядвы 8го сентября 1380 г.

Въ ночь наканунѣ битвы какъ говоритъ сказаніе, Дмитрій Донской вмѣстѣ съ Дмитріемъ Боброкомъ, Волынцемъ, отличавшимся чародѣйствомъ, ѣздилъ въ поле недалеко отъ русскаго стана, и тамъ по просьбѣ Дмитрія, Боброкъ сталъ гадать. Боброкъ припадалъ ухомъ къ землѣ и не говорилъ о своихъ догадкахъ по причинамъ, которымъ онъ придавалъ значеніе. Дмитрій молилъ его, чтобы онъ сообщилъ ему о своихъ догадкахъ о судьбѣ битвы. Боброкъ былъ смущенъ, но наконецъ Дмитрій Донской узналъ о тайныхъ мысляхъ Волынца (Боброка). Волынецъ сказалъ, что ему слышится въ станѣ русскихъ плачъ дѣвицы, а въ татарскомъ — женщины, что онъ считалъ хорошимъ предзнаменованіемъ, не смотря на то, что битва будетъ кровопролитная. На слѣдующій день съ разсвѣтомъ князь началъ разставлять отряды войскъ, ободряя ихъ. Отрядъ Владиміра Андреевича, двоюроднаго брата своего, поставилъ въ засаду и въ руководители далъ ему Волынца. Затѣмъ въ лѣтописи передаются еще любопытныя подробности, именно, что Дмитрій переодѣвался: онъ одѣлся въ платье простаго воина, а воеводу Бренка одѣлъ въ свое одѣяніе и, такимъ образомъ осудилъ Бренка на вѣрную гибель. Конечно на него прежде всего обратятъ вниманіе татары и устремятъ всѣ свои силы туда, гдѣ находился князь; слѣдовательно Бренкъ находился въ опасности, и дѣйствительно былъ убитъ. Подробность любопытная, но мало разъясненная; при-

мѣры переодѣванія такого есть и въ Западной Европѣ, переодѣваніе по всей вѣроятности имѣло особое значеніе, но отсюда нельзя заключать, что Димитрій не отличался мужествомъ. Рядъ данныхъ свидѣтельствуетъ, что Димитрій былъ храбръ, принималъ дѣятельное участіе въ битвѣ и былъ даже ошеломленъ ударомъ въ голову. Сраженіе началось благопріятно для татаръ, которые сильно тѣснили русскихъ; поле битвы чуть было остаться за татарами, казалось, еще одно движеніе, и побѣда останется за ними. Между тѣмъ Владиміръ Андреевичъ, находившійся въ засадѣ нѣсколько разъ порывался броситься на помощь, но Волынецъ удерживалъ его, говоря: „еще не время"! Наконецъ, когда русскіе уже, по видимому, потеряли надежду на побѣду, Волынецъ далъ знакъ; и Владиміръ Андреевичъ со свѣжими силами ударилъ на татаръ, смялъ ихъ, преслѣдовалъ и одержалъ полную побѣду.

8-го сентября Владиміръ Андреевичъ велѣлъ собирать всѣхъ оставшихся послѣ сраженія; но между ними не было Димитрія, начали его искать и нашли его въ безпамятствѣ въ лѣсу. Событіе это имѣло важное значеніе въ судьбахъ Сѣверо-Восточной Россіи. Москва усиливалась еще съ Даніила Александровича и имѣла свои ближайшія цѣли. Усиленіе происходило подъ вліяніемъ частныхъ интересовъ вотчинныхъ, но мало по малу эти интересы должны были уступить интересамъ общимъ. Москва являлась во главѣ всей Русской земли и принимала на себя великій подвигъ освобожденія Русской земли отъ татаръ. Побѣда Донского имѣла важное значеніе для всей русской земли. Москва возвысилась послѣ этого событія своимъ нравственнымъ значеніемъ.

Современники придают этому событію важное значеніе; это видно изъ того, что сохранилось много списковъ этого сказанія и распространено во многихъ мѣстахъ. Жители многихъ мѣстъ хотѣли оставить память о себѣ и указать на то, что изъ такого то города было отправлено войско участвовало въ сраженіи.

Послѣ всѣхъ ужасовъ нашествія татаръ понятно значеніе этой побѣды и понятно, что значеніе Москвы должно было увеличится. Сочувствіе къ ней сильно возрастало. Кромѣ того Куликовская битва имѣетъ значеніе въ судьбахъ вообще Европейской исторіи. Она можетъ быть поставлена на ряду съ тѣми великими побоищами Европейцевъ съ Азіатами, которыя имѣли такое огромное значеніе для развитія Европейской цивилизаціи. Съ древнихъ временъ мы видимъ такія столкновенія Европы съ Азіей. Такъ, за долго до Рожд. Христова при Марафонѣ, послѣ Р. Хр. на поляхъ Каталаунскихъ, въ VIII в. при Пуатіе. Одинаковое значеніе съ этими битвами имѣетъ и Куликовская битва. На долю Восточной Европы выпала тяжелая задача принимать на себя удары Азіатскихъ варваровъ.

Куликовская битва ближайшихъ практическихъ послѣдствій не имѣла, а имѣла только нравственное значеніе для Москвы: она показала ея силу; Московскіе князья возвысились въ глазахъ современниковъ, доказавъ, что для нихъ возможно свержение ига татарскаго.

Вскорѣ въ 1381 г. явился Тохтамышъ-новый ханъ, двинулся на Москву и заставилъ платить дань. Отношенія между русскими и татарами остались тѣ же самыя, платили дань, но послѣ этого событія князья скорѣй уже могутъ рѣшиться на сопротивленіе, убѣдились, что сопротивленіе

возможно, укрѣпилась надежда на освобожденіе отъ татарскаго ига.

Послѣ Куликовской битвы враждебныя отношенія Дмитрія къ другимъ князьямъ не прекратились. Мы видѣли, что еще въ 1375 г. Дмитрій покончилъ съ Тверью. Въ 1371 г. былъ заключенъ договоръ съ Олегомъ Рязанскимъ, а вражда прекратилась, но послѣ Куликовской битвы опять возобновилась. Олегъ принялъ сторону татаръ. Дмитрій послалъ противъ Олега войско, которое однако потерпѣло пораженіе. Борьба утихла только благодаря Сергію, который уговорилъ Олега помириться съ Дмитріемъ. Этотъ фактъ указываетъ на значеніе, какое пріобрѣлъ Троицко-Сергіевскій монастырь въ глазахъ всѣхъ князей.

Затѣмъ въ исторіи Дмитрія Донскаго замѣчательны отношенія къ Новгороду. Въ началѣ XIV вѣка эти отношенія были дружественны. Съ Новгородомъ находились въ ссорѣ тверскіе князья, которые желали усилиться на счетъ Новгорода, Новгородъ уже находилъ себѣ поддержку у московскихъ князей, для которыхъ выгодно было ослабленіе Твери. Но когда Тверь сошла со сцены, тогда отношенія московскихъ князей къ Новгороду перемѣнились. Еще Іоаннъ Калита требовалъ отъ Новгорода подчиненія. Дмитрій Донской въ 1386 г. пошелъ на Новгородъ, подвергъ опустошенію его границы, взялъ откупъ въ 8000 руб. и заставилъ признать свои требованія. Въ 1389 году Дмитрій умеръ 39 лѣтъ. Ему наслѣдовалъ сынъ его Василій (1389-1425). Чрезъ годъ Василій пріобрѣлъ въ ордѣ ярлыкъ на княжество Нижегородское, лежавшее къ востоку отъ Москвы.

Въ Нижнемъ Новгородѣ былъ княземъ Борисъ Константиновичъ. Сохранился разсказъ, какъ Борисъ лишился своего города. Самый близкій вліятельный

боярин его Румянецъ былъ на сторонѣ московскаго князя. Румянецъ обѣщалъ впустить его въ городъ и исполнилъ свое обѣщаніе. Борису была объявлена воля хана и онъ оставилъ городъ. Вмѣстѣ съ ярлыкомъ на Нижній Новгородъ Василій получилъ города: Городецъ, Муромъ, Тарусу и Мещеру. Конечно не легко было Василію утвердиться въ Нижнемъ Новгородѣ. Семенъ и Василій племянники Бориса, въ концѣ XIV в., и Иванъ и Даніилъ Борисовичи въ началѣ XV в. пытались возвратить Нижній Новгородъ, и эта борьба окончилась только въ 1412 г.

Съ Тверью борьбы не было. Здѣсь продолжалъ княжить Михаилъ Александровичъ послѣ неудачнаго покушенія противъ Дмитрія Донскаго въ 1386 году. Остальные годы своей жизни (ум. 1390 г.) не проявлялъ уже притязаній на великое княженіе и не тревожилъ Москвы. Его преемникъ былъ сынъ Иванъ. Онъ думалъ только о безопасности своего княженія, заботился объ устройствѣ своего княжества и дѣйствовалъ за одно съ Московскимъ княземъ. Такъ Иванъ вмѣстѣ съ Василіемъ участвовалъ въ походѣ противъ Литовскаго князя Витовта. Василій заключилъ договоръ съ Витовтомъ, но не помѣстили въ грамоту договора имени тверскаго князя. Этимъ оскорбился Иванъ, который тоже считался великимъ княземъ въ своей области. Когда Эдигей раззорялъ Московскую землю, тверской князь, чувствуя себя оскорбленнымъ, не помогъ Василію и не соединился съ татарами противъ Москвы. Фактъ этотъ показываетъ, что и въ это время вѣра въ силу татаръ уже утратилась, на нихъ не обращали почти никакого вниманія. Лѣтописецъ высказывая мысль современниковъ, очень хвалитъ такой поступокъ Ивана: „сіе сотвори, дабы ни Эдигея разгнѣвати, ни вели-

кому князю погубити и обоимъ обоего избѣжа, премудро бо сіе сотвори."

Послѣ смерти Олега Ивановича Рязанскаго, въ Переяславлѣ сѣлъ сынъ его Θеодоръ (1402-1427). При немъ Муромъ уже покорился Москвѣ, а Пронскіе князья возобновили вражду съ Рязанью: князь Иванъ Владиміровичъ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ весь удѣлъ Пронскій и отложился отъ Рязани. Θеодоръ Ольговичъ сначала своего правленія заключилъ договоръ съ Москвою, по которому призналъ Василія старшимъ братомъ, обѣщалъ имѣть съ нимъ однихъ враговъ и извѣщать о дѣлахъ орды. Необходимость этого договора ясна уже изъ того, что только съ помощію Василія Θеодору удалось смирить Пронскаго князя (1408). Такъ отношенія Василія къ Рязани, какъ видно, свидѣтельствуютъ объ его могуществѣ: Рязанскій князь обязывается быть его союзникомъ и выигрываетъ побѣду въ борьбѣ съ врагами только благодаря Москвѣ.

При Василіи были еще столкновенія съ Новгородомъ, причиной которыхъ была Двинская область, которая имѣла большое значеніе не только для Новгорода, но и для всей Руси. Служа по своему географическому положенію связующимъ звѣномъ между русскимъ прибрежіемъ съ Европой и остальными русскими землями, она представляла торговый путь къ Бѣлому морю, которое, служа центромъ сѣверной русской торговли, славилось въ то же время и разными богатыми промыслами: тюленьими боями, ловлею бѣлугъ и проч. Василій хорошо понималъ такое значеніе Двинской области; поэтому у него явилось желаніе овладѣть ею. Двинскіе бояре, тяготясь, быть можетъ зависимостью отъ Новгорода, вошли въ сношенія съ Василіемъ. Въ 1397 г. онъ послалъ на Двину своихъ бояръ, ко-

торые и убѣдили Двинянъ отложиться. Въ тоже время захвачены были: Торжокъ, Волокъ, Вологда, Бѣжецкій верхъ. Новгородцы послали войска на Двину. Они-то и возвратили снова Двину. Въ 1401 г. по вызову Анфила, одного изъ дѣятелей прежняго возстанія, снова явились Московскія войска на Двинѣ, но были отбиты самими Двинскими боярами. Попытка повторилась въ 1417 г., но также неудачно.

Новгородцы во время борьбы съ Донскимъ положили на вѣчѣ въ 1384 г., чтобы духовенство новгородское имѣло самостоятельный судъ и рѣшало свои судебныя дѣла у Новгородскаго епископа независимо отъ московскаго митрополита. Но такое постановленіе новгородцевъ не могло быть одобрѣно въ Москвѣ. Великій князь понималъ, что духовная зависимость есть одно изъ подготовительныхъ средствъ къ зависимости политической. И вотъ въ 1391 г. въ Новгородъ отправился митрополитъ Кипріанъ и потребовалъ отъ Новгородцевъ уничтоженія постановленій о церковномъ судѣ, но они не согласились; отказали въ томъ и великому князю. Тогда Василій началъ войну и добился уничтоженія грамоты о церковномъ судѣ, кромѣ другихъ земельныхъ завоеваній.

Василій такимъ образомъ является ближайшимъ и ревностнымъ продолжателемъ московскихъ князей. Но всѣ эти событія по своему значенію уступаютъ событіямъ Литовскимъ. Въ это время самымъ главнымъ вопросомъ становится вопросъ объ отношеніи московскихъ князей къ литовскимъ.

События на востокѣ въ княженіе Василія Дмитріевича были благопріятны для Москвы. Въ это время въ Средней Азіи возвысился сынъ джагатайскаго князька Тамерланъ, который быстро расширилъ свои завоеванія, повторилъ времена Чингисъ-хана и оставилъ отъ себя въ зависимости Тахтамыша, нанесши

Литографія Гробовой.

ему пораженіе. Времена этого Тамерлана имѣли вліяніе на развитіе власти Османовъ; имъ онъ нанесъ пораженіе сильное и тѣмъ отсрочилъ завоеваніе Балканскаго полуострова. При неопредѣлившихся еще враждебныхъ отношеніяхъ Тамерлана къ Тохтамышу, Московское княжество могло быть спокойно, такъ Тамерланъ былъ не опасенъ; но когда эти отношенія опредѣлились, Тамерланъ задумалъ нашествіе на Москву и съ юга двинулся въ 1395 г. съ громаднымъ войскомъ. Съ ужасомъ ожидала Москва нашествія страшнаго врага. Великій князь приготовился къ сопротивленію и съ войскомъ дожидался непріятелей на лѣвомъ берегу Оки. Но опасенія князя Московскаго на этотъ разъ не исполнились. Тамерланъ, разграбивъ Рязанскую область и дошедши уже до Ельца, вернулся на югъ, какъ говорятъ, въ то самое время, когда въ Москву, для ободренія народа, была перенесена изъ Владиміра икона Влад. Б. Матери. Есть преданіе, что Тамерланъ видѣлъ страшный сонъ: ему приснились какія то молніеносныя силы, устремлявшіяся на него; испугавшись этого сна, онъ вернулся назадъ - въ степи.

Мирныя отношенія Тамерлана къ Тохтамышу продолжались не долго; Тохтамышъ захотѣлъ быть самостоятельнымъ и нашелъ себѣ союзника въ лицѣ Литовскаго князя. Послѣ Тамерлана Тахтомышъ враждовалъ съ Тимуромъ, причемъ его поддерживалъ Литовскій князь Витовтъ. На переговорахъ Витовтъ требовалъ, чтобы Тимуръ призналъ верховную власть Тохтамыша. Въ этомъ требованіи нельзя не видѣть слѣдовъ Куликовской битвы, которая потрясла могущество татаръ, поколебала вѣру въ ихъ

непобѣдимость: князь Литовскій такъ смѣло поступаетъ съ ханомъ столь грозной еще въ недавнее время золотой орды. Тимуръ сначала колебался но къ нему въ это время прибылъ мурза Эдигей и побудилъ его дать сраженіе. Битва произошла на берегахъ Ворсклы (1399 г.) и Витовтъ потерпѣлъ пораженіе. Это очень благопріятствовало московскому княженію. Могущество орды все слабѣло въ постоянныхъ войнахъ, а Москва дѣлалась крѣпче и крѣпче: теперь она не платитъ уже дани татарамъ и казна ея увеличивается. Эдигей, недовольный такимъ положеніемъ дѣлъ, двинулся на Москву. Тогда великій князь удалился въ Кострому собирать войско; изъ Москвы многіе разъѣжались. Эдигей хотѣлъ голодомъ заставить сдаться Москву, но получивъ извѣстіе, что какой то князекъ напалъ на его владѣнія, онъ снялъ осаду (1408 г.) съ Москвы, взявши, впрочемъ, выкупъ въ 3.000 руб. Москва выдержала осаду въ теченіи цѣлаго мѣсяца. Замѣчательно посланіе Эдигея къ великому князю, гдѣ онъ говоритъ, что князь забылъ свою обязанность, намѣкая этимъ на дань. Но и послѣ нашествія Эдигея великій князь былъ только разъ въ ордѣ въ 1412 г., когда узналъ, что ханъ далъ нижегородскимъ князьямъ ярлыкъ на ихъ отчину. Здѣсь онъ успѣлъ расположить хана въ свою пользу и дарами уничтожилъ этотъ ярлыкъ.

Еще болѣе замѣчательны были отношенія къ Литвѣ. Литовскіе князья были также собирателями земли русской на западѣ. Сначала Литовское племя было не сильнымъ, такъ какъ оно позже всѣхъ арійскихъ племенъ выступило на историческое поприще; но послѣ — при Гедиминѣ — Литовское княжество сдѣлалось могущественнымъ. При Ольгердѣ въ составъ княжества Литовскаго вошла вся

западная Русь. Слѣдующій затѣмъ князь Витовтъ былъ однимъ изъ замѣчательныхъ государей: онъ поощрялъ торговлю, промышленность, и въ его время Литовское могущество сдѣлалось опаснымъ для С.В.Руси; но къ счастію эта Русь тогда уже значительно объединилась около Москвы. Такъ какъ Витовтъ старался распространить свои владѣнія насчетъ С.В. Руси, то Василій Дмитріевичъ, Великій князь Московскій, зорко слѣдилъ за Литвой. Въ 1390 г. онъ онъ женился на дочери Витовта — Софіи; но бракъ этотъ не принесъ никакихъ политическихъ выгодъ. Въ 1395 г. Витовтъ успѣлъ утвердиться въ Смоленскѣ. Это событіе имѣло важное значеніе: Смоленскъ былъ оплотомъ Москвы съ запада, и его потеря грозила дальнѣйшимъ расширеніемъ предѣловъ Литовскихъ. И дѣйствительно, Витовтъ затѣмъ обнаруживалъ попытки утвердить свое вліяніе въ Новгородѣ и Псковѣ. Но къ счастію его отвлекала отъ С.-В. Руси орда. Не скоро Витовтъ могъ оправиться отъ пораженія при Ворсклѣ: это пораженіе (1399 г.) задержало его и дало возможность Смоленскому князю Юрію Святославичу опять возвратиться въ Смоленскъ, хотя и не надолго; такъ, онъ опять былъ выгнанъ Витовтомъ. Затѣмъ съ 1406–1410 г. начинается открытая вражда у Московскаго князя съ Витовтомъ изъ за Смоленска; кончилась она мирнымъ договоромъ, по которому границею между обоими княжествами была назначена р. Угра, дальше которой уже не заходили Литовскія владѣнія при Витовтѣ.

При Витовтѣ Литва соединилась съ Польшею; когда кончилась въ Польшѣ династія Пястовъ, то Литовскій князь Ягайло женился на дочери послѣдняго Польскаго короля — Ядвигѣ и сдѣлал-

ся королемъ польскимъ, а Витовтъ сдѣлался великимъ княземъ Литовскимъ. Соединенныя силы Польши и Литвы сдѣлались настолько значительны, что могли справиться съ сильнымъ Тевтонскимъ орденомъ.

Въ 1410 г. произошло знаменитое сраженіе при Гринвальдѣ, въ которомъ пали лучшія силы Тевтонскихъ рыцарей и орденъ потерялъ свое могущество, и съ этого времени не былъ уже опаснымъ врагомъ для Польши.

Вотъ важнѣйшія событія княженія Василія Дмитріевича. Онъ былъ князь дальновидный, сдержанный, искусно пользовался обстоятельствами и вообще отличался мудрою политикою. Это видно изъ того, что онъ начинаетъ принимать къ себѣ выходцевъ изъ Литвы, на что мы видимъ упреки въ лѣтописи. Очевидно, современники не могли понять Великаго князя, между тѣмъ его дѣйствія были очень разумны и разсчитаны: ласковый пріемъ Литовскихъ выходцевъ имѣлъ то значеніе, что знатные люди могли переходить изъ Литвы на службу въ Москву, не опасаясь нисколько какого нибудь ущерба для себя. Между тѣмъ Москва если выходцы были напр. князья, пользовалась первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы заявить свои притязанія на обладаніе городами ихъ бывшей вотчины.

Василій Васильевичъ Темный.

Василій Дмитріевичъ оставилъ одного малолѣтняго сына, Василія, подъ опекою матери его Софіи Витовтовны. До сихъ поръ не было усобицъ въ родѣ князей Московскихъ: мы видѣли, что двоюродный братъ Донскаго, Владиміръ Андреевичъ, безъ борьбы уступилъ старшинство племяннику Василію Дмитріевичу

; но этотъ братъ Донскаго былъ, вопервыхъ, братъ двоюродный; во вторыхъ не могъ занять старшаго стола по отчинѣ: отецъ его не былъ великимъ княземъ московскимъ и владимірскимъ; у Василія же Дмитріевича были родные братья, изъ которыхъ старшій по немъ былъ Юрій Дмитріевичъ звенигородскій и галицкій (Галича Костромского). Этотъ князь, считая себя по старинѣ полноправнымъ наслѣдникомъ старшинства отказался принять старшинство племянника Василія Васильевича, отказался принять новый порядокъ престолонаслѣдія отъ отца къ сыну. Не смотря на то молодой Василій началъ княжить въ Москвѣ; ибо у Юрія не было средствъ силою вытѣснить его оттуда. Чтобъ избѣжать войны и дядя и племянникъ согласились ѣхать въ орду и положиться на рѣшеніе хана; въ ордѣ, благодаря ловкости боярина Московскаго Ивана Дмитріевича Всеволожскаго, ханъ объявилъ, что великимъ княземъ долженъ быть Василій; но Юрій не хотѣлъ успокоиться на ханскомъ рѣшеніи, и, возвратясь домой, ждалъ только благопріятнаго для себя случая начать борьбу съ племянникомъ. Этотъ случай скоро представился.

Василій Васильевичъ будучи въ ордѣ, далъ обѣщаніе боярину своему Всеволожскому жениться на его дочери; но пріѣхавъ въ Москву, мать великаго князя Софія Витовтовна, никакъ не согласилась на этотъ бракъ и настояла, чтобы сынъ обручался на княжнѣ Марьѣ Ярославнѣ, внукѣ Владиміра Андреевича. Тогда разсерженной бояринъ Иванъ Дмитріевичъ отъѣхалъ изъ Москвы къ князю Юрію и началъ поднимать его на племянника; въ то же время сыновья Юрія, пріѣхавшіе на свадьбу къ великому князю были оскорблены Софіею Витов-

товную, и это послужило предлогомъ къ войнѣ. Василій Васильевичъ, праздновавшій свою свадьбу, вовсе не былъ готовъ къ войнѣ, выступилъ противъ дяди съ наскоро собранными, нестройными толпами, былъ разбитъ на голову и взятъ въ плѣнъ. Юрій вступилъ въ Москву и сѣлъ на столъ великокняжескомъ, племяннику же Василію отдалъ въ удѣлъ Коломну, по совѣту любимца своего боярина Морозова; но какъ скоро Василій пріѣхалъ въ этотъ городъ, то началъ призывать къ себѣ отовсюду людей и отовсюду начали стекаться къ нему князья, бояре, дворяне, потомучто говоритъ лѣтописецъ, не привыкли они служить галицкимъ князьямъ; дружина такъ уже привыкла теперь къ преемству престола отъ отца къ сыну, что старшій въ родѣ, дядя, считался какимъ то чужимъ княземъ, служить которому было унизительно, тогда какъ молодой сынъ покойнаго великаго князя уже считался прирожденнымъ великимъ княземъ. Увидавши, что около Василія въ Коломнѣ собралось большое войско, съ которымъ не сладить, сыновья Юрія, Василій Косой и Димитрій Шемяка, въ припадкѣ досады и злости убили боярина Морозова за то, что присовѣтовалъ отцу ихъ, возвратить Василію Васильевичу и дать удѣлъ. Убѣгая отцовскаго гнѣва убійцы уѣхали изъ Москвы; тогда Юрій, видя себя оставленнымъ всѣми, послалъ къ племяннику звать его обратно на великое княженіе, а самъ уѣхалъ въ Галичъ, сопровождаемый только пятью человѣками. Онъ заключилъ съ Василіемъ Васильевичемъ договоръ, въ которомъ обязался не принимать къ себѣ сыновей Косаго и Шемяку и призналъ племянника старшимъ братомъ. Понадѣявшись на обѣщанія дяди, Василій отправилъ войско противъ Косаго и Шемяки, но тѣ разбили Москвичей; узнавши, что

Юрій не сдержалъ обѣщанія, что полки его помогали Косому и Шемякѣ, великій князь опять началъ войну съ дядею, которая опять кончилась для него несчастливо: онъ принужденъ былъ бѣжать изъ Москвы и собирался уже въ орду, какъ вдругъ узналъ о скоропостижной смерти Юрія и о томъ, что сынъ послѣдняго - Василій Косой - занялъ престолъ Московскій - по новому обычаю, потому что по старинѣ старшинство въ родѣ, по смерти Юрія, принадлежало Василію Васильевичу, какъ сыну старшаго брата. Но Косой, оставленный даже и родными братьями, Шемякою и Димитріемъ Краснымъ, ~~и~~ не могъ удержаться въ Москвѣ. Лишенный и великаго княженія и удѣла своего - Звенигорода, Косой не переставалъ однако-же воевать съ Василіемъ Васильевичемъ, опустошая его области, наконецъ былъ разбитъ, взятъ въ плѣнъ и ослѣпленъ. Во время этой усобицы умерли и три остальные сына Донскаго, дядья Васильевы; двое изъ нихъ умерли бездѣтны, а третій, Андрей оставилъ двоихъ сыновей: Ивана, князя Можайскаго, и Михаила, князя верейскаго. Борьба великаго князя съ двоюродными братьями возобновилась по поводу дѣлъ татарскихъ. Въ 1437 г. ханъ Улу-Махметъ, изгнанной изъ золотой орды братомъ своимъ, засѣлъ въ опустѣлой отъ русскихъ набѣговъ Казани, поставивъ себѣ городъ на новомъ мѣстѣ и въ 1439 г. явился нечаянно подъ Москвою. Великій князь не успѣлъ собраться съ силами и уѣхалъ за Волгу, ханъ стоялъ 10 дней подъ Москвою, взять её не могъ, но надѣлалъ много зла русской землѣ. Въ 1445 г. татары Улу-Махметовы опять появились на русскихъ границахъ, и великій князь вышелъ противъ нихъ съ небольшимъ войскомъ, всего тысячи съ полуторы, потому что полки другихъ князей

не успѣли собраться; подлѣ Суздаля сошлись русскіе съ татарами и потерпѣли сильное пораженіе, самъ великій князь попался въ плѣнъ былъ отведенъ въ Казань. Татары не пошли дальше и ханъ отправилъ посла къ Шемякѣ, который принялъ его съ большою честію и отправилъ съ нимъ вмѣстѣ въ Казань своего посла уговаривать Улу-Махмета, чтобъ не отпускалъ Василія на великое княженіе. Но такъ какъ послы эти долго не пріѣзжали въ Казань, то ханъ, думая, что посолъ его убитъ Шемякою, вошелъ въ переговоры съ своимъ плѣнникомъ и согласился отпустить его въ Москву за извѣстную сумму денегъ; кромѣ того съ Василіемъ выѣхало много татаръ, которыхъ онъ принялъ въ свою службу. Пріѣздъ этихъ непріятныхъ гостей и тяжелыя подати, наложенныя для того, чтобы собрать обѣщанныя хану деньги, возбудили неудовольствіе, которымъ спѣшилъ воспользоваться Шемяка; онъ началъ сноситься съ великимъ княземъ тверскимъ, Борисомъ, и княземъ можайскимъ, Иваномъ Андреевичемъ, сообщилъ имъ слухъ, который носился тогда объ условіяхъ Василія съ ханомъ Махметомъ: именно шла молва, будто великій князь обѣщалъ отдать хану все московское княжество, а бралъ самъ себѣ Тверь. Князья Тверской и Можайскій повѣрили и согласились дѣйствовать заодно съ Шемякою, въ пользу котораго составился въ Москвѣ заговоръ. Въ 1446 году заговорщики дали знать союзнымъ князьямъ, что Василій поѣхалъ на богомолье въ Троицкій монастырь. Шемяка и можайскій князь ночью 12 февраля овладѣли въ расплохъ Москвою, схватили мать и жену великаго князя, казну его разграбили, вѣрныхъ бояръ перехватали, и въ ту же ночь князь можайскій отправился къ Троицѣ

съ большою толпою вооруженныхъ людей, схватилъ тамъ Василія, вовсе неожидавшаго бѣды, и привезъ его въ Москву; здѣсь его ослѣпили, сказавши ему такія вины: «Зачѣмъ привелъ татаръ на русскую землю и города съ волостями отдалъ имъ въ кормленіе? Татаръ и языкъ ихъ любишь сверхъ мѣры, а христіанъ томишь безъ милости; золото, серебро и всякое имѣніе отдаешь татарамъ; наконецъ, зачѣмъ ослѣпилъ князя Василія Юрьевича?» Шемяка отослалъ слѣпаго (Тёмнаго) Василія въ Угличъ и провозгласилъ себя великимъ княземъ, но не могъ удержаться въ Москвѣ съ своими малочисленными приверженцами; большинство было за Василія. Приверженцы его и убѣжавшіе въ Литву (какъ то: князь Василій Ярославичъ серпуховскій, братъ жены Василіевой, князь Оболенскій, Басенокъ) и оставшіеся въ Московскихъ областяхъ какъ-то князья Ряполовскіе и многія дѣти боярскія явно дѣйствовали въ его пользу; Шемяка особенно по настоянію епископа Іоны, назначеннаго въ митрополиты рѣшился освободить Василія и далъ ему въ удѣлъ Вологду, взявши клятву не искать великаго княженія. Но приверженцы Василія ждали только его освобожденія и толпами кинулись къ нему; игуменъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря разрѣшилъ его отъ клятвы, данной Шемякѣ и Василій съ своими приверженцами отправился къ Твери, которой князь Борисъ Александровичъ обѣщалъ ему помощь съ условіемъ, чтобы онъ обручилъ своего старшаго сына и наслѣдника Ивана на его дочери Марьѣ: жениху тогда было только семь лѣтъ; Василій согласился и съ тверскими полками пошелъ на Шемяку къ Москвѣ, а съ другой стороны шли туда же изъ Литвы князь Василій Ярославичъ Серпуховскій

съ товарищами своего изгнанія. Шемяка вмѣстѣ съ княземъ Иваномъ Можайскимъ выступилъ противъ Василія, но въ его отсутствіе Москва также легко и внезапно была захвачена приверженцами послѣдняго, какъ прежде приверженцами Шемяки, который узнавши о потери столицы, не бившись съ Василіемъ, убѣжалъ въ Карегполь и заключилъ миръ съ Василіемъ въ 1447 г., отказавшись отъ великаго княженія и отъ нѣкоторыхъ своихъ волостей.

Но миръ не былъ продолжителенъ; вездѣ въ великомъ Новгородѣ и Казани, между князьями удѣльными и въ стѣнахъ самой Москвы Шемяка заводилъ крамолы, хотѣлъ возбудить нерасположеніе къ Василію. Тотъ отдалъ свое дѣло на судъ духовенству, которое отправило къ Шемякѣ грозное посланіе. Посланіе это замѣчательно тѣмъ, что въ немъ духовенство вооружилось прямо противъ стараго порядка престолонаслѣдія; укоряя отца Шемякина, князя Юрія за то что онъ не по праву искалъ великаго княженія подъ племянникомъ, духовенство грозило проклятіемъ Шемякѣ, если онъ не будетъ исполнять условія договора, заключеннаго имъ съ великимъ княземъ. Шемяка не послушался увѣщаній духовенства и нѣсколько разъ возобновлялъ войну; лишенный своего удѣла, Галича Костромскаго, онъ скрылся въ Новгородѣ великомъ и продолжалъ оттуда нападать на земли великокняжескія; наконецъ въ 1453 году онъ умеръ въ Новгородѣ отъ отравы, присланной изъ Москвы. Сынъ Шемяки Иванъ ушелъ въ Литву, гдѣ дали ему волость. Но кромѣ Шемяки въ Московскомъ княжествѣ оставались еще другіе удѣльные князья, отъ которыхъ Василій хотѣлъ избавиться: онъ началъ съ союзника Шемякина, князя Ивана Можайскаго, который не послушался митрополита, два раза звавшаго на помощь

къ великому князю противъ татаръ; можайскій князь не могъ бороться съ московскимъ, убѣжалъ въ Литву и удѣлъ его присоединенъ къ Москвѣ. Потомъ великій кн. за какую то неизвѣстную крамолу велѣлъ схватить въ Москвѣ и заточить брата жены своей, серпуховскаго князя Василія Ярославича, котораго удѣлъ также былъ присоединенъ къ Москвѣ. Такимъ образомъ изъ всѣхъ удѣловъ московскаго княжества остался только одинъ- Верейскій, гдѣ княжилъ Михаилъ Андреевичъ, ведши себя такъ спокойно, что не могъ возбудить никакого опасенія со стороны великаго князя. Такъ кончилась усобица между князьями московскими, потомками Калиты. Вмѣсто того, чтобы раздробить, ослабить это княжество, отнять у него пріобрѣтенія прежнихъ князей, она кончилась тѣмъ, что Василій Васильевичъ, вовсе не превосходившій своихъ предшественниковъ личными достоинствами, и къ тому еще слѣпой, впослѣдствіи уничтожилъ удѣлы, (кромѣ однаго) въ Московскомъ княжествѣ и удержалъ пріобрѣтенія отцовскія и дѣдовскія: такъ новый порядокъ вещей уже былъ крѣпокъ въ Московскомъ княжествѣ; такъ отвыкли здѣсь повиноваться удѣльнымъ князьямъ мимо сына великаго князя.

Но въ то время какъ въ московскомъ княжествѣ происходила эта усобица между правнуками Калиты, усобица первая и послѣдняя, въ это время что же дѣлали великіе князья, давніе соперники Московскихъ, князь рязанскій и тверской? Отчего они не воспользовались усобицею и не постарались усилиться насчетъ Москвы? Они были такъ слабы, что имъ не приходило и на мысль подобное предпріятіе, имъ оставалось на выборъ-подчиниться Московскимъ или литовскимъ великимъ князьямъ, смотря потому, которые изъ нихъ возьмутъ верхъ. Когда усиленіе Московскаго княжества бы-

ло пріостановлено усобицею между потомками Калиты, рязанскій князь почелъ нужнымъ примкнуть къ Литвѣ и заключилъ съ Витовтомъ договоръ, въ которомъ отдался ему на службу; князья Пронскій, Новосильскій, Одоевскій и Воротынскій сдѣлали то же самое. Такимъ образомъ, чего съ одной стороны не успѣвали сдѣлать князья московскіе, то съ другой оканчивали литовскіе, отнимая независимость и у князей Восточной Руси, заставляя ихъ вступать къ себѣ на службу. Но когда Витовтъ умеръ и Литва ослабѣла отъ междоусобій, тогда тотъ же рязанскій князь Иванъ Федоровичъ примкнулъ къ Москвѣ и умирая отдалъ маленькаго сына на руки великому князю Василію: послѣдній перевезъ малютку вмѣстѣ съ сестрою къ себѣ въ Москву, а въ Рязань и другіе города княжества послалъ своихъ намѣстниковъ. И тверской великій князь также сначала колебался между союзомъ московскимъ и литовскимъ, но подъ конецъ предпочелъ союзъ съ Василіемъ Темнымъ.

Но если во время усобицъ московскихъ Рязань и Тверь колебались между Москвою и Литвою, то Новгородъ великій хотѣлъ быть самостоятельнымъ; Новгородцы слѣдовали правилу признавать побѣдителя своимъ княземъ; а между тѣмъ давать у себя убѣжище и побѣжденному; но это разумѣется не нравилось побѣдителю. Мы видѣли, что они держали Шемяку до самой его смерти, не смотря на увѣщанія митрополита Іоны не сообщаться съ отлученнымъ отъ церкви княземъ. Новгородцы должны были ждать мести отъ Василія и дѣйствительно въ 1456 году великій князь выступилъ противъ Новгорода и воеводы его, князь Стрига-Оболенскій и Федоръ Басенокъ разбили Новгородцевъ, которые принуждены были купить миръ за 10000 рублей

Но на этотъ разъ великій князь не довольствовался одними деньгами и заставилъ Новгородцевъ отказаться отъ права раздавать грамоты на вѣчѣ безъ участія великаго князя или его намѣстниковъ; заставилъ ихъ принять свою великокняжескую печать и присягнуть, что не будутъ принимать никого изъ враждебныхъ ему князей. Во Псковѣ власть московскаго князя утвердилась еще болѣе. Литва не мѣшала Василію утверждать свою власть въ Рязани, Новгородѣ и Псковѣ. Страшный Витовтъ умеръ въ 1430 году; великимъ княземъ въ Литвѣ провозглашенъ былъ родной братъ Ягайловъ, Свидригайло Ольгердовичъ, который хотѣлъ непремѣнно возвратить Литвѣ независимость отъ Польши; началась усобица между братьями; Поляки выставили Свидригайлу соперника въ братѣ Витовта, Сигизмундѣ Кейстутовичѣ, который согласился признать свою зависимость отъ короны польской. Вслѣдствіе этого произошло раздѣленіе: Литва стала за Сигизмунда, русскія области остались вѣрны Свидригайлу и усобица между ними не прекращалась. Ягайло умеръ въ 1434 году и поляки выбрали себѣ въ короли сына его Владислава III^го^, который послѣ получилъ и престолъ венгерскій. Въ Литвѣ жестокій и безнравственный Сигизмундъ былъ убитъ вслѣдствіе заговора, и поляки прислали на его мѣсто молодаго Казиміра Ягайловича, брата короля Владислава въ качествѣ намѣстника польскаго, но Литовцы провозгласили его великимъ княземъ. Въ 1444 г. Владиславъ, король польскій и венгерскій палъ въ битвѣ съ турками при Варнѣ, и это событіе повело опять къ соединенію Литвы съ Польшею, ибо поляки выбрали Казиміра себѣ въ короли. Затруднительно было положеніе этого короля между стремленіями поляковъ присоединить къ себѣ нѣкоторыя литовскія обла-

сти, Волынь, Подолію, и между стремленіями литовцевъ удержать въ цѣлости свои владѣнія и свою независимость отъ Польши; иногда дѣло доходило до явнаго разрыва и большихъ усилій стоило Казиміру отвратить кровопролитіе, а съ другой стороны дѣла нѣмецкаго ордена отвлекали его вниманіе на западъ. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ Литва не могла воспользоваться Московскими усобицами, помѣшать Василію Темному собрать московскіе удѣлы и усилить свою власть въ сосѣднихъ княжествахъ. Въ последнее время своей жизни Василій думалъ нанести окончательный ударъ Новгороду великому, только архіепископъ новгородскій Іона, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ, успѣлъ удержать его отъ похода, уговаривая обратить все свое вниманіе на Татаръ, враговъ христіанства, которые дѣйствительно не переставали нападать на русскія области. Въ 1462 г. умеръ Василій Васильевичъ, оставивъ престолъ великокняжескій старшему сыну Іоанну, котораго еще при жизни своей объявилъ великимъ княземъ и соправителемъ: всѣ грамоты писались отъ имени двоихъ великихъ князей. Димитрій Донской первый рѣшился благословить старшаго сына великимъ княженіемъ Владимірскимъ, потому что не боялся ему соперниковъ ни изъ Твери, ни изъ Нижняго. Василій Димитріевичъ не рѣшился благословить сына своего, утвердительно Владиміромъ, зная опритязаніяхъ брата своего Юрія. Василій Темный не только благословляетъ старшаго сына своего отчиною, великимъ княженіемъ, но считаетъ область великаго княжества Владимірскаго неразрывно соединенною съ Московскимъ княжествомъ, вслѣдствіе чего Владиміръ и другіе города его области смѣшиваетъ съ городами московскими. Кромѣ Іоанна у Васи-

лія осталось еще четверо сыновей: Юрій, Андрей Большой, Борисъ и Андрей Меньшой, которымъ всѣмъ онъ далъ удѣлы; но старшій Іоаннъ получилъ городовъ гораздо больше, чѣмъ всѣ остальные братья вмѣстѣ, не говоря уже о значеніи городовъ и волостей областей. Такимъ образомъ старшему даны были всѣ средства держать младшихъ подъ своею рукою.

Церковныя Дѣла.

По смерти Фотія усобицы великаго князя Московскаго Василія Васильевича съ дядею и потомъ съ двоюродными братьями долго мѣшали назначенію новаго митрополита; наконецъ былъ избранъ рязанскій епископъ Іона; но когда онъ пріѣхалъ въ Константинополь для поставленія, то нашелъ, что тамъ уже посвященъ былъ для Россіи митрополитъ Исидоръ грекъ. Исидоръ, пріѣхавши въ Москву, сталъ собираться на соборъ, созванный въ Италіи, для соединенія церквей восточной и западной. Самое уже мѣсто собора въ странѣ не православной возбудило подозрѣніе въ Москвѣ. Великому князю Василію Васильевичу не хотѣлось, чтобъ Исидоръ ѣхалъ въ Италію; когда же онъ не могъ отклонить митрополита отъ этого путешествія, то сказалъ ему: „Смотри же, принеси къ намъ древнее благочестіе, какое мы приняли отъ Св. Владиміра, а новаго, чужаго не приноси, мы не примемъ". Исидоръ обѣщалъ крѣпко стоять въ православіи, но не исполнилъ своего слова, на соборѣ Флорентійскомъ подписалъ соединеніе съ западною церковью и возвратился въ Москву въ званіи Папскаго легата, велѣлъ на литургіи поминать папу вмѣсто патріарховъ восточныхъ, а послѣ литургіи читать народу грамоту о соединеніи церквей, о принятіи римскаго ученія на счетъ происхожденія Св. Духа и другія новизны. Тогда великій князь ве-

лѣлъ посадить его подъ стражу, а самъ созвалъ духовенство и велѣлъ ему разсмотрѣть дѣло; духовенство рѣшило, что Исидоръ поступаетъ несогласно съ Божественными правилами и преданіями, а между тѣмъ онъ успѣлъ бѣжать изъ заключенія.

Послѣ сверженія Исидорова Іона рязанскій былъ поставленъ въ митрополиты соборомъ русскихъ епископовъ, впрочемъ, великій кн. далъ знать греческому императору, что русская церковь этимъ нисколько не разрываетъ тѣсной связи своей съ греческою церковью и всегда будетъ сохранять православіе.

Съ этихъ поръ митрополиты у насъ постоянно избирались изъ русскихъ архіереевъ и не посылались на посвященіе въ Константинополь къ патріарху. При митрополитѣ Іонѣ произошло окончательное отдѣленіе юго-западной русской церкви отъ сѣверо-восточной; съ этихъ поръ были постоянно два особые митрополита: одинъ въ Москвѣ, другой въ Кіевѣ.

Хронологическая таблица.

Время первыхъ русскихъ князей.

855–889. Св. Кириллъ и Меѳодій.
862. Основаніе Русскаго государства
862–879. Рюрикъ.
879–912. Олегъ
911 Договоръ Олега съ греками.
912–945. Игорь.
945–957. Ольга
957. Крещеніе св. Ольги.

Литографія Гробовой. Петер. Стор. Больш. пр. д. № 23.

957-972. Святославъ.
967. Походъ Святослава на дунайскихъ болгаръ.
972-980. Вражда сыновей Святослава.
980-1015 Владимиръ
988. Крещеніе св. Владиміра и Руси.
1015-1019. Вражда сыновей св. Владиміра.
1019-1054. Ярославъ Мудрый.
1051. Монастырь Печерскій (возникъ)

Время удѣльное.

1054-1078. Изяславъ I.
1056. Остромірово Евангеліе.
род. 1056. ум. 1113 Несторъ.
1078-1093. Всеволодъ I.
1097 Съѣздъ князей въ Любечѣ.
1100. Съѣздъ въ Витичевѣ.
1113-1125. Владиміръ Мономахъ.
1125-1132. Мстиславъ I.
1139-1146. Всеволодъ Олеговичъ.
1146-1154. Изяславъ II. Мстиславичъ. Борьба его съ Юріемъ Долгорукимъ.
1154-1157. Юрій Долгорукій.
1169. Взятіе Кіева Андреемъ Боголюбскимъ.
1157-1174. Андрей Боголюбскій.
1152-1187. Ярославъ Осмомыслъ Галицкій.
1170-1205. Романъ Волынскій.
1176-1212. Всеволодъ III. Большое гнѣздо.
1174. Возникновеніе Хлынова или Вятки.
1184. Походъ Игоря Сѣверскаго на половцевъ.
1179-1218. Мстиславы Храбрый и Удалой въ Новгородѣ.
1198. Переходъ Галиціи къ Роману.
1219-1237. Юрій Всеволодовичъ.
1158. Появленіе бременцевъ въ устьѣ Западной Двины.

1200. Основаніе Риги.
1202. Основаніе ордена Меченосцевъ.

Монгольское иго.

1170-1227. Темучинъ или Чингизъ-Ханъ.
1224. Сраженіе при Калкѣ.
1237. Нашествіе Батыя
1238. Сраженіе при Сити.
1239. Взятіе татарами Чернигова и Переяславля.
1240. Взятіе Кіева, городовъ Волынскихъ и Галицкихъ
1241. Движеніе татаръ къ западной Европѣ. Сраженіе при Лигницѣ.
1255. Смерть Батыя.
1313-1340. Царствованіе Узбека.
1237-1246. Ярославъ Всеволодовичъ.
1240. — Побѣда при Невѣ.
1242. Ледовое побоище.
1252-1263. Александръ Невскій на великомъ княженіи.
1276-1304. Борьба сыновей Александра Невскаго.
1266-1299. Князь Довмонтъ (Тимофей) во Псковѣ.
1268. Раковорская битва.
1221-1264. Даніилъ Романовичъ Галицкій
1420 Переходъ Волыни къ Литвѣ.
1330. Переходъ Галиціи къ Польшѣ.
1396. Св. Стефанъ Пермскій.
1375 Ересь стригольниковъ въ Новгородѣ.
1337-1427 Преподобный Кириллъ, основ. Бѣлозерскаго монастыря.
1429-1478. Возникновеніе Соловецкой обители Преподоб. Савватій и Зосима.

Великое княжество Литовское.

+1263. Миндовгъ.
1315-1340. Гедиминъ.
1321. Сраженіе при Ирпени.
1345-1377. Ольгердъ.

1377-1434. Ягелло.
1386. Обращеніе Литвы въ католичество.
1392-1430. Витовтъ.
1399 Сраженіе при рѣкѣ Ворсклѣ.
1410. Битва при Танненбергѣ.
1413. Сеймъ въ Городлѣ.
1415. Избраніе Григорія Цамблака въ западнорусс. митроп.
1430-1440. Сигизмундъ Кейстутьевичъ.
1440-1492. Казиміръ (IV) Ягеллоновичъ.
1492-1506. Александръ (I) Казиміровичъ.
1506-1548. Сигизмундъ I.

Великое княжество Московское.

1147. Первое извѣстіе о городѣ Москвѣ.
†1303 Даніилъ Александровичъ.
†1325. Юрій Даніиловичъ.
1304-1328. Первая борьба между Тверью и Москвою.
1328-1340. Іоаннъ I Калита.
1299. Митрополитъ Максимъ переноситъ митрополію изъ Кіева во Владиміръ.
1326. Св. Митрополитъ Петръ умираетъ въ Москвѣ, гдѣ остаются при его преемникѣ митр. Ѳеогностѣ.
1340-1353. Симеонъ Гордый
1353-1359. Іоаннъ II.
1359-1363. Димитрій Константиновичъ.
1363-1389. Димитрій Іоанновичъ Донской.
1368-1375. Борьба съ Тверью и Ольгердомъ.
1378. Битва при Вожѣ.
1380. Куликовская битва.
1382. Нашествіе Тохтамыша.
1386. Вѣчный миръ съ Олегомъ Ивановичемъ Рязанскимъ.
1389-1425. Василій Димитріевичъ.
1395. Нашествіе Тамерлана.

1408. Нашествіе Эдигея.
1425-1462. Василій II Темный
1433-1450. Война Василія II съ Юріемъ Галицкимъ и его сыновьями.
1441. Дѣло митрополита Исид.ора.
1440. Основаніе царства Казанскаго.

<u>Новгородъ.</u>

1386. Походъ Димитрія Донскаго къ Новгороду.
1348. Признаніе Новгородомъ самостоятельности Пскова.
1387. Война новгородцевъ въ Заволоцкой земли.
1456. Война Василія II съ Новгородомъ.
1462-1505. Іоаннъ III.
1471. Шелонская битва.
1472. Бракъ съ Софьею Палеологъ.
1478. Покореніе Новгорода.
1480. Низверженіе Татарскаго ига.
1485. Присоединеніе Твери.
1497. Изданіе судебника.
1500. Сраженіе при Дорогобужѣ.
1502. Разрушеніе Кипчакскаго царства Менгли-Гиреемъ.
1503. Присоединеніе Сѣверской области. Перемиріе съ Александромъ Литовскимъ.
1504. Соборъ противъ жидовской ереси.
1505-1533. Василій III.
1510. Присоединеніе Пскова.
1521. Присоединеніе Рязанской области.
1523. Присоединеніе Новгорода-Сѣверскаго.
1507-1522. Война съ Литвою.
1514. Взятіе Смоленска.
1521 Нашествіе на Москву крымскаго хана Магметъ Гирея.
1526. Бракъ съ Еленою Глинской.
1533-1584. Іоаннъ IV Грозный.

1533-1538. Правленіе Елены.
1538-1547. Правленіе бояръ
1547 Принятіе царскаго титула. Бракъ съ Анастасіей Романовной.
1550. Изданіе судебника.
1551. Стоглавый соборъ.
1552. Взятіе Казани
1554. Взятіе Астрахани
1553. Торговля съ Англичанами
1558-1582. Ливонская битва.
1559. Походъ Даніила Адашева на Крымъ.
1560-1584. Перемѣна въ Іоаннѣ IV. Время казней.
1570. Разгромъ Новгорода
1571. Нашествіе на Москву Крымскаго хана.
1582 Покореніе Сибири. Ермакъ.
156[illegible]. Первая типографія въ Москвѣ.
1584-1598. Феодоръ Іоанновичъ.
1589. Учрежденіе патріаршества.
1591. Убіеніе царевича Димитрія.
1595. Миръ со Шведами
1597. Прикрѣпленіе крестьянъ.
1598-1613. Смутное время.
1598-1605. Царствованіе Бориса Годунова.
1604. Вступленіе самозванца въ предѣлы государства.
1606. Низверженіе и убіеніе самозванца.
1606-1610. Царствованіе Василія Шуйскаго.
1608. Тушинскій самозванецъ.
1610-1613. Междуцарствіе.
1611 Движеніе въ Нижнемъ Новгородѣ. Козьма Мининъ
1613. Избраніе Михаила Феодоровича Романова на царство.

Западная Русь.

1530. Литовскій статутъ (1-й)
1569 Люблинская унія.
1587-1632. Сигизмундъ III король польскій.
1596. Брестскій соборъ.
1632-1647 Петръ Могила митрополитъ Кіевскій.
1593-1638. Наливайко, Тарасъ, Павлюкъ, Остраница. Казацкія возстанія.
1614-1645. Михаилъ Θеодоровичъ.
1614. Взятіе Заруцкаго.
1616. Смерть Лисовскаго.
1617. Столбовскій миръ.
1618. Перемиріе въ Деулинѣ.
1619-1633. Патріаршество Филарета.
1634. Миръ на рѣкѣ Поляновкѣ.
1642 Земская дума по взятію Азова.
1645-1676. Алексѣй Михайловичъ.
1648. Мятежъ въ Москвѣ.
1648. Возстаніе Богдана Хмельницкаго.
1649. Соборное уложеніе.
1652-1666. Патріаршество Никона.
1653. Земская дума въ Москвѣ по малороссійскому дѣлу.
1654 Исправленіе церковныхъ книгъ.
1655 Мѣдная монета.
1656. Перемиріе со Польшей.
1661. Миръ въ Кардисѣ.
1659. Сраженіе подъ Конотопомъ.
1667 Перемиріе въ Андрусовѣ.
1667-1671. Разинъ.
1676 Усмиреніе мятежа въ Соловецкомъ монастырѣ.
1676-1682. Θеодоръ Алексѣевичъ.
1681 Перемиріе въ Бахчисараѣ.
1682. Уничтоженіе мѣстничества

1682-1725. Царствованіе Петра Великаго.
1682. Стрѣлецкій бунтъ.
1682-1689. Правленіе царевны Софіи.
1686 Вѣчный миръ.
1687 Первый крымскій походъ Голицына.
1689. Второй крымскій походъ.
1689. Низверженіе Софьи.
1696. Смерть Іоанна Алексѣевича.
1695-1697. Азовскіе походы.
1697. Поѣздка за границу.
1698. Стрѣлецкій бунтъ. Возвращеніе Петра.
1699. Смерть Лефорта.
1700-1721. Великая сѣверная война.
1700. Пораженіе подъ Нарвою.
1703. Основаніе Петербурга.
1706. Возмущеніе въ Астрахани.
1708. Возмущеніе на Дону.
1708. Сраженіе при Лѣсной. Измѣна Мазепы.
1709. Полтавская битва.
1710. Завоеваніе прибалтійскихъ городовъ.
1711. Прутскій походъ.
1714 Сраженіе при Гангутѣ.
1717. Поѣздка Петра Великаго во Францію.
1721. Ништадскій миръ.
1723. Договоръ съ персидскимъ шахомъ.
1711 Учрежденіе Сената.
1712. Бракъ Петра Великого съ Екатериною I.
1718. Смерть царевича Алексѣя.
1719. Первая ревизія.
1720. Учрежденіе городскихъ магистратовъ.
1721. Учрежденіе Св. Синода.
1721. Указъ о наслѣдникѣ престола.
1722. Табель о рангахъ.
1725-1727. Екатерина I.

1726. Открытіе Академіи наукъ.
1727-1730. Петръ II.
1727. Паденіе Меншикова.
1730-1740. Анна Іоанновна.
1736-1739. Турецкая война. Походы Миниха и Ласс
1739. Миръ въ Бѣлградѣ.
1740-1741. Іоаннъ VI.
1741-1761. Елизавета Петровна.
1743. Миръ въ Або.
1757-1761. Участіе въ семилѣтней войнѣ.
1755. Основаніе Московскаго Университета.
1756. Основаніе театра.
1757. Открытіе Академіи художествъ.
1761-1762. Петръ III.
1762-1796. Екатерина II.
1764. Отобраніе церковныхъ имуществъ.
1764. Уничтоженіе гетманскаго достоинства въ Малороссіи.
1767. Коммиссія для составленія новаго Уложенія. Наказъ.
1775. Учрежденіе о губерніяхъ.
1780. Вооруженный нейтралитетъ.
1782. Коммиссія для учрежденія народныхъ училищ
1785. Городовое положеніе.
1785. Единовѣрческая церковь.
1785. Жалованная грамота дворянству.
1786. Государственный банкъ.
1768-1774. Первая турецкая война.
1770. Побѣды: при Ларгѣ, Кагулѣ, Чесмѣ.
1771. Чума въ Москвѣ.
1774. Миръ въ Кучукъ-Кайнарджи.
1772-1775. Пугачевъ.
1783. Присоединеніе Крыма.
1787-1791. Вторая турецкая война.

1791. Миръ въ Яссахъ.
1790. Миръ въ Верельской долинѣ.
1768. Барская конфедерація
1773. Первый раздѣлъ Польши
1793. Второй раздѣлъ Польши.
1795. Третій раздѣлъ.
1796-1801. Павелъ I.
1797. Указъ объ Императорской фамиліи
1797. Указъ о крестьянахъ.
1799. Основаніе Дерптского Университета.
1799. Итальянскій походъ Суворова.
1801. Присоединеніе Грузіи.
1801-1825. Александръ I.
1808-1809. Война со Шведами.
1809. Фридрихсгамскій миръ.
1806-1912. Война турецкая
1804-1813. Война персидская.
1805. Сраженіе при Аустерлицѣ.
1805. Сраженіе при Фридландѣ.
1807. Тильзитскій миръ.
1808. Свиданіе въ Эрфуртѣ.
1812. Нашествіе Наполеона въ Россію.
1813-1814. Заграничная война съ Франціей
1815. Вѣнскій конгрессъ. Присоединеніе царства Польскаго.
1802. Учрежденіе министерствъ.
1803. Указъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ.
1806-1812. Дѣятельность Сперанского.
1825-1855. Николай I.
1838. Изданіе сводовъ законовъ.
1839. Возсоединеніе уніатовъ.
1826-1828. Война персидская.
1827. Наваринская битва.
1828-1829. Турецкая война

1829. Адріанопольскій миръ.
1830-1831. Польское возстаніе.
1849. Венгерскій походъ.
1853-1856. Крымская война.
1856. Парижскій миръ.
1859. Покореніе Кавказа.
1857-1860. Занятіе и заселеніе Приамурскаго края (Айгунскій и Пекинскій договоры.
1863. Польское возстаніе
1864-1868. Занятіе Туркестанской области.
1871 Лондонскій трактатъ (отмѣна статей Парижск. тр. о Черномъ морѣ)
1871. Взятіе Кульджи.
1873. Хивинскій походъ.
1877-1878. Восточная война.
1878 Санстефанскій миръ и Берлинскій трактатъ.
1861. (19 Февраля) Освобожденіе крестьянъ.
1863. Отмѣна тѣлесныхъ наказаній.
1864. Устройство земскихъ учрежденій
1866. Открытіе новыхъ судебныхъ учрежденій (Уст. 1864 г.)
1871-1872. Учебныя преобразованія.
1874. Всеобщая воинская повинность.

